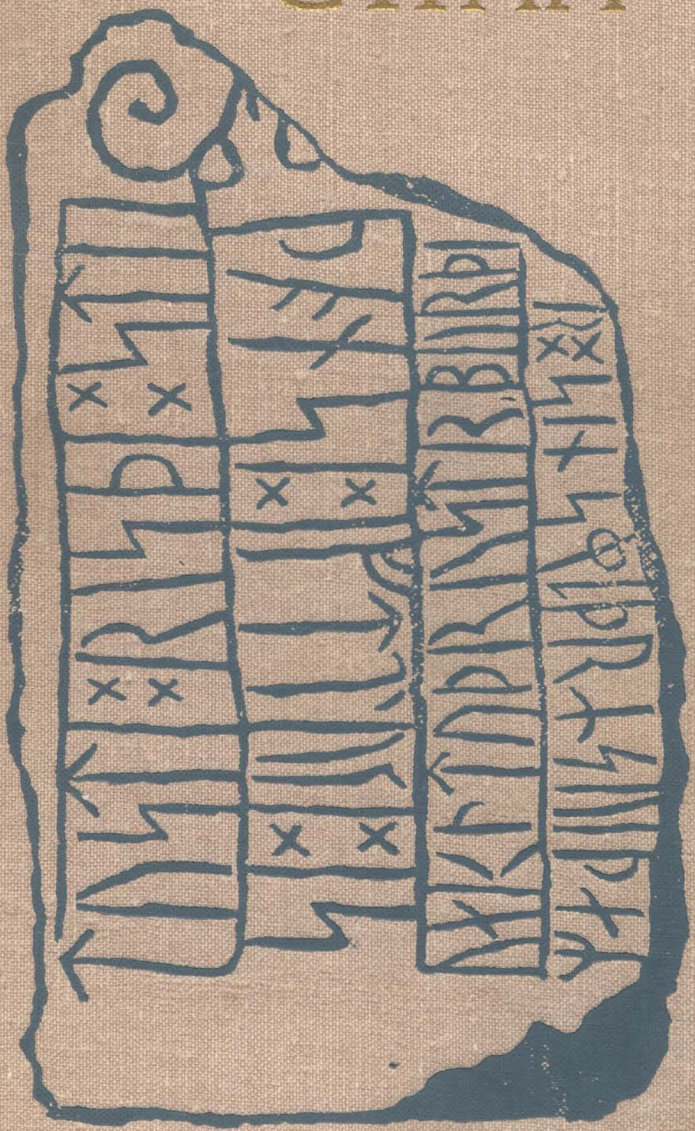
А.С. КАН ИСТОРИЯ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

ИСТОРИЯ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

А. С. КАН

ИСТОРИЯ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

(ДАНИЯ, НОРВЕГИЯ, ШВЕЦИЯ)

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших
учебных заведений, обучающихся
по специальности «История»

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1980

ББК 63.3(И)
К19

Scan By Vitautas & Kali

Рецензент:

кафедра всеобщей истории Тартуского государственного университета

Кан А. С.

К19 История скандинавских стран: Учеб. пособие.— 2-е изд., исправл. и доп.— М.: Высш. школа, 1980.— 311 с., ил.

В пер.: 1 р.

В пособии рассматривается история скандинавских стран с древнейших времен до конца 70-х годов XX в. В нем освещены основные проблемы и общий ход исторического развития Швеции, Дании и Норвегии на основании большого фактического материала на датском, норвежском и шведском языках. Преимущественное внимание уделяется событиям новейшего времени.

К $\frac{10605—221}{001(01)—80}$ 5—80 0506000000 ББК 63.3(И)
9(М)

© Издательство «Высшая школа», 1980

Предисловие

Второе издание предлагаемой книги, как и первое (1971), предназначено студентам-историкам, специализирующимся по истории стран Северной Европы. Книга посвящена истории собственно скандинавских стран — Швеции, Норвегии и Дании. История Финляндии и Исландии рассматривается лишь в связи с историей вышеназванных стран. Книга состоит из трех частей: древность и средневековье, новая, новейшая история. При этом завершающей, третьей, части уделено больше места, чем первой и второй. В ней особенно подробно излагается материал второго периода новейшей истории.

Наиболее важные сведения по истории духовной культуры изучаемых народов включены в соответствующие части книги. Вне поля зрения автора осталась, однако, современная культура Скандинавии.

Пособие написано на основе литературы на скандинавских языках, а также отечественной литературы. По ряду вопросов — с привлечением оригинальных источников.

При подготовке второго издания учтены критические замечания и пожелания рецензентов, а также опыт издания книги на венгерском и немецком языках. Последняя, XX глава, написана заново.

Введение

Скандинавские народы имеют между собой много общего. Прежде всего это их принадлежность к одной, а именно скандинавской ветви германских языков. Шведы и норвежцы, норвежцы и датчане легко понимают друг друга. Преобладающий в современной Норвегии букмол[1] особенно близок датскому, от которого он и происходит. Современный исландский, правда, сильно разнится от остальных скандинавских языков (кроме фарерского), но зато весьма близок древнескандинавскому — общему предку всех этих языков.

Принадлежа к атланто-балтийской «малой расе», скандинавы близки друг к другу и антропологически, однако не больше, чем остальные народы, проживающие в бассейнах Балтики и Северного моря. Куда более важным обстоятельством является культурная близость всех народов Скандинавии. Так, например, исландская «Старшая Эдда» представляет собой эпический литературный памятник, родной для всех этих народов. Норвежские писатели и ученые в XVI—XIX вв. пользовались датским литературным языком. С начала нашей эры скандинавы исповедовали одни и те же верования — от древнегерманского язычества до протестантизма лютеранского толка.

Тесно переплелось и общественно-политическое развитие скандинавских народов. Исландия в IX—X вв. была заселена норвежцами. Южная оконечность нынешней Швеции до XVII в. составляла неотъемлемую часть Дании, а некоторые из западношведских областей — часть средневековой Норвегии. Исландией с XIII в. правили норвежские короли, а с XIV в. и до второй мировой войны — датские. Та же судьба с XIV в. постигла Норвегию, которая была подвластна Дании до 1814 г., а затем входила в вынужденную унию

[1] В современной Норвегии равными правами пользуются букмол (норвежско-датский язык) и новонорвежский, искусственно воссозданный из местных диалектов.

со Швецией до 1905 г. На тесную взаимную близость этих стран обращал внимание В. И. Ленин[1].

Наряду с закономерностями всемирного или общеевропейского масштаба историческому развитию скандинавских народов свойственны местные, региональные особенности (но, разумеется, не какая-то исключительность). К ним относятся: сравнительное постоянство основного состава населения со времен неолита, крайне долгое — до XI—XIII вв. н. э. — сохранение дофеодальных (варварских) пережитков, заокеанские и трансконтинентальные экспедиции викингов (норманнов) в раннее средневековье; феодализация, как правило, без утраты крестьянством личной свободы; сословные собрания позднего средневековья (риксдаги) с участием крестьянских выборных; внешний рынок как главный фактор возникновения капиталистической промышленности; переход классового господства и государственной власти от дворян к буржуазии без крупных народных революций путем верхушечных буржуазных революций и реформ; длительный — особенно с середины XIX в. — внешнеполитический нейтралитет (частичный обрыв этой традиции со времени второй мировой войны); ускоренные темпы капиталистической индустриализации второй половины XIX — первой половины XX в.; раннее возникновение крестьянских партий; высокая организованность рабочего движения при одновременном преобладании в нем реформизма. Сближение общественно-политических порядков северных стран особенно усилилось в новейшее время, точнее, после второй мировой войны. Это устойчивые буржуазные демократии, имеющие множество одинаковых законов и обычаев. Граждане каждой страны свободно передвигаются и проживают, на равных правах трудоустраиваются и обеспечиваются социальными пособиями в пределах всех скандинавских стран и Финляндии. Тесные хозяйственные связи друг с другом, сходные системы политических партий, многолетнее преобладание среди этих партий социал-демократов также сближают между собой Швецию, Норвегию и Данию (в меньшей степени также Финляндию и Исландию). Эта близость скандинавских стран и народов используется различными социальными силами для решения часто противоположных общественных задач. Так, прогрессивные силы скандинавских стран связывают северное сотрудничество с укреплением мира и самостоятельности стран региона. В то же время реакционные круги в Скандинавии и за ее пределами нередко прикрывают своекорыстные империалистические цели лозунгами и теориями «северного единства», скандинавизма, нордизма.

Скандинавские страны объединяет, наконец, их географическое положение на северо-западе Европы, между Балтийским морем, с одной стороны, и Атлантическим и Ледовитым океанами — с другой. Природно-географические условия Скандинавии необходимо обрисовать несколько подробнее. Условия эти, конечно, не определяют ее историческое развитие, но они играют важную роль в ка-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 69, 290—291.

честве фона, внешних рамок, исходных предпосылок всего общественного развития на протяжении веков.

Скандинавские страны составляют в совокупности весьма значительную часть Западной Европы. Одна только Швеция по площади почти вдвое превосходит Великобританию. Сухопутные границы Норвегии тянутся более чем на 2,5 тыс. км. Во времена политического объединения скандинавских стран, особенно в XV и XIX вв., они принадлежали к числу наиболее крупных государств Европы. Однако между площадью и населением Скандинавии существует обратная зависимость: маленькая Дания обладает самой высокой плотностью населения, а в средние века в Дании и абсолютно было больше всего жителей. В Северной Скандинавии население крайне редко и поныне.

Несмотря на сравнительно низкую для Западной Европы населенность Скандинавии, следует иметь в виду, что среди северных районов земного шара это один из наиболее освоенных. Ведь значительная часть Скандинавского полуострова лежит за Полярным кругом. Да и рельеф, поверхность большей части Скандинавского полуострова и Исландии (но не Дании!) мало благоприятны для жизни людей, особенно людей древности и средневековья. Большую часть Скандинавского полуострова занимает Скандинавское нагорье, вытянутое с севера на юг. Высшая его часть с массивами около 2,5 тыс. м расположена в Юго-Западной Норвегии. На запад, к Атлантике, это нагорье обрывается круто, на восток, к Балтике, сходит полого. Вершины нагорий Скандинавии — это плоские поверхности — фьельды.

Рельеф Скандинавии сложился прежде всего в ходе оледенений — троекратных в течение четвертичного периода. Отсюда обилие озер, болот, мелководных рек с порогами и водопадами, моренных гряд, глубоких заливов-фьордов на Западном побережье Скандинавии и шхер — бухт с массой мелких островов — у Восточного и Южного побережий. Современные ледники Скандинавского нагорья занимают большую площадь. Исландия представляет плато с ледниками, вулканами и горячими источниками, бьющими из-под земли, — гейзерами. Равнинный характер носят: 1) целиком Дания как часть Северо-Германской низменности; 2) Средняя Швеция в районе крупных шведских озер; 3) крайний юг Швеции (Сконе); 4) Юго-Восточная Норвегия — район Осло. В этих равнинных областях издавна и сосредоточивалась подавляющая часть населения Скандинавии.

О скандинавских странах, лежащих на широте Лабрадора, Аляски, Гренландии и Чукотки, можно сказать, что это наиболее теплые из северных стран. Воды Гольфстрима в направлении с юго-запада на северо-восток омывают Норвежское побережье, оказывая сильное влияние также на климат Исландии, в меньшей степени — Швеции. Случается, что к норвежским берегам прибивает лес с тропических Антильских островов.

Море у берегов Исландии и Норвегии не замерзает. Зундский пролив замерзает лишь в особенно холодные зимы. Ботнический же

залив Балтийского моря замерзает целиком. Средняя температура января в Северной Норвегии — от 0 до —4°, а в Южной и Центральной Швеции — от +1 до —3°. Зато лето здесь повсюду нежаркое. Климат морской в Норвегии, Дании, Исландии и умеренно континентальный на большей части Швеции. На востоке Скандинавии зимой холоднее, а летом жарче, чем на западе. За Северным Полярным кругом долгие зимние месяцы тянется ночь, а летом — день. Температура сильно разнится также в зависимости от высоты над уровнем моря: чем ниже, тем теплее.

Крупных судоходных рек нет. Крупнейшие озера расположены в Швеции: Венерн, Веттерн, Ельмарен, Меларен. Крупнейшие острова — из них состоит основная часть Дании — следующие: Зеландия, Фюн, Лолланн, Фальстер, Лангеланн, Борнхольм. Швеции принадлежат острова Готланд и Эланд в Балтийском море. У Северного побережья Норвегии три группы островов: Лофотенские, Вестеролен и Свальбард (Шпицберген). Дании принадлежат Фарерские острова, а также остров Гренландия.

Растительность Скандинавии меняется с севера на юг и сверху вниз. На севере, а также в высокогорных районах — тундра. Ниже и южнее — леса́, сначала хвойные, потом смешанные, на крайнем юге лиственные (бук). Лесов особенно много в Швеции, где они занимают больше половины территории. В Дании, напротив, ле́са почти не сохранилось, но в средние века еще были широко распространены лиственные леса.

Все сказанное дает возможность представить себе и общие экономические возможности Скандинавии. Климат подходящ для земледелия, но хорошие плодородные почвы преобладают только в Дании, в Швеции их относительно меньше, в Норвегии же и Исландии — ничтожно мало. Пастбища лежат высоко в горах, но все же для скотоводства здесь имеются благоприятные условия. Горные недра, порожистые быстрые реки, лесные массивы открывают для промышленности широчайшие возможности, которые, однако, реализовались в полной мере лишь в нашем столетии. Огромную роль издавна играет море, особенно обильное рыбой у берегов Норвегии. Море также служит важным средством сообщения: вдоль Норвегии можно плыть из фьорда в фьорд, не выезжая в открытый океан. Вся Дания соединяется между собой водой: проливами Каттегат, Большой и Малый Бельт. Ютландский полуостров от Швеции отделен проливом Каттегат, от Норвегии — проливом Скагеррак. Из заливов особенно важны Осло-фьорд в Норвегии, Ботнический между Северной Швецией и Финляндией, Лим-фьорд в материковой части Дании. Минимальное расстояние между Швецией и Данией составляет всего 4 км Зундского пролива. От Норвегии же до Исландии 1000 км.

Часть I

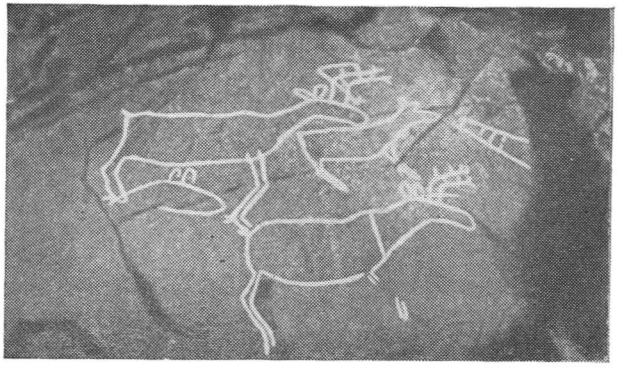
Древность и средневековье

Глава I

Первобытная и раннеклассовая Скандинавия (IX тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э.)

Тысячелетия камня и бронзы. Первые люди — охотники, собиратели, рыболовы — пришли в Скандинавию главным образом позже последнего из четвертичных оледенений, не ранее чем за девять тысячелетий до н. э. Следы межледникового, еще более древнего человека на Севере незначительны. Наиболее известные послеледниковые культуры Скандинавии — Маглемосе и Эртебёлле (знаменитые «кухонные кучи») в Дании и на юге Скандинавского полуострова, Ко́мса и Фо́сна на Атлантическом побережье Норвегии, Сандарна в Юго-Западной Швеции. Все это приморские или приречные культуры среднего каменного века — мезолита. Грубо оббитые каменные орудия скандинавов уже включали кремневый топор. Эти люди уже широко применяли костяные изделия, знали лук и стрелы, лодку-однодеревку, впервые приручили собаку. Носители самой поздней из этих культур (V—III тысячелетие до н. э.) антропологически были уже сродни современным обитателям Южной Скандинавии, что свидетельствует о малых расовых изменениях. Вместе с тем Северная Скандинавия параллельно заселялась с востока охотниками — выходцами из Азии, что облегчалось сравнительно мягким («литориновым») климатом.

Важнейшим рубежом в истории скандинавских народов явился переход их к земледелию и скотоводству (ок. 3000 лет до н. э). От этой уже неолитической культуры в южной части Скандинавии сохранилось множество археологических следов самого разного характера, включая погребения и керамику. Распространение новых занятий, возможно, связано с приходом новых племен, также европеоидного типа. Оно позволило впервые удалиться от моря и начать освоение внутренних районов. В Дании и Южной Швеции, богатых кремнем и янтарем, развитой неолит достиг наибольшего расцвета. Его особенно заметным признаком, распространенным, впрочем, и далеко за пределами Скандинавии, были надгробия из крупных камней — мегалиты, дольмены. Само возведение этих со-

Наскальное изображение. Эвенхус, Северная Норвегия

оружений предполагало коллективные усилия и, следовательно, крепкие родовые связи первобытных земледельцев.

Культурой иных, одиночных погребений обозначается новая (в науке нередко оспариваемая) волна миграций в Скандинавию, около 2000 лет до н. э., из Центральной и Восточной Европы. Культура эта известна также боевыми (еще кремневыми, но уже шлифованными) топорами овальной формы, несущими следы влияния бронзовых образцов. Новая культура «боевых топоров» (иначе, ладьевидных топоров) глубоко проникла не только в Данию, но и в нынешнюю Среднюю Швецию и в Южную Норвегию. Носители ее были скотоводами по преимуществу, а по своей языковой принадлежности, возможно, индоевропейцами. Они постепенно ассимилировали местное население. Обитатели Северной и заполярной Скандинавии продолжали жить охотой, рыбной ловлей и пользовались более примитивными орудиями из местного шифера и кварца (арктический неолит). В целом же эпоха неолита и для Скандинавии считается порой расцвета первобытнообщинного строя.

Однако и Южная Скандинавия сильно отставала от остальной, континентальной части Европы. Век бронзы начался здесь лишь в середине II тысячелетия до н. э. Орудия из привозной бронзы и меди (скандинавы выменивали их за кремень) стали достоянием лишь верхушки общества, вероятно уже патриархально-родового, и не вытеснили камень. Это время начавшегося разложения первобытнообщинных отношений принесло с собой много нового: торгово-культурные связи скандинавов с Британскими островами, придунайскими областями и даже Средиземноморьем, рало вместо мотыги, золотые украшения, наконец, замечательные наскальные рельефы с изображениями условного характера. От многочисленных уже курганных погребений этой поры до нас дошли предметы одежды и туалета.

Железный век в Скандинавии. Около 500—400 лет до н. э. бронза уступила место железу. Несмотря на этот огромный поступатель-

ный сдвиг, ранний железный век в Скандинавии скуднее позднебронзового. Стало холоднее и влажнее (установился современный субатлантический климат), связи с античным миром ослабли ввиду распространения кельтских племен в Западной Европе. Освоение местных запасов железной руды — на днѐ озер и болот — потребовало времени. Разложение первобытнообщинных отношений, имущественное и классовое расслоение замедлились. В эти последние века до нашей эры племена Дании и южной части Скандинавского полуострова уже известны как германские по языку. То были скорее всего потомки слившихся друг с другом людей «больших погребений» и «боевых топоров». В Северной Скандинавии и Центральной Финляндии кочевали племена саамов (лопарей), а в Южной Финляндии поселились еще до н. э. пришельцы с Поволжья — финны: те и другие принадлежали к финно-угорской языковой группе.

Более суровые условия существования вынудили часть северогерманских племен уйти во II в. до н. э. из древнедатских земель в пределы современной Восточной Германии и Польши. На рубеже нашей эры древние скандинавы вступили в оживленные торговые и культурные связи с северными провинциями Римской империи: именно поэтому I—IV века н. э. в истории Скандинавии именуются римским железным веком. Круг вещественных источников теперь расширился, а появление письменных источников — свидетельств античных авторов Питея, Плиния Старшего, Тацита, Птолемея о Скандинавии и населявших ее германских племенах ведет нас от первобытных времен уже к древним. В I—II вв. н. э. мы впервые узнаем племенные названия жителей Севера — это свионы, гауты, финны — и само географическое понятие Скандинавии.

Протекая в более суровых природно-климатических условиях и в сравнительном удалении от Римской империи, процесс разложения первобытнообщинного строя у древних скандинавов первых веков новой эры шел медленнее, чем у южногерманских племен. Раскопки жилищ говорят о существовании поселков родственных групп (родов или скорее паронимий), состоявших из патриархальных больших семей, живущих одним двором. За семьями были так или иначе закреплены пахотные участки, близлежащие луга; пастбища, леса, водоемы использовались жителями поселения или соседями-соплеменниками сообща. Производственный процесс носил еще в значительной мере коллективный характер. Главным занятием было скотоводство в сочетании с земледелием. Последнее главенствовало на плодородных равнинных землях по обе стороны балтийских проливов и в приморской части Средней Швеции. Скотоводство было как стойловым, так и отгонно-пастбищным; наряду с пашенным (главное орудие — еще деревянное рало) распространено было и подсечно-огневое земледелие. По-прежнему важное значение имели промыслы: охота, рыбо- и звероловство. Выделились некоторые профессии — кузнецы, рудокопы, гончары.

У нескольких соседских поселений были свои вожди из более знатного рода, особые места для народных собраний, каменные городища для защиты от врагов. Кровнородственные связи были

еще довольно прочными, хотя встречались уже и безродные люди, и домашние рабы. Появление примитивного буквенного письма — рун — одно из свидетельств распада первобытного общества. Оно возникло скорее всего в Южной Скандинавии (совр. Дания), теснее связанной с германскими провинциями Рима. Основой алфавита служило латинское капитальное письмо. Рунические надписи вырезались чаще всего на дереве, но до нас дошли преимущественно высеченные на камне и металле. Ранние надписи датируются III веком н. э. Это различного рода сообщения, магические заклинания, счетные таблицы.

Развитие внутренней колонизации, морской торговли. Скандинавский регион остался на периферии «великого переселения народов» IV—VI вв. Мнение средневековых авторов, будто Скандинавия служила исходным пунктом варварских переселений, «лоном народов», давно оставлено наукой. Бесспорно, однако, созвучие целого ряда географических названий в Скандинавии, начиная с острова Готланд, и германских племен — готов, вандалов, бургундов. С материковой части нынешней Дании переселились на Британские острова англы и юты. В Западную Норвегию прибыли из-за моря хорды и руги. Прослеживаются культурное родство и взаимные связи готов из Швеции, с острова Готланд, Польши и Причерноморья.

Данные раскопок в сочетании с топонимикой указывают на заметный рост населения и расширение лесных расчисток — внутреннюю колонизацию Скандинавии как раз во времена «великого переселения народов». Появился колесный плуг с отвалом для вспашки тяжелых почв, разительны успехи металлургии и художественных ремесел, с нею связанных. (После второй мировой войны археологами были открыты торгово-ремесленные поселения на острове Хельгё, озере Меларен, к западу от Стокгольма.) О накоплении богатств свидетельствуют клады римских монет; об углублении имущественной и социальной розни — крупнейшие курганы и погребения в ладьях; увеличение числа каменных городищ — об усилении военно-дружинной знати. Если с падением Римской империи временно ослабли североморские торговые связи и началось оскудение Западной Норвегии, то теперь развивались связи с народами Южной и Восточной Балтики — отсюда возвышение Средней Швеции. С VIII в. скандинавы сооружали уже парусные многовесельные корабли по 20 и более метров в длину, маневренные и грузоподъемные, с острым внешним килем и искусно сшитыми из гибких планок бортами. В VIII в. появилось и множество приморских поселков, специализирующихся на обслуживании торговли, ближней и дальней.

Не позже VI в. в Скандинавии возникли и первые княжества: названия их известны уже готскому историку Иордану. Англосаксонское сказание о Беовульфе (нач. VIII в.) и позднейшие исландские стихотворные памятники сообщают о межплеменных войнах свеев и гаутов (ёты в Западной Швеции или юты в Дании?), о «королевствах» рода Инглингов в Средней Швеции и в Норвегии,

Скьолдунгов в Дании. Растущее число рунических надписей свидетельствует как о культурном росте, так и об этническом размежевании — происходит деление единого языка на восточную и западную ветви.

До X в. язычество прочно владело умами скандинавов. Главным божеством их древнего пантеона был воинственный Один — отец рода богов, считавшийся носителем высшей мудрости, колдовства. Ближе к людям был бог Тор — могучий и простодушный громовержец, борец с великанами, защитник слабых. Бог Фрейр и его сестра Фрейя олицетворяли плодородие. Представления о жизни богов соответствовали идеалам родовой знати: боги сражались, пировали, захватывали и делили добычу. Павшие воины допускались в чертоги Одина — Валхаллу, где продолжали земной образ жизни. Больше всего древние скандинавы ценили бесстрашие и преданность своему роду. Богам они приносили жертвы, в том числе человеческие. Обязанности священнослужителей — жрецов в их святилищах исполняли представители местной родовой знати.

Походы викингов — экспансия, торговля и колонизация. Как и у южных германцев, славян, арабов, монголов, последняя стадия распада общинно-родовых отношений, переход к раннеклассовому обществу, а значит, и к государству сопровождался в Скандинавии энергичной внешней экспансией.

Отличаясь от «великого переселения народов» своей формой — движением по воде, а не по суше — и меньшими масштабами, походы викингов, или норманнов, имели поначалу сходные причины. Начать с того, что на севере было мало пригодных и посильных для тогдашней обработки земель. Всякое расширение старого хозяйства и основание нового сопряжены были здесь с тяжелым трудом корчевки, выжигания, осушения, очистки земель от камней. Небольшая культурная территория могла прокормить сравнительно ограниченное число людей. Прибавочный продукт оставался низким.

Вот почему беднота искала новых источников существования на чужбине, а знатные люди — новых источников наживы и эксплуатации. Успешные набеги и пиратские экспедиции могли быть проведены лишь при взаимодействии этих двух сил. Нужны были не только люди, но и корабли, вооружение, воинский и мореходный опыт, съестные припасы, а при переселении — также скот и сельскохозяйственные орудия. Предводители первых викингских набегов — это главным образом приморская родовая знать, алчная, но не богатая.

Вторым мотивом был торговый расчет. В VIII—IX вв. торговые пути Северной Европы приобрели на время важное значение в товарообмене между народами Запада и азиатскими странами, во многих отношениях более цивилизованными. Ведь традиционные средиземноморские пути были прерваны арабами-завоевателями. Жизненно важную для всей Западной Европы задачу сохранения экономических связей с Передним Востоком выполняли скандинавские купцы-викинги, разумеется, не одни, а наряду со славянскими и греческими купцами. Именно поиски торговых путей в сказочный Восток привели викингов сначала на Русь, а затем к хазарам и на

Голова человека железного века, сохранившаяся в болоте. Толлуд. Ютландия

Каспий, в Багдадский халифат и, наконец, в Иран. Скандинавы везли на Восток меха, тюлений жир, мед, рабов. Рынки рабов существовали в IX—X вв. на Западном побережье Швеции — в устье Ёта-эльв — и на датском острове Самсё, между Ютландией и Зеландией. В Европу скандинавы доставляли пряности, вина, шелка, ювелирные изделия, наконец, деньги.

В-третьих, угроза подчинения нарождающейся в самой Скандинавии государственной власти толкала строптивую знать к уходу, к поискам вольной жизни.

Успеху походов викингов способствовали не только превосходство мореходного искусства скандинавов (впоследствии превзойденных лишь ганзейцами, да и то лишь отчасти) и внезапность их появления. Не менее важно было и то, что способность их соседей к отпору снижалась политической раздробленностью — феодальной на западе, племенной на востоке Европы. Обе части Европы, особенно после распада Каролингской империи и до образования сильных государств в Англии, Франции, Германии, России, с разных сторон были открыты для набегов и нападений.

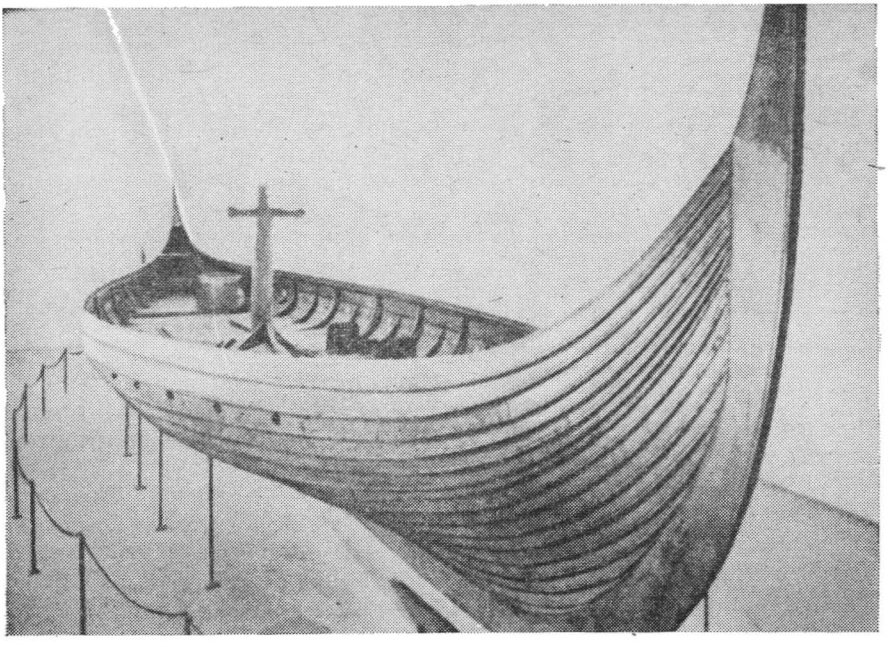
С конца VIII в. походы скандинавов становятся более активными. Начинаются набеги, экспедиции викингов, как они себя называли, или норманнов, данов, варягов, как их называли соседи. Скандинавские флотилии проникают в Каспийское, Черное, Средиземное и другие моря. Они грабят берега Ирландии и Франции, Балтики и Италии, Испании и Северной Африки. Варяжских купцов встречают на рынках Константинополя, Багдада, Хорезма, Бухары. Впоследствии, в XI в., потомки викингов, уже осевшие на новых землях — во Франции (Нормандия), совершили новые крупные завоевания в Британии и Южной Италии, а обосновавшиеся в Исландии и Гренландии норвежцы достигли в конце X в. берегов Северной Америки.

Первыми викингами были жители той из скандинавских стран, для которой море имело наибольшее значение, т. е. Норвегии. Их походы начались в июне 793 г., когда они привели в ужас монахов острова Линдисфарна в Северо-Восточной Англии. Норвежские викинги подчинили себе и колонизовали в первую очередь близкие к норвежским берегам острова — Фарерские, Шетландские, Оркнейские. Затем норвежские дружины обрушились на кельтское население Ирландии, Гебридских островов, острова Мэн. Не встретив подлинного отпора, норвежские конунги приступили к завоеваниям. В 30-х годах IX в. было основано первое, а в 50-х годах — второе норвежское королевство в Ирландии.

После колонизации норвежцами мелких островов Северной Атлантики и побережья Ирландии настала очередь Исландии. По климату и природным условиям Исландия, омываемая Гольфстримом и лежащая к югу от полярного круга, близка Западной Норвегии. До IX в. здесь скрывались от мирской суеты ирландские и шотландские монахи-отшельники. В 874 г. в Исландии высадился первый норвежский колонист — знатный землевладелец Ингольф Арнарсон. Высадился он на юге-западе страны, в бухте, где из недр земли била горячая вода — гейзер (в XIX в. здесь была основана столица Исландии Рейкьявик). Затем развернулась подлинная колонизация Исландии. Знатные норвежцы привозили на своих судах множество домочадцев, слуг, рабов, скота. Они захватывали большие пространства земли, а затем выделяли мелкие участки в пользование своим бедным соотечественникам.

Слово знатного исландца было веским на местных судебных собраниях — тингах и на общеисландском законодательном и судебном народном собрании — альтинге (впервые собрался в 930 г.). Родовая знать выполняла и почетные обязанности языческих священнослужителей (годи). Тем не менее в эпоху викингов Исландия оставалась варварской республикой (народоправством — «тьоудвельди», по современному исландскому определению). Во главе альтинга стоял выборный «законоговоритель», не существовало ни короля, ни военной дружины, ни регулярного взимания податей.

Из Исландии викинги двинулись далее на запад. Около 982 г. изгнанный из Исландии за убийство богатый земле- и рабовладе-

Корабль викингов. Реконструкция

лец Эйрик Рыжий высадился в Гренландии и выстроил себе усадьбу на юго-западном побережье острова.

Сыну первооткрывателя Гренландии Эйрика Рыжего — Лейфу Эйриксону (т. е. буквально Эйриковичу), прозванному Счастливым, исландские саги приписывают честь открытия новых земель к западу от Гренландии, т. е., как мы теперь знаем, североамериканских островов. Около 1003 г. Лейф Эйриксон совершил первую высадку в Северной Америке. На ньюфаундлендском берегу Атлантики были выстроены жилища, колонисты зазимовали. Они вели оживленную торговлю с индейцами («скрелингами»), меняя ткани на шкуры. Нападения индейцев вынудили скандинавов, однако, к возвращению в Гренландию.

Датских викингов было больше, и организованы они были лучше, чем норвежские. Походы датчан — основной поток скандинавской экспансии, и это не случайно. Дания представляла собой наиболее развитую из скандинавских стран. Объединение в одно королевство — уже к началу IX в. — было здесь более легким делом, чем в обширных и малодоступных землях шведов и норвежцев.

Походы датских викингов — это не столько набеги, сколько планомерно организованные экспедиции. Их готовят, а то и возглавляют сами короли Дании, их родственники и приближенные. Не дожидаясь, пока Карл Великий, покорив саксов, возьмется за них, датские викинги при короле Годфреде около 800 г. сами обруши-

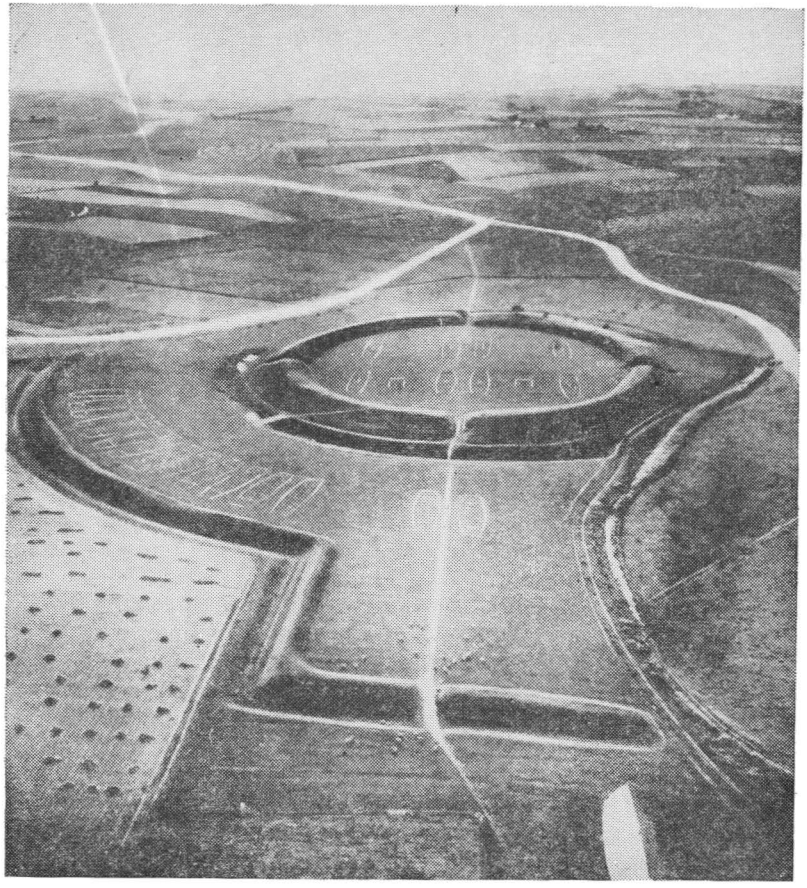
лись на Каролингскую империю. Однако при жизни Карла Великого империя оказалась неприступной для датчан, хотя их корабли продолжали «разведку боем» все дальше к югу, заходя в Ла-Манш (820), а затем в Бискайский залив и Средиземное море.

Походы датских викингов на каролингскую Францию справедливо считаются непрерывной — вплоть до основания Нормандского государства в 911 г. — датско-франкской войной. Викинги вмешиваются в местные распри, нанимаются на службу то к одним, то к другим феодалам. В середине IX в. скандинавы поднимаются вверх по Сене, берут и грабят Париж, зимуют в устье Луары, появляются на Гаронне. Грабят они и Германию, поднимаясь по Рейну и Эльбе, проникают в арабский мир, опустошая берега Марокко и Испании. В 846 г. викинги осаждают Рим.

Во второй половине IX в. главной жертвой датчан стала раздробленная англосаксонская Британия. В 851 г. датское войско впервые зимовало в Кенте, на юго-востоке Англии. Северо-Восточное побережье Англии датчане начинают использовать для заселения. Датское завоевание и колонизация второй половины IX в. придали доброй половине английской территории, как и местному процессу феодализации, особый характер. Владения датчан в Северо-Восточной Англии впоследствии получили наименование «области датского права» — Денло, или, по-древнескандинавски, Данелаг. Область стала важным проводником обратного влияния англосаксонских порядков на более отсталую Скандинавию.

В начале X в. происходит событие, знаменующее окончание первого этапа экспансии викингов. В 911 г. датский (возможно, норвежский) вождь Ро́лло (Роллон) с войском преимущественно из датчан получил в лен от короля Карла Простоватого область в устье Сены, названную герцогством Нормандским, Нормандией. Новопоселенцы быстро офранцузились. Свой скандинавский облик Нормандия удерживала лишь до второй половины X в., тогда как «область датского права» в Англии сохранила его на ряд столетий. Чем объясняется столь быстрая ассимиляция викингов во Франции? Во-первых, тем, что во Франции, в частности в Нормандии, уровень феодального развития был значительно выше, чем у англосаксов. Во-вторых, изменениями в социальной природе самих викингов. Походы IX в. способствовали накоплению богатств и дальнейшему возвышению норманской знати над массой свободных; эта знать познакомилась на чужбине и с преимуществами феодальной эксплуатации над разбоем и рабовладением.

Известную роль в изменении характера скандинавской экспансии сыграло и проникновение в среду датской, норвежской и шведской знати христианской идеологии. Еще с 20-х годов IX в. в Дании действовали христианские миссионеры (немецкий монах Ансгарий). В 834 г. в Гамбурге, а в 864 г. в Бремене были основаны архиепископства в целях пропаганды «слова божия» на Севере. В конце IX в. викинги в Нормандии и на Британских островах стали переходить в новую веру. Во второй половине X в. крестились и сами короли трех скандинавских государств: датский Харальд Синезу-

Лагерь викингов. Треллеборг, остров Зеландия. Аэрофотосъемка

бый (ок. 960 г.), норвежский Олаф Трюгвасон и шведский Олаф Скотконунг (ок. 1000 г.). Более долгим делом было обращение в новую веру массы их подданных.

Временное прекращение набегов викингов к началу X в. объяснялось не в последнюю очередь усилением отпора им со стороны западноевропейских государств. В конце IX в. английский король Альфред Великий и германский император Арнульф нанесли каждый на своей территории первые поражения датчанам. В середине X в. датские и норвежские владения в Британии пали одно за другим. Однако англосаксонские короли не изгоняли скандинавских поселенцев, и те впоследствии слились с англосаксами.

Между тем в самой Дании королевская власть продолжала усиливаться. Особенно это относится ко времени Харальда Синезубого (царст. до 985 г.). При нем впервые прочно соединились в одних руках все составные части средневековой датской державы — ост-

рова, Ютландия, Шлезвиг, Сконе. При Харальде в Дании были впервые учреждены епископства с немецким духовенством во главе.

В конце X в. властители трех скандинавских королевств столкнулись между собой. Датский король Свейн Вилобородый — сын Харальда, низложивший отца, — выступил в союзе со шведским королем Олафом Скотконунгом против норвежского короля-викинга Олафа Трюгвасона. В знаменитой морской битве при Сволде (на Балтике, 1000 г.) норвежец проиграл и погиб. Норвегия признала верховенство Свейна, а восточные ее области достались шведскому королю (в том числе выход к Северному морю).

На рубеже X—XI вв. походы скандинавов на Англию, возглавленные могущественным королем Свейном Вилобородым, возобновились с удвоенной силой. После взятия Лондона Свейн перед самой своей смертью (1014) стал властителем Англии. Ему наследовал его сын — юный Кнут, широко известный в истории Англии Кнут Великий (ум. в 1035 г.), завершивший дело отца. Кнут носил гордый титул «короля всей Англии и Дании, и Норвегии, и части Швеции». Жил он главным образом в Британии, старался привлечь на свою сторону местных феодалов и церковь, расширял их привилегии, содействовал закрепощению крестьян, поощрял ассимиляцию датской знати в Англии.

После смерти Кнута его грандиозная держава распалась. Норвегия вновь стала независимой, один из ее королей — Харальд Хардрад (Строгий) тщетно пытался завоевать Британию и пал в сражении при Стамфордбридже (1066) за три недели до нормандского завоевания Англии. На нем мы не остановимся, ибо нормандцы Вильгельма Завоевателя уже были не скандинавскими викингами, а французскими рыцарями. Так же обстоит дело и с нормандским завоеванием Южной Италии и острова Сицилии в XI в.

Если первые походы викингов — это подлинно варварские завоевания, эпилог «великого переселения народов», то захваты нормандцев — это уже акты феодальной экспансии, близкие не только по времени к крестовым походам.

Последнюю неудачную попытку завоевать Британию предпринял датский король Свейн Эстридсен в 70-х годах XI в.

Шведские викинги (варяги) на Востоке. Швеция эпохи викингов была бесспорно более отсталой и менее населенной страной, чем Дания. Море здесь играло меньшую роль, чем в жизни Норвегии. Тем не менее общие предпосылки для походов викингов действовали и в Швеции. Именно у шведских викингов оказались наиболее благоприятные условия для торговли с Востоком. Напротив, для массового исхода населения серьезных предпосылок в Швеции, по-видимому, не было.

Имеется множество данных об участии шведских викингов в набегах на Каролингскую империю, в завоевании Британии, в колонизации Исландии. Но главной ареной действий шведов была, естественно, Балтика. В восточной части Шлезвига шведские викинги в конце IX в. отняли у датчан Хедебю — один из немногих городов Северной Европы того времени. Он был утрачен шведами во

второй четверти X в. под ударами германского короля Генриха Птицелова и впоследствии сожжен датчанами.

Другая часть шведских викингов в IX в. направилась на Восток по прибалтийским и русским рекам: Западной Двине, Неману, Неве, Волхову, затем по Ловати к Днепру и по Свири к Волге. Их полуторговые, полуразбойничьи экспедиции проникали по Волге к хазарам и волжским болгарам, а затем в Среднюю Азию, к арабам и иранцам. По Днепру варяги — восточноевропейский синоним викингов — выходили в Черное море и к Византии (путь «из варяг в греки»). Русь была в представлении скандинавов богатой страной, «страной укреплений» (Гардарики). Восточнославянские и византийские города на пути прохождения варягов получили в древнескандинавском языке свои наименования: Новгород — Хольмгардр, Киев — Кенугардр, Константинополь — Миклигардр.

Торговля с мусульманским Востоком через Русь сыграла в жизни древнешведской державы (Свитьод) огромную роль. У исходного пункта торговых путей на восток — на острове в юго-восточной части озера Меларен — вырос первый собственно шведский город Бирка, ныне не существующий. Торговля с Востоком обогащала прежде всего местную знать. Не случайно восточная, связанная с русской торговлей часть Швеции — Упланд — стала центром собирания страны. Именно здесь и на острове Готланд больше всего найдено кладов с арабскими серебряными монетами, вырученными от продажи рабов и пушнины.

Грабительские набеги и захваты викингов имели место преимущественно на Севере, по берегам Финского залива, в районе Новгорода и Приладожья. Около 862 г. при неясных обстоятельствах в Новгороде оказывается викинг (варяг) легендарный Рюрик. Согласно летописи, потомкам этого Рюрика, позже (в течение X в.) ославянившимся, суждено было стать преемниками древних славянских князей Славии и Куявии, т. е. Новгорода и Киева, объединить эти княжества в мощное Русское государство, освободить из-под власти хазар славянские земли, проникнуть к Дунаю и Черному морю, установить западную границу Руси. Немногочисленные варяжские дружины могли удержаться на Руси только при условии постепенной ассимиляции и, главное, при условии подчинения их торговых интересов интересам славянской знати. Скандинавские имена в свитах киевских князей встречаются довольно часто, как это видно из русско-византийских договоров первой половины X в. Князь и бояре клялись уже по славянскому обряду, именами славянских богов. Следы осевших здесь варягов прослеживаются лишь в нескольких поколениях.

Что касается так называемого «призвания варягов», то оно совершенно не подтверждается скандинавскими источниками. Современные советские историки считают это призвание официозной легендой, сочиненной в XI в. для укрепления позиций правящей династии Рюриковичей.

Следствием варяжских походов и оседания отдельных групп скандинавской знати и воинов на Руси явились тесные политические,

Олаф II. Древняя скульптура из церкви. Норвегия

торговые и культурные связи древней Скандинавии с Киевско-Новгородской Русью. Наличие этих связей подтверждается вещественными находками, руническими надписями и скандинавскими сагами. Расцвет русско-скандинавских связей относится к тому времени, когда на Руси уже сложилось раннефеодальное государство. При Владимире I в конце X в. имела место последняя попытка наемной варяжской дружины овладеть Киевом, но русский князь пресек эту запоздалую авантюру. Отныне прибывающим на Русь варягам приходилось довольствоваться, как и в Византии, служением местным государям в качестве вспомогательной военной силы наряду с тюрками-кочевниками.

Ярослав Мудрый и другие русские князья охотно давали при своем дворе приют изгнанным со своей родины скандинавским королям и принцам. В Новгороде в конце X в. жил уже упомянутый выше норвежский король-викинг Олаф Трюгвасон. В Киеве нашел гостеприимное убежище креститель Норвегии король Олаф II Святой (царств. до 1028 г.). На Руси вырос сын и преемник его Магнус Добрый. При дворе Ярослава жил и следующий норвежский король-викинг Харальд Строгий, взявший в жены дочь Ярослава Мудрого Елизавету. После смерти Харальда его вдова Елизавета Ярославна вышла замуж за датского короля Свена Эстридсена (XI в.). Сам Ярослав был женат на Ингигерде — дочери шведского короля Олафа Скотконунга; позже внук его, другой киевский великий князь — Мстислав I Владимирович, взял в жены опять-таки шведскую принцессу.

Таким образом, династические связи Руси со Скандинавией до монгольского нашествия были, вероятно, теснее, чем с каким-либо иным государством Западной Европы. Экономической основой этих связей были общие интересы в посреднической торговле между Западом и Востоком.

Никакой цивилизаторской миссии варяги на Руси выполнить не могли. У шведов значительно позже, чем на Руси, появились крупные города, утвердилось христианство, были созданы летописи и записаны законы.

Раннеклассовое общество. Возникновение городов, государств и народностей. Благодаря западноевропейским хроникам, руническим надписям, поэзии скальдов, а также источникам более поздним — исландским сагам и записям обычного права,— скандинавы времен викингских походов известны историкам лучше, чем их предки времен «великого переселения народов». Древнескандинавское общество на рубеже I—II тысячелетий н. э. все еще было переходным от первобытнообщинного к классовому, однако то была уже последняя ступень тысячелетнего перехода от варварства к цивилизации.

Прежде всего, общество эпохи викингов четко делилось на знатных людей (знатных по родовой принадлежности или по служебному положению), полноправных свободных и на людей зависимых: безземельных, вольноотпущенников, данников, наконец рабов. Количественные соотношения этих слоев нам, разумеется, неизвестны. В самой удобной для земледелия, теснее связанной с Западной Европой части скандинавского мира — в Дании — социальная дифференциация была более четкой, чем в Норвегии и Швеции.

Сохранялись пережитки патриархально-родового уклада в виде больших семей — семейных общин, о чем свидетельствуют остатки раскопанных поселений, а также в виде хитроумных обычноправовых (записанных уже в XII—XIII вв.) запретов перехода земельных владений за пределы широкого круга родственников, совместно участвовавших в несении различного рода повинностей. Частью старого уклада были: народные собрания — тинги; неупорядоченная выборность королей (конунгов); устойчивость племенного самосознания (особенно у шведов); наконец, сохранение (опять-таки дольше всего у шведов) языческого мировоззрения.

Тем не менее в эпоху викингов род потерял свое значение как производственная ячейка и как субъект собственности. Скандинавы стали жить преимущественно малыми семьями; на Скандинавском полуострове, особенно у норвежцев, был широко распространен хуторской тип поселения. Пахотные земли вокруг хутора огораживались и наследовались главой семьи. В рунических надписях на памятных камнях той эпохи сохранились имена землевладельцев-скандинавов. Индивидуально-семейная собственность на пашню или луг сочеталась с коллективной собственностью большего или меньшего круга соседей на «алменнинг», альменду — пастбища, леса и пр. Иначе говоря, скандинавская соседская (территориальная) община уже сложилась тогда в том примерно виде, в каком она затем просуществовала до буржуазного аграрного переворота XIX в.

Известен ряд других значительных достижений древнескандинавского общества. Это необычайно высокий уровень развития мореходства, военной организации, включая инженерное искусство при сооружении воинских лагерей, торговли, накопление денег от торговли (со странами Востока) или от собранной дани (например, из Англии). Время норманских походов и транзитной торговли через Скандинавию — это пора рождения скандинавских городов. Не

позже IX в. возникли: Бирка, Рибе, Хедебю, Скирингссаль на западном берегу Осло-фьорда. Несколько позже важным, хотя и не городским торговым центром стал остров Готланд на Балтике. Обнаруженные во всех этих местах скопления кладов и могил, остатки укреплений и жилищ указывают, повторяем, на широчайший межконтинентальный размах скандинавской торговли, ориентированной преимущественно на восток — на Русь, Халифат, Византию. В конце эпохи викингов — между серединой X и серединой XI вв. — возникли новые города, сохранившие свое значение на многие столетия: Роскилле и Лунд в Дании, Тёнсберг и Нидарос (Тронхейм) в Норвегии, Сигтуна и Скара в Швеции. С городами вырос и слой профессиональных торговцев.

Далее, эпоха викингов стала и порой первых государственных объединений каждого из трех скандинавских народов, более того — порой появления самих датской, норвежской, шведской народностей и названий трех стран. Языковые различия еще были невелики: преимущественно между востоком — Данией и Швецией, и западом — Норвегией и Исландией; вместе с тем шведско-норвежский рунический алфавит дифференцировался от датского. Взаимному сближению племен и сплочению их групп в народности способствовало политическое развитие — образование трех королевств Скандинавии. Раньше других твердо засвидетельствован король данов Годфред, воевавший с самим Карлом Великим в начале IX в. Первоначальное политическое объединение Норвегии и Швеции состоялось лишь в X в. На рубеже IX—X вв. один из южнонорвежских конунгов — Харальд Харфагр (Прекрасноволосый) временно подчинил своей верховной власти большую часть современной Норвегии. Датские земли вновь собрали воедино Горм Старый (умер ок. 945 г.) и его сын Харальд Синезубый. Объединение Восточной и Западной Швеции завершилось на рубеже X—XI вв. при короле Олафе Скотконунге (ум. ок. 1022 г.).

Эти раннесредневековые короли уже имели обширные земельные владения и опирались на свои дружины («хирд»). Они собирали дань и «дары» с населения, ставили в подвластных областях наместников-ярлов, чеканили примитивные деньги (с начала XI в.), созывали военно-морские ополчения («лейданг», «лединг»). Существовало уже административно-территориальное деление (в виде сотенных округов «хундари» и других единиц, например «херред» и пр.). Это деление твердо засвидетельствовано с начала XI в., т. е. со времени образования трех крупных королевств при гегемонии датского. Государи западных и восточных стран Европы — от Англии до Киевской Руси — вступали со скандинавскими королями в равноправные брачно-политические связи.

Скандинавские королевства, возникнув как варварские, лишь постепенно становились организациями господствующего класса, раннефеодальными государствами. Раньше других, не позже конца X в., такое государство сложилось в наиболее развитой Дании, что и было предпосылкой для образования североморской державы Свейна и Кнута. В Норвегии государственное развитие достигло

такого же уровня, но позже, чем в Дании, за пределами эпохи викингов.

Таким образом, общество эпохи викингов включало три разных уклада: общинно-родовой, рабовладельческий (рабство как домашнее, так и производственное, в обоих случаях весьма жестокое) и протофеодальный (угощения и повинности свободного населения в пользу королей, в других случаях уплата дани). Ни один из этих укладов еще не имел решительного перевеса над другими. Такое общество — конечный плод распада первобытнообщинного строя — многие советские историки и этнографы именуют теперь раннеклассовым. Это определение позволяет оттенить отличие такого общества от более ранних этапов разложения первобытного общества.

Культурный подъем эпохи викингов. В целом в эпоху викингов (IX—XI вв.) духовная культура древних скандинавов испытывала явственный подъем. Резко увеличилось число рунических надписей, упростился их алфавит — на смену общегерманскому из 24 знаков пришел особый скандинавский из 16 знаков, в дальнейшем дифференцировавшийся. От этой эпохи дошло до нас много памятных камней с указанием имен знатных скандинавов, их подвигов и владений. Заметен перелом и в изобразительном искусстве. Появляется новый стиль — энергичный, выразительный, строго организованный. Самым распространенным мотивом в украшениях на дереве, металле, камне стал так называемый «хватающий зверь». Эпоха викингов ознаменовалась также расцветом поэтического искусства скальдов-стихотворцев, бывших одновременно воинами, мореплавателями и пр. Скальдическое искусство возникло в IX в. и переживало пору своего расцвета в X—XI вв. у норвежцев и особенно у исландцев. Творения скальдов жили в устной традиции вплоть до появления новой местной письменности, созданной из англосаксонского варианта латинского алфавита. В песнях скальдов, нередко импровизированных, славились подвиги викингов. Сохранились имена наиболее искусных скальдов: первый среди них — Эгиль Скаллагримсон (X в.) с его хвалебной песнью «Выкуп головы».

Крайне сложные в построении стихи скальдов строго ритмичны, насыщены аллитерациями, замысловатыми синонимами — «хейти» и метафорами — «кеннингами». Вот некоторые из таких кеннингов: «чайка ран» — ворон, «река трупа» — кровь, «поле тюленя» — море, «война копий» — битва, «страна края сигов равнины» — это... женщина, «сиги (рыбы) равнины» — змеи, «край змей» — золото, «страна золота» — женщина.

На закате древнескандинавской языческой эпохи — скорее всего в VIII—XI вв. — были сложены и песни о богах и героях, дошедшие до нас в их исландской обработке, в записи XIII в. Песни эти по исландскому названию их сборника XIII в. именуются Эддой, точнее Старшей, или Поэтической Эддой. Это в основе своей плод устного народного творчества. У народов, говорящих на германских языках, нет более замечательного эпоса. Более 150 раз переводилась «Старшая Эдда» на разные европейские языки. Древнесканди-

навский эпос стоит в одном ряду с эпическими частями Библии, с Илиадой и древнеиндийской Рамаяной.

Песни о богах сообщают бесценные и наиболее полные сведения об общегерманской языческой мифологии. Из этих песен знамениты «Прорицание вёльвы» (вещуньи) и «Речи Высокого». Первая из них повествует о начале и конце мира. Вторая содержит наставления житейской мудрости.

Сюжет песен о героях — главным образом южногерманского и лишь в меньшей части местного скандинавского происхождения. Они воспевают события времен великого переселения народов — деяния готов и гуннов, Сигурда (нем. Зигфрид) и Брунхильды, Гудрун и Атли (исторический Аттила).

И песни «Старшей Эдды», и стихи скальдов — памятники не столько исландской, сколько скандинавской литературы в целом. Ведь в эпоху викингов скандинавы, по существу, говорили на диалектах одного языка — древнескандинавского. Быт и нравы эпохи викингов отразились в свою очередь в содержании более поздней — средневековой исландской литературы, исландских родовых саг XII—XIII вв.

Глава II

Утверждение феодального строя (XI—XIII вв.)

От рабовладения — к эксплуатации зависимых крестьян. Особенности скандинавского феодализма. Древнескандинавское общество уже во времена викингов состояло, как мы видели, из трех основных слоев — родовой знати, свободных землевладельцев-воинов и зависимого люда, включая рабов. От сложившегося классового общества его отличало то, что главная масса населения еще не подвергалась систематической эксплуатации со стороны короля и знати. Скандинавский земледелец-воин (так называемый бонд) имел не только сородичей-домочадцев, землю и скот, но также рабов и зависимых (вольноотпущенников). Между ним и знатным человеком — ярлом и даже конунгом — не было пока непроходимой сословной грани. Другим отличием древнескандинавского общества от сложившегося классового общества была крепость родственных, родовых связей. Эти кровные узы еще долго соединяли имущего и неимущего скандинава.

Древнескандинавское общество было, таким образом, уже раннеклассовым и вместе с тем патриархальным. Оно уже знало глубокую пропасть между свободным и рабом, но внутри свободных не было четкого классового разделения, а рабы составляли лишь малую, второстепенную часть трудящегося населения. То была крайняя, последняя ступень варварского общества.

Уже во времена викингов в Скандинавии возникли зачатки иных, феодальных отношений: это наследственное землевладение,

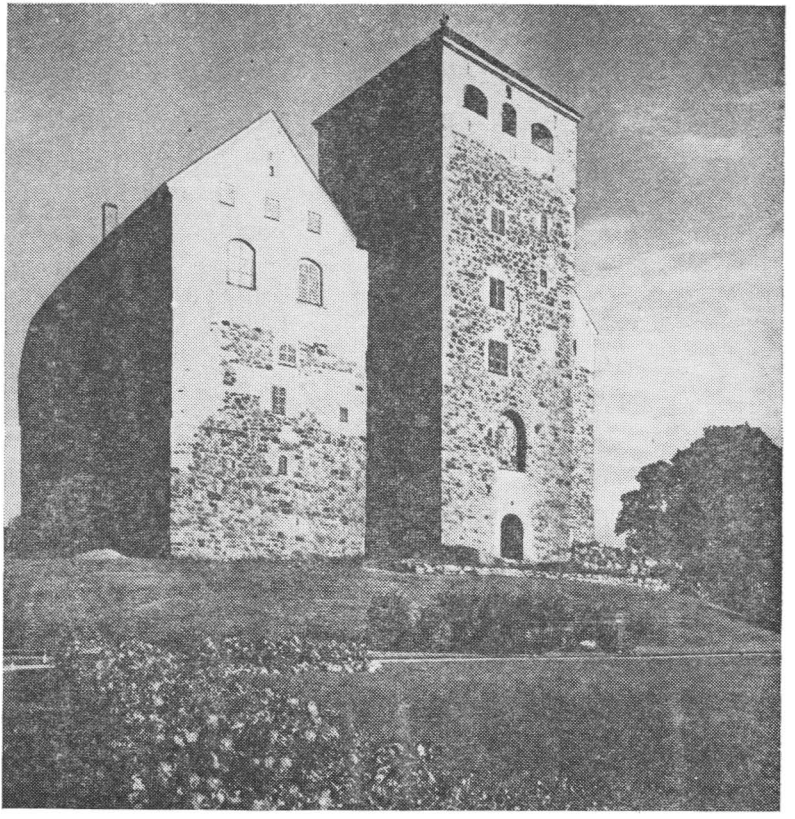
неимущий или малоимущий свободный люд, окружавший состоятельного или знатного человека и получавший от него участки земли в пользование, причем на такие участки сажали и рабов; система даней, угощений, кормлений, служившая источником существования для королей с их дружинниками; наконец, земельные владения католической церкви и право верховной собственности королей на всю подвластную им территорию.

Этим зачаткам нового, феодального строя еще предстоял немалый срок развития, прежде чем скандинавское общество стало феодальным, т. е. разделилось на два основных класса: поземельную знать — военнослужилую и духовную — и угнетенное ею и (или) государством крестьянство. Раньше и полнее всего новые отношения восторжествовали в Дании (уже в XII в.), затем в Норвегии и Швеции (XIII в.), позже всего в Исландии и Финляндии (XIII—XIV вв.). Степень феодализации зависела от двух обстоятельств: удельного веса земледелия и близости к зоне классического феодального строя — Западной Европе.

С прекращением экспансии викингов сельское хозяйство стало главным источником доходов знати в Скандинавии. В XII—XIII вв. население повсеместно и быстро увеличивалось. Основывались тысячи новых поселений, расчищались и распахивались пустоши — продолжалась внутренняя колонизация. Земледелие велось по-разному на плодородных равнинах датских островов и равнинной части Скандинавского полуострова, где применялись двухполье и трехполье, тяжелый плуг с отвалом, и на лесных расчистках Средней Швеции и Финляндии, где лес выжигали и сеяли несколько лет подряд в удобренную золой почву. На мелких же горных пашнях Норвегии сплошь и рядом вообще обходились одной мотыгой и сеяли лишь яровые культуры, например ячмень. В Исландии, во многих районах Норвегии и Швеции, особенно в северной и возвышенной частях Скандинавского полуострова, главным занятием оставалось животноводство. В горных районах скот летом перегоняли на высоколежащие пастбища, где имелись постоянные станы-сéтеры.

Суровые почвенно-климатические условия наряду с обилием лесных, водных, а также ископаемых (в средней части Скандинавского полуострова) богатств обусловили многоотраслевой характер крестьянских хозяйств большинства районов Скандинавии. Рыболовство, охота на пушного зверя, добывание железа, меди, серебра, изготовление различной утвари и инвентаря из дерева, металла, кожи, кости — все это издавна было хорошо знакомо скандинавским бондам.

В районах, наиболее пригодных для земледелия,— на большей части Дании (включая Сконе), в Юго-Восточной Норвегии, Средней Швеции — быстро росло крупное землевладение, прежде всего королей и католической церкви. На лучших землях короли, епископы, монастыри, светская знать устраивали крупные хозяйства, имения. В районах же скотоводческих и промысловых — на Севере, в горах и лесах — короли и церковь довольствовались сбором налогов.

Замок в Або. Финляндия. Начат около 1300 г.

Образование класса эксплуатируемых крестьян шло несколькими путями. Во-первых, обедневшие бонды продавали, закладывали либо дарили свои земли более состоятельным сородичам, соседям или церкви, а затем продолжали обрабатывать ту же землю в качестве арендаторов, держателей. В Швеции и Дании таких держателей называли «ландбу» (в Дании позже — «фе́стеры»), в Норвегии и Исландии — «лейле́ндингами». Во-вторых, поднятые и освоенные по мере колонизации земли зачастую объявлялись королевской собственностью. Нередко колонизацию возглавляли знатные люди или монастыри, и тогда новые угодья становились их собственностью. В обоих случаях расширялся круг кре́стьян — держателей чужой земли. В-третьих, менялось положение рабов — их сажали на землю и экономически они уже были мало отличимы от остальных держателей. Рабам все чаще давали свободу, но и в качестве вольноотпущенников они оставались зависимыми людьми. Бывшие рабы и составили прослойку безземельного люда, трудившегося по

найму. Найм этот постепенно приобретал принудительный характер — бедняк, нигде не служивший, считался бродягой, преступником и преследовался. Часть наймитов, оседавшая у одного хозяина, получала от него в пользование небольшой участок земли с избой. Так образовался низший слой крестьянства Скандинавии — хусмены. В-четвертых, обложение бондов-собственников в пользу короля становилось все более регулярным и тяжелым. Часть их обязанностей — особенно служба в ополчении — заменялась налогами, так что экономически и они сближались с держателями.

Положение крестьянства в средневековой Скандинавии имело ряд особенностей, определявших слабость скандинавского феодализма. Держатели чужой земли не были прикреплены к землевладельцу ни лично, ни поземельно и только в Дании подчинялись его полицейско-административной власти. Крестьяне-арендаторы по объему своих гражданских прав мало уступали собственникам. Условия арендного договора еще долго определялись древними, дофеодальными обычаями. Держатели продолжали нести государственные повинности, хотя и в гораздо меньшем объеме, чем бонды-собственники. Даже после замены личного участия в ополчении — ледунге — постоянным налогом бонды, как собственники, так и держатели, должны были иметь свое «народное оружие» для пешего боя: крестьянское ополчение, особенно в Норвегии, не исчезло вполне и в век рыцарей. Вместе с тем лично свободные арендаторы Скандинавии не имели в отличие от западноевропейских крепостных вилланов и сервов прочных прав на обрабатываемую ими землю, оставались ее срочными съемщиками.

Бонды-собственники удерживали в Скандинавии прочные позиции и в конце рассматриваемого периода. В Дании, Норвегии, Исландии им все еще принадлежала немалая, хотя и меньшая часть обрабатываемых земель; в Швеции же и Финляндии они по-прежнему владели большей частью используемых для сельского хозяйства площадей. Верхушка бондов-собственников по закону была ограждена от перехода их земель в чужие руки: при отчуждении их наследственной земли — «одаля» (в отличие от благоприобретенной) родственники имели преимущественное право ее покупки. Средневековое скандинавское законодательство стесняло и дарение земли церковным учреждениям — важный источник роста феодального землевладения на континенте. Верхушка бондов (одальманы, хольды) сама эксплуатировала рабов, а затем неимущих свободных и составляла устойчивый промежуточный слой между рядовым крестьянством и знатью.

Природные условия, в особенности за пределами датских островов, южной части Скандинавского полуострова и Шлезвига, мешали образованию крупных хозяйств, поэтому отработки, барщина в хозяйстве собственника земли, в господском имении составляли обычно лишь меньшую часть уплачиваемой ими феодальной ренты. Хозяйственная самостоятельность скандинавского крестьянства была, следовательно, куда большей, нежели на территории собственно Западной Европы.

Сравнительно большую роль в жизни средневекового скандинавского крестьянства, да и всех скандинавов, по-прежнему играли кровнородственные узы. Сохранялись, особенно у норвежцев, пережитки патриархальной большой семьи. Вплоть до XIII—XIV вв. законом допускалась кровная месть. Широкий круг родственников с обеих сторон участвовал в системе штрафов, судебных доказательств и преимущественной покупки наследственной земли.

Важной, неотъемлемой частью хозяйственной и общественной жизни скандинавского (как и всего европейского) крестьянства была в рассматриваемый период соседская община. Крестьяне на правах семейной собственности владели приусадебным участком, пашней, лугом, не говоря уже о движимом имуществе и усадьбе. Наряду с этим односельчане или (в Норвегии и вообще там, где селились хуторами) соседи сообща владели и пользовались общинными угодьями — пастбищами, лесами, водоемами данной местности (альменнинг, альменда). Пашни односельчан лежали чересполосно и обрабатывались по общему распорядку, раз навсегда заведенному и одобренному сельским сходом. В случае основания новой деревни, освоения новых посевных площадей применялись определенные способы наделения соседей землей в разных полях, хороших и плохих. Эти же способы применялись при периодических переделах пашен и лугов между бондами. Следовательно, собственнические права бондов ограничивались общинными распорядками. Между бондами отнюдь не было имущественного равенства, и владелец большего приусадебного участка («тофт», «томт») получал и больший пахотно-луговой надел (правило: «усадьба — мать надела»), и большие права пользования общинными угодьями. Не существовало и круговой поруки — коллективной ответственности в уплате податей. Наибольшее значение собственно сельская, деревенская община получила в Дании, где она стала также единицей местного самоуправления.

Образование централизованных феодальных монархий. Конец республики в Исландии. Параллельно с процессом подчинения ранее полноправных свободных земледельцев-бондов и превращения их в эксплуатируемый класс крепла королевская власть в каждой из трех стран. Раньше всего централизованная феодальная монархия сложилась в Дании.

Средневековая Дания сильно обогнала своих скандинавских соседей. У датского короля было гораздо больше подданных, чем у шведского и норвежского вместе. На рубеже XI—XII вв. здесь уже было несколько городов: Слесвиг (позже Шлезвиг), Ольборг, Орхус, Рибе — на Ютландском полуострове; Роскилле — на острове Зеландия; Оденсе — на острове Фюн; Лунд — на юге Скандинавского полуострова. С половины XII в. число их стало быстро расти. В 1167 г. был основан Копенгаген. Ремесло и промыслы в Дании раньше отделились от сельского хозяйства, раньше сложился класс городских купцов и ремесленников. В XIII в. на побережье Скандинавского полуострова (в области Сконе) устраивались

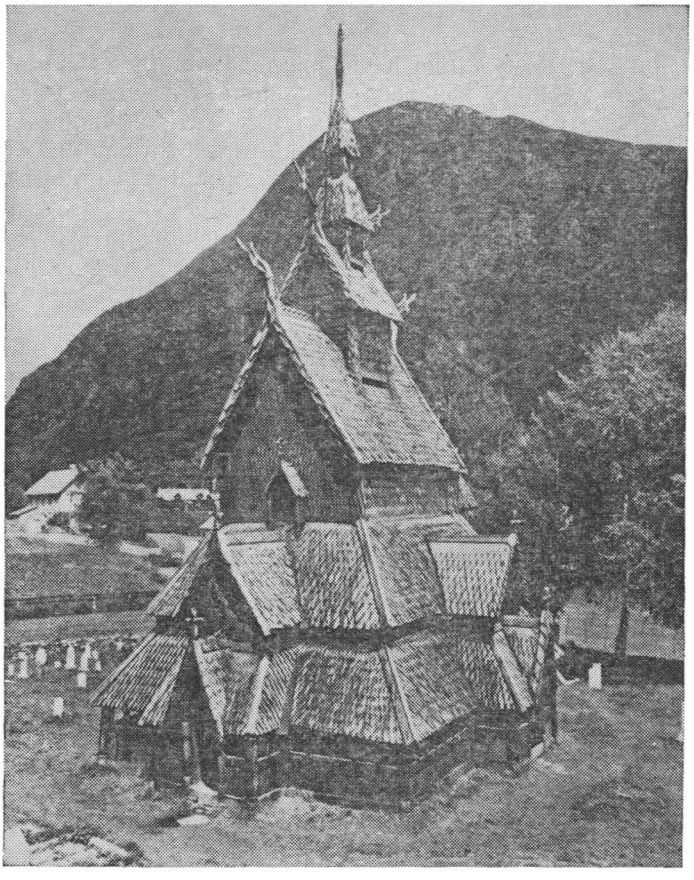
крупнейшие осенние ярмарки, славившиеся в особенности рыбными торгами.

В Дании уже к середине XI в. распространилось христианство. Католическая церковь всячески поддерживала, особенно на первых порах, централизаторскую политику датских королей. Епископы стали их ближайшими советниками. Короли в свою очередь наделяли церковь землями и привилегиями. Верные королю родовитые датчане нередко получали епископский сан.

Централизаторская политика королей, особенно стремление их ко взиманию постоянных налогов, встречала яростное сопротивление у части родовой знати и у бондов, т. е. независимых и вооруженных мелких землевладельцев-собственников. Во время народного восстания был убит датский король Кнут (1086), объявленный затем святым. В середине XII в. в Дании разыгралась кровопролитная борьба крупнейших феодалов за королевский престол. Распря тянулась четверть века и завершилась в 1157 г. общепризнанной победой короля Вальдемара I (1157—1182), прозванного затем Великим. При нем началось возведение каменных укреплений и замков, нужных датчанам для обороны с юга, от германских императоров и князей. Вальдемар добился канонизации своего покойного отца (убитого соперниками) и коронации своего сына Кнута еще при своей жизни. Этим был сделан важный шаг к укреплению королевской власти в Дании.

Преемники Вальдемара Великого — его сыновья Кнут VI (1182—1202) и особенно Вальдемар II Победитель (1202—1241) продолжали дело отца. Была учреждена королевская канцелярия, должности канцлера, дроста (казначея), маршала (военачальника). Королевские доходы выросли. Король взял на себя охрану порядка в стране и издание законов, которые затем одобрялись областными собраниями — тингами. Были также впервые записаны областные законы — своды обычного права (из них особенно важен Ютландский закон 1241 г.). При Вальдемаре II (раньше, чем в других странах Скандинавии) уже вполне сложилась система сословий датского феодального общества.

В Норвегии с ее горным ландшафтом и громадной протяженностью процесс феодальной централизации занял не сто, а более полутораста лет от окончания набегов викингов (середина XI в.) и сопровождался еще более яростными, чем в Дании, внутренними усобицами. Неоднократные попытки подавить сепаратизм местной знати и наладить исправное взимание податей с вольных норвежских бондов-собственников срывались. В середине XII в. королевский престол стал, как и в соседней Дании, предметом кровопролитных раздоров между многочисленными претендентами. Норвежские бонды подчас с оружием в руках сопротивлялись растущему гнету феодального государства и его союзника — церкви. Они охотно поддерживали претендентов на престол, самозванцев, в которых не было недостатка при отсутствии прочного порядка престолонаследия.

Церковь в Боргунне. Западная Норвегия, XII в.

Сплочение норвежских (как и шведских) областей тормозилось слабостью города, бедностью и малочисленностью горожан. Однако со второй половины XI в. вырастают и норвежские города — старейший Нидарос (возник ок. 997 г., позже назван Тронхейм), важнейший атлантический порт Берген, а также Ставангер, Тенсберг, наконец, Осло, основанный как раз в середине XI в. и ставший с конца XIII в. королевской резиденцией.

При короле Магнусе IV Эрлингсоне в 1174 г. началось восстание «биркебейнеров» («березовоногих», «лапотников»). Поначалу это было движение обездоленных крестьянских низов. Их вооруженные отряды укрывались в лесах и оттуда нападали на зажиточные поселения. Одного из своих вождей Сверрира Сигурдарсона (ум. в 1202 г.), бывшего священника с Фарерских островов, повстанцы провозгласили королем. Сверрир показал себя крупным политиком. В борьбе с законным королем он постарался обуздать

или избавиться от компрометировавших его деклассированных «разбойников» и «бродяг». Сверрир привлек на свою сторону часть зажиточных бондов и старинной местной знати.

После победы над Магнусом IV и гибели последнего (1184) Сверрир действительно сел на престол и роздал титулы и кормления своим приверженцам (дружине — «хирду»). Власть на местах перешла к новым королевским наместникам незнатного происхождения — сюсельманам. Бывший народный вождь Сверрир и особенно его внук Хакон IV (1217—1263) централизовали, наконец, Норвегию в первой половине XIII в., подавляя новые мятежи и знати, и крестьян-бондов. Были учреждены канцелярия и государственный совет, королевская дружина превратилась в наследственное сословие дворянства, причем верхушка ее получила заимствованные с юга титулы баронов и рыцарей. Наследственной стала и власть норвежских королей. При короле Магнусе VI Исправителе Законов (1263—1280) областные законы были заменены общегосударственным уложением — первым в Скандинавии.

В Швеции связь между областями была еще слабее, чем в Норвегии, а процесс феодальной централизации растянулся более чем на два столетия. Новый подъем балтийской, преимущественно ганзейской торговли с половины XII в. способствовал росту шведских городов, захиревших с упадком арабо-скандинавского транзита времен викингов. В XIII в. таких городских поселений было уже немало и на побережье, и внутри страны (Сигтуна, Кальмар, Лёдесе, Арбуга, Евле, Йёнчепинг, Норчёпинг), и горожане усердно поддерживали централизаторскую политику королей. С конца XII в. наладилось тесное сотрудничество королей и церкви, а подлинное усиление центральной власти наступило в середине XIII в. при ярле Биргере — ближайшем помощнике короля Эрика XI. После смерти последнего и прекращения его рода Биргер добился избрания на престол в 1250 г. своего сына Вальдемара I (начало так называемой династии Фолькунгов). Биргер ярл, фактический правитель Швеции до своей смерти (1266), подавил мятеж знати, основал Стокгольм (1253), заменил ополчение—ледунг—одноименным поземельным налогом, впервые издал законы, получившие силу по всему королевству. При втором сыне Биргера — короле Магнусе Ладулосе (буквально «Амбарный замóк», 1277—1290) и в Швеции стали, наконец, возводиться каменные замки как центры административного округа. Наместник короля становился одновременно держателем «замкового лена». И для Швеции была, таким образом, характерна государственно-ленная система. Параллельно сложилось сословное деление общества, образовалось рыцарство («фрельсе»). На протяжении XIII в. возникли высшие государственные должности (канцлер, маршал, дротс — в Швеции судья) и совещательный орган при короле — государственный совет (риксрод) из светской знати и духовенства.

Таким образом, основные черты скандинавского феодализма сложились в XIII в.: феодализировались хозяйство, общество и государственное управление. По сравнению с Францией и Англией,

со странами Центральной Европы феодальные порядки в Скандинавии были, однако, незрелыми, незавершенными.

При всем своеобразии общественного развития скандинавских стран развитие Исландии в X—XIII вв. было совсем уже единственным в своем роде. Строй народоправства — своеобразной дофеодальной республики (исл. «тьоудвельди»), где государственная власть так и не отделилась от общества,— продолжал существовать и в рассматриваемый период. Его социально-экономической основой было общество свободных бондов — собственников земли и скота, трудившихся вместе со своими рабами, а позже вместе со своими наемными работниками. Это сочетание свободы экономической и политической, а также долгий мир и выделили раннесредневековую Исландию из остальных скандинавских стран.

Отсутствие военных потребностей помешало сложиться власти короля в Исландии и по окончании викингских походов. Общая бедность исландцев, их оторванность от других стран замедлили процесс имущественного и классового расслоения. В то время как в других скандинавских странах усиливалось земельное неравенство, росло крупное землевладение, в Исландии, напротив, в XI в. были поделены крупные владения знатных родов, потомков первопоселенцев — вероятно, единственный случай в средневековой Европе. Тем самым были упрочены основы исландского республиканского устройства. Своеобразный демократический характер надолго сохранила и христианская церковь в Исландии. Новое вероисповедание было принято решением альтинга в 1000 г. Епископ избирался на альтинге наряду с другими доверенными лицами.

В XII в. вновь усилился процесс сосредоточения земель и власти в руках нескольких знатных родов. В XIII в. три-четыре таких семейства боролись за власть как между собой, так и с двумя местными епископами. Католическая церковь и в Исландии постепенно набирала силу: церковный кодекс 1275 г. уже отвечал духу континентального канонического права. Враждуя между собой, исландские магнаты, светские и духовные, обращались за поддержкой к ближайшему крупному государю — королю уже феодальной Норвегии. В 1262 г. между альтингом и королем Норвегии Хоконом IV был заключен договор об унии — так называемый Старый договор. Исландцы принесли клятву верности королю и обязались платить ему ежегодный налог при условии поддержания мира, сохранения древних местных учреждений и подвоза зерна на остров. Однако договор 1262 г. означал конец независимости Исландии.

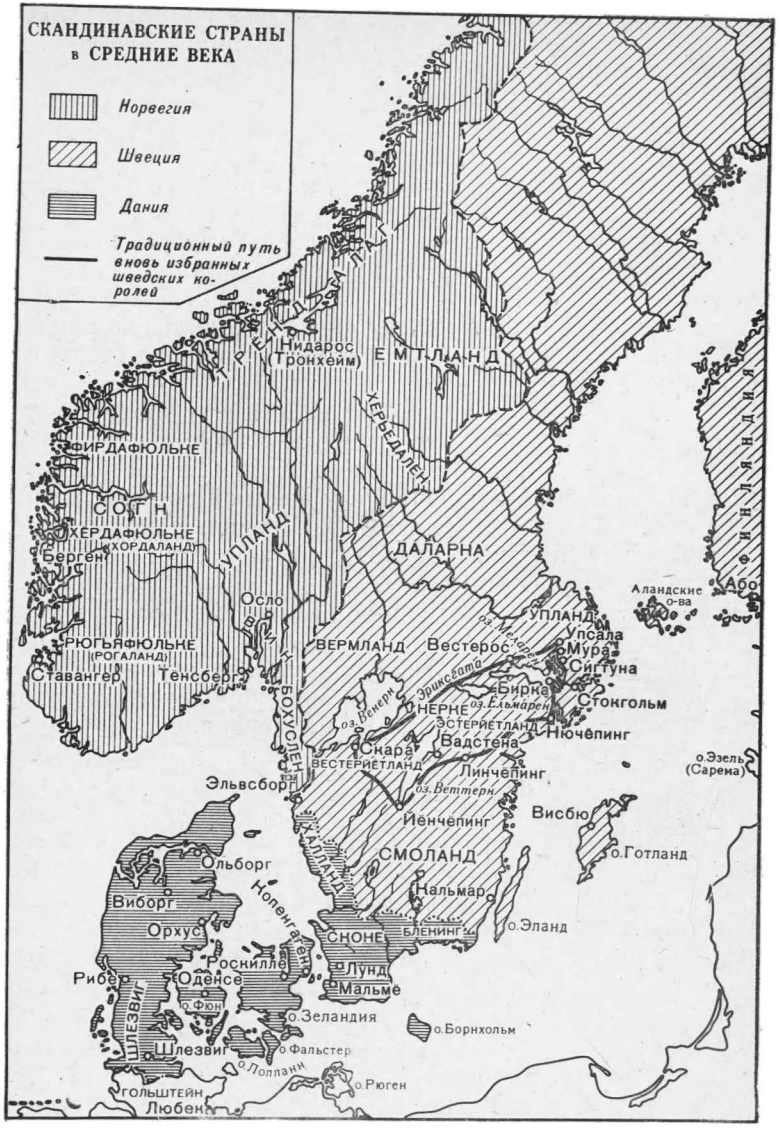
Феодализация государственного управления и образование сословий. Эпоха викингов оставила после себя наряду с сильными кровнородственными связями и рабством также развитую систему народных собраний — тингов, решавших широкий круг вопросов и прежде всего творивших суд, утверждавших различные сделки и пр. На тингах присутствовало все свободное мужское население, хотя решающее слово принадлежало богатым и знатным бондам — толкователям обычного права (лагманам). На всей массе свободного населения лежала обязанность по обороне страны — лединг

(ледунг, лейданг). Бонды были вооруженными землевладельцами, сообща сооружали боевые корабли и составляли их экипажи. В целях равномерного распределения воинской повинности и ведения судебно-административных дел каждая из скандинавских стран делилась на мелкие территориальные единицы (сотни — «хундрад», «хундари»; округа — «херад», «херред»). Те объединялись в более крупные области («сюсла», «фюльки»), имевшие общий суд и свое областное законодательство. Каждая из таких областей представляла собой более или менее замкнутое географическое целое, и население ее восходило к одному из древних скандинавских племен.

Записанные в XII — начале XIV в. скандинавские областные законы в полной мере отражают эту еще дофеодальную разобщенность каждой из скандинавских стран, лишь в слабой степени преодоленную примитивными государственными объединениями эпохи викингов. На непрочность центральной власти в ту эпоху указывает отсутствие правильного престолонаследия. Сплошь и рядом королевская власть добывалась в вооруженной борьбе претендентов, и победитель получал затем признание у местной знати и всей верхушки бондов на областных тингах. В Швеции, например, новый король объезжал с этой целью центральные области по строго установленному маршруту (Эриксгата).

Для усиления своей власти скандинавские монархи принимали целый ряд мер: вводили постоянные налоги, чеканили монету, назначали представителей местной власти, вознаграждая их временной передачей королевской земли или королевского права на получение какой-либо доходной статьи (первоначально права на угощение, кормление — «вейцла»). В Норвегии и отчасти Швеции такие королевские агенты на местах, пользующиеся землей в обеспечение службы, именовались лендрменами, т. е. людьми, получившими землю. Короли, особенно с XIII в., уже сооружали каменные замки-крепости, направляли в эти замки своих приближенных и поручали им управление, сбор налогов, охрану порядка, содержание крепости и военное командование в прилегающем обычно крупном районе страны. В награду, в обеспечение службы королевский агент (по-разному именуемый, например фогт) получал право удерживать в свою пользу часть доходов. Вверенный ему таким образом район стал именоваться немецким словом «лен», иначе «замковый лен», слоттслен. Выделялись и «княжеские лены» для младших линий королевских фамилий, например Шлезвиг в Дании. Часть ленов предоставлялась, напротив, на более жестких условиях подотчетной сдачи королю всех поступлений, кроме установленного минимума, — так называемые подотчетные лены. Хотя эти земельные пожалования в Скандинавии, как правило, были срочными, временными, а не наследственными в отличие от Франции или Германии, налицо были сознательная передача королевских доходов знатным лицам в обмен на верную службу, феодализация государственного управления.

Феодализации способствовали и потребности военного рода. Крестьянское ополчение не могло тягаться с профессиональным

Скандинавские страны в средние века

рыцарством и должно было уступить ему место главной боевой силы государства. Рыцарское же дело было по плечу только богатому землевладельцу, имевшему зависимых людей для ведения своего хозяйства. Постепенно воинская повинность рядовых бондов заменялась натуральными и денежными поборами, а рыцари, являвшиеся на службу с конем и тяжелым вооружением, получали

налоговые льготы. Процесс завершился в XIII в. законодательными актами, избавившими рыцарей в разной мере от уплаты налогов. Всего раньше налоговый иммунитет для себя и своих держателей получили датские «херреманы» по закону 1241 г. В Швеции избавленные от уплаты налогов землевладельцы-рыцари (постановление 1280 г.) стали именоваться «освобожденными» — «фрельсе». Более слабое норвежское рыцарство добилось налогового иммунитета лишь в виде привилегий короля отдельным лицам. Такие привилегии жаловались и отдельным церковным учреждениям страны. Отныне в Скандинавии между тяглым бондом и рыцарем легла сословная грань. Долгое время, впрочем, грань эта была преодолимой: зажиточный бонд, способный нести конную ратную службу, переходил в разряд рыцарей.

Усилению власти королей служили и издание ими первых общегосударственных законов, например об особых наказаниях за наиболее тяжкие преступления, об освобождении от уплаты налогов, и запись старинных областных законов с последующим одобрением некоторых из них королями (XIII—XIV вв.).

По мере укрепления королевской администрации хирели старинные демократические учреждения — тинговые судебные собрания, созывавшиеся в областях или округах.

Активную роль играла в процессе феодальной централизации католическая церковь. Христианство в Скандинавии распространялось медленно, дольше всего в Швеции, где оно утвердилось лишь во второй половине XII в. У церкви и королевской власти был зачастую общий противник — местная родовая знать, вольные бонды, державшиеся языческих верований и не желавшие воздавать «ни богу, ни кесарю». Разделение той или иной страны на епархии и приходы, решающее влияние королей на назначение епископов, раздача соборам и монастырям земель и судебно-налоговых привилегий (иммунитетов), наконец, введение церковной десятины — все это способствовало укреплению самой церкви и поначалу централизации соответствующей страны. Актом коронации церковь заново освятила власть королей, принявших христианство. Однако церковь и как учреждение сверхнациональное, космополитическое, и как крупнейший феодальный землевладелец вскоре столкнулась с королевской властью. Такие столкновения начались со времен наибольшего усиления папства, т. е. с конца XII в.

Скандинавские феодальные государства на пути внешних завоеваний. По мере внутренней консолидации каждое из трех северных королевств переходило к завоевательной внешней политике. Их завоевания теперь часто принимали форму крестовых походов.

Датская феодальная экспансия связана с именами Вальдемара I Великого и его сыновей — Кнута VI и особенно Вальдемара II Победителя. Вальдемар I покорил земли балтийских славян — вендов, включая остров Рюген. Однако большую часть своих завоеваний датчанам в начале XIII в. пришлось уступить германским князьям. Кратковременный характер носили и датские завоевания

в приэльбской Германии (Голштинское графство, города Любек, Гамбург). В 1219 г. удачный крестовый поход принес Вальдемару II обладание Северной Эстонией, включая город Ревель. Против датских и немецких захватчиков-крестоносцев было направлено крупное восстание эстонских племен в 1222—1223 гг., поддержанное русскими. Бремя великой балтийской империи было не под силу датчанам. Потерпев поражение от немецких князей при Борнхеведе в 1227 г., они растеряли все свои завоевания, кроме Рюгена и Северной Эстонии, которую в 1238 г. заново поделили с Ливонским орденом. На рубеже 30—40-х годов датские рыцари участвовали в безуспешных нападениях ливонских крестоносцев на Новгород и Псков.

Около 1157 г. при короле Эрике (впоследствии прозванном Святым) состоялся первый шведский крестовый поход в Финляндию. Однако еще в начале XIII в. завоевание Финляндии, поощряемое римским папой, продвигалось туго. Новых крупных успехов добился в середине века ярл Биргер, продвинувшийся в глубь Южной Финляндии (область Тавастланд). В целях закрепления своих новых завоеваний в Финлядии, а также установления своего контроля за торговлей с Северо-Западной Русью шведские феодалы двигались дальше на восток — к Ладоге и Неве. 15 июля 1240 г. их войско было разбито в Невской битве новгородским князем Александром Ярославичем.

В дальнейшем, пользуясь ослаблением Руси вследствие монгольского ига, шведы возобновили свою экспансию, покорили Западную Карелию и в 1293 г. основали крепость Выборг. Однако новая попытка овладеть устьем Невы (1300—1301) шведам не удалась. Не ограничиваясь обороной, новгородцы отвечали военными походами в глубину Финляндии (1310-е годы). В 1323 г. был заключен при посредничестве немецких купцов-ганзейцев первый русско-шведский мирный договор (Ореховецкий). Карелия была разделена, причем основная ее часть — Приладожье — шведам не досталась. Договор закрепил новгородско-шведскую границу, шедшую от восточной оконечности Финского залива к северному краю Ботнического залива.

Бóльшая часть шведской Финляндии в XIII в. еще оставалась почти необитаемой. В полярной тундре кочевали саамы (лопари) — рыболовы и охотники, жившие еще в условиях родового строя. Финское население, потесненное шведскими колонистами от моря, сосредоточивалось в южных внутренних районах — Сатакунте, Тавастланде, Саволаксе. Шведы издревле жили на Аландских островах, а в XII—XIII вв. освоили Юго-Западное побережье Финляндии (собственно Финляндия) и северный берег Финского залива (Нюланд). Финское население несло в пользу захватчиков разнообразные натуральные повинности и платило подати — сначала пушниной, а впоследствии зерном и деньгами. Шведское господство в Финляндии повлекло за собой образование сословий дворян и духовенства, в том числе из коренного населения, и рост крупного частного (светского и духовного) землевладения.

Более скромные возможности для экспансии были у норвежских королей. На протяжении XIII в. они утвердили свое пошатнувшееся господство на островах восточной части Северной Атлантики — Оркнейских, Шетландских, Фарерских. В 1262 г. им вместе с Исландией досталась и Гренландия. Крайний Север современной Норвегии все еще был весьма слабо заселен кочующими саамами (норвежское их наименование — финны, отсюда название области — Финмарк). Норвежские сборщики дани все еще не могли добиться от них полного послушания. В первой половине XIII в. развернулась колонизация северо-восточной окраины Норвегии: в 1307 г. были сооружены церковь, а затем и крепость на Вардё — островке в Баренцевом море. У поселенцев происходили нередкие столкновения с восточными соседями — карелами и их покровителями — новгородцами. Вооруженные столкновения завершились мирным договором 1326 г., подписанным в Новгороде. Договор не устанавливал определенной государственной границы, но предусматривал сбор дани норвежцами («мурманами») и новгородцами с кочующих саамов на обширных просторах Финмарка и «Терской земли» (Кольского полуострова).

Язык, письменность и культура скандинавов в пору развитого средневековья. В XII—XIII вв. произошли важнейшие изменения в языке, письменности и духовной культуре. Процесс образования скандинавских народностей, начавшийся еще в предшествующий период — во времена викингов,— теперь усилился. Не утрачивая тесного племенного и языкового родства, каждая из четырех народностей теперь отчетливо сознавала свою территориальную и политическую обособленность.

Общий древнескандинавский язык разделился на западную и восточную ветви: западноскандинавские языки — древнеисландский и древненорвежский — еще были почти тождественны и даже в XIV в. носили одно название — северный язык (норрёна). От них, а отчасти и друг от друга уже значительно отличались древнешведский и древнедатский — восточноскандинавские языки. В те же столетия общим языком образованных скандинавов становилась латынь, пришедшая с католицизмом. Из Англии пришла на Север письменность, уже близкая к современной. Для записей на родном языке ею стали пользоваться: норвежцы — в XI, исландцы в XII, а датчане и шведы — в XIII в. Древнейшие сохранившиеся рукописи восходят к XII (норвежские и исландские) и первой половине XIII в. (датские и шведские). Как правило, это записи обычного права. Наряду с латинским алфавитом еще делались надписи рунами, и не только памятные. Сотни бытовых рунических грамот на дереве от XII—XIII вв. были обнаружены при раскопках в старой части Бергена (Норвегия).

Прекращение разбойничьих походов викингов, утверждение сильной центральной власти и сословной иерархии, наконец, перемена верований и нравов, связанная с христианизацией,— все это означало глубокий идеологический сдвиг. Он отразился в духовной культуре северного средневековья. При этом культурное развитие

исландцев и отчасти норвежцев пошло иначе, чем датчан и шведов. В Исландии сложилась в XI—XIII вв. самобытная духовная культура, воплощенная главным образом в богатейшей литературе на родном языке. В Дании же и Швеции XI—XIII вв. не было ни такой самобытности, ни соответствующей литературы. Норвегия заняла между этими крайностями среднее место.

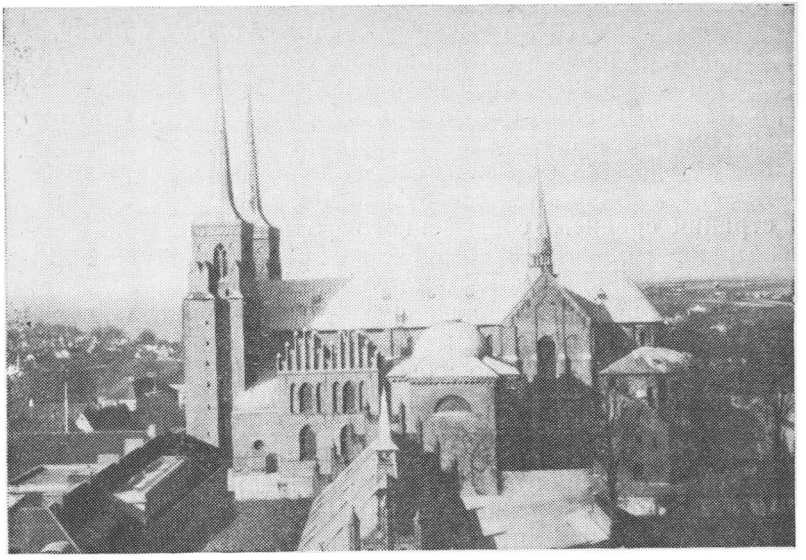
Прочность и крайне медленное изменение патриархально-крестьянского уклада с его демократическими учреждениями и традициями обусловили высокое самосознание даже рядовых исландцев, сравнительную идейную близость «верхов» и «низов», творческую активность широких слоев бондов, будь то в качестве сказителей или слушателей. Далее, своеобразные условия добровольной христианизации позволили исландцам сберечь языческое культурное наследие, освоить и развить литературное творчество на родном языке. Наконец, уединенное островное положение на ряд веков продлило политическую и духовную независимость исландцев, не мешая вместе с тем поддерживать живые личные связи со старой «метрополией» — Норвегией.

Значение исландской литературы не исчерпывается тем, что это единственная в Скандинавии (да и не только в Скандинавии!) раннесредневековая литература на родном языке. Оно заключается также в том, что литература эта, хотя и создавалась в Исландии, служила одновременно достоянием норвежцев, была, по существу, исландско-норвежской литературой. Памятники ее представляют величайшую ценность для выяснения общечеловеческого культурного развития, для истории литературы в целом. Мало в какой другой из западноевропейских стран устное творчество, как оно до нас дошло, отличалось таким разнообразием и богатством содержания. Мало в какой другой из западноевропейских стран устная традиция столь долго продолжала сохранять господствующее положение не только среди трудящихся масс, но и среди высших слоев общества.

Наконец, значение древнеисландской литературы заключается еще и в том, что она поныне остается понятной и доступной в оригинале широким массам современных исландцев. Это связано с особой судьбой, с малой изменчивостью исландского языка.

Мифы-песни о богах, эпические песни о героях, а также поэзия скальдов уже рассматривались нами в рамках эпохи викингов, когда большинство из этих произведений было, по-видимому, создано. Подчеркнем, однако, что записаны и сохранены они были исландцами XIII в. От этого века идет и само название «Эдда», будь то «Старшая Эдда» — сборник песен или «Младшая Эдда» — учебник поэтического искусства с образцами скальдической поэзии. Записью наследия предков прославил себя замечательный исландский историк и политик Снорри Стурлусон (1178—1241).

Наиболее самобытный жанр древнеисландской литературы — родовые саги. Прозаические произведения — «саги об исландцах», связанные с устной народной традицией, имеют не меньшее значение, чем поэтический эпос. Сага — это «наиболее исландский» по

Собор в Рокилле. Дания, XIII в.

своему содержанию жанр в древнеисландской литературе. Писать саги стали со второй половины XII и особенно в XIII в. Историческая основа, ими отражаемая,— это реальные события жизни скандинавов в Исландии с конца IX, т. е. со времени колонизации, до начала XI в. Основное содержание родовой саги — история рода в лице его наиболее выдающихся представителей. Персонажи родовой саги — это всегда реальные исторические лица. Главное место в родовых сагах занимают межродовые распри, сопровождаемые убийствами, сожжениями дома вместе с обитателями, судебными тяжбами, поединками, изгнаниями и т. п. Сообщаются подробные сведения о родстве, браках, наследовании, владениях и пр., но вместе с былью налицо и творческая переработка действительности.

Повествование в родовых сагах отличается исключительной живостью. Диалог занимает очень большое место. Рассказчик объективен, он не хвалит, не бранит, не пускается в объяснения. Тон его сдержан, характеристики персонажей часто глубоко реалистичны. Несмотря на реальность изображения, родовая сага изобилует суевериями. Однако эти суеверия не нарушают общего правдоподобия рассказа. Недаром до недавнего времени родовые саги были любимым чтением исландцев. Наиболее популярны среди саг «Сага о Ньяле», «Сага об Эгиле», «Сага о Гуннлауге». Сочинители родовых саг неизвестны.

С проникновением в Исландию XIII в. западноевропейской феодальной культуры историческая основа в сагах постепенно уступает место фантастике. Как новый жанр развиваются саги рыцар-

ские, или «лживые саги». Они сохраняют манеру старых, но по существу приближаются к обычному средневековому роману.

В отличие от родовых и рыцарских саг королевские саги — это своды норвежской истории в форме королевских жизнеописаний. Авторы их применяли стиль и манеру родовой саги, но были не столько романистами, сколько историографами. Наиболее замечательным автором королевских саг был вышеназванный Снорри Стурлусон. Он продиктовал своим писцам книгу размером свыше 1000 страниц среднего современного формата. Эта книга охватывает историю Норвегии с древнейших времен по 1177 г., в центре ее — жизнеописание знакомого нам норвежского короля XI в. Олафа Святого. Ее позднейшее название — «Хеймскрингла», что значит «Круг земной» (по начальным словам). Это едва ли не наиболее монументальное историческое сочинение средневековья, написанное на родном языке.

Королевские саги создавались не только в Исландии, но и в самой Норвегии («Сага о Сверрире»). Писались в Норвегии также исторические сочинения на латинском языке, намного превосходившие обычные монастырские хроники (например, «Historia Norvegiae»). Разнообразная литература на латинском языке была создана на протяжении XI—XIII вв. и в Исландии, причем не только по истории и богословию, но и по астрономии, математике, зоологии.

В Дании и Швеции, где католическое духовенство особенно успешно подавило местные языческие традиции, литература раннего средневековья отличалась наименьшей свежестью, оригинальностью. Художественных памятников на древнедатском языке нет до XIV в. Вся литература здесь создавалась на латыни. Это главным образом произведения монашеской учености: жития святых (в частности, канонизированных скандинавских королей), гимны, молитвы, псалмы, единичные богословские трактаты. Особое место занимают памятники датской средневековой историографии. Первые датские хроники создавались в монастырях в XII в. благодаря, в частности, усилиям известного государственного деятеля архиепископа Абсалона. Лучшей из этих хроник, вершиной датской средневековой литературы была «История датчан» («Gesta Danorum») Сакса Грамматика (умер ок. 1220 г.). Сочинение его поныне восхищает богатством содержания и мастерством изложения. Крайне ценны, несмотря на их легендарность, те разделы его труда, где используются древнедатские героические сказания, до нас не дошедшие.

Конечно, в раннее средневековье в Дании, как и везде, продолжалось устное народное творчество — песни-баллады самого разного содержания. Записаны все они не раньше XVI—XVII вв.

Шведская литература раннего средневековья, вероятно, беднее, чем в большинстве западноевропейских стран того времени. Художественных памятников на древнешведском языке старше XIV в. также не сохранилось. Как и в Дании, из монастырских и соборных стен выходили церковные стихи на латинском языке; скупые исторические хроники велись здесь с XIII в.

Образование в Скандинавии было сосредоточено в руках церкви. В монастырских и епископских школах Севера оно отличалось еще более низким уровнем, чем в других западноевропейских странах. Эти школы в основном лишь знакомили с началами латыни и христианского вероучения. Лучше всего в раннее средневековье светское образование было поставлено в Исландии. С XII и особенно с XIII в. в скандинавских монастырях уже изучали римских классиков, собирали рукописные библиотеки. За получением высшего образования скандинавы с XII в. ездили в первые европейские университеты Италии, Франции, Германии.

Наиболее распространенным видом изобразительного творчества скандинавов в раннее средневековье оставалось прикладное искусство, особенно резьба по дереву с замечательным растительным, звериным и геометрическим (в качестве орнамента применялись также руны) орнаментом. В нем развивались мотивы эпохи викингов и были творчески преобразованы самые различные влияния, вплоть до византийских и арабских. То была также пора расцвета народного деревянного зодчества — церквей с вертикальной обшивкой стен («став-чирке»). Их сооружение было особенно распространено в Норвегии XII в.

Каменная архитектура развивается в Скандинавии со значительным опозданием по сравнению с Западной Европой да и с Восточной. Первые соборы в романском стиле появились только в XII в., главным образом в Дании (в городах Лунд, Виборг, Рибе). Это соборы из тесаного камня. В основном с XIII в. распространяется готический стиль, сначала в Дании (собор в Роскилле), затем в Норвегии (Тронхейм) и Швеции (Упсала). В Норвегии и Швеции, однако, по-прежнему преобладали деревянные постройки и только в бедной лесом Дании широко применялся кирпич. С XII в. в Норвегии и Дании, а с XIII в. в Швеции стали возводиться каменные крепости. Исключительно церковный и подражательный характер носили в раннее средневековье живопись (настенная) и скульптура (деревянная).

Глава III

Эпоха феодальных уний (XIV—XV вв.)

Феодальные распри на рубеже XIII—XIV вв. Ограничение королевской власти в пользу аристократии. Период раннего феодализма закончился в скандинавских странах на рубеже XIII—XIV вв. (в Дании несколько раньше — в середине XIII в.). Налицо уже были главные сословия феодального общества — дворянство, духовенство, крестьянство и горожане; сложились и сравнительно централизованные монархии с ленным порядком управления. Именно крупные королевские ленники, родственники самих королей, наряду с епископами стали зачинщиками чисто феодальных распрей,

добиваясь полной самостоятельности на подвластных им территориях.

Семейные династические усобицы разгорелись в Дании в середине XIII в., когда был убит король Эрик Плужный Грош людьми своего брата герцога Абеля (1250). В Швеции они начались полвека спустя: король Биргер был схвачен и низложен своими братьями-герцогами (1306), затем сам их умертвил и, наконец, был изгнан мятежными феодалами (1318). Важнейшим следствием феодальных распрей была угроза политической раздробленности, особенно серьезная в Дании. Так, в 1241 г. стало самостоятельным ленное владение вышеназванного Абеля — герцогство Шлезвиг. В 1310 г. фактически распалась на королевскую и герцогскую части Швеция. В начале XIV в. датские короли, нуждаясь в деньгах для возобновления завоевательной политики в Северной Германии, прозакладывали немецким князьям-кредиторам свои крупнейшие лены. Дания распалась на части и в 1332 г. вообще осталась без короля. Сравнительно прочной оставалась королевская власть в наиболее бедной из трех монархий — Норвегии, однако страна эта в целом с XIV в. стала клониться к упадку.

Феодальная раздробленность наступила на Севере с опозданием, когда Европа в целом уже выбиралась из нее, и стала лишь эпизодом, а не этапом. Феодальные лены в большей своей части остались срочными, условными, ненаследственными. Далее, удельный вес помещичьих крестьян-держателей, сидевших на землях духовных и светских феодалов (кроме короля), ко времени усиления феодального сепаратизма (на рубеже XIII—XIV вв.) все еще был значительно ниже, чем в странах развитого феодализма. Иммунитетные привилегии знати оставались сравнительно ограниченными (налоговый иммунитет дворянства, налоговый и судебный духовенства). Наконец, могущество скандинавских феодалов ослаблялось и тем, что их крупные земельные комплексы сложились в основном уже тогда, когда доходность крестьянского хозяйства, уровень феодальной ренты резко упали: XIV—XV века были в Скандинавии и особенно в Норвегии порой глубокого аграрного кризиса.

В силу указанных обстоятельств скандинавские феодалы не притязали по большей части на создание независимых территориальных княжеств. Но они весьма энергично противодействовали произволу самих королей, их самодержавным устремлениям. Местная знать, часто возглавляемая духовенством как наиболее грамотным и могущественным своим авангардом, стала носителем идеологии и политики феодального конституционализма. Как раз на рубеже XIII—XIV вв. собрания знати каждой из трех скандинавских стран навязали своим королям серьезные законодательные ограничения их власти. В практику политической жизни скандинавских монархий со второй половины XIII в. вошли периодические собрания знати, созываемые королями для решения важнейших государственных дел (херредаг — в Швеции, данехоф — в Дании, без определенного названия — в Норвегии). Датский король Эрик

Клиппинг в 1282 г. дал письменное обязательство ежегодно созывать такие собрания — своего рода феодальные парламенты — для решения текущих политических дел, но главным образом для принятия новых законов и осуществления правосудия. Решающее значение в деле ограничения королевской власти при сохранении и даже укреплении государственного единства получили, однако, не эти дворянско-рыцарские съезды, а оттеснившие их на задний план более узкие совещания высшей феодальной знати и духовенства — государственные советы (риксроды). Возникнув на рубеже XIII—XIV вв. государственный совет постепенно стал в каждой из скандинавских стран главным правительственным органом, контролировал действия королей, выполнял регентские функции в их отсутствие, наконец, в Дании и Швеции даже выбирал нового короля.

В 1319 г., в связи с избранием на шведский престол малолетнего Магнуса Эрикссона, светские и духовные магнаты в особой «Вольной грамоте» изложили свои условия его избрания: незыблемость феодальных привилегий. Условия эти, подобно клятвенным обязательствам датских королей, приобрели с тех пор силу основного закона, своего рода феодальной конституции. Они закрепляли и самый принцип выборности датских и шведских (в отличие от норвежских) королей. В истории Швеции хартию Магнуса Эрикссона обычно сближают с британской Великой хартией вольностей XIII в.

Сословная монархия с ограниченной королевской властью и могущественным аристократическим советом надолго утвердилась в Скандинавии и окончательно исчезла лишь в XVII (Дания) и даже в XVIII в. (Швеция). Следует подчеркнуть, что установлению феодально-конституционных порядков способствовала поддержка не только знати, но и более широких имущих слоев населения, тяготившихся королевским произволом.

Немецкая экспансия и Кальмарская уния. Одним из способов ограничения королевской власти без ущерба для государственного единства было в средние века избрание монарха-иностранца, т. е. личные унии между феодальными государствами. Такие унии стали возможны по мере взаимного сближения господствующего феодального сословия разных западноевропейских стран. Короли-чужеземцы при своем избрании обязывались соблюдать законы данного государства и считаться с местной аристократией. XIV век стал временем подготовки и оформления унии между всеми тремя скандинавскими странами. Тяготение скандинавской власти к объединению объяснялось в первую очередь ее стремлением к сохранению своего влиятельного положения внутри каждой из стран. К объединению же в масштабах Скандинавии побуждали, во-первых, тесное языковое и культурное родство, помноженное, что касается знати, на родственные и имущественные узы: земли одних и тех же знатных фамилий нередко находились в двух и даже трех скандинавских странах.

Сплочение трех скандинавских государств было ускорено еще одним внешним обстоятельством. В течение XIV в. усилилась немецкая экспансия в Северной Европе. Она принимала самые разные формы: экономического подчинения с помощью внешнеторговых привилегий, иммиграции ремесленников, рудокопов, купцов и рыцарей, наконец, прямых территориальных захватов.

Союз городов Северной Германии — могущественная Ганза — в этом столетии упрочил свою фактическую монополию на ввоз и вывоз товаров в Скандинавии. Первое место среди ганзейцев занимали жители Любека. Особенно всесильны были ганзейцы в малонаселенной и экономически слабой Норвегии, все более нуждавшейся в привозном зерне. Немцы составляли влиятельную прослойку почти в любом скандинавском городе, часто верховодили в органах городского самоуправления, например в Стокгольме. Норвежский же город Берген и особенно самый богатый в Скандинавии город Висбю на шведском острове Готланд превратились в ганзейские опорные пункты.

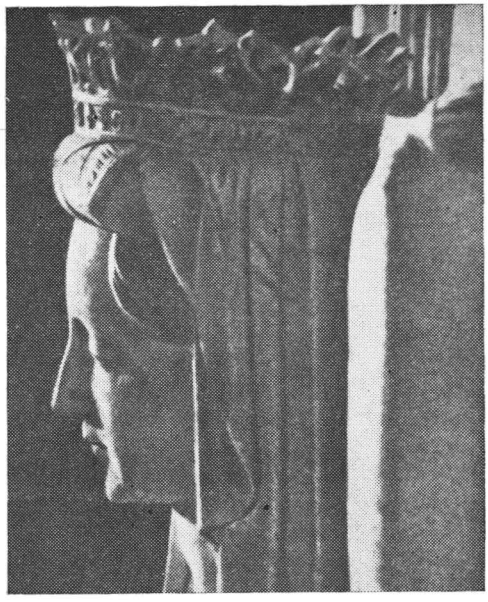
Немецкие ремесленники и мастера-рудокопы во множестве оседали в городах и горнопромышленных районах Скандинавии. Часть их, особенно в Швеции, быстро ассимилировалась. Тем не менее немецкое влияние в скандинавских городах и горном деле оставалось значительным в течение всего позднего средневековья. Первые цеховые и горные уставы XIV—XV вв. копировали немецкие, в Германии северные ремесленники совершенствовали свое мастерство, немецкими словами в изобилии пополняли свой язык.

Наибольшую опасность немецкая экспансия представляла для Дании. В Шлезвиг, или Южную Ютландию, с XIII в. все чаще переселялись немецкие купцы и ремесленники, а земельные владения там доставались немецким дворянам. В 20—30-х годах XIV в. богатые голштинские графы (Гольштейн — ближайшее к Дании немецкое государство) временно стали кредиторами датских королей и фактически хозяевами Дании. В середине XIV в. датский король Вальдемар IV Аттердаг («Снова день», 1334—1375) восстановил целостность государства [1]. Однако его попытка свергнуть торговое господство Ганзы кончилась поражением Дании. Ганзейские привилегии пришлось в 1370 г. подтвердить и даже на 15 лет отдать ганзейцам часть датских владений на юге Скандинавского полуострова с богатыми рыбными ловлями. Вслед за тем пришлось признать власть голштинских графов над датским герцогством Шлезвиг: отныне Шлезвиг прочно соединился с Гольштейном (1386) и только номинально оставался леном датского короля.

В первой половине XIV в., с 1319 г., Норвегия и Швеция имели общего короля Магнуса Эрикссона, унаследовавшего норвежский престол и избранного на шведский. В 1380 г. общий внук Магнуса и датского короля Вальдемара IV — малолетний Олаф IV, король Дании, унаследовал также норвежский престол. В Швеции же

[1] Остров Рюген, однако, был утрачен в 1325 г., а Эстляндия (Северная Эстония) уступлена Ливонскому ордену в 1346 г.

местная феодальная знать тяготилась своим выборным королем немцем Альбрехтом Мекленбургским. Фактическая правительница Дании и Норвегии — честолюбивая и умная королева Маргарита — мать рано умершего Олафа — заручилась поддержкой шведской знати и изгнала короля-немца из Швеции (1389). Стремясь увековечить союз трех государств, Маргарита убедила аристократию Дании, Швеции и Норвегии признать королем ее юного внучатого племянника герцога Эрика Померанского (тоже немца!). Коронация Эрика и соглашение об условиях унии состоялись в южношведском городе Кальмаре в 1397 г. Династическое и военно-политическое объединение трех скандинавских государств получило название Кальмарской унии.

Королева Маргарита Датская. Часть надгробия

Первенство в унии имела Дания как самая населенная и богатая из трех стран. Тяготение шведской и особенно норвежской знати к Дании и датским королям объяснялось не в последнюю очередь и хозяйственными трудностями.

Хозяйственный застой XIV в. Подъем городов и промыслов в XV в. В начале XIV в. рост производительных сил в сельском хозяйстве и внутренняя колонизация Скандинавии замедлились, а после зловещей чумной эпидемии середины этого века («черной смерти») даже сменились обратными явлениями. Крестьянские усадьбы навсегда забрасывались, размеры пахотной площади сокращались. Указанные отрицательные явления с особой силой сказались в самой бедной из трех стран — Норвегии — и привели ее к явственному упадку в XIV—XV вв.

Тем временем феодализация арендных отношений и всего хозяйственного строя скандинавской деревни продолжалась. Процесс этот шел по нескольким линиям. Феодальное государство стремилось увеличить налогообложение крестьян-бондов, в первую очередь податных, т. е. собственников, и коронных, т. е. держателей королевской земли. Новая служилая знать — всевозможные королевские ленники — взимала с крестьян-собственников подати и повинности в казну не менее рьяно, чем помещики оброки со своих крестьян-держателей. Ведь доходы дворянина-ленника прямо зави-

сели от исправного сбора податей. Налоговый гнет был столь силен, что масса податных бондов нередко добровольно уступала права поземельной собственности духовным и светским феодалам и в дальнейшем обрабатывала свою землю в качестве держателей-арендаторов, защищенных налоговым иммунитетом их господ. Наиболее бурно процесс исчезновения крестьян-собственников развернулся в Дании, где в середине XIV в. из общего числа 80 000 хозяйств только 14 000 принадлежали самим крестьянам.

Вызванные эпидемией чумы нехватка рабочих рук и запустение хозяйств привели к падению размеров феодальной ренты и цен на землю. Эти обстоятельства облегчали скупку земель дворянами, церковью, богатыми горожанами и ускоряли процесс сокращения крестьянской собственности (особенно в Норвегии). Нуждаясь в рабочей силе, в арендаторах, господствующий класс привлекал держателей снижением продуктовой ренты и удлинением сроков аренды. Досрочный уход держателя от помещика всячески стеснялся законом. С начала XIV в. крестьяне-держатели на датских островах стали передавать землевладельцу право представлять их в суде. Помещики стали взимать с крестьян судебные штрафы. Отсюда впоследствии в связи с нехваткой рабочих рук выросли прикрепление держателей мужского пола на островах к их наделам, купля-продажа земли с людьми, т. е. крепостничество («ворнедскаб»). В Швеции в первые десятилетия XV в. право перехода держателя было ограничено до одного раза в восемь лет. Самовольный досрочный уход держателя мог повлечь за собой его безнаказанное убийство помещиком при поимке.

Во второй половине XIV—XV вв. крупные барщинные имения светской и духовной знати, распространенные особенно на датских островах и в Сконе, обычно дробились их владельцами на мелкие наделы и сдавались в аренду крестьянам. Такой порядок распределения земли уже вполне отвечал общим тенденциям аграрного развития Западной Европы.

Для возрождения датского сельского хозяйства после его упадка во второй половине XIV в. важным благоприятным фактором была близость емких рынков сбыта — ганзейского и нидерландского, а также дальнейший рост собственного торгово-ремесленного населения. Для куда менее производительного шведского сельского хозяйства положительным фактором явилось образование в центре страны крупного горнопромышленного района Бергслаген.

Скандинавские города были все еще очень малы даже по средневековым меркам (в крупнейшем из них — Копенгагене насчитывалось не более 10 000 жителей, а в Стокгольме даже к концу XV в.— менее 9 000), стеснены в своей автономии по сравнению с городами континента, а горожане, включая купечество, довольствовались скромным достатком. В целом, за исключением отдельных районов Дании, уровень товарно-денежных отношений в Скандинавии был значительно ниже западноевропейского. Это выражалось и в распространении меновой торговли, и в далеко не полном разделении труда между городом и деревней. С одной стороны, сами

горожане не оставляли занятий сельским хозяйством за городской стеной, держали скот. С другой стороны, в особенности на Скандинавском полуострове, издавна практиковались сельские промыслы (ткацкий, пивоваренный, бочарный) и торговля. Отсюда замедленный рост городов, особенно шведских и финских (в средневековой Исландии город вообще отсутствовал).

В первой половине XIV в. в средней части Швеции выделился слой крестьян-рудокопов. Они объединялись в особые товарищества, артели — «бергслаги». Каждый из членов бергслага (отсюда и название района) имел свой пай, долю в добыче данного рудника и нес соответствующие расходы по его разработке, обходясь своими силами или позднее с помощью нескольких наемных рабочих. Доли эти, как и рудоносные участки и металлургические предприятия, покупались и продавались. Земные недра и на Скандинавском полуострове считались королевской собственностью (регалией). Для их разработки требовалось разрешение властей, а определенная доля добытой руды или металла шла в казну. Рудокопы имели свое особое право немецкого происхождения, пользовались некоторыми привилегиями. В целях привлечения рудокопов королевские наместники охотно наделяли их участками пахотной земли, беглым преступникам предоставлялось в Бергслагене право убежища.

В отличие от добычи руды со дна озер и болот горное дело требовало крупных затрат, коллективных усилий, зато и сулило такое предприятие несравненно большие барыши. Вскоре после зарождения шведской горной промышленности в ней наряду с мелкими самостоятельными мастерами-рудокопами крестьянско-ремесленного типа приняли участие представители торгового капитала — преимущественно немецкие купцы из Стокгольма или из самой Германии (Любек). Кроме купцов немецких, а затем и шведских средства в горное дело охотно вкладывали и шведские феодалы. Группа таких состоятельных людей, дворян и недворян, испрашивала у короля разрешение-привилегию на разработку горных недр в определенном районе. В силу привилегии они прежде всего освобождались от уплаты каких бы то ни было налогов, кроме доли добычи. Наряду с этим податным иммунитетом горнопромышленники получали право принуждать окрестных крестьян к несению повинностей в свою пользу, а неимущее население — к найму на рудники и горные заводы.

Таким образом, в шведской горнометаллургической промышленности возникали зачатки капиталистической мануфактуры в обеих ее формах — рассеянной и централизованной.

Социально-экономическое развитие Скандинавии в XIV—XV вв. носило весьма противоречивый характер. Экономическим упадком оказались охвачены Норвегия и Исландия, что было вызвано наряду с общими причинами («черная смерть») торговой монополией Ганзы. Упадок норвежского сельского хозяйства ускорил оскудение норвежской знати, и без того сократившейся после эпидемии (с 300 до 60 семей). Отсюда и политическое ослабление этой страны, приведшее норвежцев от унии с Данией к подчинению ей в

XVI в. В двух других скандинавских странах, несмотря на чуму и аграрный кризис XIV в., все же одерживали верх поступательные тенденции. Главные из них — улучшение положения части крестьян (упрочение держательских прав на землю, снижение ренты), образование национального сословия горожан, успехи в горном деле (Швеция), общий рост товарного производства и оборотов внешней торговли. Эти положительные явления обнаружились, однако, уже в XV в. после крупных народных движений и отчасти вследствие их.

Столкновение короля и знати в странах Кальмарской унии. Народные восстания и датско-шведские войны XV в. Объединив под своей рукой весь западноевропейский Север, Маргарита Датская последовательно и не без успеха стремилась упрочить королевскую власть в ущерб аристократии всех скандинавских стран. При ней, в частности, впервые была проведена крупная редукция, т. е. принудительное изъятие у дворян — и Дании, и Швеции — ранее приобретенных ими податных и коронных земель. Приемный сын Маргариты король Эрик Померанский, самостоятельно правивший с 1412 г., задался целью сплотить участников унии в великую датскую державу и отвоевать у Ганзы господство на Балтийском море. С этой целью он стал взимать с купеческих судов, проходящих через узкий Эресунн, знаменитые Зундские пошлины (1429), так что со временем проливы стали «золотым дном» Датского королевства. Эрик всячески покровительствовал скандинавскому и в особенности датскому купечеству в ущерб ганзейцам. Большую часть своего царствования король вел жестокие войны с голштинскими графами из-за полунемецкого уже герцогства Шлезвиг, а затем с ганзейцами — из-за торгового преобладания на Балтике. На подданных короля легли чрезвычайно тяжелые налоги. Швеция и Норвегия участвовали в столь дорогостоящих военных предприятиях впервые.

Внутренней политике Эрика VII уже присущи черты абсолютизма. Из мелкопоместных датских и даже немецких дворян он подбирал послушных, преданных наместников — фогтов и поручал им управление ленами, отбирая эти лены у светской и духовной знати. На этой почве возникла вражда к Эрику, особенно со стороны шведской знати. Роптало и вольное крестьянство Скандинавского полуострова. Пришлые датско-немецкие дворяне нередко обращались с податными бондами как с крепостными.

К началу 30-х годов всеобщее недовольство обострилось, особенно в Швеции. Чашу терпения переполнило прекращение жизненно важных закупок железа, меди и подвоза соли ганзейскими купцами, воевавшими с Эриком. Горнопромышленники и крестьяне-рудокопы стали застрельщиками восстания шведов против королевского гнета. Восстание возглавил мелкий дворянин-горнопромышленник Энгельбрект Энгельбректсон — национальный герой шведского народа. Возникнув в июне 1434 г. в горнорудной области Даларна, или Далекарлии, движение быстро расширилось: наряду с крестьянами в него влились мелкие рыцари и отдельные

крупные феодалы, недовольные тяжелой рукой короля. Восставшие грабили и жгли замки и усадьбы королевских фогтов. Главным их требованием была отмена новых налогов и пошлин, они выдвигали лозунг возвращения к старому доброму, т. е. дофеодальному времени короля Эрика Святого.

В течение 1434 г. восстание охватило всю Швецию. Крупные крепости сдались Энгельбректу. На собрании высшей знати совместно с представителями рядового дворянства, духовенства и горожан в городе Арбуге в январе 1435 г. (считается условно первым шведским риксдагом) вождь восстания был назначен главнокомандующим шведского войска. Характерно, однако, что восставшие не шли на решительный разрыв с королем, и когда тот в ноябре 1434 г. прислал на помощь осажденному Стокгольму свой флот, то было заключено перемирие, а в 1435 г.— мирное соглашение на компромиссных условиях: Эрик сохранял шведскую корону, налоги снижались, риксрод вновь стал оказывать влияние на назначение королевских наместников-фогтов в Швеции. Вскоре, однако, самодержавная политика Эрика возобновилась, и после нового собрания риксрода и сословий в Арбуге (1436) знать во главе с риксмаршалом Карлом Кнутссоном предъявила королю более жесткие требования, угрожая низложением. Военные действия против датчан возобновились и велись успешно. Нарастали, однако, классовые противоречия в лагере самих шведов. Знать тяготилась народным вождем, боялась его. Весенней ночью 1436 г. больной Энгельбрект был убит группой дворян на островке посреди озера Ельмарен, якобы из личной вражды. Могила Энгельбректа стала местом паломничества со всех концов Швеции.

Убийство раскололо шведов. Знать и рыцарство, объединившись вокруг маршала Карла Кнутссона, заключили новое соглашение с Эриком, добившись, чтобы королевские наместники в Швеции впредь назначались из среды самих шведов. Крестьянское же движение обратилось теперь не только против датских фогтов, но и против шведских феодалов. Вождем антифеодального крестьянского движения стал соратник и друг Энгельбректа Эрик Пуке. Плохо вооруженные и неорганизованные крестьяне уже в 1437 г. потерпели поражение, а Эрик Пуке и другие народные вожди были казнены. Дворянское собрание в Стренгнесе (1437) вынуждено было, однако, принять особое постановление о крестьянах, содержавшее некоторые уступки их требованиям. Чрезвычайные налоги снижались на одну треть. Запрещалось отнимать у крестьян их детей и насильственно брать их на службу к дворянам.

Датская знать тяготилась абсолютистскими притязаниями короля почти так же, как и шведская. В 1439 г. Эрик был официально низложен сначала датчанами, затем шведами и, наконец, норвежцами. После этого государственные советы Швеции и Дании подтвердили сохранение унии: на престолы трех государств был избран более сговорчивый племянник Эрика — немецкий князь Кристофер Баварский. В 1438 г. изгнанный король укрылся в хорошо укрепленном городе Висбю на острове Готланд и отсюда в течение

нескольких лет совершал нападения на купеческие корабли. Только в 1449 г. Эрик продал остров датскому королю, а сам вернулся в Померанию.

В Норвегии те же причины, что и в Швеции, в сочетании с примером и призывом шведов привели в 1436—1438 гг. к восстанию крестьян и мелкого рыцарства в южной части страны под руководством дворянина Амунда Сигурдссона. Это восстание весьма похоже на шведское, только масштабы его меньше. Норвежский риксрод использовал восстание для упрочения своей независимости от наместников короля.

Крупное крестьянское восстание неминуемо должно было произойти в это бурное время и в Дании. Оно началось в месте распространения крепостничества — Зеландии (1439), затем охватило всю страну и достигло наибольшей силы среди свободных крестьян Ютландии (1441—1443). Очевидно, во всех трех скандинавских странах крестьяне-собственники имели больше, чем зависимые, возможностей и мужества для вооруженных выступлений. В тактике скандинавских крестьян современники усматривали влияние чешских таборитов: применялись, например, «вагенбурги» — оборонительные поясы из обозных повозок, скрепленных цепями и досками.

Кристофер Баварский умер в 1448 г., и нового кандидата, приемлемого для датчан и для шведов, найти не удалось. В Дании был избран Кристиан I Ольденбургский (1448—1481), опять-таки немецкий князь. Шведские же магнаты остановили выбор на Карле Кнутссоне — вожде аристократической оппозиции против Эрика Померанского. В Норвегии боролись две партии, датская и шведская, каждая из которых провозгласила королем своего ставленника. В конце концов верх взяли сторонники Кристиана. В 1450 г. была провозглашена вечная уния между Данией и Норвегией. Оба экземпляра соглашения об унии были составлены на датском языке, а в числе подписавших их от имени Норвегии было несколько датчан.

Кальмарская уния все еще имела влиятельных сторонников и в Швеции. Избрание датчанами и шведами разных королей не помешало ее условному продлению в 1450 г. (Хальмстадское соглашение): в случае смерти одного из королей другой должен был ему наследовать. Вскоре, однако, вражда возобновилась: Карл Кнутссон сохранил свой норвежский королевский титул, Кристиан I претендовал на некоторые шведские земли. После ряда взаимных пограничных набегов походом Кристиана I на Швецию в 1452 г. открылась новая полоса датско-шведских войн XV в. Союз ганзейских, точнее, балтийских (вендских) городов во главе с Любеком обычно держал в этих войнах сторону более слабой Швеции. Датского короля, однако, поддержала часть шведской аристократии, завидовавшая возвышению Карла Кнутссона. Поэтому войны с датчанами сопровождались столкновениями враждующих группировок знати внутри самой Швеции. Трижды Карл Кнутссон удалялся из Швеции в изгнание и возвращался вновь (ум. в 1470 г.).

Преемник Карла Кнутссона его племянник шведский магнат Стен Стуре (Старший) был избран не королем, а предварительно лишь правителем, регентом государства. В октябре 1471 г. под стенами Стокгольма датско-немецкое войско — рыцари и ландскнехты, поддержанные частью шведских феодалов, столкнулись с противниками унии: крестьянско-бюргерским ополчением и частью шведского дворянства (битва при Брункеберге). Стен Стуре нанес пришельцам решительное поражение, и король Кристиан был ранен в бою. Тем самым были надолго ослаблены и сторонники унии в самой Швеции.

Период правления (не царствования!) дома Стуре (1471—1520) своеобразен в том отношении, что официально королями Швеции оставались датско-норвежские монархи, фактически же, за кратковременными исключениями, правители Стуре не пускали их в Швецию. Для упрочения своей власти и противодействия козням датского короля и интригам шведских феодалов и епископов — своих соперников — регенты Стуре вынуждены были часто созывать собрания всех, в том числе и податных сословий. В этих собраниях — риксдагах — участвовали выборные от податных и коронных крестьян, не говоря уж о горожанах и рудокопах.

Одновременно и датско-норвежские короли, нуждаясь в деньгах, стали по временам созывать представителей горожан и крестьян-собственников (впервые в Калундборге, 1468 г.). Однако в Дании, где масса крестьян уже впала в частнофеодальную зависимость от дворян и духовенства, эти собрания серьезного значения не получили. Усилению королевской власти в датской сословной монархии мешала феодальная знать с ее могущественным органом — государственным советом (риксрод). Короли, с 1448 г. выбиравшиеся из новой династии — Ольденбургской, подтверждали в особой «капитуляции» вольности датского дворянства, в том числе даже право на мятеж в случае попрания его привилегий королем.

Глава IV

Реформация, экономический подъем, борьба за господство на Балтике (XVI в.)

Окончательное расторжение Кальмарской унии и образование национального шведского государства. Великие географические открытия совпали в истории скандинавских стран с царствованием короля Ханса Датского (1481—1513). Ему ненадолго и номинально удалось восстановить Кальмарскую унию — на шведский престол он был избран в 1483 г. лишь ценой отказа от вмешательства в управление Швецией. Фактическая власть правителя Стуре не поколебалась. Постепенно сторонники Кальмарской унии теряли в Швеции один лен за другим в пользу самого регента и его людей. Стокгольм — верная опора Стуре — вырос теперь в экономический и политический центр страны. В непрерывной борьбе с датчанами,

сопровождавшейся острой памфлетно-литературной полемикой, окрепло к началу XVI в. национальное самосознание шведов.

Между тем силы датчан и внимание датского правительства дробились между усмирением непокорных норвежцев, борьбой против могущественного ганзейского города Любека и шлезвиг-голштинскими делами. О них надо сказать несколько слов ввиду их важности для дальнейшей истории Дании.

В 1459 г. пресеклась династия голштинских графов, владевших герцогством Шлезвиг в качестве лена датского короля. Датское герцогство уже сильно онемечилось — язык господствующего класса и администрации был немецким. В 1460 г. король Кристиан I добился своего избрания на шлезвиг-голштинский престол, однако ценой важных уступок: уния Дании и Шлезвиг-Гольштейна объявлялась не более чем личной, а уния Шлезвига и Гольштейна — оставалась вполне реальной (единое управление навечно). Шлезвиг остался леном датских королей, а Гольштейн (с 1472 г. — герцогство) — леном германских императоров. Датские короли должны были приспосабливать свою политику к интересам богатого и воинственного немецкого дворянства Шлезвиг-Гольштейна. В 1500 г. король Ханс, служа этим интересам, пошел походом на вольную северонемецкую крестьянскую республику Дитмаршен и погубил в тамошних болотах свою тяжелую конницу.

Не выполненную Хансом задачу — покорение Швеции — взялся осуществить его сын, честолюбивый и одаренный Кристиан II (1513—1523). Он открыто стремился к абсолютной власти и всячески покровительствовал горожанам и купечеству. Король впервые за многие десятилетия отстранил государственные советы Норвегии, а затем и Дании от управления, урезал привилегии дворян в пользу горожан, отменил «ворнедскаб» — крепостную зависимость крестьян. Прогрессивные реформы следовали одна за другой, но были поставлены под угрозу грандиозными внешнеполитическими планами короля, и прежде всего его войнами за восстановление Кальмарской унии, т. е. господства датчан в Швеции.

В 1519 г. наемным войскам Кристиана удалось одержать победу в Швеции. Король получил поддержку части местной знати, особенно католических прелатов, недовольных централизаторской политикой регентов Стуре. Сторонники последних — 80 человек — были осуждены якобы за ересь и казнены («Стокгольмская кровавая баня», 1520). Однако надолго удержать под своей властью Швецию датский король не смог. В стране поднялось общенародное восстание уже не столько антикоролевского (как в XV в.), сколько национально-освободительного характера. Возглавил его шведский дворянин Густав Ваза, получивший денежную помощь у ганзейских купцов Любека.

Успеху шведского восстания 1521—1523 гг. способствовали заговор и мятеж датской и шлезвиг-голштинской знати, поднявшейся против короля в защиту своих феодальных привилегий. Тем временем объявленная Ганзой морская блокада грозила Дании хозяйственным крахом Высокие налоги и порча монеты по прика-

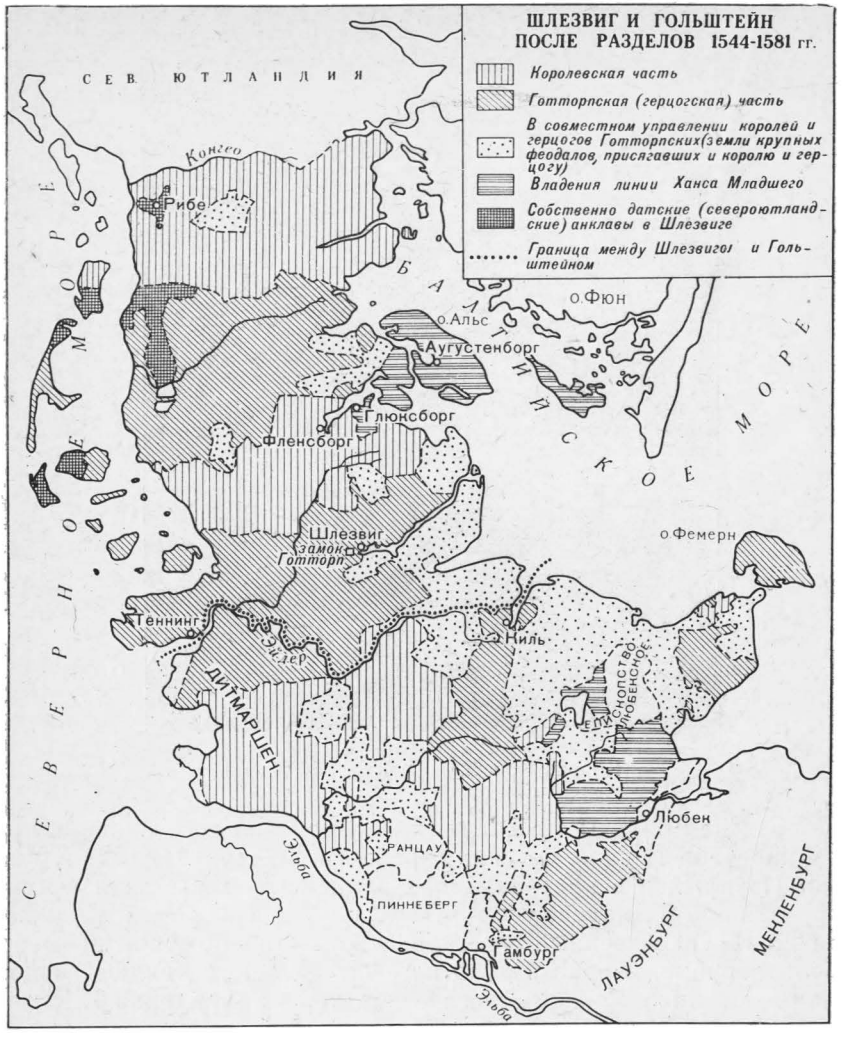

Король Кристиан II. Портрет 1526 г.

зу короля для оплаты его военных мероприятий восстановили против Кристиана II даже датских горожан и крестьян. В 1523 г. Кристиан II укрылся в нидерландских владениях своего зятя — императора Карла V, надеясь вернуться с новым войском. Между тем датский государственный совет низложил «тирана», как называли короля дворяне, избрав вместо него его родного дядю герцога Фридриха Гольштейнского под именем короля Фредрика I. Реформы Кристиана II были отменены.

Падение Кристиана II означало и конец Кальмарской унии. В 1523 г. шведский риксдаг избрал на престол Густава Вазу. Новый король Дании и Норвегии, солидарный с Густавом во вражде к низложенному Кристиану II, признал происшедшие перемены.

Королевская реформация северных церквей. Полное подчинение Норвегии. Политический кризис в Скандинавии совпал с началом лютеранской Реформации в Германии. Поборники разрыва с Римом, перевода Библии на родной язык, рационализации церковных догматов и упрощения обрядов вскоре — в 20-х годах — выступили и на кафедрах датских и шведских церквей. Наибольшую популярность поборники протестантизма приобрели у горожан. В городской среде обмирщение и роскошь духовной знати,

Шлезвиг и Гольштейн после разделов 1544—1581 гг.

праздность и алчность католических монахов вызывали особое негодование, а идея опрощения и демократизации церкви — живейший отклик. Программа реформы пришлась кстати и для части скандинавского дворянства, жаждавшей секуляризации церковных земель, и для поборников сильной королевской власти, на чьем пути как раз стояли католические архиепископы и епископы.

Протестантские проповедники в Дании (наиболее известный Ханс Таусен) и Швеции (Олаус Петри) выступали устно и в печати при явном попустительстве датского и прямом покровительстве

шведского короля. Уже в 1527 г. Густав Ваза при поддержке сословий дворян и горожан добился от риксдага постановления о передаче большей части земель, замков и движимого состояния церковных учреждений короне и возврата дворянам земельных дарений, сделанных ими в пользу церкви за предшествующие 70 лет. Податной иммунитет церкви был упразднен. Однако католическая церковь все еще имела прочные корни в такой обширной и слабо централизованной стране с крайне малым городским населением, какой была Швеция. Жестокая абсолютистская политика Густава Вазы, растущий налоговый гнет, расширение и усиление королевской администрации на местах встречали противодействие и феодалов, и крестьян, чем умело пользовались прелаты. Мятежи вспыхивали то здесь, то там, и самозванцы выступали в течение большей части царствования Густава Вазы (1523—1560). Реорганизация шведской (и финляндской) церкви на основах так называемого аугсбургского вероисповедания с официальным подчинением духовенства королю состоялась только в 1539—1540 гг.

В Дании королевская реформация была проведена вслед за большой гражданской войной 1534—1536 гг. (так называемой графской распрей), потрясшей страну впервые с такой силой со времен ютландского восстания 1440-х годов. Попытка Кристиана II после смерти Фредрика I (1533) вернуться на опустевший датско-норвежский престол была поддержана, как в свое время восстание Густава Вазы, Любеком. Ганзейский город рассчитывал получить от претендента торговые льготы и тем самым восстановить свое пошатнувшееся положение на Балтике. В союз с Любеком вошли крупнейшие датские города Копенгаген и Мальмё (в Сконе), знавшие Кристиана как защитника интересов бюргерства. При поддержке горожан наемное войско Любека под командованием графа Кристофера Ольденбургского (отсюда название «графская распря») овладело Зеландией, Фюном и Сконе. Династической распрей воспользовалось свободное крестьянство Северной Ютландии. Сохранив оружие, оно в 1534 г. восстало против феодалов, в поддержку бывшего короля — врага крепостников. Однако Кристиан II попал в плен, не добравшись до Копенгагена. Государственный совет Дании в 1534 г. избрал королем другого Кристиана, сына Фредрика. Королевское войско жестоко подавило крестьянское восстание, а затем двинулось на острова и в Сконе. Силы Любека были разбиты на суше и на море (1535), после долгой осады сдался Копенгаген (1536). Новый король Кристиан III, ставленник дворян, арестовав в 1536 г. епископов, провел в Дании и Норвегии изъятие земель духовенства в пользу короны и перестроил церковную организацию на тех же основах, что и в Швеции.

Наибольшее сопротивление Реформация встретила в Норвегии и Исландии, где она служила орудием датской королевской политики (соответственно в Финляндии — шведской политики), средством дальнейшего подчинения этих стран датчанам. Норвежское дворянство и епископы были наказаны за их поддержку Кристиана II: государственный совет Норвегии упразднен, страна офици-

ально провозглашена частью датской монархии, датский язык стал языком нового богослужения и королевской администрации. Вождь норвежского дворянства местный архиепископ католик Олаф Энгельбриктссон бежал за границу. Несколько позже для управления Норвегией, сохранившей наименование королевства, была учреждена должность королевского наместника («статхолдера»).

Еще плачевнее была судьба Исландии. Под властью норвежских королей остров хирел из века в век. Тяжелые удары нанесли населению чумная эпидемия XV в. и набеги пиратов. С переходом исландцев под власть Дании ганзейская торговая кабала лишь сменилась датской. В этих условиях королевская реформация была воспринята как дальнейшее порабощение, а ее противники во главе с казненным в 1550 г. католическим епископом Йоуном Арасоном остались в памяти исландцев как национальные герои.

Бюрократизация ленной системы и новый нажим на крестьян. Реформация в Скандинавии, как и везде, усилила королевскую власть, особенно в Швеции. Риксдаг (1544) принял предложение Густава Вазы и провозгласил Швецию наследственной монархией. В Дании и Швеции выросли земельные владения короны и налоговые поступления в казну, исчезло «государство в государстве» — католическая церковь, погибла значительная часть непокорной феодальной знати, изменился, наконец, и характер самой ленной системы. Короли нуждались не в переживших себя замках и рыцарях, а в пушках и наемниках-ландскнехтах, т. е. в деньгах. Владелец лена становился государственным служащим, подотчетным королю. К тому же и сама величина ленных пожалований теперь уменьшилась (особенно в Дании), и местные администраторы зачастую уже не были дворянами. Правда, условные земельные дарения дворянству, в частности из бывшего церковного фонда, распространились с конца XVI в. (главным образом, в Швеции). Они, однако, не сопровождались передачей частным владельцам административных прав, тем паче политических. Укреплению королевской власти в Швеции сильно способствовал в то время и созыв, пусть нерегулярный, сословно-представительных собраний — риксдагов. Четырехсословный риксдаг созывался королем в поддержку каких-либо важных правительственных мероприятий и нередко служил противовесом риксроду — органу высшей знати. В Дании же чаще собирались односословные дворянские собрания — херредаги, служившие не противовесом аристократическому риксроду, а его опорой. Дворянские съезды собирались властями также в датской Норвегии и шведской Финляндии.

Несмотря на бюрократизацию ленной системы, на усиление центральной власти, феодальные производственные отношения оставались незыблемыми и после реформации в некоторых отношениях даже окрепли. Начать с того, что по всей Скандинавии ряды крестьян-собственников в XVI в. таяли. В Дании после подавления восстания 1534—1536 гг. их вообще почти не осталось. В Швеции XVI в. и коронные земли, т. е. собственные земли казны, и

право сбора налогов с податных крестьян-собственников (скаттебёндер) все чаще дарились дворянам. Это, естественно, ущемляло податных крестьян, приближало их к держателям. Власть датских дворян-помещиков над личностью их крестьян была расширена: дворянин теперь обычно сам передавал держателя-злоумышленника в руки правосудия и сам же исполнял судебный приговор. Наконец, часть крестьян пострадала от общего роста цен и спроса на сельскохозяйственные продукты в XVI в.: повсеместно, включая Норвегию, повышались оброчные платежи держателей; дворянство, прежде всего в Дании, вновь стало укрупнять собственные хозяйства, сгоняя держателей-фёстеров (термин позднего средневековья) с лучших земель и удлиняя сроки барщины. В Швеции (и Финляндии) власть помещика над крестьянином так далеко не заходила. Но здесь в середине XVI в. власти стали «догонять» Европу, учреждая наследственные герцогства, графства и баронии, ранее неизвестные шведам. Эти обширные земельные комплексы изымались из общего управления. В Скандинавии начался (а местами, как на датских островах, усилился) процесс феодальной реакции. В Дании он принял характер закрепощения, протекавшего, впрочем, в менее жестоких формах, чем в Восточной Европе. В Швеции и Норвегии тот же процесс проявился в росте дворянского землевладения и усилении власти помещиков над крестьянами, однако без их закрепощения.

Новые пути европейской торговли и обострение борьбы за господство на Балтийском море. До XVI в. почти безраздельными хозяевами балтийской торговли оставались ганзейские города во главе с Любеком. С XV в. им пришлось допустить к этой торговле и незначительное число скандинавских и западноевропейских купцов, а также признать господство датских королей над ключами Балтики — Зундским проливом. В итоге «графской распри» Любек утратил прежнее политическое влияние на Балтике, но сохранил торговые привилегии в Скандинавии. Дания должна была по Шпейерскому миру 1544 г. с германским императором предоставить нидерландским купцам — его подданным — равные привилегии с ганзейцами.

Усиление интереса к Балтике со стороны небалтийских держав было вполне закономерно. Именно во второй четверти XVI в. в Западной Европе сказались последствия притока драгоценных металлов из Южной Америки — началась «революция цен». Новые ведущие торговые нации выдвинулись теперь на Атлантическом побережье Европы, отчасти в непосредственной близости от Скандинавии, а именно — голландцы и вслед за ними англичане и французы. На берегах Северного моря и Ла-Манша возник емкий, практически неограниченный рынок сбыта для традиционных предметов скандинавского вывоза.

Датские зерно и скот, шведские железо и медь, норвежский корабельный лес, норвежская и датская рыба в разных видах закупались голландскими, а затем и английскими купцами в количествах, далеко превосходивших ганзейские времена. Рост сельскохо-

Экспансия Швеции 1560—1658 гг.

зяйственных цен обогащал в первую очередь помещиков. Так, за 1520—1620 гг. цена земли в Дании поднялась на 400—500%, зерна и волов — на 200—300%; значительно меньше подорожали привозные иностранные товары и наемная рабочая сила. Накапливали капиталы, учреждали конторы и склады, снаряжали суда и датские купцы, хотя они по-прежнему далеко уступали по богатству своим западным конкурентам. Если в 1497 г. Зунд прошли пять датских

кораблей, то в 1560 г. их было 39, а в 1587 г. уже 473. Растущее значение северных рынков — скандинавского и русского — стало к середине XVI в. вполне очевидно политикам и коммерсантам самых разных стран; в международный обиход вошло понятие «балтийское господство» — «dominium maris Baltici» (лат.). Русское государство Ивана Грозного начало борьбу за широкий выход к Балтийскому морю. В 1558 г. после безрезультатной русско-шведской войны в Карелии началась 25-летняя Ливонская война. На наследие Ливонского ордена претендовало и Польско-Литовское государство, а вслед за ним и обе скандинавские державы. В 1559 г. епископ острова Эзель (ныне Сарема) принял покровительство датского короля Фредрика II (1559—1588), в 1561 г, горожане Ревеля и эстляндское (немецкое) рыцарство присягнули на верность новому шведскому королю Эрику XIV — старшему сыну Густава Вазы (1560—1568). Вслед за тем шведская власть утвердилась во всей Эстляндии (в северной части совр. Эстонии). В Ливонскую войну Швеция вмешалась как противник России. Брат и соперник короля Эрика XIV — Юхан, герцог Финляндский [1], также овладел частью ливонских земель. Женатый на польской принцессе, Юхан опирался на поддержку польского короля, между тем как Эрик XIV изгонял из Эстляндии и поляков, и русских. Ливонская война способствовала обострению шведско-датских противоречий. В основе их лежали и соперничество из-за прибалтийских земель, и борьба за единоличный контроль над подходами к русскому рынку, и вновь ожившие датские планы восстановления унии, и шведская решимость покончить с датско-норвежским «окружением». Ожесточенная война (так называемая Северная семилетняя война 1563—1570 гг.) не принесла Дании ожидаемого успеха. Накануне войны посольство Фредрика II заключило в Можайске (1562) русско-датский договор о сотрудничестве (первый такой договор — союз против Швеции — был заключен еще в 1493 г.). Впоследствии датский герцог Магнус, брат короля и епископ Эзеля, занял престол эфемерного Ливонского королевства, созданного по почину Ивана IV и под его покровительством (1570—1578).

Политические перемены внутри Швеции облегчили ей победу в Ливонской войне. В 1568 г. Эрик XIV — образованный политик, человек со вкусами эпохи Возрождения, но вместе с тем болезненно мнительный деспот — был низложен своим братом и заточен в темницу. Новый король Юхан III вместе с Речью Посполитой возобновил войну против России. В 1582—1583 гг. царь подписал тяжелые перемирия с обоими противниками. Швеция закрепила за собой Эстляндию, включая Нарву, и почти все Юго-Восточное побережье Финского залива. То был первый шаг к установлению шведского господства на Балтике. По мирному договору с Россией (Тявзинский, 1595) шведы вновь уступили русское побережье Финского залива, но русско-шведская граница в Финляндии, согласно факти-

[1] Финляндия была герцогством в 1556—1563 гг. В 1581—1721 гг. шведские короли носили титул великих князей Финляндских.

ческому расселению финнов, отныне проходила уже не к Ботническому заливу, а почти строго на север — к Баренцеву морю (в Лапландии фактическое размежевание было проведено лишь в XVII в.). Тяжкие поборы и рекрутчина обрушились в годы войны на шведских и финских податных крестьян. В 1596 — 1597 гг. в западной приморской Финляндии разразилось крестьянское восстание — «Дубинная война»,— с трудом подавленное местной знатью.

Шведско-польская уния и ее разрыв. Шведская интервенция в Русском государстве. Сближение обоих противников России — Швеции и Речи Посполитой — увенчалось их персональной унией при сыне Юхана Сигизмунде (1592), известном в русской истории под именем Сигизмунда III Польского. Опять, как в XIV в., шведская знать рассчитывала использовать унию для расширения своей политической власти. Однако унии с католической Польшей противилось лютеранское духовенство Швеции, не без оснований опасавшееся контрреформации. Абсолютистские притязания королячужеземца вскоре восстановили против него аристократию. Оппозицию возглавил последний сын Густава Вазы герцог Карл Сёдерманландский. В 1595 г. он был провозглашен на риксдаге правителем страны, в 1598 г. нанес поражение высадившемуся в Швеции Сигизмунду, а в 1599 г. — его сторонникам в Финляндии.

В начавшейся таким образом длительной войне польских и шведских Ваза к династическому спору добавилась их борьба за Ливонию, т. е. за Прибалтику. Кроме того, после польской интервенции в России шведский король Карл IX искал повода для вмешательства в русские дела, стремясь помешать утверждению поляков в Москве и вместе с тем прибрать к рукам северо-западные русские земли от Пскова до Архангельска. В 1609 г. царь Василий Шуйский, осажденный в Москве поляками и Лжедмитрием II, вынужден был принять шведскую военную помощь, обещав за нее уступить Корельский уезд, т. е. восточную часть Карельского перешейка и Северное Приладожье, шведам. В 1610 г. отряд наемников под командой шведского полководца графа Якова Делагарди вступил в Москву, но вскоре потерпел поражение вместе с русскими войсками под Клушином. Часть наемников перешла к полякам, а сам Делагарди вернулся в Прибалтику.

Вслед за тем шведская интервенция приняла характер, открыто враждебный России. В 1611 г. Делагарди овладел русским побережьем Финского залива и Новгородом. Новгородские бояре и верхи посада в своекорыстных интересах согласились поддержать избрание на московский престол одного из шведских принцев. Вмешательство во внутренние дела Русского государства и оккупация его северо-западных земель явились вторым шагом (после овладения Эстляндией) к созданию шведской великой державы.

Культура скандинавских стран в XIV—XVI вв. Готика, ранний гуманизм и северное Возрождение. Скандинавская духовная культура так называемого позднекатолического периода XIV—XV вв. мало оригинальна и близка к современной ей немецкой культуре. Литература скандинавских стран в XIV—XV вв. все еще имела

преимущественно, но уже не исключительно религиозное содержание. Латынь в большинстве произведений этого времени стала уступать место скандинавским языкам. Однако наиболее значительное литературное произведение средневековой Швеции — единственное, получившее известность за рубежом — дошло до нас на латыни. Это «Откровения св. Биргитты», записанные со слов неграмотной настоятельницы монастыря в Вадстене Биргитты (1302/03—1373), одаренной поборницы интересов церкви и знати.

Устное народное творчество повсеместно иссякло. Наступило время переводных или подражательных рыцарских романов в прозе и стихах (так называемые «Евфимиевы песни» начала XIV в. на шведском языке). Оригинальные произведения XIV—XV вв. были созданы шведами в жанре рифмованных хроник («хроника Эрика» и др.), а датчанами и меньше норвежцами — преимущественно в жанре народных баллад. Норвежская литература переживала пору упадка вместе со всей страной.

Позднее средневековье принесло с собой и новые черты в языковом развитии. Углубились различия между датским и шведским языками. Началось пополнение всех скандинавских языков, кроме исландского, иностранными заимствованиями — латинскими, древнегреческими, нижненемецкими. Древненорвежский язык стал отдаляться от исландского и приближаться к восточноскандинавским языкам. С конца XIV в. он постепенно вытеснялся из обихода дворян и горожан датским, что объяснялось общим упадком Норвегии и подчинением ее датчанам. Древнеисландский литературный язык сохранился, но остановился в своем развитии, что было связано с застоем и упадком Исландии после XIII в., финский же все еще оставался почти исключительно разговорным языком.

Важным фактором культурного развития стали первые скандинавские университеты — шведский в Упеале (1477) и датский в Копенгагене (1479). Вместе с тем схоластические приемы преподавания в этих университетах свидетельствовали о продолжающемся отставании скандинавов. В конце XV в. почти одновременно в Дании и Швеции были отпечатаны первые книги на местных языках.

В архитектуре скандинавских стран до половины XVI в. господствовала готика. Наряду с храмами, монастырями, замками теперь стали строиться и каменные ратуши, а также частные дома богатых горожан, по-прежнему, однако, уступавшие немецким образцам, которым подражали строители.

Реформация и книгопечатание, а также окончательное расторжение Кальмарской унии способствовали дальнейшему языковому обособлению датчан и шведов. Печатные переводы Библии на каждый из этих языков — Кр. Педерсена в Дании, Лаврентия Андре́ и Лаврентия Петри в Швеции — стали важнейшим событием культурной жизни второй четверти XVI в. Финляндский епископ Микаэль Агри́кола (1510—1557) составил финский букварь, перевел значительную часть Библии и издал первые книги на родном языке. Благодаря переводам и изданию Библии на родном языке исландцам удалось сохранить свой литературный язык — так на-

зываемый новоисландский. Об отрицательном влиянии Реформации на судьбы древненорвежского языка уже говорилось ранее. Как литературный язык он исчез. Со времен Реформации датская и норвежская культуры развивались слитно с естественным преобладанием датского элемента. Торжество консервативной лютеранской ортодоксии сопровождалось изъятием либо истреблением католических церковных фресок, скульптур, высокохудожественных предметов культа, преследованием «ведьм» и прочими проявлениями мрачного фанатизма. Богословие и латынь по-прежнему господствовали в скандинавских университетах на рубеже XVI — XVII вв.

Литературно-политическая борьба времен Реформации принесла с собой и новые жанры — сатиру, памфлет, религиозные песнопения и проповеди на родном языке, драму на библейские темы, наконец, светскую драму и комедию. Соперничество обоих государств — Дании и Швеции, преодоление шведским господствующим классом «униатской» идеологии, наконец, влияние идей европейского гуманизма весьма плодотворно сказались на исторической мысли шведов и датчан. Скандинавские ученые-гуманисты XVI в. создали значительные сочинения по отечественной истории, географии, этнографии. Таковы «Шведская хроника» реформатора Ол. Петри (1493—1552), ультрапатриотическая «История всех королей готов и свеев» его противника, католического епископа Юханнеса Магнуса (1488—1544), и особенно знаменитая «История северных народов» брата последнего, тоже епископа-католика Олауса Магнуса (1490—1557),— кладезь географических и этнографических сведений.

Первые успехи сделала в конце XVI столетия и опытная естественная наука. Впереди шли датчане: Тихо Браге (1546—1601) прославил себя как астроном. Его учеником был Кеплер. Устроенная им на островке в Зундском проливе обсерватория была первой в Европе. Каспар Бартолин Старший (1585—1629) известен своим популярным в Европе учебником по анатомии.

Культура Возрождения распространилась в высших слоях скандинавского позднефеодального общества, начиная с датского, примерно в середине XVI в. «Северный ренессанс» был особым направлением в искусстве, отличался большей строгостью от своих южных образцов. В архитектуре он еще носил преимущественно декоративный характер. На смену крепостным замкам средневековья теперь пришли праздничные замки-дворцы. Искусство приняло преимущественно светский характер. Родилась портретная живопись. Религиозные войны на континенте обогатили северные страны тысячами одаренных иммигрантов — голландцев и французов-гугенотов, шотландцев и немцев.

Часть II

Новое время

Глава V

Возвышение Швеции и ослабление Дании. Установление абсолютизма (XVII в.)

Превращение Швеции в великую державу. Войны первой половины XVII в. Как было рассказано выше, Швеция с середины XVI в. возобновила завоевательную политику, прерванную в XIV в. Итогом этой политики явилось создание шведской балтийской империи. Победы малонаселенной Швеции над ее соседями объяснялись в значительной мере благоприятными внешними обстоятельствами. Польско-Литовское государство испытывало растущую внутреннюю слабость. Надолго ослабленным оказалось и Русское государство после кровавого правления Ивана IV, крестьянских восстаний и династических смут. К тому же оба славянских соседа Швеции тогда враждовали между собой. Наконец, феодально-раздробленную княжескую Германию именно в первой половине XVII столетия раздирали глубокие конфликты (Тридцатилетняя война).

Однако в начале 1610-х годов международная обстановка еще сулила куда большие успехи великодержавным планам другого скандинавского государя — Кристиана IV Датского (1588—1648). Крупные силы шведов были скованы на Востоке; дряхлый король Карл IX лежал в параличе. В это время Кристиан IV объявил Швеции войну (Кальмарская война 1611—1613 гг.). Одной из главных причин ее был спор о господстве на морских и сухопутных подступах к восточноевропейскому рынку, причем не только на Балтике, но и в Заполярье (Финмарк, Лапландия). Главными событиями военной кампании были осада и взятие датчанами двух шведских городов-крепостей — Кальмара (отсюда название войны) и Эльвсборга. Ожесточенное столкновение закончилось с перевесом для Дании: она получила крупную денежную контрибуцию и сохранила Финмарк, а шведы — свободу от уплаты зундских пошлин за провоз товаров шведского происхождения. Перемирием закончился в 1614 г. и первый тур шведско-польских войн из-за Лифляндии. По мирному договору с Россией в Столбове (1617) шведы закрепили за собой Русское побережье Финского залива (Ижорскую зем-

Король Густав II Адольф

лю) и часть Карелии с Приладожьем (Корельский уезд). Кандидатура шведского принца на московский трон была отвергнута.

Пользуясь продолжающейся войной между Польшей и Россией, юный шведский король Густав II Адольф (1611—1632) в 1617 г. возобновил войну с Польшей в Лифляндии и одновременно провел военную реформу, прославившую его имя. Набор рекрутов был упорядочен, вес пехотного и артиллерийского оружия облегчен, боевые задачи пехоты распределены между мушкетерами-стрелками и пикинерами. Артиллерия стала самостоятельным родом войск, взаимодействие ее с пехотой и кавалерией улучшилось, воинские подразделения были разукрупнены, что увеличило их маневренность и открыло путь линейной тактике.

В новой войне с поляками шведы имели явное превосходство: в 1621 г. пала Рига, и после первой крупной победы при Вальхофе в Лифляндии (1626) Густав Адольф перенес военные действия в Восточную Пруссию (в то время ленное владение польских королей). Шведско-польское перемирие 1629 г. (Альтмаркское) остави-

ло в руках шведов не только Лифляндию, но и ряд восточнопрусских портов, включая Пиллау (ныне Балтийск) и Мемель (совр. Клайпеда), вновь утраченных в 1635 г.

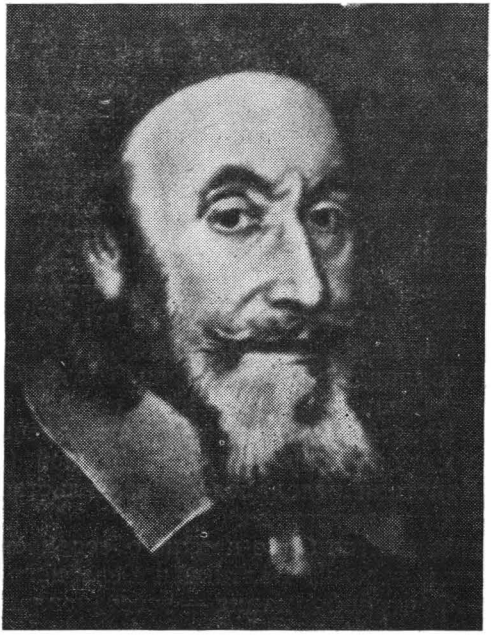
Столь же активную внешнюю политику, хотя и все менее успешную, вел датский король Кристиан IV. Он с тревогой следил за успехами австрийских Габсбургов в Германии, где шла Тридцатилетняя война, и в 1625 г. начал войну с ними, рассчитывая на помощь Англии и Нидерландов и на солидарность северогерманских протестантских князей. Однако англо-голландские субсидии оказались куда меньше обещанных. 7 августа 1626 г. немецко-датское войско короля было наголову разбито при Люттере (Нижняя Саксония) австрийским полководцем Тилли, а в 1627 г. армия талантливого имперского полководца Валленштейна захватила Шлезвиг-Гольштейн и весь Ютландский полуостров. Только боязнь создания шведско-датской коалиции, предложенной шведским королем Густавом Адольфом Кристиану IV, вынудила Валленштейна согласиться на крайне мягкие условия мира с Данией (Любекский договор 1629 г.): Кристиан отделался обязательством не воевать впредь с германским императором.

Шведское правительство было крайне обеспокоено выходом императорских войск к берегам Балтики и Северного моря. Швеции грозила не только контрреформация — восстановление католицизма, но и утрата достигнутого преобладания на Балтике. Густав Адольф деятельно готовился к большой войне с императором. Главной задачей короля было овладение южным побережьем Балтики, крупнейшими портами и устьями рек в этом районе. Но эти цели он умело прикрывал заявлениями о своей освободительной миссии, о стремлении избавить немецких протестантов-единоверцев от императорской и папской тирании. Действительно, протестантское население Германии поначалу, пока шведские войска сохраняли дисциплинированность, с восторгом встречало «Снежного короля», как прозвали Густава Адольфа.

Сословный риксдаг поддержал «богоугодный» план короля. Летом 1630 г. шведский флот доставил 13-тысячную армию в устье Одера. Густав Адольф заручился крупными французскими субсидиями. За свои владения в Прибалтике он мог быть сравнительно спокоен благодаря обещанию правительства царя Михаила Федоровича начать войну против Польши. В течение 1631 г. шведы овладели ключевыми крепостями на важнейших водных путях Германии — Одере и Эльбе; немецкие протестантские князья приняли шведское предложение о союзе против императора. Густав Адольф успешно продвигался от Одера к Эльбе.

7 сентября 1631 г. в окрестностях Лейпцига, у Брейтенфельда, шведы наголову разгромили объединенные силы католических князей и императора[1]. Последующий победоносный поход в глубь Германии, к берегам Рейна и верхнего Дуная (1631—1632), пре-

[1] Все даты шведской истории до 1753 г. и датско-норвежской до 1700 г. даются по юлианскому календарю.

Канцлер Аксель Оксеншерна

вратил шведского короля в могущественного государя Европы. Опьяненный успехами, Густав Адольф добивался объединения протестантской Германии под верховенством Швеции. Ему, однако, не удалось разбить католические армии до их соединения. Это соединение произошло как раз на коммуникации шведов — в Лейпциге. Чтобы не быть отрезанным и окруженным, король осенью 1632 г. двинулся обратно на север. Генеральное сражение произошло, как и год назад, под Лейпцигом, у городка Лютцен. Противником Густава Адольфа был Валленштейн. 6 ноября 1632 г. шведы вновь одержали победу, но в битве пал сам Густав Адольф.

Регентский совет при малолетней королеве Кристине, дочери Густава Адольфа, до 1644 г. возглавлял сподвижник короля канцлер граф Аксель Оксеншерна (1583—1654), после регентов Стуре крупнейший из некоронованных государственных деятелей Швеции. Новое правительство существенно умерило свои планы и добивалось главным образом господства на Балтике, а не гегемонии в Германии. Соответственно вновь обострились шведско-датские противоречия: Кристиан IV не порывал с императором; растущий экспорт из шведской Прибалтики облагался все выше датскими зундскими пошлинами. Внезапным ударом с юга, из Германии, шведы сумели в 1643—1645 гг. нанести решительное военное поражение датчанам. По миру в Брёмсебру 1645 г. Дания потеряла острова Готланд и Эзель (Сарема), восточнонорвежские области Емтланд

и Херьедален и провинцию Халланд на восточном побережье пролива Каттегат. Дания была вынуждена отныне беспошлинно пропускать через Зунд грузы не только собственно шведские, но и прибалтийские.

Все больше хлопот доставляли датским королям их шлезвиг-гольштейнские владения. После нескольких семейных разделов между королями из Ольденбургской династии и их младшими братьями оба герцогства распались на две отдельно управляемые части — королевскую и герцогскую (см. карту на с. 54). Герцогская часть выросла к началу XVII в. в сильное и враждебное Дании герцогство Гольштейн-Готторпское, ставшее союзником великодержавной Швеции.

По Вестфальскому миру, заключенному наконец в 1648 г. между Швецией, Францией, Империей и другими державами, Швеция получила всю Западную Померанию (так называемую Переднюю) с важным портовым городом Штеттин в устье Одера и с островами Рюген, Узедом и Воллин, другой балтийский порт — Висмар (в Мекленбурге), владения в Северо-Западной Германии, на реке Везер — бывшие епископства Бремен[1] и Фёрден (Вёрден). Шведский король тем самым стал номинальным ленником германского императора и получил законную возможность участия в немецких делах. Шведские владения в Германии вплотную подходили к южным границам Гольштейна. Швеция стала великой державой.

Капиталистические мануфактуры и торговые компании в Скандинавии. Хозяйственное возрождение Норвегии. Превращению Швеции в великую державу благоприятствовало возросшее хозяйственное и политическое значение Северо-Западной Европы. Голландцы, в первой половине XVII в. решительно вытеснившие ганзейцев из большой балтийской торговли, не только научили шведов и датчан военным новшествам. С середины XVI в. из Нидерландов — Северных и особенно Южных (из Фландрии) прибывали сначала в Данию, а затем и в Швецию состоятельные иммигранты — опытные предприниматели, финансисты, а также квалифицированные мореходы, строители, металлурги, инженеры. В молодом шведском городе-порте Гетеборге — ее океанском «окне в Западную Европу» (на своем нынешнем месте официально основан в 1621 г.) — жили поначалу преимущественно голландцы. Иммигранты привезли с собой в Скандинавию капиталы, нужда в которых особенно ощущалась в XVII в.

В течение большей части XVI в. горное дело в Швеции все еще было менее развито, чем в Германии. Решительные сдвиги наступили как раз на рубеже XVI—XVII вв., что и явилось предпосылкой крупнейших военных успехов Швеции. Новые, более высокие (французские) доменные печи из камня позволили увеличить плавку чугуна, а «валлонский» и «немецкий» способы ковки — перейти к производству хорошего полосового и прутового железа вместо прежних «чушек» и продавать его по более высоким ценам.

[1] Но не город Бремен.

С конца XVI в. быстро стала расти также шведская мededобыча. Выручка от продажи шведской меди за границей покрывала в первой половине XVII в. значительную долю военных расходов государства. Достигнув в середине века максимума (3000 т в год), производство меди стало затем падать. Зато производство железа росло в течение всего XVII в. (за 1600—1720 гг. впятеро), не превысив, впрочем, 27 000 т ежегодно. Медь, железо и деготь составляли 80—90% шведского экспорта в XVII в. Швеция стала главным экспортером железа в Европе и крупным — меди и пушек. Шведская армия была полностью обеспечена собственным оружием — огнестрельным и холодным. В шведской горно-металлургической промышленности конца XVII в. налицо уже централизованные мануфактуры; наиболее крупные пайщики промышленных и торговых компаний — это либо сама казна, либо знатные дворяне, либо богатые иностранцы. Хозяйственный подъем и утверждение капиталистического уклада ускорили рост населения Швеции. За 1620—1720 гг. оно выросло с 900 тыс. почти до 1,5 млн. человек (без Финляндии).

Скромными по сравнению со Швецией, но тем более разительными на фоне предшествующего застоя были экономические успехи Норвегии. Быстро рос ее торговый флот, улов и экспорт рыбы (главным образом сельди). Раннекапиталистические формы предпринимательства проникали в лесопиление и лесоторговлю. Последние в XVI в. были крестьянским промыслом, но постепенно попали в руки крупных купцов-горожан, скупавших лесные участки.

С экономическим подъемом Норвегии было тесно связано возобновление после двухвекового перерыва роста населения страны (за 1500—1665 гг. со 180 до 450 тыс. человек). Именно в XVII в. сложился класс норвежской городской буржуазии, преимущественно торговой.

Датские власти охотно предоставляли вновь учреждаемым (обычно в самом Копенгагене) компаниям монополию на производство сукна и шелковых тканей, пороха и вооружения, сахара, мыла, растительного масла. Однако этим компаниям не хватало капитала и, главное, покупателей. Недолговечными, как правило, были торговые и китобойные компании, получавшие от королевской власти монополию на торговлю в определенном весьма обширном районе. Датская Ост-Индская (1616) и Исландская (1619) компании оказались наиболее жизнеспособными среди них.

После прекращения в 1660 г. войн на датской земле и улучшения правового положения горожан развитие датской городской промышленности — мануфактур, а также внешней торговли и судоходства пошло успешнее, чем прежде. Правда, из-за территориальных потерь население Дании сократилось примерно на четверть — с 1 млн. в середине века до 700—800 тыс. человек на рубеже XVII—XVIII в. Однако население Копенгагена выросло с 30 тыс. в 1660 г. до 70 тыс. человек в 1700 г. (население Стокгольма составляло в конце XVII в. всего 60 тыс., норвежского Бергена — ок. 10 тыс.). Датско-норвежская буржуазия в конце столетия уже ус-

пешно конкурировала с голландской, английской, ганзейской в торговле скандинавскими товарами.

Дания, а также Швеция, подражая великим державам, приняли в XVII в. участие в колониальной экспансии. Прочнее других оказались фактории датской Ост-Индской компании Транкебар на Западном побережье Индии (1616) и Вест-Индской на Малых Антильских островах в Карибском море (1672); шведские же колонии на Атлантическом побережье Северной Америки (Новая Швеция) и на Золотом Береге в Африке были вскоре захвачены голландцами.

Вообще XVII век и для Скандинавии стал первым веком уже нового времени. Невиданный ранее рост числа городов, появление таких учреждений, как биржа (в Копенгагене в 1619 г.) и государственный банк (в Стокгольме в 1668 г.), мануфактурных и колониальных предприятий — все это были признаки начавшегося перехода к новому типу экономики — капиталистической.

Укрепление феодальных отношений в сельском хозяйстве. Барщина и отработочная рента. Раннекапиталистические отношения охватывали лишь меньший сектор хозяйства скандинавских стран XVII в. Преобладали по-прежнему земледелие и скотоводство, а в этих отраслях феодальные отношения не только оставались незыблемыми, но и укреплялись. Вовлечение дворян-помещиков в балтийскую торговлю сельскохозяйственными продуктами и рост натуральных и денежных потребностей казны в XVII в. привели к усилению эксплуатации крестьянства.

Нажим на датских крестьян выразился прежде всего в увеличении барщинных повинностей, особенно на датских островах и в Сконе — районах крупных господских хозяйств. 2—3 дня барщины в неделю стали обычным делом. В Швеции, как правило, помещичьи крестьяне еженедельно отбывали не более одного дня барщины. Барщина как основной вид феодальной ренты распространялась здесь лишь на крестьян, живших в непосредственной близости от барского имения. Сходная со шведской картина наблюдалась и в земледельческих районах Норвегии. Здесь один день барщины в неделю несла лишь незначительная часть крестьянства.

Для Швеции и частично для Норвегии характернее увеличение натуральных и денежных платежей крестьянства. В связи с ростом цен на сельскохозяйственные продукты и спроса на землю взимались дополнительные поборы с держателей, пересматривались традиционные условия держания.

В Скандинавии практиковались в отдельных случаях и сгон держателей с лучших земель, переселение целых деревень и хуторов и основание на их месте крупных барщинных хозяйств для производства зерна или разведения крупного рогатого скота на сбыт (особенно в Дании XVII в.). Однако даже в Дании господское землепользование — домен — так и не заняло больше 8% всей дворянской земли; велось на нем не столько зерновое, сколько скотоводческое хозяйство, и главный доход датским дворянам приносила

привилегированная торговля скотом, как «своим», так и купленным у крестьян. В самые удачливые годы (1610—1620) ежегодный вывоз волов и быков из Дании достигал 40—50 тыс. голов.

Усиление феодально-помещичьего гнета в скандинавских странах выражалось еще в одной специфической форме, а именно — в передаче податных и коронных земель дворянам. В Дании, где податных, т. е. собственных крестьянских, земель почти не осталось, преобладал обмен помещиками худших земель на лучшие, доставшиеся королю в результате реформации.

Нуждаясь в деньгах и вознаграждая дворян за государственную службы, Густав Адольф и его преемники передали дворянам в различной форме (дарение, залог, передача права взимания налога, продажа) 70% культурной площади страны. Владельческие права податных крестьян начали оспариваться дворянами, и над ними нависла угроза превращения в частнозависимых.

В Норвегии держатели-лейлендинги не только не были закрепощены, но само их держание с начала XVII в. стало по закону пожизненным. В дальнейшем на арендаторов дворянской земли была распространена полицейская власть землевладельца, однако значительная часть лейлендингов арендовала землю у других крестьян и у горожан. Крестьяне-собственники в середине XVII в. все еще владели примерно $^1/_3$ культурной площади в Норвегии — больше, чем в Швеции, не говоря уже о Дании.

Наконец, в Северной Европе все шире распространялись полуфеодальные формы эксплуатации сельской бедноты. Повсеместно переиздавались и становились строже законы о принуждении безземельных сельских жителей к найму. Все чаще встречался и специфически скандинавский тип мелкого арендатора за отработки: в Норвегии и Дании — хусмен, в Швеции и Финляндии — торпарь.

Первая Северная войны 1655—1660 гг. Завоевание шведами Сконе. Вестфальский мир 1648 г. закрепил превращение Швеции в сильнейшую державу Северной Европы. Однако Швецию с трех сторон по-прежнему окружали владения датского короля, считавшего мирный договор в Брёмсебру (1645) не более чем перемирием. Положение Дании осложнялось тем, что герцоги гольштейн-готторпские, формально будучи ленниками своих родственников датских королей, со времени войны 1643—1645 гг. были союзниками шведов.

В 1654 г. незамужняя королева Кристина, тайно перейдя в католичество, отреклась от престола в пользу своего кузена Карла Густава Пфальцского — известного полководца Тридцатилетней войны. Смена царствующих лиц совпала с большой русско-польской войной. Первоначально Карл X Густав, по-видимому, склонялся к войне против потенциально более опасной России и союзу с ослабевшей Речью Посполитой. Против России было, в частности, направлено соглашение шведов с украинским гетманом Хмельницким осенью 1654 г. Однако противоречия между шведским и польским королями из-за Прибалтики оказались непримиримыми, и летом 1655 г. началась пятилетняя шведско-польская война. В течение

Королева Кристина Шведская

первого года шведские захватчики в союзе с курфюрстом Бранденбургским одержали крупные победы. Они дважды брали Варшаву и в июле 1656 г. выиграли трехдневную битву под столицей Польши. Польский народ начал упорную партизанскую борьбу. На помощь Речи Посполитой пришла Австрия. Летом 1656 г. царь Алексей Михайлович повернул фронт и, заключив перемирие с Польшей, пошел на Ригу, занял Дерпт (совр. Тарту). Могущественные Нидерланды — хозяева балтийской торговли — теперь изменили своему традиционному союзу со Стокгольмом. Шведский король вынужден был перейти к обороне и с трудом удерживал завоеванную им часть Балтийского побережья.

Новый датский король Фредрик III (1648—1670) надеялся укрепить свою власть, урезанную риксродом, путем успешного реванша. Однако к неосторожно начатой войне со Швецией (1657) датчане оказались не готовы. Датские финансы, а значит, и войско

находились в плачевном состоянии. Главные силы шведского короля осенью 1657 г. с юга овладели Ютландией и необычно холодной зимой перешли по льду Бельтских проливов на остров Зеландию. В феврале 1658 г. в городе Роскилле был подписан самый тяжкий мир в истории Дании: шведы получили не только области Сконе, Блекинге, Халланд (Халландом по миру 1645 г. они владели временно), но также норвежские области Бохуслен и Тронхейм, т. е. выход в Северо-Западную Атлантику, и, наконец, датский остров Борнхольм. Союзник шведов — герцог гольштейн-готторпский — добился отказа Дании от ее верховных прав на Шлезвиг (хотя датский король и продолжал владеть так называемой королевской частью в Шлезвиге и Гольштейне).

Опьяненный успехом Карл Густав решил полностью подчинить Данию, вынудив ее вступить в союз со Швецией. Это ему, однако, не удалось, и тогда король нанес новый удар Дании, желая ликвидировать ее как независимое государство и тем закрепить свое господство на Балтике. Зимой 1658/59 г. шведы тщетно осаждали героически сопротивлявшийся Копенгаген. Тем временем западные великие державы определили условия шведско-датского примирения. По Копенгагенскому миру (1660) датчане получили обратно Тронхейм, восстановив непрерывность территории Норвегии, и остров Борнхольм. По миру с Речью Посполитой в Оливе (1660) шведы довольствовались отказом поляков от претензий на Лифляндию и на шведский престол. Кардисский мир 1661 г. с Россией также подтвердил выгодное для шведов статус-кво.

Таким образом, Первая Северная война дала шведам удобные морские границы на юге Скандинавского полуострова. Полного господства на Балтике добиться им не удалось; европейские же позиции Швеции в итоге войны оказались ослабленными, поскольку обнаружилась ее политическая зависимость от западных держав.

Установление абсолютизма в скандинавских странах и его особенности. Внутриполитическое развитие обеих скандинавских монархий в XVII в. шло под знаком абсолютизма. В первой половине XVII в. усвоение западноевропейского, в том числе голландского, опыта помогло Густаву Адольфу и канцлеру Оксеншерна реорганизовать государственное устройство Швеции. На протяжении 1612—1626 гг. было введено коллегиальное управление важнейшими ведомствами, упорядочено судопроизводство во всех инстанциях, модернизовано областное управление. В 1617 г. были определены формы работы сословного риксдага.

Отказываясь от политической власти на местах, датская и шведская знать вырывала у королей одну экономическую привилегию за другой и непрерывно расширяла размеры своего землевладения. В бюрократическом аппарате централизованной сословной монархии именно земельная аристократия заняла ключевые позиции. Главным органом политического могущества аристократии по-прежнему оставались государственные советы — риксроды — датский и шведский. Однако по мере роста городов и торгово-мануфактурной буржуазии и вследствие нужды самих королей в оп-

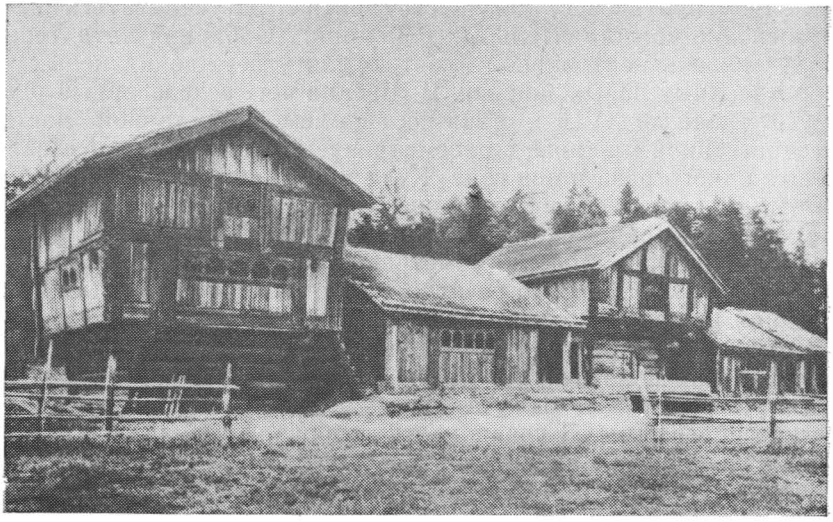
ределенном противовесе могуществу знати стало усиливаться значение сословно-представительных собраний. Собрания эти теперь использовались центральной властью для утверждения новых налогов и важных новых законов. В Швеции четырехсословный риксдаг успел еще до XVII в. стать неотъемлемой составной частью государственной машины, в рассматриваемый период он созывался не реже одного раза в два года. Куда менее определенным и прочным был статус подобных сословных собраний (риксдагов, стендермёде) Датско-Норвежского государства, в каждой из двух частей которого они созывались по усмотрению властей, от случая к случаю. Тем не менее именно на этих собраниях впервые выступила оппозиция из среды податных сословий.

В петициях и датских горожан (1629 г. и др.), и совместной — трех шведских податных сословий, т. е. духовенства, горожан и крестьян (1650; 1655), были выдвинуты уже антифеодальные политические программы. В главном эти требования сводились к ограничению дворянских привилегий (в особенности налогового и судебного иммунитета, а также монополии дворян при назначении на высокие должности), к усилению королевской власти в ущерб государственному совету, к восстановлению розданного дворянам государственного и королевского земельного фонда, к упрочению личной свободы крестьян и привилегий горожан и священников.

В Дании аристократия была слишком могущественной, а король слишком слаб, и голос горожан поначалу прозвучал впустую. Однако военные поражения 1650-х годов скомпрометировали именно аристократию. Горожане, в особенности жители Копенгагена, оказали существенную помощь государству, финансируя военные расходы и с оружием в руках обороняя столицу. Король Фредрик III сблизился с горожанами, сумел возглавить их патриотический подъем и тем значительно укрепил пошатнувшийся авторитет датской короны.

Более сильные шведские короли охотно использовали антиаристократическую оппозицию в своих интересах. С помощью податных сословий королева Кристина закрепила на сессии риксдага право престолонаследия за Карлом Густавом («спор сословий» 1650 г.), который в 1655 г. отобрал у дворян часть бывших казенных земель.

Во второй половине XVII в. абсолютная монархия утвердилась сначала в Датско-Норвежском государстве, затем в Швеции. Вот как это произошло. Осенью 1660 г. депутаты от трех сословий (без крестьян) были собраны в Копенгагене для изыскания средств на покрытие государственного долга. Горожане и священники, возглавляемые бургомистром столицы Хансом Нансеном и епископом острова Зеландия Хансом Сване, потребовали равного обложения всех сословий и реформы государственного строя Дании: наследственной королевской власти. Их заветным желанием была полная ликвидация дворянских привилегий и допуск податных сословий ко всем государственным должностям. Король держался в тени, втайне поощряя своих сторонников. Для нажима на аристократию он привел войска по всей стране в боевую готовность. Наготове

Усадьба зажиточного крестьянина. Сетесдаль, Норвегия, около 1700 г.

была и бюргерская милиция Копенгагена. В октябре риксрод уступил, королевская власть была провозглашена наследственной, а унизительная «капитуляция», данная королем при его избрании на престол (1648), аннулирована. Переворот был одобрен и собранием норвежских сословий.

Под новым законом о самодержавии (1661) стояли подписи трех сословий (дворян, священников, горожан). Горожане были вознаграждены важными привилегиями — полным уравнением с дворянством в доступе к высшим должностям и праве владеть землей; разбогатевшим горожанам и высокопоставленным чиновникам незнатного происхождения был открыт также доступ в первое сословие. Им даже присваивались новые для Дании титулы графов и баронов. Дворянство в Дании утратило свободу от уплаты налогов и пошлин, ограничены были в пользу горожан и его торговые привилегии. От уплаты поземельных налогов были, однако, вскоре вновь избавлены владельцы крупных имений с прилежащими к ним крестьянскими дворами.

Феодальное государство было последовательно реорганизовано на чисто бюрократических началах. Центральный государственный аппарат отныне состоял, как и в Швеции, из коллегий, главы которых входили в тайный совет при короле. Вместо старых, феодального происхождения, ленов Дания и Норвегия отныне делились на амты (в Дании это деление сохранилось поныне). Во главе их были поставлены гражданские губернаторы-амтманы, уже не ведавшие ни сбором налогов, ни военными делами.

Принципы устройства датской абсолютной монархии были закреплены в «Королевском законе» 1665 г. Его автором был одаренный сын виноторговца Педер Шумахер, впоследствии граф

Гриффенфельд — канцлер сына Фредрика III короля Кристиана V (1670—1699). Единственное, что «Королевский закон» запрещал монарху, это поступаться своей властью и делить страну на части (печальный опыт со Шлезвигом). Новые единые своды законов — первый в истории страны «Датский закон» 1683 г. и «Норвежский закон» 1687 г.— унифицировали правопорядок в отдельных провинциях, провозгласили принцип равенства перед законом и смягчили наказания. Вместе с тем были устранены остатки средневекового крестьянского самоуправления (суд присяжных, участие жителей в выборе приходского священника и пр.).

Положение датских крестьян при абсолютизме отнюдь не улучшилось. Правда, в 1682 г. был запрещен снос крестьянских дворов, практиковавшийся помещиками; в 1702 г. отменено старинное крепостное право (ворнедскаб) на островах восточной части страны (Зеландия, Лолланн, Фальстер). На деле, однако, сгон крестьян с лучшей земли и обращение в барщинников и отработчиков-хусменов, а также удержание их в деревне помещиками с помощью восстановленной в 1701 г. рекрутской повинности продолжались. Многие помещики по-прежнему имели право назначения судей и исполнения приговоров в своих владениях. Финансовые трудности послевоенных лет были преодолены увеличением поземельных налогов, взимаемых отныне и с большинства помещичьих крестьян, а также распродажей коронных земель: последняя способствовала росту буржуазного землевладения в Дании, а в Норвегии, где эта распродажа была особенно велика,— также и крестьянского. При абсолютизме Норвегия перешла из-под власти датской феодальной знати (в лице датского государственного совета) под управление королевских чиновников. Для страны, почти не имевшей собственного дворянства, это было благом. Однако стремление самодержавных монархов максимально приблизить друг к другу обе части государства фактически усугубляло зависимость Норвегии от копенгагенских властей.

В отличие от Норвегии положение Исландии и в XVII в. оставалось крайне плачевным. Зависевшая от подвоза хлеба и других жизненно важных продуктов (земледелие в новое время полностью уступило место скотоводству и рыболовству), страна хищнически эксплуатировалась датскими купцами. Последние в 1602 г. добились от короля монополии на торговлю с островом и потому могли диктовать цены. Главная масса сельских жителей — городов в Исландии еще не было — состояла из фактически бесправных, хотя и лично свободных арендаторов земли и скота у короля как крупнейшего землевладельца и у богатых бондов-собственников. Дворянства в Исландии не было. Натуральные платежи арендаторов со времени революции цен росли, и они буквально бедствовали. В начале XVIII в. 10% из 50-тысячного населения острова жили подаянием.

В Швеции ранняя смерть Карла X Густава привела к учреждению регентства при его малолетнем сыне Карле XI (1660—1697), т. е. к восстановлению власти аристократической олигархии, новым

земельным раздачам и дальнейшему закабалению помещичьих крестьян. Расстройство финансов усугубилось неудачным участием Швеции в войне Франции против Габсбургов, Нидерландов и Бранденбурга (поражение при Фербеллине, 1675). Новая война приободрившейся Дании со Швецией за Сконе (1675—1679) кончилась безрезультатно, но финансовое положении Швеции к моменту сессии риксдага 1680 г. напоминало положение Дании в 1660 г. и имело те же последствия. Молодой, аскетического склада король Карл XI при поддержке податных сословий, низшего дворянства и части сановников-аристократов (заинтересованных в королевском жаловании не меньше, чем в феодальной земельной ренте) добился от риксдага решения и о расследовании действий регентов, и о редукции земель. Редукция проводилась строго, и в 1700 г. размеры дворянского землевладения уменьшились вдвое (свои имения на лучших землях знать, впрочем, сохранила).

Благодаря редукции стала возможной и знаменитая военная реформа Карла XI (1680). Периодические рекрутские наборы были заменены постоянной повинностью крестьян содержать личный состав королевского войска. Крестьянские дворы объединялись в «роты», каждая из которых полностью содержала солдата-пехотинца. Офицерское жалованье также выплачивалось группой дворов, закрепленных за данным офицером. Последний проживал в той же местности на выделенной ему усадьбе, где сооружался стандартный дом (бостéль), смотря по чину. Эта военно-поселенная система («индельнинг») дожила до конца XIX в.

Одновременно власть короля была расширена сначала за счет государственного совета (переименованного в королевский), а затем и за счет самого риксдага. В 1682 г. риксрод и риксдаг приняли постановление, фактически передавшее в руки короля полноту законодательной власти, а в 1693 г. Карл XI был объявлен в особом постановлении риксдага «суверенным», т. е. «самодержавным монархом божьей милостью».

Таким образом, абсолютизм по обе стороны Зундского пролива установился при поддержке податных сословий. Самодержавный строй наносил удар по экономическим и политическим позициям феодальной аристократии. Ряды высшего сословия и чиновничества, особенно в Датско-Норвежском королевстве, стали пополняться выходцами из других сословий. Однако классовое господство крупных привилегированных землевладельцев и сословный строй в целом оставались еще долго незыблемыми, и само одворянивание чиновников при самодержавных королях укрепляло этот строй.

Политика Швеции в Прибалтике и Карелии. Во вновь завоеванных землях шведы вынуждены были сохранить известную автономию, поскольку их попытки навязать свои порядки вызывали, особенно в бывшей Ливонии (Эстонии и Латвии), яростное противодействие остзейского (немецкого) дворянства. Эти крепостники, обладавшие широкой политической автономией и фактически распоряжавшиеся в провинциальных сословных собраниях — ландтагах, естественно дорожили своими привилегиями. Аристократиче-

ское шведское правительство в 1632 г. (регентство во главе с Оксеншерной) пошло навстречу остзейцам и решило впредь управлять Прибалтикой как особыми «балтийскими провинциями», не посягая на привилегии местной знати, тем более что Оксеншерна, Делагарди и другие аристократы-шведы обзавелись в Прибалтике обширными земельными владениями. Что касается карельских и русских земель, то они остались на положении рядовых шведских губерний. Всего осторожнее шведские власти обращались с их германскими владениями, сохранившими свое прежнее устройство.

Подвластные земли находились под тяжким податным гнетом шведской казны в виде прямых налогов и торговых пошлин. Провинции несли бремя содержания шведских войск и возведения укреплений, мостов, дорог. Эти войска и многочисленные чиновники съедали значительную часть доходов шведской казны в Прибалтике. В течение большей части XVII в. крепостное право в шведской Прибалтике все усиливалось. По сравнению с этим фактом отступали на второй план некоторые прогрессивные мероприятия шведов: их судебная реформа 1630—1632 гг., открытие первых гимназий в Риге, Ревеле, Дерпте и, наконец, академии (университета) в том же Дерпте (1632).

После установления абсолютизма шведская политика в балтийских провинциях временно резко изменилась. Карл XI отобрал в казну земли, розданные там шведской знати. Вслед за тем подошла очередь бывших земель Ливонского ордена и епископов, т. е. владений собственно остзейского дворянства.

Накануне Великой Северной войны Карл XI пытался ликвидировать и самую автономию, вернувшись к первоначальной политике полного растворения «провинций» в Шведском государстве. Тогда разъяренное остзейское дворянство стало искать пути борьбы со шведским правлением и выдвинуло из своей среды опасного заговорщика — И. Р. Паткуля — позже советника Петра I. В годы Великой Северной войны шведы вновь пошли на уступки остзейцам и прекратили дальнейшую редукцию.

Глава VI

Крушение шведского великодержавия. Сословный парламентаризм в Швеции и самодержавно-крепостнический режим в Дании (первая половина XVIII в.)

Великая Северная война. Оба последних десятилетия XVII в. стали для скандинавских стран порой сравнительно мирного развития. Между Данией, Норвегией и Швецией были заключены первые договоры о вооруженном нейтралитете (1691; 1693), предусматривавшие защиту возросшей морской торговли скандинавов от воевавших между собой западных держав. Однако противоречия

между «сытой» Швецией и ограбленной Данией были сильнее их тяги к сотрудничеству. Враг датского короля очередной герцог гольштейн-готторпский оставался естественным союзником Швеции. Новый датский король, Фредрик IV (1699—1730), отправил в далекую Москву своего посланника для того, чтобы договориться с Петром I о совместных действиях против общего врага.

На протяжении 1699 г. тайно оформилась антишведская коалиция — Северная лига. В нее вошли Дания, Саксония (в то время состоявшая в личной унии с Речью Посполитой) и Россия.

Нападением войск саксонского курфюрста и польского короля Августа II на Лифляндию началась Великая Северная война (1700—1721). Датский король вторгся во владения герцога гольштейн-готторпского. Блоку своих врагов юный Карл XII (1697—1718) противопоставил союз с Англией и Голландией (в то время бывшими в унии между собой). Прикрытый их мощным флотом, он высадился на острове Зеландии. Тогда датский король, не дожидаясь поражения, предложил мирные переговоры. Травендальский мир 1700 г. Дании с Гольштейн-Готторпом был продиктован Англией и Голландией. Дания обошлась без территориальных потерь, но отказалась на будущее от вмешательства в дела суверенного герцогства. Договор означал выход Дании из Северной лиги, а также и обязательство ненападения на нее со стороны Швеции. Так уже в начале новой войны обнаружилась зависимость Швеции от великих западных держав.

Погрузив свое небольшое войско на суда, Карл XII отправился в Эстляндию, где русские войска осаждали Нарву. Битва под Нарвой 19 ноября 1700 г. принесла королю европейскую славу полководца. Перезимовав в Эстляндии, он двинулся против саксонцев. Армия Августа II ушла в глубь Речи Посполитой, где Карл XII, несмотря на ряд побед (особенно при Клишове, 1702), несколько лет не мог с ней справиться. Пребыванием Карла XII с главными силами в Польше воспользовался Петр I. В 1703 г., взяв крепость Ниеншанц близ устья Невы, Петр приступил к строительству Петербурга. В 1704 г. пали Дерпт и Нарва: русские прорубили «окно в Европу».

В 1705 г. был заключен союз Швеции и Польши против России — впервые с конца XVI в. В 1706 г. шведские войска нанесли саксонцам решительное поражение под Фрауштадтом и курфюрст подписал мир с Карлом XII. По Альтранштедтскому миру (1706) Август обязывался не участвовать в антишведской коалиции и признал Станислава Лещинского польским королем.

В августе 1707 г. армия шведов двинулась из цветущей Саксонии на восток (свыше 40 тыс. человек) и зимовала в Западной Белоруссии. Затем Карл пошел на юг к Могилеву, ожидая вторую шведскую армию А. Левенгаупта и обоз из Риги, а также своего польского союзника. Только в августе 1708 г. Карл перешел Днепр у Могилева и вторгся в пределы Русского государства. Шведам пришлось идти по выжженной самими русскими земле. 28 сентября 1708 г. Левенгаупт был разбит русскими при Лесной, потерял по-

ловину своей 12-тысячной армии и обоз. Отказавшись от движения в глубь России, король пошел на юг, где его ожидал новый союзник — украинский гетман Мазепа, изменивший царю. Но и с левобережной Украины шведы не смогли прорваться на восток — к Белгороду и Харькову. Между тем их тревожило партизанское движение на Украине, серьезный урон причинила суровая зима 1708/09 г. Польский король Станислав Лещинский на помощь не шел. Турция и ее крымский вассал также в войну не вступали. 27 июня 1709 г. под Полтавой произошло генеральное сражение, проигранное шведами. Три дня спустя главные силы шведов, отступившие к Днепру, сдались Меншикову у Переволочны. Цвет шведского генералитета во главе с Реншильдом и Левенгауптом попал в плен, а король нашел убежище у турецкого султана в Бендерах.

Полтавская битва стала поворотным пунктом во всем ходе войны, да и во всей истории шведского великодержавия. Северная лига возродилась; датчане вновь напали на Гольштейн-Готторп, возобновил военные действия и курфюрст саксонский Август II. К союзникам примкнули прусский король (он же курфюрст Бранденбургский), а позже — курфюрст Ганновера. В том же 1709 году шведский ставленник Лещинский покинул Польшу. В 1710 г. русские войска завершили завоевание Лифляндии, Эстляндии и Западной Карелии, к 1716 г. были потеряны и немецкие владения шведов.

В 1713 г. взяли реванш датчане, вынудив к сдаче шведскую армию Стенбока в голштинской крепости Теннинген. В 1714 г. русские войска изгнали шведов из всей Финляндии; шведский военно-морской флот понес крупные потери у Гангута (Ханко). На помощь шведам, однако, пришли разногласия между союзниками, особенно России с Данией и Ганновером из-за дележа немецких владений Швеции, а также из-за дальнейшего плана операций; помогло и дипломатическое вмешательство западных держав, только что закончивших войну за испанское наследство. Карл XII, вернувшись в 1715 г. на родину, был уже умудрен опытом и склонялся к миру с Россией, втайне решив пожертвовать Прибалтикой ради сохранения остальных шведских завоеваний. В 1718 г. начались русско-шведские мирные переговоры на Аландах.

Карл XII, однако, погиб в перестрелке (возможно, и от руки заговорщика) на норвежской границе осенью 1718 г. Еще при жизни бездетного и холостого короля в Швеции соперничали две дворянские группировки, поддерживавшие возможных преемников короля: герцога Карла Фридриха Гольштейн-готторпского и «наследного принца» Фридриха Гессенского. Один был несовершеннолетним племянником короля, второй — мужем его сестры Ульрики-Элеоноры. Душой голштинской партии был ближайший советник короля немец барон Герц, способный администратор и дипломат. Смерть короля немедленно повлекла за собой арест, а затем осуждение и казнь Герца его противниками. Престол достался сестре короля Ульрике-Элеоноре, т. е. «гессенцам». Те прекратили войну

«Перенос тела Карла XII в Швецию». Картина Седерстрёма, XIX в.

с Данией и стали деятельно добиваться примирения в первую очередь с западными противниками Швеции.

В конце 1719 г. шведам удалось заключить первый мирный договор с Ганновером, которому они продали свои немецкие владения на Северном море — Бремен и Фёрден. Наградой им был союзный договор с Англией (английский король был тогда и курфюрстом ганноверским). По следующему мирному договору — с Пруссией — за 2 млн. рейхсталеров серебром пришлось расстаться со Штеттином и устьем Одера, т. е. с частью Западной Померании. В том же 1720 году по Фредриксборгскому миру с Данией, гарантированному Англией и Францией, шведы согласились платить зундскую пошлину, внесли датчанам денежную компенсацию за свои прежние приобретения и торжественно обязались больше не поддерживать герцогов гольштинских против Дании. Очистив оккупированную ею герцогскую часть Гольштейна, Дания сохранила за собой герцогскую часть Шлезвига, утраченную датскими королями в XVI в. Шлезвиг целиком вернулся лишь под датскую корону, а не в состав Дании, и по-прежнему управлялся неразрывно с королевской частью Гольштейна.

После заключения перемирия (1719) с Августом II Саксонским на условиях статус-кво у шведов остался один противник — Россия. Надежды «гессенцев» на создание антирусской коалиции не оправдались. В 1721 г. после 5-месячных переговоров был подписан в Ништадте (Финляндия) мир Швеции с Россией. Шведы уступали

Лифляндию, Эстляндию, Ингерманланд и Западную Карелию, включая крепость Выборг. Финляндия возвращалась шведам; они получали также денежную компенсацию в 2 млн. рейхсталеров и право беспошлинно закупать в Прибалтике ежегодно большое количество зерна. Наконец, Россия обещала не вмешиваться во внутренние дела и престолонаследие Швеции и обязывалась препятствовать изменению ее государственного строя. Пункт этот (ст. 7), принятый по настоянию самих шведов, как раз и содержал предлог для будущего вмешательства России в их внутренние дела.

Отныне шведское великодержавие ушло в прошлое. Швеция и Дания сохранили в XVIII в. положение держав среднего ранга.

Шведский сословный парламентаризм. «Колпаки» и «шляпы». Сестре Карла XII Ульрике-Элеоноре престол достался в 1719 г. лишь по избранию и при условии сильного ограничения королевской власти в пользу восстановленного государственного совета (получившего старое название — риксрод). В 1720 г. Ульрика отреклась в пользу своего мужа принца гессенского, избранного на шведский простол под именем Фредрика I (1720—1751), однако ценой утверждения конституции. Конституция 1720 г. («форма правления») сильно ограничивала королевскую власть: в случае разногласий короля с государственным советом вопрос решался голосованием, король имел лишь два голоса и право решения в случае равного голосования.

Шведской аристократии все же не удалось добиться возврата ко временам своего «золотого века». На сессиях риксдагов 1719, 1720, 1723 гг. весьма энергично выступили в защиту своих интересов мелкопоместные дворяне и дворяне-чиновники средней руки. Они, в частности, добились ликвидации порядка голосования в палате рыцарства по классам, дававшего перевес знати. Отныне вопрос решался большинством голосов всей палаты. Именно усилиями рядового дворянства власть короля по конституции была ограничена не только и не столько в пользу риксрода, сколько в пользу всего сословного риксдага. Риксдаг собирался раз в три года, в случае необходимости и против воли короля. Риксдаг утверждал принятие новых законов и отмену старых, а также и временные постановления, принятые королем и риксродом между сессиями. Без его согласия не мог быть введен новый налог, объявлена наступательная война. Члены риксрода несли ответственность перед риксдагом.

В самом риксдаге верховодили дворяне, получившие половину мест в так называемом секретном комитете — новом выборном органе риксдага, решавшем все важнейшие вопросы на сессии. Дворяне сохранили монополию членства в риксроде и занятия высших государственных должностей. Однако депутаты от податных сословий энергично отстаивали свои интересы, в частности добились в 1720—1723 гг. существенного ограничения дворянских привилегий в сфере землевладения. Новая конституция действовала до 1772 г., и режим сословного парламентаризма получил у шведских историков наименование «эры свобод».

Канцлер Арвид Горн

Фактическим главой правительства в первый период «эры свобод» — до 1738 г.— был канцлер, т. е. президент канцелярии, граф Арвид Горн, возглавивший дворянскую группировку «патриотов». Соблюдая экономию государственных средств, правительство вместе с тем продолжало, в духе умеренного меркантилизма, покровительствовать отечественной буржуазии: наиболее известен «Продукт-плакат» 1724 г.— закон, запрещавший вывоз шведских товаров на нешведских судах и ввоз в Швецию иностранными кораблями иных продуктов, кроме произведенных в их собственной стране.

В правление Горна страна счастливо избегала военных осложнений. Вместе с тем побежденная и ослабевшая Швеция искала сильных покровителей, используя противоречия между великими державами. В первые годы после Ништадта правительство держа-

лось русской ориентации и даже заключило в 1724 г. союзный договор с Россией, рассчитывая использовать его против Дании: в Петербурге в то время было сильно антидатское голштинское влияние. Расчеты эти не сбылись, и после смерти Петра I и Екатерины I, когда влияние голштинцев ослабло, правительство Горна в 1727 г. присоединилось к так называемому Ганноверскому союзу (Англия, Франция, Пруссия) и впредь получало субсидии от западных держав.

К этому времени престиж стареющего канцлера Горна пошатнулся. Внутренняя политика правительства становилась все более консервативной, отражая аристократические воззрения Горна и его ближайшего окружения. Между тем новое поколение дворян, офицеров, крупных предпринимателей и торговцев мечтало о более активной политике, внутренней и внешней, требовало расширения вооруженных сил, более энергичной защиты отечественных мануфактур и торговых компаний, наконец, подготовки к реваншу на востоке.

На риксдаге 1738/39 г. сторонников Горна иронически называли «колпаками», «ночными колпаками» якобы за трусость, а оппозиция гордо именовала себя «шляпами» (символ дворянина). Под нажимом оппозиционного большинства дворян и горожан Горн подал в отставку, а против его приверженцев — членов риксрода началось судебное преследование.

Сессия 1738/39 г. означала первую в истории Швеции смену правительства, осуществленную по воле наиболее влиятельной части риксдага — секретного комитета, что означало дальнейший шаг по пути сословного парламентаризма. Пришедшие к власти вожди партии «шляп» — лантмаршал (председатель палаты дворян) граф Густав Тесси́н, канцлер Карл Юлленборг — более охотно покровительствовали промышленникам и вели политику инфляции, пойдя даже (с 1745 г.) на редкий в XVIII в. отказ от валютного обеспечения шведских бумажных банкнот.

Главным отличием «шляп» от предшественников была их внешняя политика — курс на сближение с Францией. В 1738 г. с этой державой было заключено соглашение о дружбе, вновь обеспечившее шведам денежные субсидии, а в 1739 г.— оборонительный союз с Турцией, явно враждебный России. На риксдаге 1740 г. авантюристическое крыло «шляп» — сторонники немедленного реванша — взяли верх: были выделены дополнительные средства на военные расходы и, наконец, объявлена сама война (июль 1741 г.).

К сражениям Швеция оказалась не готовой. Воинские части, набранные в Финляндии, редели от дезертирства. В августе 1742 г. главные силы шведов сдались в Гельсингфорсе, а вслед за тем была потеряна почти вся Финляндия. Риксдаг 1742/43 г. решил расследовать вопрос о виновниках поражения: шведский главнокомандующий Ш. Левенгаупт был судим и казнен. Желая умилостивить императрицу Елизавету и зная о тесных связях Романовых с Гольштейн-Готторпами, риксдаг обещал избрать наследником шведского престола (престарелый король Фредрик I был бездетным вдов-

цом) герцога Адольфа Фридриха Гольштейн-готторпского, за что Елизавета обещала вернуть большую часть Финляндии.

Народное недовольство поражением, рекрутчиной, нехваткой продовольствия, нарушением деловой жизни было крайне велико. Наивные монархисты — крестьяне и рудокопы винили во всех бедах сословный риксдаг и требовали усиления королевской власти. В июне 1743 г. на рудниках Даларна (Далекарлии) начался мятеж — «Большая дальская пляска». Хорошо вооруженные повстанцы двинулись на Стокгольм и 20 июня вступили в город, восторженно встреченные беднейшей частью жителей столицы. Ободренные вестями об успешных мирных переговорах, власти беспощадно подавили восстание. Предводители — заводской счетовод Шеди́н и другие — были казнены.

По окончательному мирному договору в Або (7 августа 1743 г.) шведы отделались лишь потерей небольшой части Юго-Восточной Финляндии до реки Кюмень. Это спасло вождей «шляп» не только от отставки, но, вероятно, и от тюрьмы. После войны вмешательство царской дипломатии во внутреннюю политику Швеции усилилось. Русский посланник почти открыто финансировал оппозицию — «колпаков» — поборников дружбы с Россией и Англией. Со времени нового союзного договора с Россией 1745 г. Швеция получала субсидии от России. В конце концов неуклюжая поли́тика императрицы Елизаветы скомпрометировала оппозиционных вождей «колпаков». После риксдага 1746/47 г. одни из них были преданы суду, другие уволены в отставку. Партия «колпаков» надолго сошла с политической сцены. Во внешней политике Швеции восторжествовала франко-прусская ориентация (кронпринц Адольф Фредрик, женившись на сестре Фридриха II Прусского, отдалился от Елизаветы). В 1747 г. договор 1738 г. о дружбе с Францией был возобновлен и субсидии пошли теперь из Парижа.

Вторая четверть XVIII в., особенно 30-е годы, была чрезвычайно плодотворна в смысле экономического подъема страны, первым доказательством которого был значительный для того времени рост населения (за 1721—1749 гг. в Швеции — с 1,5 до 1,8 млн. человек, в Финляндии — с 0,3 до 0,4 млн.). Впервые после многовекового перерыва стали расширяться посевные площади. Со времен редукции усилилась купля-продажа земли. Все больше фрельсовых (дворянских) земель переходило к богатым горожанам, чиновникам, разночинцам или к духовенству, все больше коронных земель выкупалось крепкими крестьянами-арендаторами в собственность.

Основной отраслью шведской промышленности и в первой половине XVIII в. оставалось горное дело. Оно же давало львиную долю экспорта и было «балованным дитятей» правительства. В первой половине века шведское кованое (полосовое) железо медленно уступало свое господствующее положение на европейском рынке: еще в 50-х годах оно составляло 60% английского ввоза железа.

В интересах промышленников шведские власти ограничивали предельный объем производства железа для поддержания высоких

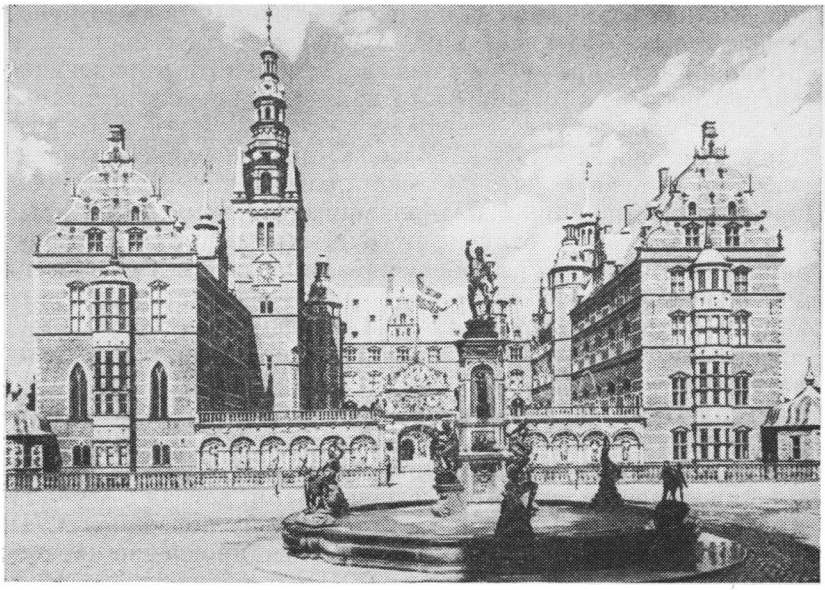
экспортных цен и строго следили за качеством металла. Брукспатроны — крупные землевладельцы, хозяева металлургических заводов (бруков) — по-прежнему зависели от кредитов городских купцов-экспортеров, т. е. от торгового капитала, но уже не иностранного, как в XVII в., а отечественного.

Ближе к середине XVIII в. сильно умножилось число городских мануфактур, в первую очередь текстильных (в самом Стокгольме и Норчёпинге), но также изготовлявших железный инвентарь, бумагу, стекло, сахар. В отличие от рудников и металлургических предприятий мануфактуры обслуживали главным образом внутренний рынок. Внешняя торговля сосредоточивалась в привилегированных (стапельных) городах — Стокгольме и Гетеборге. Быстро рос шведский торговый флот, чему благоприятствовал «Продуктплакат» 1724 г.

Капитализм в шведской промышленности и торговле в первой половине XVIII в. сделал, таким образом, уже заметные успехи. Это вело к изменениям классовой структуры общества, более отчетливо проявившимся во второй половине столетия.

Датско-норвежский абсолютизм в первой половине XVIII в. Дальнейший рост буржуазного уклада. Восстановление крепостничества в Дании. В первой половине XVIII в. политическая история Дании-Норвегии по сравнению с историей Швеции бедна событиями. Самодержавные монархи, включая долго царствовавшего Фредрика IV (1699—1730), несколько улучшили делопроизводство и судопроизводство, оздоровили финансы, развили средства сообщения, наладили мизерную помощь беднейшему населению. Предметом особой заботы правительства были города, промышленность и торговля. То было время крайнего меркантилизма. В начале XVIII в. уже примерно пятая часть датчан проживала в городах. С окончанием Великой Северной войны удельный вес Копенгагена и датчан в балтийской торговле заметно вырос, прежде всего в деле снабжения всей Балтики западноевропейскими и колониальными товарами (Главная торговая компания, 1747). Среди привилегированных монополистических торговых компаний наиболее крупной и процветающей была Азиатская компания (1732), сменившая датскую же Ост-Индскую и торговавшая индийским и китайским чаем. Датская Вест-Индская компания успешно торговала сахаром со своих плантаций. В 1736 г. в датской столице был основан банк (Курантбанкен), финансировавший торговлю, промышленность, градостроительство и выпускавший с этой целью первые в Дании банкноты. Впрочем, значительная часть капитала копенгагенских торговых домов все еще была голландского и немецкого происхождения.

Датская мануфактурная промышленность по-прежнему отставала от торговли и судоходства. Узость внутреннего рынка и конкуренция лучших по качеству иностранных изделий действовали сильнее, чем всевозможные правительственные субсидии и льготы мануфактуристам, чем многочисленные запреты на ввоз изделий из заграницы. Слабая покупательная способность феодально-зависи-

Королевский замок Фредриксборг, 1602—1620 гг.

мых крестьян, в своей значительной части крепостных, усугублялась хронически низкими ценами на хлеб в 1650—1750 гг.

В условиях длительного аграрного кризиса и помещичьего гнета сельская молодежь стремилась уйти в города. Под нажимом дворянства Кристиан VI в 1733 г. восстановил крепостничество в Дании (под новым названием «ставнсбонд») для мужчин в возрасте от 14 до 36 лет (затем даже с 9 до 40). Это обеспечивало дворянам даровые (крестьян-барщинников) или дешевые (хусменов) рабочие руки.

Условия самодержавия первой половины XVIII в. не оставляли места для политической оппозиции. Однако контроль за религиозным единомыслием постепенно стал ослабевать. Измученные войнами и стихийными бедствиями массы в Дании и других скандинавских странах нуждались в духовной пище, какой не давала им государственная лютеранская церковь с ее сухим догматизмом. Такую пищу несло пришедшее из Германии мистическое движение пиетистов. Пиетисты призывали к практическому христианству — нравственному самоусовершенствованию и помощи ближнему. Пиетизм как разновидность пуританства нес с собой известную демократизацию религиозной жизни. Пиетистские кружки быстро распространились среди ремесленников и других горожан Дании, а затем и всех скандинавских стран. Новое религиозное течение нашло приверженцев и в верхах общества, особенно при дворе угрюмого датского короля Кристиана VI (1730—1746). Под влиянием священников-пиетистов в Дании преследовались театральные пред-

ставления, маскарады и пр. (был, например, закрыт на несколько лет театр в Копенгагене), строго каралось непосещение церкви по воскресеньям. В Дании, таким образом, пуританская проповедь XVIII в. оказалась вместе с тем орудием ханжеской самодержавной опеки над подданными.

Хотя после Фредриксборгского мира 1720 г. Дания счастливо избегала вовлечения в новые войны, ее международное положение оставалось крайне шатким. Если в XVII в. датскую дипломатию преследовала угроза коалиции голштинских герцогов со Швецией, то теперь такой угрозой стал тесный союз тех же герцогов с русскими императорами. Брак герцога Карла Фридриха Гольштейн-готторпского с дочерью Петра I Анной и русско-шведский союзный договор 1724 г. означали для Дании реальную угрозу новой утраты Шлезвига. В ответ Дания сблизилась с Англией и Францией (гарантами Фредриксборгского мирного договора) и вместе со Швецией присоединилась к Ганноверскому союзу западных держав в 1727 г.

С конца 20-х годов российские самодержцы надолго перестали поддерживать голштинских герцогов и датская дипломатия сумела, наконец, возродить традиционную дружбу с Россией. Союзным договором 1732 г. Россия гарантировала территориальную неприкосновенность владений датского короля. Защита статус-кво на Балтике, «северного спокойствия» все чаще выдвигаются датской дипломатией в качестве руководящей концепции. В 1742—1743 гг. датчане даже добивались избрания своего наследного принца и на шведский престол. Неудача — избрание шведами герцога Адольфа Фридриха — и одновременное провозглашение другого голштинского герцога Карла Петра Ульриха (будущего Петра III) наследником русского престола означали соответственно ухудшение русско-датских и датско-шведских отношений: русско-шведский союзный договор 1745 г. предусматривал совместную поддержку притязаний Гольштейн-Готторпов в Шлезвиге.

К середине XVIII в. внешнеполитическое положение Датского королевства вновь окрепло. Традиционное недоверие Петербурга к Швеции перевесило навязываемую голштинцами вражду к Дании.

Культура скандинавских стран с начала XVII до половины XVIII в. Раннее Просвещение. В XVII в. достижения скандинавских народов в области науки, литературы и искусства еще носили по преимуществу подражательный характер и имели почти исключительно местное, национальное значение. Вместе с тем на протяжении XVII столетия заметно уменьшилось засилье лютеранского богословия в университетах, ослабла церковная цензура печати. Идеи новой светской философии, сначала картезианства, затем естественного права, наконец, эмпиризма стали проникать вместе с точными науками в среду образованных людей скандинавских стран. Шведские короли и регенты этой эпохи, не исключая (вопреки ходячему мнению) и Карла XII, покровительствовали наукам и искусствам, а шведская королева Кристина была одной из образованнейших женщин XVII столетия.

Шведские власти в 1668 г. в завоеванной провинции Сконе основали Лундский университет с явной целью скорейшей ассимиляции своих новых подданных — датчан и норвежцев. В столицах обоих государств уже было немало французских, итальянских, немецких, голландских ученых, живописцев, музыкантов. С 1634 в Копенгагене и с 1645 г. в Стокгольме выходили газеты.

В век великодержавия шведский двор принял в значительной мере космополитический характер, а количество заимствований в шведском языке ни до, ни после не было столь велико. Более скромный датский двор казался теперь несколько провинциальным (в XVI в. соотношение было обратным). Дания находилась — благодаря унии с герцогствами — в орбите главным образом немецкого культурного влияния. Многовековое культурное превосходство Дании над Швецией во второй половине XVII в. явно слабело, а в XVIII в. в некоторых областях сменилось шведским превосходством.

В конце XVII в. идеи умеренного философского рационализма — картезианства — уже имели в Швеции выдающихся последователей, отличавшихся обычно разносторонностью своих научных интересов. Таков был епископ А. Рюделиус (1671—1738), профессор университета в Лунде, воспитавший целое поколение шведских ученых. Профессор Упсальского университета Улоф Рюдбек (1630—1702) — одновременно анатом, ботаник, архитектор и историк — впервые начал преподавать в Упсальском университете на шведском языке. Кр. Польхем (1661—1751) — первый шведский изобретатель, предложил ряд ценных нововведений в горном деле (машина для поднятия руды из шахт), создал ряд обогнавших свое время проектов.

В XVIII в. шведские философы уже внесли оригинальный, хотя и глубоко реакционный, вклад в развитие западноевропейской мысли. Эммануил Сведенборг (1688—1772) явился крупнейшим со времен Якова Бёме мистиком-духовидцем. Он создал теософское учение, снискавшее ему широкую популярность в религиозных кругах, оппозиционных к господствующей церкви. Секта сведенборгианцев действует в США, Англии и других странах и поныне.

В 1719 г. в Упсале было основано первое ученое общество, а в 1739 г.— Академия наук в Стокгольме. Чем ближе к середине XVIII в., тем больше шведских ученых — уже с европейским именем: инженеры М. Тривальд (создатель первой в Швеции паровой машины в 1728 г.) и тот же Сведенборг, математики и астрономы А. Цельсий (в его честь названа температурная шкала) и С. Клингеншерна, агрохимик И. Г. Валлериус и, конечно, Карл Линней (1707—1778) — создатель не только научной классификации растений, но и этнографии шведских провинций.

В Дании естественные науки — астрономия и медицина — имели более старую традицию, чем в Швеции. Европейскую известность заслужил анатом Томас Бартолин Старший (1615—1680). В 1675 г. Оле Ремер с помощью астрономических наблюдений

обнаружил скорость распространения света. Его современник Н. Стенсен был одним из основателей геологии как науки. Затем, однако, датское естествознание стало отставать от быстрее развивавшегося шведского. В Копенгагене первое ученое общество (впоследствии Академия наук) возникло только в 1742 г.

Успешнёе развивались в Дании изучение древностей, историография. Уже с начала XVII в. здесь стали по указу короля собирать древние памятники и акты. В конце XVII в. ученые-исландцы, получившие образование в Дании — Т. Торфуэс и особенно Арни Магнуссон,— занялись собиранием и перепиской бесценных древнеисландских рукописей. В XVIII в. собиранием, критикой и изданием средневековых текстов особенно прославились датчане Ханс Грам (1685—1748) и его ученик Якоб Лангебек (1710—1775). Датское Общество отечественной истории и языка было основано Лангебеком в 1745 г., а шведская Академия литературы, истории и языка — в 1753 г. Первые общедоступные, написанные с рационалистической точки зрения сочинения по отечественной истории на родном языке появились в Дании и в Швеции лишь в первой половине XVIII в. и принадлежали перу двух замечательных деятелей скандинавской литературы и просвещения — Л. Хольберга и У. Далйна. Миссионеры из Норвегии — отец и сын Эгеде положили начало христианизации гренландских эскимосов, а также составили алфавит, издали букварь (1739) и перевели Библию на их язык.

В области собственно литературного творчества все скандинавские народы в XVII в. дали мало оригинального, подпав в особенности под влияние французского классицизма. Религиозная лирика, песнопения-псалмы преобладали в датско-норвежской поэзии (Т. Кинго в Дании, П. Дасс в Норвегии). Бедна и проза того времени. Более успешно развивалось в Дании XVII в. изучение родного языка (первая датская грамматика на датском же языке П. Сюва, 1685), издавались народные песни и пословицы. Большее значение имел XVII век в истории шведской литературы. Недаром существует даже понятие «век Шернъельма». Георг Шернъельм (1598—1672) прославился более всего как основоположник светской поэзии. Писал он в духе гуманизма и Возрождения, используя античные сюжеты, приемы, размеры и формы. Главным его произведением была поэма-наставление «Геркулес» (1658).

Датско-норвежская литература XVIII в. выдвинула первого скандинавского писателя нового времени, получившего европейскую известность. Просветитель-философ, историк, драматург и сатирик Людвиг Хольберг (1684—1754), уроженец Норвегии, оказал громадное влияние на всю скандинавскую литературу и общественную мысль, освежил духовную атмосферу Дании. Хольбергу принадлежит основная заслуга и в создании датского прозаического стиля (его «История государства Датского»), датского театра (свыше 30 комедий), сатиры («Педер Порс» — сатирический эпос) и философского романа («Подземное путешествие Нильса Клима»).

Улоф Далин (1708—1763) сыграл такую же роль для Швеции, как Хольберг для Дании. Однако круг его творчества уже и значение чисто национальное. В возрасте всего лишь 23 лет Далин стал анонимно издавать еженедельный журнал «Шведский Аргус» (1732—1734). Литературный журнал на живом разговорном языке с ярко выраженной морализирующей воспитательной тенденцией, в духе умеренного рационализма быстро завоевал широчайшую по тому времени популярность. В Дании аналогичную роль играл журнал «Датский зритель» (1745—1754).

Став затем придворным поэтом, Далин создал множество аллегорических стихотворений злободневного политического содержания (в поддержку режима «шляп») и оставался властителем сердец вплоть до середины века. После Далина поток шведской поэзии более уже не оскудевал. Беднее была датская поэзия середины XVIII в. В 30—40-е годы пришла пора морализирующих романов, впрочем, долгое время переводных или подражательных.

XVII век ознаменовался возведением дворцов и особняков — сначала королевских, затем частных дворянских, и, наконец, первых бюргерских. На смену Ренессансу с его немецко-голландскими образцами пришло после 1660 г. более пышное барокко франко-итальянского происхождения. Виднейшие скандинавские зодчие XVII — начала XVIII в.— еще иммигранты или их дети: отец и сын Де ля Валле и Тессины в Швеции. Особенно знаменит Никодем Тессин Младший (1654—1728). Основные королевские и иные дворцы в обеих столицах и их окрестностях были возведены либо в конце XVII в., либо после 1730 г. Таковы королевский дворец и Риддархюс — здание дворянского сословия — в Стокгольме; Кристиансборг (позже сгоревший [1]) и Амалиенборг в Копенгагене. В середине XVIII в. барочная архитектура дополнилась более интимными интерьерами в манере рококо. Виднейшими национальными зодчими середины века были уже коренные скандинавы Лауридс Тура и Николай Эйгтвед в Дании, Карл Хорлеман в Швеции. В 1735 г. и в 1754 г. соответственно были основаны шведская и датская Академии художеств (шведская окончательно в 1773 г.)

Глава VII

Буржуазные реформы просвещенного абсолютизма (вторая половина XVIII в.)

Новый экономический подъем. Мануфактуры. Начало промышленного переворота в Англии повлекло за собой усиленный спрос на предметы скандинавского экспорта Экономическому развитию Скандинавии благоприятствовали и такие события, как крупные

[1] Ныне существующий дворец Кристиансборг построен в первой четверти XX в.

колониальные и революционные войны второй половины XVIII в. Соблюдая во всех этих конфликтах нейтралитет, скандинавские государства обеспечили крупные прибыли своей торговой и судовладельческой буржуазии.

Обороты датских компаний, Вест-Индской и Азиатской, приносили теперь баснословные прибыли — до 40—50% на вложенный капитал. Копенгаген твердо занял центральное место в снабжении Северной Европы и Прибалтики сахаром, шелком, чаем. Датско-норвежский торговый флот занялся теперь фрахтом даже в Средиземном море. В годы североамериканской войны за независимость стоимость датского ввоза и вывоза в пределах Европы более чем удвоилась. За 1750—1807 гг. тоннаж норвежского торгового флота удвоился и далеко превзошел датский, а число судов выросло с 600 до 1514.

Шведские экспортеры, напротив, во второй половине века утратили свою былую монополию или преобладание в экспорте железа, смолы, дегтя. Британский кокс и уральское железо сократили выручку шведских железопромышленников (брукспатронов). Тем не менее внешняя торговля и судоходство в целом развивались успешно. 20 богатейших торговых семей Стокгольма, живших в портовом районе города — Шепсбру, получили у современников прозвище «дворянство Шепсбру».

Вторая половина века примечательна также дальнейшим распространением мануфактурной промышленности в обеих ее формах — централизованной и рассеянной. В Швеции расцвет крупных мануфактурных предприятий пришелся на 50—60-е годы XVIII в. (Стокгольм, Норчёпинг). В дальнейшем с ними успешно конкурировали сельские кустарные промыслы, эксплуатируемые скупщиками и раздатчиками сырья.

Промышленное развитие Норвегии шло в тех же формах, в том же направлении, но в меньших масштабах. Норвежские мануфактуристы, как и вся норвежская промышленность, особенно страдали от недостатка денег, влиятельные позиции в стране занимал иностранный капитал, однако с половины XVIII в. его доля стала падать. Одновременно внедрялись улучшения в технику рыбного лова — новые виды сетей, более крупные и прочные. Источником обогащения норвежских горожан был также экспорт леса.

Более успешно стала развиваться после 1750 г. и датская мануфактурная промышленность, в первую очередь текстильная (Копенгаген), в которой с конца XVIII в. уже применялись, пока эпизодически, машины, заимствованные у англичан. Хозяйственным успехам скандинавских стран помогала новая экономическая политика их правительств после 1760 г. Во-первых, постепенно слабела изживавшая себя меркантилистская регламентация промыслов и торговли. Во-вторых, начаты были буржуазные реформы в важнейшей сфере экономики того времени — сельском хозяйстве.

Образование классов буржуазного общества. Сословная структура общества, присущая феодализму, в течение XVIII столетия

все более разлагалась и на рубеже XVIII—XIX вв. уже сосуществовала с классовой структурой буржуазного общества — стирались фактические и юридические различия между сословиями, рос удельный вес новых внесословных социальных групп.

К концу XVIII в. ослабли имущественные и социальные позиции дворянства. Удельный вес его в общей массе населения Скандинавии не достигал 1% и был значительно ниже, чем на континенте. Внутри дворянского сословия рос удельный вес предпринимателей (в Швеции) и чиновников (особенно в Дании). Все увеличивающаяся часть пахотной земли и высокооплачиваемых должностей переходила в руки податных сословий. Свое положение господствующего класса дворянство сохраняло с трудом. Наиболее крепкие политические позиции были у шведской знати, однако и ей к 1800 г. принадлежала лишь меньшая часть высоких гражданских должностей. В Норвегии же дворянство к концу столетия практически перестало существовать.

Новый, наиболее состоятельный класс национальной буржуазии пополняли представители не только бюргерского сословия, но и лица свободных профессий, чиновники, шкиперы, горнопромышленники (особенно в Швеции) и лесопромышленники (Норвегия). В Швеции эти внесословные группы состоятельных и образованных лиц уже были весьма заметны и получили особое наименование «персон с положением», что соответствует русским разночинцам. На рубеже XVIII — XIX вв. буржуазия уже экономически господствовала в Норвегии, а в Швеции и Дании успешно теснила дворянство.

Для второй половины XVIII в. особенно характерен рост предпролетариата и пролетариата, прежде всего сельского. В ходе распродажи и мобилизации земель, а также аграрных реформ конца XVIII в. число датско-норвежских хусменов и шведско-финляндских торпарей быстро росло. Еще ниже их стояли кабальные батраки с огородом или просто избой (ср. англ. коттеров). Наряду с этими полупролетарскими слоями во всех скандинавских странах рос и собственно пролетариат — рабочие рудников, горных заводов и мануфактур. В конце столетия их было уже десятки тысяч в каждой из скандинавских стран.

Дальше всего разложение феодально-сословного общества к началу XIX в. зашло в Норвегии: значительное большинство крестьян здесь успели стать собственниками своей земли. Пролетарские и полупролетарские слои превосходили их по своей численности. В Швеции крестьянство овладело примерно половиной земли, а полупролетариат и пролетариат, включая промышленный, достиг одной трети населения. В Дании, где феодальные отношения были сравнительно прочными, основная часть земли оставалась в руках помещиков, но крестьянство уже стало лично свободным, а число хусменов равнялось числу зажиточных крестьян.

Ограниченные возможности ведения сельского хозяйства в Норвегии, в некоторых областях Швеции, не говоря уже об Исландии, заставляли местных крестьян быть одновременно рыбаками, лесо-

рубами, горняками, охотниками, курить смолу, варить селитру, ткать на дому и т. п. С ростом рыночных и раннекапиталистических отношений в XVIII в. таких крестьян-промысловиков становилось все больше. Целые районы в Швеции, например, специализировались на том или ином кустарном производстве из дерева, металла, шерсти и льна.

«Младшие колпаки» и окончание «эры свобод». Просвещенный абсолютизм в Швеции. В условиях благоприятной экономической конъюнктуры середины века внутреннее положение Швеции упрочилось. Аграрная политика правящей группировки «шляп» носила ярко выраженный буржуазный характер: они облегчили дробление наделов и наем батраков крестьянами, положили начало борьбе с чересполосицей (межевые реформы 1757 и 1762 гг.). Правительство «шляп» щедро субсидировало промышленников. Республиканские тенденции «эры свобод» еще более усилились: в 1756 г. было решено пользоваться штемпелем с королевской подписью в случае нежелания короля подписать документ.

Однако «шляпы» дали втянуть себя в новую европейскую войну — Семилетнюю. Примкнув к антипрусской коалиции, они рассчитывали на возврат лучшей части Померании, утраченной в 1720 г. Померанская война 1757—1762 гг.— составная часть Семилетней — лишь подтвердила статус-кво и вновь ухудшила состояние шведских финансов. Растущая инфляция толкнула правительство «шляп» на недопустимые в глазах крестьян и горожан мероприятия: были запрещены выкуп коронной земли крестьянами и (до 1760 г.). домашнее винокурение.

Следствием этих неудач было возрождение в начале 60-х годов антиправительственной оппозиции на сессиях риксдага: хорошо для того времени организованной партии «колпаков», или «младших колпаков» (в отличие от старших — 30—40-х годов). Она требовала экономии государственных средств, миролюбивой внешней политики, большей свободы предпринимательства, ограничения привилегий знати и крупной буржуазии.

На риксдаге 1765 г. «колпаки» пришли к власти отчасти благодаря русской поддержке. Они сократили государственные расходы и субсидии крупным промышленникам, подняли международный курс шведских денег, урезали монополию Стокгольма на ведение внешней торговли, вернули крестьянам право выкупа коронных земель, расширили гласность политической жизни (постановление о свободе печати 1766 г.), еще более стеснили королевское вмешательство в государственные дела.

В конце 60-х годов недовольные правительством «колпаков» высшие чиновники открыто саботировали его распоряжения, а король Адольф Фредрик в 1769 г. даже временно отрекся от престола. Политика дефляции оказалась слишком поспешной и крутой и привела к застою в делах — отсюда недовольство буржуазии; радикальные, демократические тенденции «младших колпаков» отпугивали дворянство.

Король Густав III

В 1769 г. к власти вернулось правительство «шляп»; оно, однако, постоянно испытывало нажим буржуазно-демократической, уже явно антидворянской оппозиции. Главное требование оппозиции сводилось теперь к уравнению прав сословий занимать высшие должности. На рубеже 60—70-х годов борьба классов и партий в Швеции крайне обострилась. На риксдаге 1772 г. «колпаки» получили большинство в трех податных сословиях. В королевскую присягу стараниями разночинцев-«колпаков» были внесены пункты, вводившие, по сути дела, равенство сословий при назначении на должность.

Между тем французская дипломатия втайне поддерживала самодержавные замыслы молодого честолюбивого короля Густава III (1771—1792), нуждаясь в более сильной Швеции для своей антирусской политики. Не дожидаясь упрочения нового правительства, используя противоречия между дворянами и разночинцами в партии самих «колпаков», король Густав III в августе 1772 г. совершил бескровный военный переворот. Офицерство поддержало его, опасаясь нового сокращения военных расходов «колпаками».

Члены риксрода, т. е. правительство «колпаков», были арестованы. Сессия риксдага послушно приняла новую конституцию («форму правления») 1772 г. Конституция усилила власть короля, который отныне управлял единолично. Государственный совет (риксрод) и чиновники несли ответственность перед ним, а не перед риксдагом. Король руководил внешней политикой и только начать новую войну не смел без согласия риксдага. Последний созывался по усмотрению того же короля. Инициативу и вето в законодательных вопросах делили между собой король и риксдаг, но король мог самолично издавать постановления экономического и административного порядка. Налоги вотировались риксдагом, но без указания срока их действия.

Сословный парламентаризм, таким образом, уступил место сильной полусамодержавной королевской власти, как только он стал грозить господствующему положению дворянства. Реакционный внутриполитический характер переворота 1772 г. несомненен.

Первые мероприятия Густава III прямо диктовались интересами дворянства, и притом высшего, феодально-помещичьего. Были вновь запрещены выкуп коронной земли крестьянами и домашнее винокурение; односторонне поощрялось продвижение дворян по службе, особенно в армии; восстановлено было старинное трехклассное деление депутатов рыцарской палаты. Вместе с тем в области чисто экономической, а также в сфере гражданских прав реформы, начатые «младшими колпаками», были подхвачены и развиты. Так была разрешена свободная торговля хлебом (1775). Поощрялось размежевание пашен и лугов, и каждый землевладелец получил право при некоторых условиях требовать выделения из общины. Урезались городские и цеховые привилегии. После улучшения экономической конъюнктуры была успешно проведена девальвация бумажных денег (1776—1777), и Швеция перешла к серебряному стандарту.

Густав III правил, таким образом, в духе просвещенного абсолютизма. Риксдаг он созывал как можно реже — в 1778 г., а затем лишь в 1786 г. В последнем случае, однако, король столкнулся с оппозицией, с одной стороны, рядовых дворян, тяготившихся своим политическим бесправием, и с другой — крестьян, а также части духовенства и бюргерства по вопросам экономического порядка. Вслед за тем антиконституционное единоличное решение Густава о военном нападении на Россию (1788; см. ниже) подтолкнуло дворянскую оппозицию к решительным действиям. Офицеры-дворяне шведской армии в Финляндии организовали «Аньяльский союз», названный по финскому местечку Аньяла (август 1788 г.), и письменно потребовали от короля прекратить противозаконную войну, вступить в мирные переговоры с Екатериной II и возвратиться к конституционному правлению. Увлекаемые группой энергичных финнов-сепаратистов, офицеры вступили в мирные контакты с русским правительством.

Заговор аньяльцев не получил серьезной поддержки ни в Швеции, ни в Петербурге, и осенью 1788 г. их союз распался. Вожди

либо укрылись в России (Спренгтпортен, Егерхорн), либо были арестованы и один из них — полковник Хестеску — казнен. На риксдаге 1789 г. отчасти повторилась ситуация 1680 г. Имея прочную поддержку трех податных сословий против оппозиционного в своем большинстве дворянства, Густав III добился принятия важного добавления к конституции — «Акта единения и безопасности»; власть короля была еще больше расширена (риксдаг оставил за собой лишь право вотировать налоги), а привилегии дворянства сильно урезаны. За дворянами остались, собственно, две привилегии — монопольное владение не облагаемыми податью имениями вместе с прилегающими к ним крестьянскими усадьбами и монопольное замещение нескольких высших должностей. Крестьяне вернули себе право выкупа коронных земель и избавились от различных ограничений в праве собственности на землю и в праве на наем батраков.

По классовой сущности самодержавие Густава III было сугубо дворянским. Однако аристократия не простила ему своего политического унижения 1789 г. Наряду со старой аристократической оппозицией окрепла и новая — в лице обуржуазившихся мелкопоместных дворян, поклонников французской конституции 1791 г. Густав III пал жертвой заговора, объединившего на время обе группировки: в марте 1792 г., на маскараде в столичной опере, «деспот» был окружен заговорщиками и смертельно ранен.

Дания. Просвещенный абсолютизм и отмена крепостного права. Подъем датской торговли и мореплавания с середины XVIII в., рост мануфактурной промышленности должны были раньше или позже вынудить самодержавных монархов к проведению буржуазных реформ, включая наиболее неотложную — отмену крепостного права. Сами эти монархи — и распутный Фредрик V (1746—1766), и слабоумный Кристиан VII (1766—1808) — не в состоянии были использовать полученную власть и всецело зависели от придворных группировок и своих первых министров, обычно немцев. Между тем общественная жизнь в Дании оживилась; идеи англо-французских просветителей завоевывали все больше сторонников (особенно благодаря журналу Снеедорфа «Патриотический обозреватель», 1761—1763). С растущим вниманием передовые помещики обсуждали новые способы обработки земли и ведения хозяйства в более развитых странах («Экономический журнал для Дании и Норвегии», издавался с 1757 г.). Новое «Сельскохозяйственное общество» (1769) стало школой практического опыта для помещиков.

В конце 60-х годов в окружении Кристиана VII и его юной жены Каролины Матильды уже существовала небольшая группа дворян — сторонников реформ в духе просвещенного абсолютизма. Случай, казалось, помог им осуществить свою мечту. Безраздельное влияние на королевскую чету приобрел восторженный последователь просветителей немец И. Ф. Струэнзе (1737—1772) — врач короля и любовник его жены, с 1770 г.— неограниченный правитель страны. Он упразднил аристократический тайный совет,

Арест Струэнзе, 1772 г. Гравюра

урезал дворцовые и военные расходы, установил независимость судей от исполнительной власти, гласность судопроизводства, полную свободу печати и вероисповеданий, смягчил наказания, запретил пытки и процессы «ведьм», ввел свободу промыслов и хлебной торговли, уравнял внебрачных детей с «законными» и пр. Крепостное право он отменить не успел, но сократил возрастной предел для крепостного состояния и ограничил размеры барщины.

Струэнзе, однако, пренебрег датской национальной гордостью — все его указы писались по-немецки и без учета местных условий. Он не позаботился о проверке исполнения своих нововведений. Все это позволило придворным, включая родственников короля, подготовить успешный заговор. Всесильный кабинет-министр был в начале 1772 г. арестован в своей постели, закован в цепи, а затем по суду казнен. Почти все его реформы были отменены и брак короля расторгнут.

С 1772 г. во главе датского правительства фактически стоял секретарь кабинета, участник заговора, профессор богословия О. Гульдберг. Его внутренняя политика служила интересам консервативного дворянства (он восстановил неограниченную барщину) и привилегированной верхушки торгово-мануфактурной буржуазии (государственные ссуды и субсидии крупным предпринимателям). Единственным добрым делом было противодействие далеко зашедшему в стране онемечению. Законом 1776 г. на го-

сударственную службу допускались только подданные датского короля (включая и шлезвиг-голштинцев). В университете, армии и государственных гражданских учреждениях отныне всячески поощрялось пользование датским языком вместо немецкого.

Передовые общественные круги роптали на реакционера Гульдберга. Наиболее дальновидные помещики добивались отмены крепостного права; провинциальная, в частности норвежская, буржуазия стремилась к либерализации деловой жизни, к подрыву привилегированного положения столичного копенгагенского купечества. В 80-х годах вокруг юного кронпринца Фредрика сплотилась группа либеральных дворян — братья Ревентлов, Шиммельман и бывший министр иностранных дел А. П. Бернсторф Младший. В 1784 г. 16-летний кронпринц стал регентом (впоследствии король Фредрик VI, 1808—1839), а его друзья заполнили места в тайном, или государственном, совете. Гульдберг и его сторонники были смещены.

Новые датско-норвежские реформы, начавшись как сравнительно ограниченные мероприятия в духе просвещенного абсолютизма, затем, в годы Великой французской революции, переросли в подлинный аграрный переворот, буржуазный по смыслу, хотя и проводившийся самодержавным правительством с учетом в первую очередь помещичьих интересов. Законом 1787 г. помещик лишался права сгонять исправного держателя (фестера) с земли. Другим законом воспрещались телесные наказания помещичьих крестьян. В 1788 г. крестьяне вновь получили свободу хлеботорговли и равные с помещиками права разводить и продавать скот, а 20 июня этого же года вышел указ об отмене прикрепления к земле (несколько позже также в герцогствах) [1]. Рекрутская повинность крестьян — важный элемент их сословной неполноправности — сохранилась, но была изъята из ведения помещиков. Полицейская власть помещиков над крестьянами прекратилась. Реформы, разумеется, ревниво защищали интересы помещиков, от их согласия зависела коммутация, т. е. замена феодальных повинностей денежными платежами; отказ нести барщину преследовался властями, законодательное ее ограничение последовало лишь в 1799 г. Основной рабочей силой имения стали теперь мелкие арендаторы — хусмены, положение которых ничуть не улучшилось. Нередко это были просто кабальные батраки с наделом.

Ряд правительственных постановлений конца XVIII в. поощрял выкуп или покупку земли крестьянами (кредитная касса для долгосрочных ссуд земледельцам — 1786 г.). Все сильнее понуждались и крестьяне, и помещики к упразднению общинной чересполосицы — каждый собственник получал право требовать представления ему единого отруба. К 1807 г. две трети земли уже были выделены из общины.

---

[1] Для мужчин моложе 14 и старше 36 лет. Полностью отменен с 1 января 1800 г.

Отмена крепостного права сопровождалась другими либеральными реформами. Монополии ряда столичных торговых компаний теперь пришел конец. В 1793 г. Копенгаген лишился исключительного права ввоза товаров из заграницы. Таможенный тариф 1797 г., крайне либеральный для своего времени, уже не содержал почти никаких ввозных запретов, ввозные пошлины были сильно снижены. Были расширены права печати (в 1799 г. вновь ограничены); запрещена в 1792 г. работорговля в датских колониях (но не само рабство); введены принудительные отчисления в пользу беднейшей части населения (закон о бедных 1803 г.— один из старейших актов социальной политики в Европе).

Во второй половине века Просвещения прогрессивные преобразования распространились на Исландию, главным образом благодаря стараниям местных чиновников-исландцев. В 1779 г. исландские студенты в Копенгагене основали особое общество для распространения знаний в народе. Постепенно улучшилось дело начального образования, и в конце столетия большинство исландцев были грамотны, к удивлению заезжих путешественников. В 1786 г. Рейкьявик получил статус города, а с 1801 г. стал административным центром страны. Наконец, в числе либеральных реформ конца века было и предоставление свободы торговли с Исландией всем датским подданным (отменена ненавистная монополия копенгагенских купцов).

Антиналоговые выступления народных низов и национальное пробуждение в Норвегии. Несмотря на значительный экономический подъем в Норвегии после 1740 г., политическое положение страны не изменилось. За исключением апелляционного суда и канцелярии наместника в Акерсхусе (близ Христиании — Осло), Норвегия не имела своих центральных учреждений. Собираемые с норвежцев подати расходовались преимущественно за пределами страны. Копенгагенские купцы сохраняли монополию на ввоз колониальных товаров в Норвегию, на ввоз зерна в южную (основную) часть страны, держали в своих руках внешнюю торговлю Исландии и северной окраины Норвегии — Финмарка. С помощью высоких ввозных пошлин на импортные ткани норвежцев вынуждали покупать «свои» — датские, тогда как норвежская монополия на ввоз в Данию железа, леса, рыбы была далеко не столь выгодна.

После исчезновения дворянского землевладения в Норвегии основным эксплуататором местных жителей выступала датская казна. Крайнее повышение налогов в сочетании с плохим уловом сельди в 1764 г. привело к массовому отказу крестьян-рыбаков Западного побережья (так называемых стриларей) платить налоги и к походу их на Берген с целью подачи жалоб в 1765 г. («война стриларей»). Наказав позже вождей движения, власти вынуждены были снизить налоги и улучшить дело их сбора. Новое, еще более крупное движение крестьян на юге Норвегии в 1786—1787 гг. было направлено не только против королевских чиновников, но и против купцов-предпринимателей. Здесь, на юге, масса

мелких крестьян подрабатывала лесоторговлей или трудом по найму. Торговые привилегии горожан связывали им руки, богатые купцы диктовали им низкие цены, держали в долговой кабале, скупали по дешевке земельные участки. Пострадавший лично крестьянин Кр. Лофтхус собрал под своей жалобой множество подписей и повез петицию кронпринцу. За подачу петиции в обход местных властей он был предан суду. В защиту Лофтхуса начались крестьянские и рабочие сходки в разных концах страны. Лофтхус, приговоренный к пожизненному заключению, умер в 1797 г.; он был оправдан лишь посмертно и стал национальным героем.

В условиях явного роста народного неповиновения датские власти, особенно при регенте кронпринце Фредрике, несколько улучшили управление Норвегией, предоставляя больше должностей местным уроженцам. В 1788 г. была отменена ненавистная хлебная монополия Копенгагена. После 50-летнего перерыва в Норвегию был вновь назначен особый наместник. Однако к этому времени окрепшие буржуазия и чиновничество требовали отдельного норвежского банка и расширения центральной администрации (создания норвежской коммерц-коллегии). Заметно возросло национальное самосознание норвежцев. В 1760 г. в г. Тронхейме было основано Норвежское ученое общество (богослов и естествоиспытатель епископ Ю. Гуннерус, историки Г. Шённинг и П. Сум). Просветители добивались отдельного университета для Норвегии, а в своих исторических сочинениях прославляли древнее величие страны. Литературное «Норвежское общество» (в Копенгагене) пропагандировало в образованных кругах Норвегии родную литературу (хотя и на датском языке).

Решение шлезвиг-голштинского вопроса в пользу Дании. Лига вооруженного нейтралитета и последняя попытка реванша со стороны Швеции. После Семилетней войны в Скандинавии установилось сравнительное спокойствие, выгодное в первую очередь Дании — державе, заинтересованной в сохранении статус-кво. На исходе Семилетней войны Дания едва не подверглась военному нападению могущественной России, где на престол вступил Петр III, он же герцог гольштейн-готторпский. Дворцовый переворот 1762 г. в Петербурге и воцарение Екатерины II спасли датчан. Стремясь заручиться поддержкой Дании против все еще опасной Швеции, императрица от имени своего несовершеннолетнего сына Павла — герцога гольштейн-готторпского — уступила «герцогскую» часть Гольштейна датскому королю (соглашение 1767 г.; в силе с 1773 г.). Датские короли вновь прибрали к рукам оба герцогства — Шлезвиг и Гольштейн. Ценой этой уступки был, в частности, союз Дании с Россией, включавший гарантии против восстановления абсолютизма в Швеции (1769).

Однако уже описанный ранее переворот Густава III сошел королю и его французским покровителям безнаказанно. Екатерина II была занята своей первой турецкой войной, а Дания ослаблена недавней расправой над Струэнзе. Тем не менее опасность иност-

ранного вмешательства для Швеции сохранилась: в 1773 г. русско-датский союз был возобновлен (с секретной статьей, направленной против шведов), а старый русско-шведский — нет; Густав III вновь выхлопотал субсидию у Франции (1773 г. и след.). не жалел средств на укрепление своей восточной границы (крепость Свеаборг под Гельсингфорсом — «Северный Гибралтар»), но старался не раздражать могущественную императрицу.

Североамериканская война за независимость впервые со времен Тридцатилетней войны сблизила между собой Швецию, Данию и Россию, а также Пруссию. На основе их соглашений 1780 г. о вооруженном нейтралитете (принцип «нейтральное судно — нейтральный груз», за вычетом прямой военной контрабанды), возникла первая Лига вооруженного нейтралитета (1780—1783), направленная против Англии. При этом, впрочем, наиболее заинтересованная в морской (вест-индской) торговле Дания вошла в тайный сговор со своим традиционным союзником Англией, отступив от принципов нейтралитета на море, впервые сформулированных незадолго до этого датским министром иностранных дел А. П. Бернсторфом; в июле 1780 г., с промежутком в пять дней, датчане подписали конвенции о взаимной помощи с Англией и с Россией, враждовавшими тогда между собой.

В 80-х годах Густав III решился осуществить свои сокровенные реваншистские планы. В 1784 г. король побывал в Париже, вступил в тайный оборонительный союз с Францией и получил от Людовика XVI «подарок» в виде одного из вест-индских островов (Св. Варфоломея). В 1788 г., воспользовавшись отвлечением сил России в Причерноморье, Густав начал свой плохо подготовленный поход на Петербург. Война принесла шведам тяжкие жертвы, едва не стоила королю престола (см. с. 95), но кончилась беспроигрышно, закрепив Верельским миром 1790 г. невмешательство России во внутренние дела Швеции. Дания на этот раз очень вяло воевала против Швеции и быстро пошла на перемирие.

Сближению традиционных противников помогли революционные события во Франции. В 1791 г. Екатерина и Густав подписали Дротнингольмский союзный договор. Швеция получала ежегодную денежную субсидию от России. Шведский король — заклятый враг революции — хлопотал об организации под своим началом похода держав на Париж. Его преемники, однако, как и правители Дании, не приняли участия в первой и второй антифранцузских коалициях и продолжали в 90-х годах пожинать плоды вооруженного нейтралитета.

Зрелое Просвещение, неоклассицизм, сентиментализм. Начало буржуазной культуры. Буржуазный рационализм, космополитизм, гуманизм — таковы отличительные идейные черты культуры скандинавских стран во второй половине XVIII в. Даже в абсолютистской Дании высказываться можно было куда свободнее, чем в таких же германских государствах. В Швеции уже выдвинулся первый ученый-экономист, финляндский священник А. Шюдениус, самостоятельно пришедший к ряду выводов А. Смита. Различного рода

общества и клубы, политические кофейни и салоны, газеты и журналы стали теперь обычным явлением в жизни датчан и тем паче шведов. В 1763 г. начала выходить первая норвежская газета, в 1770 г.— первая финляндская (на шведском языке).

Вторая половина века с ее бурным экономическим подъемом и революционными политическими переменами ознаменовалась расцветом скандинавской словесности. Современные литературные языки Дании и Швеции вполне сложились именно в течение XVIII в. Появились поэты, поныне любимые скандинавскими читателями. Это поэт и драматург датской «бури и натиска» Эвальд (1743—1781), автор патетической трагедии «Смерть Бальдера», датского королевского гимна «Король Кристиан» и др. Драматург и сатирик Вессель (1742—1785), норвежец по происхождению, высмеивал ложный классицизм в блестящей пьесе-пародии «Любовь без чулок». Образцы радикальной политической сатиры дал П. А. Хейберг (1758—1841) в своем романе-памфлете «Приключения ассигнации», в публицистике, комедиях и др. Более молодой датский поэт Баггесен (1764—1826), как и Хейберг, горячий поклонник Французской революции, был уже представителем сентиментализма.

Влияние французского неоклассицизма и Просвещения всего сильнее сказалось в Швеции. Проводниками французских литературных вкусов были поэтесса Г. Ш. Нурденфлюкт и поэт Ф. Крейц. Царствование Густава III было не только порой французского культурного воздействия на шведов, оно составило особый и весьма плодотворный «густавианский период» в истории шведской культуры. Сам король покровительствовал литературе и искусствам, особенно театру (Королевская опера в Стокгольме 1773 г.), писал исторические драмы в прозе, ставил их и даже сам играл на сцене. Виднейшие писатели-классицисты (густавианцы) конца века — Юхан Чельгрен (1751—1795) и К. Г. Леопольд (1756—1829). Оба они драматурги, но Чельгрен писал также сатирические поэмы, а Леопольд прославился как лирик. Самобытен певец стокгольмской богемы и бедноты К. М. Бельман (1740—1795), распевавший свои произведения «Песни Фредмана» и «Послания Фредмана» под звуки цитры. Предшественником романтизма, поэтом шведской «бури и натиска», а также оригинальным философом был Т. Турильд (1759—1808) — поклонник революционной Франции.

Вторая половина XVIII в. отмечена также настоящим расцветом всех изобразительных искусств Скандинавии. На смену барокко и рококо в архитектуре постепенно пришел более строгий неоклассицизм. Швед Хорлеман, еще державшийся рококо, и неоклассицист датчанин Харсдорф создали национальные школы зодчества. Заказчиками теперь все чаще становились богатые буржуа.

Европейской известности достигли скульпторы — также представители неоклассического направления — Ю. Сёргель (1740—1814) в Швеции и, разумеется, знаменитый датчанин Б. Торвальдсен (1770—1844). В конце XVIII в. наряду с парадной придворной

живописью, главным образом портретной (шведы Г. Лундберг и А. Рослин, датчанин В. Эриксен), появляются пейзажисты и жанристы, обслуживающие буржуазию,— ученики англичан и голландцев. В Норвегии они господствуют безраздельно.

Скандинавия, прежде всего Норвегия, пережила в XVIII в. новый расцвет народного крестьянского искусства — в значительной мере прикладного: резьбы по дереву, художественного ремесла, росписи.

Успешное развитие естественных и гуманитарных наук продолжалось и во второй половине XVIII в., особенно таких, как астрономия, математика, ботаника, химия. Швед Шееле (1742—1786) открыл ряд элементов, установил химический состав воздуха. Его соотечественник Берцелиус (1779—1848) в начале XIX в. определил атомный и молекулярный вес множества веществ и участвовал в создании современной системы химических названий. Прославились ихтиолог О. Мюллер и энтомолог Йохан Фабрициус (Дания). Карстен Нибур, немец по происхождению, возглавил датскую научную экспедицию в Аравию и Персию (1761). Датский археолог Г. Цоега сделал важные шаги к расшифровке египетских иероглифов. В XVIII в. было положено начало датскому востоковедению, впоследствии весьма заметному в европейской науке.

Глава VIII

Наполеоновские войны и буржуазные революции в Швеции и Норвегии

Отклики на французскую революцию. Крупные буржуазные реформы в Скандинавии совпали со взятием Бастилии, а затем с падением монархии во Франции. Эти реформы ослабили общественное недовольство и возможное воздействие революционного примера на скандинавов. Тем не менее новости из Парижа, идеи и лозунги революции с жадностью воспринимались образованной частью общества, особенно молодежью. Однако симпатии скандинавских «якобинцев» (в частности, кружка преподавателей и студентов Упсальского университета — Хунты) были большей частью обращены к умеренному крылу французских революционеров — жирондистам.

Реакция правительств скандинавских стран на французскую революцию тоже была довольно сдержанной. Дальше новых стеснений свободы печати и высылки наиболее пылких пропагандистов французской конституции 1791 г. дело не пошло. В Норвегии в самые последние годы XVIII в. власти были больше обеспокоены проповедью народного, внецерковного, индивидуалистического христианства, начатой крестьянином Х. Хауге, основателем секты хаугианцев. В Швеции правительство регента Карла, брата покойного короля, казнив его убийцу, было более всего озабочено устра-

нением с ответственных постов густавианцев, приближенных Густава III.

В Дании аграрные и гражданские реформы продолжались и с началом нового века. Важнейшая из них касалась народного образования. Первой среди европейских государств Дания ввела у себя всеобщее обязательное начальное образование для детей от 7 до 14 лет (1814). В Швеции после городских волнений из-за нехватки продовольствия в 1799—1800 гг. и столкновения самодержавного короля Густава IV Адольфа (1792—1809) с прогрессивной дворянской оппозицией на риксдаге 1800 г. наступила политическая реакция. Однако буржуазные преобразования аграрного строя, уголовного и гражданского права продолжались. В шведской Померании было отменено крепостное право.

При поддержке самих дворян-помещиков решительно продвинулось вперед дело проведения аграрной реформы в Швеции. В 1803—1807 гг. консолидация земельных наделов и ликвидация чересполосицы были объявлены обязательными. Однако для крестьян-держателей реформа обернулась массовым сгоном с земли и пролетаризацией. Обычной фигурой пореформенных шведских имений стали постоянные семейные батраки — статары, которым помещик платил продуктами и деньгами. Они также подчинялись его полицейской власти.

Отказ Швеции от политики нейтралитета. Вынужденный союз Дании с Наполеоном и Александром I. Революция во Франции поначалу имела для Скандинавии внешнеполитические последствия. В Швеции преемники Густава III поспешили вернуться к традиционной французской ориентации. В 1794 г. оба скандинавских государства вступили между собой в союз с целью защиты нейтралитета и в первую очередь нейтральной морской торговли от посягательств англичан.

По достижении совершеннолетия Густава IV Адольфа (1796), фанатичного приверженца легитимизма, набожного лютеранина и врага Просвещения, отношения с Французской республикой ухудшились. Заключив, точнее возобновив, союзный договор с Павлом I (Гатчинский договор 1799 г.), новый король в секретной статье обязался, в частности, выставить войско для войны с Францией. Шведский посланник был отозван из Парижа.

К счастью для Швеции поход во Францию не состоялся ввиду конфликта Павла I с англичанами. Россия, Швеция, Дания и Пруссия в 1800 г. вновь заключила конвенцию для охраны нейтральных судов от британских нападений (каперства). Вторая лига вооруженного нейтралитета просуществовала лишь до 1801 г. В ответ на независимое поведение датчан эскадра адмирала Нельсона без объявления войны атаковала датский военный флот на копенгагенском рейде (2 апреля 1801 г.) и потопила его. Дания вышла из лиги и снова признала право англичан на досмотр ее судов. Только переворот в Петербурге и сближение нового царя Александра I с Англией предотвратили аналогичное нападение Нельсона на шведскую военно-морскую базу в Карлскруне. Воз-

«Бомбардировка Копенгагена англичанами в ночь с 3 на 4 сентября 1807 г.». Картина Эккерсберга

обновление войны Франции с Англией при Бонапарте все более осложняло для Копенгагена и Стокгольма сохранение нейтралитета.

В 1805 г. шведский король Густав IV Адольф по своему почину присоединился к третьей коалиции (Россия, Англия, Австрия) и объявил войну Наполеону. Так началась новая Померанская война 1805—1807 гг. Густав IV, командуя объединенной шведско-русско-английской армией, избегал крупных сражений и не имел серьезных неудач. Однако после побед Наполеона в Восточной Пруссии и русско-французского союза в Тильзите (июль 1807 г.) положение Швеции резко ухудшилось.

В отличие от шведского короля датский кронпринц-регент Фредрик не присоединился ни к третьей, ни к четвертой коалициям, но сосредоточил свои войска в Голштинии для защиты нейтралитета. Однако после Тильзита нейтралитет Дании не устраивал обе воюющие стороны. Наполеон и Александр I сообща стали добиваться присоединения обоих скандинавских королевств к континентальной блокаде. Каннинг, английский министр иностранных дел, решил опередить своих врагов. В Зундский пролив снова вошел британский военный флот с войсками на борту. От Дании потребовали союза с Англией и выдачи флота в залог верности

такому союзу. Столь ультимативные требования были отклонены датчанами.

Тогда, воспользовавшись отсутствием датских войск на островах, английский командующий (будущий герцог Веллингтон) высадил десант в окрестностях Копенгагена и 2—5 сентября 1807 г. подверг город невиданному по силе артобстрелу. Объятый пламенем город сдался, датский флот и стратегически важный остров Гельголанд в Северном море были уступлены англичанам. Датское правительство после ухода англичан присоединилось к континентальной блокаде, приняло предложенный Наполеоном союз и объявило войну Англии (осенью 1807 г.), а затем и Швеции (1808 г.).

Шведский король — непримиримый враг Бонапарта, человек упрямый и ограниченный — и после Тильзита держался союза с Англией, несмотря на оппозицию своих советников. Уже в августе — сентябре шведскому войску пришлось эвакуироваться из Померании. С объявлением Россией войны Англии (ноябрь 1807 г.) стала неизбежной русско-шведская война, в которой был заинтересован также Наполеон. Начиная войну против Швеции (21 февраля 1808 г., н. ст.), царское правительство учитывало наличие сепаратистских настроений в Финляндии и стремилось к отторжению ее от Швеции. Спустя неделю после открытия боевых действий был издан манифест Александра I о присоединении всей Финляндии к России.

Шведы могли рассчитывать только на британский флот и субсидии. На финляндском театре военных действий они держались оборонительной стратегии и отступали. Офицерский состав был настроен пораженчески. Без борьбы капитулировала крупнейшая шведская крепость в Финском заливе — Свеаборг. К концу 1808 г. шведско-финляндская армия очистила почти всю Финляндию.

Война на два фронта — против России и Дании — потребовала от Швеции напряжения всех ее сил. В ополчение по французскому образцу были призваны все холостые мужчины в возрасте 18—25 лет. Неурожай 1808 г. и новый выпуск бумажных денег для покрытия военных расходов усугубили тяжесть положения. Народ и даже власть имущие жаждали мира и открыто роптали.

Верхушечная буржуазная революция в Швеции и конституция 1809 г. Фридрихсгамский мир. Оппозиция самодержавному режиму выступила еще в 1800 г. на единственном за все царствование Густава IV риксдаге; наиболее активные из ее числа демонстративно отказались от своих дворянских званий (Ханс Ерта). В годы войны к оппозиции гражданской, точнее чиновной, присоединились молодые офицеры, как дворяне, так и разночинцы. Зимой 1808/09 г. в столице и на норвежском фронте уже готовился заговор. Заговорщики намеревались ограничить королевскую власть новой конституцией, заключить мир с Наполеоном и вернуть традиционное расположение могущественной Франции.

7 марта 1809 г. подполковник Георг Адлерспарре во главе одного из корпусов западной армии покинул фронт и двинулся на сто-

лицу. Между тем 13 марта король был арестован группой офицеров во главе с генералом Адлеркрейцем, героем финской кампании. Дядя короля — престарелый и бездетный герцог Карл — вновь согласился стать временным главой государства. 22 марта войско Адлерспарре торжественно вступило в столицу, и сам он вошел в состав временного правительства как его влиятельнейший член. Густав IV Адольф поспешно отрекся от престола, надеясь на избрание королем своего 9-летнего сына. 1 мая, однако, собрался риксдаг, единодушно отстранивший от власти бывшего короля и его потомство. Густав Адольф покинул Швецию.

Переворот 13 марта совершился без участия народных масс и постепенно перерос в верхушечную буржуазную революцию. Это наглядно проявилось 8 мая, когда риксдаг по призыву депутатов — передовых дворян и горожан — отверг куцый правительственный проект новой «формы правления» (конституции), сам взялся за ее составление и поставил избрание им нового короля в прямую зависимость от одобрения последним будущей конституции.

Подготовка новой «формы правления» была поручена первому в истории страны конституционному комитету риксдага. Проект конституции был быстро составлен и одобрен всеми сословиями и Карлом — герцогом, после чего последний был избран королем под именем Карла XIII (1809—1818). День утверждения конституции — 6 июня, памятный также избранием на престол Густава Вазы в 1523 г.,— стал впоследствии национальным праздником — Днем флага.

«Правящая», или исполнительная, власть в государстве попрежнему вручалась королю, однако существенно ограничивалась. Члены назначаемого им правительства — государственного совета — несли перед риксдагом уголовную ответственность за свои рекомендации монарху, тщательно протоколируемые. Это была еще не парламентская ответственность, но бесспорный ее зачаток. Без подписи одного из министров или статс-секретарей королевское постановление, за исключением постановлений военного характера, не имело силы. Король и члены его совета лишались доступа на заседания почти всех комитетов риксдага. Король сохранил пост главнокомандующего. Он же назначал чиновников на основе их деловых качеств; однако чиновники и судьи, кроме высших, могли быть смещены не иначе, как по суду.

Законодательную власть король делил с риксдагом. Обе стороны имели право инициативы и право абсолютного вето. Риксдаг сохранил за собой исключительное право налогообложения. Решения рискдага принимались по-прежнему большинством трех сословий, и лишь для изменения привилегий требовалось согласие четырех сословий. Впрочем, перед самым принятием конституции шведское дворянство добровольно поступилось своими привилегиями в землевладении, налогообложении и при занятии высших должностей. Сохранены были, однако, элементы сословной неполноправности крестьян (ряд государственных повинностей). Конституция провозгласила, наконец, ряд гражданских свобод, как-то:

личности, собственности, вероисповедания и печати. Цензура печати отменялась.

Сословный риксдаг, таким образом, сохранился. Требование парламентской реформы, выдвинутое радикальными кругами, было отвергнуто. Положение о риксдаге 1810 г. лишь упразднило реакционное трехклассное деление палаты дворян и допустило представителей сельской интеллигенции в палату крестьян. Конституция 1809 г., с изменениями действовала до 1974 г.

Первыми внешнеполитическими шагами консервативных «революционеров» было предложение перемирия всем противникам Швеции. Как раз в дни переворота русские войска по льду и снегу «перепрыгнули» из Финляндии на Аланды, а оттуда небольшими силами на побережье Швеции, севернее Стокгольма. Другая часть русской армии, перейдя по льду пролив Кваркен, заняла город Умео.

Летом 1809 г. военные действия сосредоточились на крайнем севере Швеции, но шведы не смогли поправить свои дела. Мирный договор был подписан 17 сентября в финском городке Фридрихсгаме (Хамина). Шведы уступили Финляндию с границей по реке **Торниойоки, а не Кемийоки, как они рассчитывали, и Аландские** острова. Поражение, таким образом, лишило Швецию трети ее прежней территории и четверти населения. Финляндия, присоединенная к России, получила автономию, что было значительным шагом на пути к превращению ее в самостоятельное государство.

Норчёпингский мир Швеции с Данией (декабрь 1809 г.) подтвердил статус-кво. Парижский мир с Францией (январь 1810 г.) был, естественно, продиктован Наполеоном. Швеция присоединилась к континентальной блокаде уже без права на ввоз колониальных товаров (льгота, предоставленная ей Александром I по Фридрихсгамскому миру), порвала дипломатические отношения с Англией, но сохранила свою часть Померании.

Избрание Бернадота и шведская политика 1812 г. После переворота 1809 г. риксдагу предстояло избрать наследника престола. Первый избранник — датский принц — вскоре умер, и при подыскании нового кандидата правительство запросило мнение Наполеона. Однако отправленный с миссией в Париж шведский лейтенант Мёрнер, выполнив официальное поручение, по собственной инициативе предложил престол французскому маршалу Ж. Б. Бернадоту, который во время Померанской войны хорошо обращался с пленными шведами и был в родстве с Наполеоном. Кандидатуру маршала неофициально поддержал и всесильный император.

21 августа 1810 г. риксдаг избрал Бернадота наследным принцем под именем Карла Юхана и закрепил престол за его мужским потомством. Исход дела был решен расчетом правящих кругов на французское покровительство и их стремлением иметь во главе государства крупного политического деятеля. Верхи шведского общества чувствовали себя тревожно после переворота 1809 г. Его куцые результаты разочаровали даже средние слои города — рядовых буржуа и чиновников, не говоря уже о бедноте. Как раз

в июне 1810 г. в Стокгольме разразились сильные народные волнения и толпа убила риксмаршала графа Ферзена как представителя ненавистной аристократии. Волновалась и обезземеливаемая часть крестьян.

Бернадот, буржуа по происхождению и бывший якобинец, олицетворял собой смену эпох шведской истории. В Швеции он быстро освоился, даже не зная и не изучая языка, и ревностно пекся о шведских национальных интересах. Жизненно важная для Швеции контрабандная торговля с Англией продолжалась в нарушение континентальной блокады при попустительстве шведских властей.

Кронпринц Швеции Карл Юхан

Оккупация Францией шведской Померании в январе 1812 г. (с целью заткнуть брешь в блокаде Англии) побудила Карла Юхана провозгласить шведский нейтралитет в англо-французской войне. Втайне он предложил Англии союз «в обмен» на Норвегию и Зеландию (крупнейший из датских островов). Англичан смутила цена союза, но тем временем в апреле 1812 г. в Петербурге был заключен тайный союз Швеции с Россией. Оба недавних противника взаимно гарантировали друг другу владения соседа — Карл Юхан тем самым подтвердил отказ Швеции от Финляндии. Швеция должна была с русской помощью получить Норвегию, а Фредрика VI Датского, в случае его присоединения к союзу решено было вознаградить за счет германских территорий. Швеция обязывалась, получив Норвегию, принять участие в русско-шведском десанте в Германии под командой самого Карла Юхана.

Одновременно Карл Юхан занялся военными приготовлениями. Старая система поселенной армии (см. выше с. 76) оказывалась недостаточной в пору больших войн и массовых армий. Стараниями кронпринца была восстановлена, в порядке исключительной меры, ненавистная крестьянам рекрутская повинность. Это привело в 1811 г. к серьезным волнениям, жестоко подавленным. Кронпринц готовил также пересмотр конституции в духе нового усиления власти монарха за счет риксдага, но ограничился лишь стеснением свободы печати (право властей закрывать неугодные периодические издания).

После поражения Наполеона в России Швеция решилась порвать дипломатические отношения с Францией, используя оккупацию Померании как предлог. В марте 1813 г. Карл Юхан за-

ключил союзное соглашение с Англией[1], а в апреле — с Пруссией.

Дания — верный союзник Наполеона. Кильские мирные договоры 1814 г. Война датчан с Англией велась на море, и потери обходились датчанам и норвежцам куда дороже, чем их могущественному противнику. Участие в континентальной блокаде обернулось гибелью торгового флота, нехваткой продовольствия в городах, инфляцией (за 1807—1813 гг. курс бумажных денег в серебре упал в 12 раз), исчезновением монет из обращения, наконец, государственным банкротством (1813).

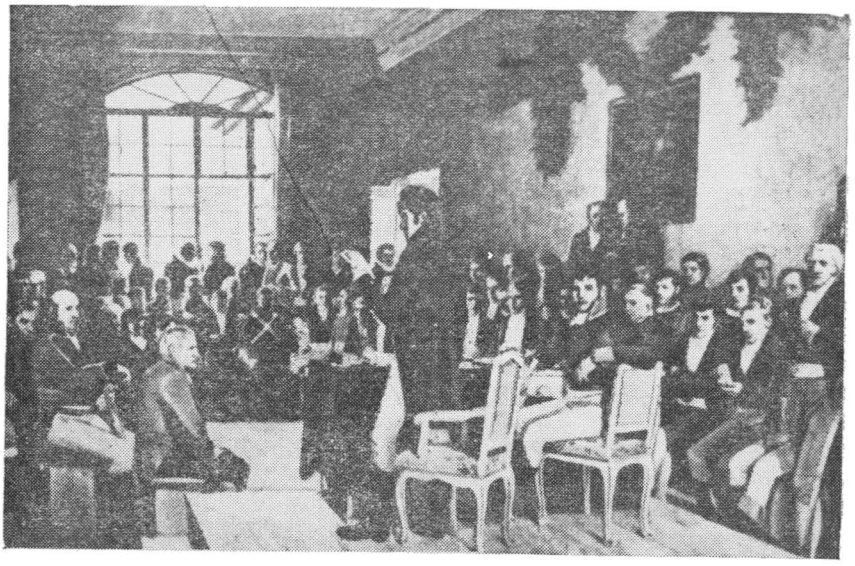
Вследствие военных действий в Северном море нарушились связи между обеими частями Датско-Норвежского королевства. Война била в первую очередь по интересам норвежцев, торговавших главным образом с англичанами. Поневоле прекратив бесперебойную поставку зерна в Южную Норвегию, датчане обрекли местных жителей на сильнейшее недоедание. В 1807 г. умерло от голода 20 тыс., в 1808 г.— 24 тыс., в 1809 г.— 32 тыс. норвежцев. Созданная королем правительственная комиссия для Норвегии — в основном из датских чиновников (1807—1810) — с трудом решала дела снабжения.

По просьбе комиссии король Фредрик VI (1808—1839, б. регент) добился от Наполеона временного смягчения континентальной блокады для Норвегии (1810—1812). Британские же власти, нуждаясь в лесе, выдавали лицензии, т. е. охранные грамоты норвежским парусникам-лесовозам, шедшим в Англию, и кораблям с грузом зерна, шедшим в Норвегию из Дании.

Имущие слои Норвегии все определеннее высказывались за самостоятельность страны или же за соединение ее со Швецией. В 1809 г. возникло при участии члена правительственной комиссии, единственного норвежского графа Ведель-Ярлсберга, «Общество для блага Норвегии», начавшее сбор средств на университет; в 1811 г. король разрешил его учреждение в Христиании.

В апреле 1813 г. Карл Юхан порвал дипломатические отношения с Данией и открыто выступил против Наполеона. Высадившись в шведской Померании и став позже главнокомандующим Северной союзной армии, Карл Юхан приберегал шведские вейска для сведения счетов с Данией, силы которой с осени 1813 г. действовали в составе французской армии в Северной Германии. Даже в «битве народов» под Лейпцигом погибло не более 180 шведов. После Лейпцига Карл Юхан двинулся на север и овладел Гольштейном. Датчане отступили, сохранив армию. По мирному договору 15 января 1814 г. Дания уступала Норвегию шведскому королю «в полную собственность» взамен шведской Померании, с сохранением, однако, за датчанами древних норвежских владений — Гренландии, Исландии и Фарерских островов. Дания обязалась немедленно включиться в борьбу с Наполеоном, а Швеция — финансировать датские вооружения и при общем мирном урегулировании содействовать дополнительному возмещению территориальных потерь Дании.

[1] Мирный договор Швеции с Англией состоялся еще летом 1812 г.

«Учредительное собрание в Эйдсволле». Картина О. Вергеланна, 1887 г.

Шведский король взял на себя как новый суверен Норвегии часть датского государственного долга. Одновременно Дания заключила также мирные договоры с Англией, которой уступила остров Гельголанд в Северном море, и с Россией на условиях статус-кво.

Буржуазная национально-освободительная революция в Норвегии. Вынужденная уния со Швецией. Предвидя тяжкие условия мира со Швецией, Фредрик VI еще в 1813 г. назначил наместником Норвегии своего кузена и наследного принца Кристиана Фредрика, надеясь сохранить Норвегию по крайней мере за своей (Ольденбургской) династией. Молодой и весьма привлекательный Кристиан сумел завоевать сердца норвежских богатеев. Последние отнюдь не желали превращения Норвегии из датской провинции в столь же бесправное владение Швеции.

Зимой 1813 г. Норвегию охватило подлинно революционное брожение. В городках и местечках происходили собрания, в первую очередь местных чиновников и предпринимателей, а также священников, офицеров и богатых крестьян. 19 февраля 1814 г. после совещания в местечке Эйдсволль с группой видных чиновников (собрание нотаблей) принц Кристиан провозгласил себя регентом, назначил правительство Норвегии и выборы в учредительное собрание и призвал норвежцев к защите своей самостоятельности. Первый акт буржуазной революции в Норвегии совершился.

Норвежцам благоприятствовали внешние обстоятельства: после Кильского мира главные силы шведов были отведены в Бельгию, Только после первого Парижского мира 30 мая 1814 г. внимание и силы шведов вполне переключились на непокорную Норвегию. Меж-

ду тем еще 10 апреля начало работу Эйдсволльское учредительное собрание; 17 мая оно приняло конституцию и избрало Кристиана Фредрика королем Норвегии.

Депутаты собрания — преимущественно чиновники — делились на большинство — сторонников самостоятельности и меньшинство — сторонников унии со Швецией. Лидером первых был уездный судья Кристиан Фальсен. Лидером унионистов был граф Ведель-Ярлсберг. Унионисты считали унию со Швецией меньшим злом по сравнению с прямым подчинением Норвегии шведам.

Впрочем, собрание мудро решило (большинством в один голос) не рассматривать вопросы государственно-правового положения Норвегии и этим устранило возможные разногласия между обеими партиями. Принятая собранием конституция отличалась прежде всего строгим разделением властей: парламенту (стортингу) вручалась законодательная и налоговая, королю — исполнительная (а также право издания временных законов экономического характера), независимым от них судьям — судебная. Министров, высших чиновников и придворных запрещено было выбирать в парламент. Король имел лишь отлагательное (а не абсолютное, как в Швеции) вето. Провозглашался ряд свобод, в том числе и промышленной деятельности. Однопалатный стортинг избирался на три года и не мог быть распущен досрочно.

Норвежская Эйдсволльская конституция была весьма либеральной и в Европе времен Священного союза — даже самой демократической. Однако право избирать и быть избранными имели лишь собственники и чиновники — незначительное меньшинство населения страны. Хусмены, батраки, слуги, рабочие этого права не получили. Горожане, составлявшие лишь девятую часть населения, обеспечили себе целую треть депутатских мест. В этом сказалось привилегированное положение буржуазии и чиновничества в крестьянской стране, какой была Норвегия. Выборы были двустепенными.

Движущей силой норвежской революции 1814 г. были местная торгово-мануфактурная буржуазия и тесно связанное с ней чиновничество. Они увлекли за собой и верхушку крестьян. Революция произошла в еще редкой для того времени форме национально-освободительного движения, при отсутствии сколько-нибудь значительных контрреволюционных сил внутри страны. Главным плодом революции было создание норвежского буржуазного государства, пусть еще зависимого.

Между тем державы-победительницы требовали от норвежцев признать власть шведской короны над ними, а от Кристиана Фредрика — покинуть Норвегию. В конце июля 1814 г. шведы перешли в наступление и в первые же дни одержали ряд побед над слабым противником. Однако Карл Юхан вновь показал себя опытным политиком. Он понимал, что после победы над Наполеоном ни Англия, тесно связанная с Норвегией, ни Россия не были заинтересованы в усилении Швеции. 14 августа шведско-норвежским перемирием в Моссе был положен конец недолгой войне. Карл Юхан обе-

щал соблюдать норвежскую конституцию; Кристиан Фредрик отрекался от престола и покидал Норвегию; норвежская армия в основном распускалась, шведы оккупировали пограничную часть Норвегии, включая окрестности Христиании.

В октябре 1814 г. чрезвычайная сессия стортинга в Христиании почти единодушно одобрила в принципе унию со Швецией. Невзирая на сопротивление шведских уполномоченных, в Эйдсволльской конституции были сохранены и даже усилены пункты, препятствующие подчинению Норвегии более сильному партнеру по унии,— исключительное право стортинга предоставлять норвежское гражданство иностранцам и пр. 4 ноября Карл XIII был заочно избран королем Норвегии. В 1815 г. окончательные условия унии были приняты в виде закона стортингом и шведским риксдагом. Формально оба участника унии были равноправны и связаны лишь общим королем из династии Бернадотов и военным союзом. Однако Норвегия не получила собственной дипломатической службы. Король назначал своего наместника в Норвегии. Часть норвежских министров находилась в Стокгольме, помогая Бернадоту в норвежских делах. Таким образом, Норвегия добилась лишь внутренней самостоятельности.

Решение норвежского вопроса на началах унии позволило Карлу Юхану обвинить Данию в невыполнении Кильского договора и, следовательно, отказаться и от условленного денежного вознаграждения, и от территориальной компенсации Дании. Спор об этом вознаграждении был важной скандинавской проблемой на Венском конгрессе 1814—1815 гг. Только в июне 1815 г. вопрос был решен в пользу... Пруссии. Последняя выкупила у шведов Померанию за 5 млн. прусских талеров; Дания получила небольшое прусское герцогство Лауэнбург. Права на Шлезвиг и Гольштейн датскому королю удалось сохранить, однако Гольштейн наряду с Лауэнбургом вошел в состав новообразованного Германского союза.

Таким образом, в итоге наполеоновских войн Дания была серьезно ослаблена, Швеция же укрепила свой международный престиж. Однако уния с Норвегией далеко не возместила шведам потерю Финляндии и всех немецких владений (Висмар был фактически уступлен Мекленбургу в 1803 г.).

Глава IX

Победа капитализма. Приход крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков к политической власти (ок. 1815—1865 гг.)

Экономический застой и политическая реакция конца 10-х и 20-х годов XIX в. Первые годы мира принесли скандинавским странам долгую депрессию. Расстройство финансов, особенно в Дании и Норвегии, затруднения с экспортом в Англию, утрата Копен-

гагеном его былого положения торгового центра Балтики, многочисленные банкротства и крайняя дороговизна кредита, общая финансовая зависимость от Гамбурга усугубились, прежде всего для Дании, крутым падением цен на хлеб, аграрным кризисом. Современники замечали, что дворцов в Копенгагене больше, чем кораблей.

Не обошла Скандинавию и общеевропейская политическая реакция времен Священного союза. В Швеции Карл XIV Юхан Бернадот с помощью тайной полиции зорко следил за возможной нелегальной оппозицией, легальную же душил посредством закрытия и конфискации неугодных газет и журналов. В качестве короля Норвегии Карл Юхан пытался, хотя и безуспешно, пересмотреть и урезать либеральную Эйдсволльскую конституцию (ввести абсолютное вето короля). Явно в пику королю общественность Норвегии с 1827 г. стала праздновать День конституции — 17 мая.

В Дании самодержавие оставалось незыблемым, и отдельные попытки демократической агитации жестоко карались.

Переход от мануфактуры к фабрике и завершение основных буржуазных хозяйственных реформ (30—60-е годы). Несмотря на политическую реакцию, аграрные реформы, начатые еще в предшествующем веке, продолжались.

Раньше всего раздел и огораживание земель закончились в маленькой Дании, открыв путь агротехническому прогрессу. Нововведения, такие, как новый легкий плуг без колес и с отвалом лучшей формы, первые минеральные удобрения, искусственное травосеяние, затронули преимущественно помещичье хозяйство. С 1830 г. в истории датского земледелия начался полувековой период невиданного ни прежде, ни впоследствии большого экспорта зерна в страны Западной Европы. Возобновился и выкуп крестьянами своих наделов, приостановившийся в годы аграрного кризиса. Число крестьян-собственников быстро росло. За 1830—1880 гг. удельный вес арендаторов-фестеров в Дании снизился с $^1/_3$ до $^1/_{10}$ всех крестьян. Феодальные пережитки после революционных событий 1848 г. устранялись быстрее прежнего, барщина все чаще уступала место денежным платежам. Исчезли такие остатки средневековья, как право наказания хусмена землевладельцем, дворянская охотничья привилегия и пр.

В Швеции постановление 1827 г. о «законном разделе» («ла́га ши́фте») предусматривало принудительную ликвидацию сельской общины по требованию одного из хозяев — ее членов. К 1870 г. переход от общины к хутору в основных зерновых районах Швеции уже завершился, так же как раздел основных лесных массивов между частными владельцами и казной. Положительные последствия межевых реформ сказались быстро: к 40-м годам Швеция, издавна ввозившая зерно и муку, стала крупным экспортером овса. При частых неурожаях жизненно важным для народа оказалось широкое распространения картофеля.

В Норвегии с ее обычными хуторскими поселениями чересполосица была редкостью. Общинное же пользование пастбищами, ле-

сами, водоемами, напротив, держалось в Норвегии даже дольше, чем в Швеции. Первый акт об огораживании общинных земель был принят стортингом в 1821 г.

Вполне буржуазной стала к 60-м годам и классовая структура сельского населения. Крестьяне-собственники по своему социальному положению были куда ближе к буржуазии, чем к сельской бедноте. Полупролетарские и пролетарские слои составляли к 1870 г. громадное большинство сельского населения и основную массу пролетариата скандинавских стран вообще.

В целом в Скандинавии аграрный вопрос при переходе от феодализма к капитализму был решен в пользу зажиточного крестьянства [1]. Вместе с тем в отдельных земледельческих районах, особенно в Южной и Средней Швеции, восторжествовал мучительный для крестьян прусский путь развития, сохранялись феодальные повинности, а около половины держателей лишились своих наделов. Осуществление буржуазного аграрного переворота с учетом интересов помещиков надолго упрочило политическое влияние шведского и в меньшей степени датского дворянства.

После 1815 г. в промышленности скандинавских стран царили застой и даже частичный регресс. В Дании, например, власти поощряли восстановление цехового строя в городах. На протяжении первых двух третей XIX в. в скандинавской промышленности преобладала мануфактура, централизованная (в металлургии) или рассеянная (текстильные промыслы). Во многих отраслях торговый капитал еще держал в зависимости от себя промышленников. Так, шведские купцы-экспортеры вплоть до середины века регулярно по старинке кредитовали брукспатронов (система «ферлага»). Тем не менее передовые скандинавские предприниматели уже применяли машины, и после 1830 г. число фабрик, т. е. предприятий с машинной техникой, стало расти — сначала в Швеции, после 1840 г.— в Норвегии, после 1850 г.— в Дании.

Наступление промышленного переворота в 30—40-х годах можно проиллюстрировать примерами. Первая шведская хлопкопрядильня была основана в 1813 г., а в 1850 г. в стране работало уже 119 подобных фабрик. Ввоз сырого хлопка на протяжении 40-х годов вырос в десять раз. В конце 40-х годов паровые лесопилки положили начало техническому перевороту в лесной промышленности и освоению северных районов Швеции. Техническое обновление затронуло и консервативную шведско-норвежскую металлургию. В 30—40-х годах усовершенствованные, «британские» способы ковки стали теснить «немецкий», или «валлонский», принесенный в Швецию еще в XVII в. В 60-х годах пришла пора стального литья в новых печах Бессемера — Ерансона (последний — швед).

Первые датские и шведские пароходы были спущены на воду еще в конце 1810-х годов, однако долгое время использовались на внутренних и каботажных линиях. Именно для пароходного сообщения была сооружена, а частью восстановлена система Гёта-ка-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 371.

нала (1832), соединившая Стокгольм и Гетеборг. Железнодорожное сообщение раньше привилось в Дании с ее малыми расстояниями: Копенгаген — Роскилле 1847 г. В Норвегии первый поезд был пущен в 1854 г., а в Швеции — в 1856 г. В 1853—1855 гг. во всех скандинавских странах заработали первые электротелеграфные линии, был также проложен подводный кабель между Данией и Швецией.

На протяжении 40-х — первой половины 60-х годов исчезли все ограничения для частной торгово-промышленной деятельности в каждой из трех стран.

Еще в 1825 г. Швеция и Норвегия значительно снизили, а частью упразднили пошлины в торговле между обоими участниками унии. Пошлины на ввоз были резко снижены в Норвегии с 1842 г., в Дании — с 1844 г., в Швеции — с 1851 г. В Швеции, кроме того, с 1826 г. постепенно сводились на нет строгости старинного «Продукт-плаката» (см. с. 82). В 1857 г. Дания прекратила многовековое взимание зундских и бельтских пошлин. Ее таможенный тариф 1863 г. устанавливал крайне низкие ввозные сборы и носил вполне фритредерский характер. Торговым договором 1865 г. с Францией Соединенные королевства Швеции и Норвегии также фактически перешли к полной свободе торговли.

Важным условием начавшегося экономического переворота было упрочение скандинавских денежных систем — постепенно уравнение курса бумажных денег с серебряными и возвращение к чисто серебряному стандарту в Швеции с 1834 г., в Норвегии — с 1842 г., в Дании — с 1845 г. Все три скандинавские страны уже имели после 1815 г. свои национальные банки, занимавшиеся, впрочем, преимущественно выпуском бумажных денег. Однако развитие промышленности тормозилось нехваткой кредитных учреждений. Крупные частные банки для финансирования промышленности и транспорта и с прочными международными связями возникли в Скандинавии в 50-х годах. Наиболее заметными были «Стокгольмс эншильда банк» А. Валленберга (1856), «Норшке кредитбанк» в Кристиании (1857) и копенгагенский «Приватбанкен» (1857). Однако главными источниками кредита еще долгое время оставались торговые фирмы, отдельные банкиры и купцы.

Важной особенностью промышленного переворота в Скандинавии была активная роль государства. Правительства скандинавских стран брали займы за границей и финансировали крупные хозяйственные начинания середины XIX в., непосильные для частных кругов, например железнодорожное строительство.

Буржуазные либералы и крестьянские демократы в борьбе за политические реформы (30—40-е годы). Общий экономический подъем 30-х и последующих годов сопровождался и значительными социальными сдвигами. Главным из них было появление, а частью возрождение ранее разорившейся промышленной буржуазии. Крупные капиталисты — промышленники и торговцы — уже играли при всей своей малочисленности важную роль и в общественно-политической жизни скандинавских стран.

В Швеции и Дании у власти стояла королевская бюрократия и крупные помещики. Бюрократия эта уже сильно обуржуазилась, как и само дворянство. В Норвегии она вообще смыкалась с буржуазией. Наряду с королевской бюрократией и помещиками-дворянами оплотом старого порядка (привилегий, монополий, цехов) была и часть буржуазии — городской патрициат, цеховые мастера скандинавских городов.

Новая торгово-промышленная буржуазия и тесно связанная с ней разночинная интеллигенция стали в Швеции и Дании ядром либеральной оппозиции. В Норвегии, где буржуазно-либеральные политические порядки были частично установлены еще в 1814 г., главной оппозиционной силой стало зажиточное крестьянство — сельская мелкая буржуазия, вместе со своей интеллигенцией выступившая с умеренно-демократической программой.

Буржуазные революции 1830 г. во Франции и Бельгии дали скандинавским оппозиционерам сильный толчок к практической деятельности. Она заключалась в издании газет (самые известные — норвежская «Моргенбладет», 1819; шведская «Афтонбладет», 1830; датская «Федреландет», 1834) и брошюр, в проведении собраний и банкетов, в парламентских выступлениях.

В Дании либералы добивались конституционного ограничения самодержавия, гражданских свобод (свободы печати, например), в Швеции — расширения полномочий риксдага за счет короля и правительства и реформы самого сословного риксдага — его превращения в бессословный буржуазный парламент. В Норвегии крестьянская оппозиция требовала экономии государственных средств, упразднения старинных поземельных налогов, усиления общественного контроля над чиновниками как через стортинг, так и на местах. Остро стоял во всех странах и вопрос о местном самоуправлении. В Дании и Норвегии оно в пору абсолютизма вообще исчезло, а в Швеции сохранилось, но целиком было в руках имущих слоев. Экономическая программа либералов во всех странах примерно совпадала (кроме аграрного вопроса).

Отчасти под нажимом оппозиции, отчасти под впечатлением европейских революций 1830 г. правительства скандинавских стран пошли на куцые реформы. Датский король — старик Фредрик VI в 1831 г. объявил о предстоящем созыве провинциальных совещательных сословно-представительных собраний. Избирательное право — активное и пассивное — получили только землевладельцы и состоятельные арендаторы — примерно $^1/_{40}$ самодеятельного населения. В 1834 г. впервые были созваны четыре собрания: отдельно на островах, в Ютландии, Шлезвиге и Гольштейне. В 1837—1841 гг. было введено местное самоуправление в виде окружных, городских и приходских советов, избираемых богатеями.

Эти незначительные уступки как Фредрика VI, так и его преемника Кристиана VIII (1839—1848) [1] только толкали либералов на дальнейшую борьбу за конституцию. В условиях датской триединой

[1] Бывший король Норвегии в 1814 г.

«Политическая дискуссия норвежских крестьян». Картина Тидемана

монархии (королевство и герцогства Шлезвиг и Гольштейн) борьба эта все более принимала характер не только классовый, но и национальный. С 1830 г. в обоих герцогствах развернулось немецкое сепаратистское движение. Шлезвиг-голштинские либералы-немцы требовали полного слияния герцогств в рамках особой конституционной монархии и отделения их от Дании. Однако Северный и Средний Шлезвиг все еще были населены преимущественно датчанами. Датские либералы требовали включения всего Шлезвига в состав Дании (лозунг «Дания до Эйдера») [1] и предельного ослабления связи его с Гольштейном. Эта программа была выдвинута в 1842 г., после чего датских либералов стали называть национал-либералами.

В 40-х годах в Дании возникло также крестьянское движение. В 1842 г. стал выходить еженедельник «Друг простого народа». Разделяя идеи политического либерализма, журнал выдвинул и чисто крестьянские требования: превращение фестеров в собственников с помощью государства; устранение всех элементов сословной приниженности крестьян — введение всеобщей воинской повинности, равного налогообложения и пр. Демократическая агитация в сельской местности напугала власти, но привлекла сочувствие либералов. В 1846 г. вожди последних основали «Общество друзей

[1] Река Эйдер издавна отделяла Шлезвиг от Гольштейна.

крестьян» и взяли руководство движением в свои руки. Это обстоятельство притупило демократическое острие движения, за пределами которого остались малоимущие низы сельской Дании (хусмены и пр.).

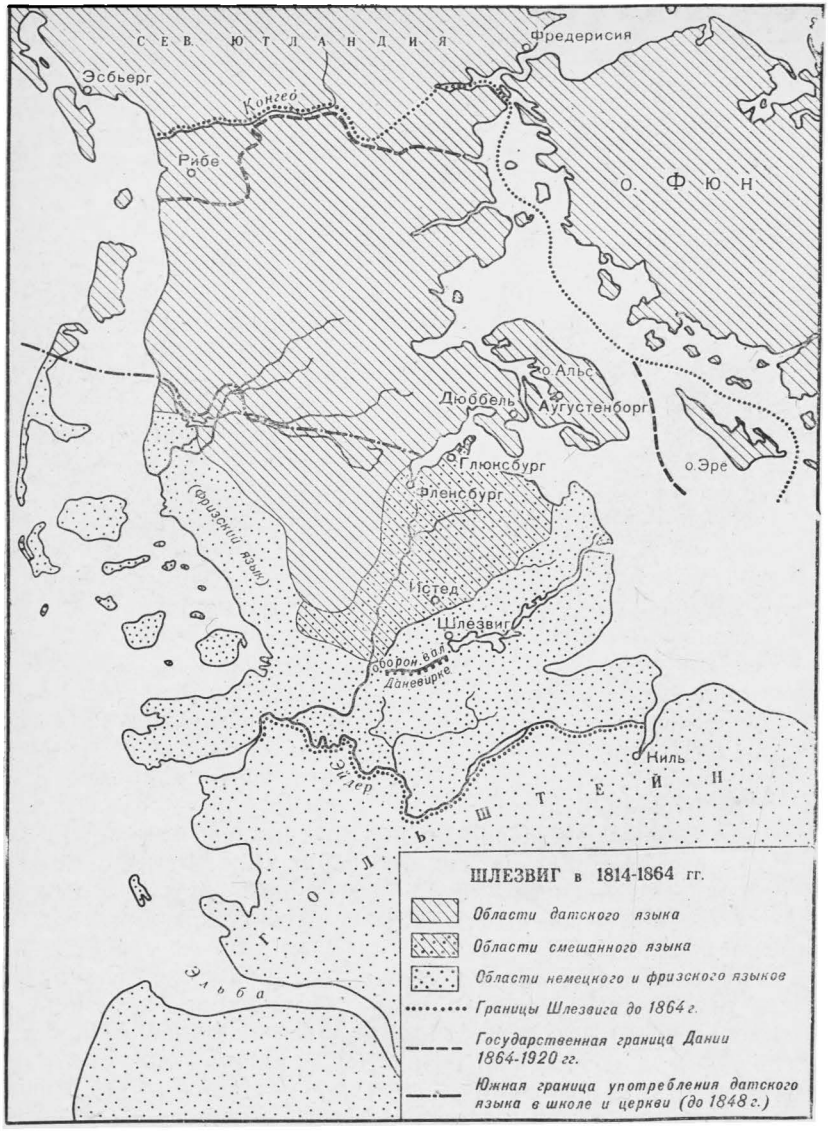
В Швеции престарелый Карл XIV Юхан упорно противился реформам. Однако на риксдаге 1840—1841 гг. либеральная оппозиция (один из видных либералов — журналист и предприниматель Ларс Ерта), опираясь на горожан и крестьян, впервые заставила уйти в отставку наиболее реакционных членов государственного совета. В 1842 г. был принят важный закон об обязательном посещении народной школы, в 1843 г. несколько демократизировано местное самоуправление (к участию в нем были допущены неземлевладельцы), в 1844 г. установлена полная свобода печати. Сын Карла XIV король Оскар I (1844—1859) в начале своего правления охотно шел на реформы.

В Норвегии демократическая оппозиция выдвинула своего идеолога, поэта и журналиста Х. Вергеланна Младшего (см. с. 129). В 1833 г. в стортинг впервые была избрана крупная группа крестьян (один из популярных вождей — сельский учитель У. Уэланн). Вместе с демократическим крылом горожан оппозиция завоевала большинство в парламенте. В 1837 г. она добилась введения самоуправления в сельской местности и городах. Параллельно оппозиция стала энергично добиваться от короля большего равенства Норвегии в ее унии со Швецией. С 1836 г. на должность королевского наместника назначались только норвежцы. При Оскаре I, который уже владел норвежско-датским языком, Норвегия получила (1844) собственный военный флаг (торговый она уже имела с 1821 г.) [1]. Общий герб Соединенных королевств был теперь исправлен в духе равенства обоих партнеров.

Революционный 1848 год — конец датского самодержавия. Скандинавизм и первая шлезвиг-голштинская война. Революции 1848—1849 гг. оказали на Скандинавию более непосредственное воздействие, чем любое другое революционное движение в Европе со времен Реформации.

На протяжении 40-х годов датско-немецкая национальная рознь быстро росла. Соответственно уходили в прошлое традиции датско-шведской вражды. Опасаясь остаться наедине с Германией, датские либералы всячески старались придать культурным и научным связям с северными соседями Дании характер политической солидарности. В 1840-х годах возникло буржуазно-либеральное движение скандинавизма, провозгласившее не только историческую и культурную, но и политическую общность трех скандинавских стран. Несмотря на свою либеральную окраску, политический скандинавизм в Дании служил делу аннексии всего Шлезвига и мешал национальному воссоединению немцев. Скандинавизм способствовал всемерному слиянию Швеции с Норвегией в рамках унии, т. е.

[1] Флаги были те же, что теперь, но с особым значком унии в левом верхнем квадрате. Такой же значок имелся и на шведском флаге.

Шлезвиг в 1814—1864 гг.

подчинению норвежцев, а также служил целям прошведской агитации в Финляндии. Между тем возврат в состав шведского государства противоречил национальным интересам финнов. Положительное значение скандинавизма XIX в. ограничивалось в основном рамками культурной жизни.

Правительство короля Кристиана VIII отвечало на рост немецкого и датского национальных движений династической политикой

«неделимого государства». В 1846 г. Кристиан в открытом письме провозгласил общий порядок престолонаследия для Дании и Шлезвига [1], чем вызвал взрыв возмущения немецких подданных короля.

В январе 1848 г. королевский и герцогский престолы занял бездетный Фредрик VII (1848—1863) — последний в древнем роде датских Ольденбургов. Он обещал даровать Дании и обоим герцогствам общую конституцию, неприемлемую именно по этой причине для буржуазии составных частей монархии. 20—21 марта 1848 г. под впечатлением не только радостных вестей из Вены и Берлина, но и тревожных из герцогств, где готовилось выступление немецких патриотов, датские либералы организовали митинг в копенгагенском театре Казино и народное шествие к Кристиансборгу — королевскому дворцу. Напуганный король поспешил удовлетворить требования либералов. 22 марта было образовано новое правительство с участием их вождей — богослова Д. Монрада, адвоката О. Лемана и артиллерийского офицера А. Ф. Чернинга. Народу был обещан созыв учредительного собрания для выработки конституции. Новое правительство задалось целью включить весь Шлезвиг в состав Дании. «...Германия переживала революцию, и Дания, как всегда, повторяла ее на провинциальный манер» [2].

В ответ вспыхнуло антидатское восстание в герцогствах. Временное правительство в Киле во главе с герцогом Кристианом Августом Аугустенбургским [3] провозгласило отделение обоих герцогств от Дании. Восстание переросло в датско-германскую войну. В обеих армиях царили националистические страсти, однако справедливость была скорее на стороне немцев, боровшихся за воссоединение Германии «снизу». Уже в апреле 1848 г. датчане были разбиты, и войско их укрылось на острове Альс, пруссаки же вступили в Северную Ютландию. Швеция, впервые действуя в духе скандинавской солидарности, прислала вспомогательный корпус, но в бой его не ввела. Главную поддержку Дания получила от царской России. Навязав датчанам свою точку зрения о необходимости восстановить статус-кво, царь Николай I добился вывода прусских войск из Ютландии. При деятельном посредничестве шведов стороны заключили перемирие в Мальмё (июль 1848 г.), выгодное для Дании.

Военные действия возобновились в 1849 г., шлезвиг-голштинцы, лишившиеся поддержки Пруссии, были разбиты при Фредерисии (6 июля 1849 г.) и при Истеде (25 июля 1850 г.). В 1850 г. был заключен Берлинский мир Дании с Пруссией; в 1852 г. пять великих держав, Швеция и Дания подписали реакционный лондонский протокол о неприкосновенности датской монархии, а также согласовали

---

[1] Порядок престолонаследия в Дании и Гольштейне с 1665 г. был различным: в первом случае по обеим линиям — сначала по мужской, затем по женской, во втором только по мужской; вопрос о престолонаследии в Шлезвиге был спорным.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 422.

[3] Представитель боковой мужской ветви Ольденбургов, ранее заявивший о своих наследственных правах на оба герцогства.

вопрос о кандидате в наследники престола Дании и герцогств. Им стал принц Кристиан Глюксбург — отпрыск младшей ветви Ольденбургской династии в обход средней Аугустенбургской ветви.

Во время военных действий в Копенгагене заседало Учредительное собрание. 5 июня 1849 г. (этот день стал национальным праздником — Днем конституции) король утвердил принятую собранием конституцию — творение национал-либералов. Июньская конституция была одной из самых прогрессивных в тогдашнем мире. Положительно сказался нажим демократической левой — «Друзей крестьян» — на либералов. Конституция вводила двухпалатный парламент, избираемый мужчинами, достигшими 30 лет, кроме лиц, получающих помощь по бедности. Нижняя палата (фолькетинг) избиралась прямо, верхняя (ландстинг) — двухстепенно, причем от депутатов ландстинга требовались имущественный ценз и солидный возраст — 40 лет и более. Король делил с парламентом законодательную власть, но подпись его контрассигновывал ответственный министр. Правительство по-прежнему назначалось и увольнялось королем. Наряду с гражданскими свободами и всеобщей воинской повинностью провозглашалась обязанность правительства печься о нуждающихся и о всеобщем обучении. Дворянские привилегии отменялись.

Революционные отклики 1848 года в Швеции и Норвегии. Зарождение рабочего движения и утопического социализма в Скандинавии. В Швеции и Норвегии буржуазия и крестьянство были настроены еще менее революционно, чем в Дании, поскольку и королевский произвол, и феодальные пережитки были в Швеции и тем более в Норвегии слабее, чем в Дании. Вместе с тем рабочий класс был в обеих странах относительно многочисленнее, чем в Дании, где промышленный пролетариат вообще только зарождался. Положение рабочего класса раньше стало там общественной проблемой, раньше возникла и социалистическая мысль, и в 1848 г. сильнее проявились революционные настроения бедноты, городской (в Швеции) и сельской (в Норвегии).

Еще в 1838 г. шведская столица стала свидетелем многодневных народных волнений, возглавляемых демократами. Накануне революции 1848 г. отдельные просветительные кружки уже изучали зарубежную коммунистическую литературу. Шведский книгоиздатель П. Етрек, последователь Сен-Симона и Кабе, в конце 1848 г. выпустил перевод «Манифеста Коммунистической партии».

При вести о Французской революции активизировалось либеральное «Общество друзей избирательной реформы» в шведской столице. 18 марта оно устроило политический банкет, тогда как рабочие и бедные ремесленники двинулись к королевскому дворцу. Манифестации и нападения на дома реакционных министров продолжались в Стокгольме и на следующий день, пока войска не подавили волнения, при этом погибло до 30 человек.

Оскар I вынужден был составить новое правительство с участием умеренных либералов, которое и внесло на сессии риксдага

1848 г. проект парламентской реформы (двухпалатный цензовый парламент). С одобрения короля консервативные в своем большинстве сословия риксдага отложили обсуждение проекта и приняли закон о подавлении «бунтов». Полицейский надзор и репрессии усиливались. Позже, в начале 50-х годов, проект парламентской реформы был провален риксдагом.

В Норвегии известие о французской революции застало стортинг в сборе. Группа наиболее радикальных оппозиционных депутатов предложила выразить недоверие консервативному правительству и протест против пережитков самодержавия в управлении страной. Однако в стортинге, как и в шведском риксдаге, консерваторы взяли верх и увлекли за собой либералов. В это время среди сельских рабочих и бедняков-хусменов развернул агитацию молодой школьный учитель и журналист Маркус Тране. Его привлекла программа английских чартистов. В 1848 г. он стал создавать местные «рабочие объединения» и выпускать газету «Листок рабочих объединений». В 1850 г. число этих организаций достигло 273, а число их членов превысило 20 тыс. человек. В том же году Тране собрал 12 000 подписей под петицией с требованием демократических реформ — всеобщего избирательного права, всеобщей воинской повинности, отмены ввозных пошлин, улучшения положения хусменов и пр. Тране резко нападал на стортинг как орган городских и сельских богачей, власть имущих. В 1851 г. напуганные власти прибегли к репрессиям. Последовали сотни арестов. Тране был осужден, вышел из тюрьмы в 1853 г. и эмигрировал в Америку. Объединения транистов распались.

Шведский нейтралитет и отход от него во время Крымской войны. Шведско-Норвежское королевство едва не нарушило своего нейтралитета во время шлезвиг-голштинской войны 1848—1850 гг. К тому времени Соединенные королевства более тридцати лет не воевали, балансируя между Англией и Россией. Декларация Карла XIV Юхана о нейтралитете в случае европейской войны (1834) благоприятствовала британским интересам: кораблям воюющих держав разрешалось входить в подавляющее большинство шведских и норвежских портов, а в таком разрешении нуждалась, конечно, небалтийская держава.

При новом восточном кризисе в 50-х годах как Швеция-Норвегия, так и Дания приняли согласованные декларации о нейтралитете, неблагоприятные для России (1853). Флот союзников действовал на Балтике, опираясь на шведские порты. В 1855 г. шведско-норвежский король заключил с Англией и Францией «Ноябрьский трактат», по которому западные державы гарантировали неприкосновенность Соединенных королевств от посягательств России. Британская дипломатия и печать еще с 20-х годов распространяли ложную версию об агрессивных замыслах России в отношении атлантических портов Норвегии.

Отойдя столь явно от нейтралитета, Оскар I намеревался вступить в войну с Россией, несмотря на военную неподготовленность страны. Парижский мир 1856 г. сорвал его опасные для самой же

Швеции планы [1]. При мирном урегулировании шведская дипломатия добилась лишь заключения англо-франко-русской конвенции о демилитаризации Аландского архипелага. Вспышка шведского реваншизма надолго охладила отношения с Россией.

Вторая шлезвиг-голштинская война. Поражение Дании. В 50-х годах датские правительства — консервативное, а затем вновь национал-либеральное — упорно старались провести в жизнь реакционную политику неделимого государства. С этой целью в 1854 г. было установлено таможенное единство Дании и герцогств. В 1855 г. была принята и весьма реакционная конституция «для общих дел датской монархии», т. е. общая для Дании и герцогств. Она «надстраивалась» над июньской, собственно датской конституцией и над местными сословными конституциями герцогств. «Общая конституция» не только укрепляла власть Дании над герцогствами, но и существенно сужала применение демократической июньской конституции в самой Дании. «Общая конституция» вызвала яростные протесты шлезвиг-голштинцев и стоящих за ними государств Германского союза.

Политика неделимого государства оказывалась невыполнимой, и в начале 60-х годов правительство национал-либерала Халля решило разрубить узел. Новый шведский король Карл XV (1859—1872), убежденный скандинавист, обещал (без ведома своего правительства) военную помощь Фредрику VII. В ноябре 1863 г. датский парламент принял новую конституцию «для общих дел королевства Дании и герцогства Шлезвиг» взамен конституции 1855 г. В общем двухпалатном и цензовом «государственном совете» (риксроде) депутатам от Дании обеспечивалось абсолютное большинство мест. Отныне Шлезвиг соединялся с Гольштейном и Лауэнбургом лишь одной личной унией. Многовековое единство управления обоих герцогств упразднялось.

Конституция 1863 г. была явным вызовом и Германскому союзу, и великим державам. Взволнованный король Фредрик умер на второй день после ее принятия риксдагом, и подписывать конституцию пришлось уже Кристиану IX Глюксбургу (1863—1906), бывшему «принцу по протоколу».

После того как датское правительство (новый премьер Монрад) отклонило ультиматум германских государств, требовавших в 48 часов отменить новую конституцию, австро-прусские войска вторглись в Шлезвиг (1 февраля 1864 г.). Датская армия сражалась храбро, но была плохо подготовлена.

Древние укрепления на шлезвиг-голштинской границе — вал Даневирке — пришлось оставить и вновь закрепиться на острове Альс. 18 апреля пруссаки в кровопролитном штурме взяли Дюббельские позиции, после чего состоялось перемирие. Однако согласительная конференция великих держав в Лондоне успеха не имела в значительной мере по вине Дании, не желавшей делить Шлезвиг по линии, предложенной Бисмарком.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 420.

Отступление датских солдат от Даневирке, 1864 г.

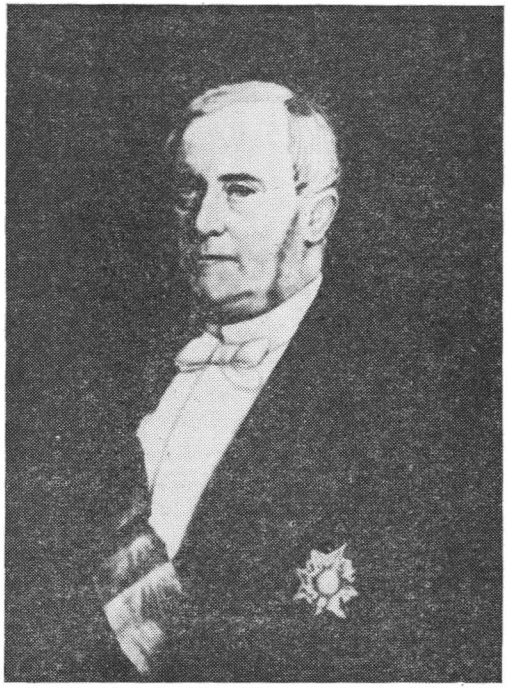
В июне 1864 г. военные действия возобновились: датчане потеряли и остров Альс и Ютландию. Вконец скомпрометированные национал-либералы уступили место консервативному кабинету, 30 октября в Вене был подписан мир. Гольштейн, Лауэнбург и почти весь Шлезвиг перешли в совместное управление Австрии и Пруссии. За пределами Дании остались 200 тыс. датчан Шлезвига[1].

Война нанесла удар политическому скандинавизму. Шведы и норвежцы не оказали датчанам серьезной помощи.

Реакционный пересмотр датской конституции и ограниченная парламентская реформа в Швеции. После поражения 1864 г. руководство Данией перешло к консерваторам, т. е. главным образом к помещикам. В 1865 г. правительство возглавил К. Фрийс — крупнейший землевладелец страны. Его поддержала правая часть «Друзей крестьян» во главе с И. А. Хансеном (в прошлом издатель журнала «Друг простого народа»). Тех и других объединяли вражда к национал-либералам и некоторые общие аграрные интересы. Новое правительство стремилось устранить двойную конституцию 1849 и 1863 гг.

«Друзья крестьян» не подняли уставшие от войны и поражения массы в защиту демократических завоеваний Июньской конституции. В 1866 г. последняя была пересмотрена, а конституция 1863 г. отменена. При пересмотре были сохранены широкие полномочия короля — абсолютное вето и право издавать временные законы между сессиями риксдага. Было отменено всеобщее избирательное право

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. т. 30, с. 309.

Луи де Геер

для выборов большинства депутатов ландстинга. Впредь их должны были избирать крупные землевладельцы либо их просто назначал король. Помещичья верхняя палата — ландстинг — обеспечила земельным магнатам значительную долю власти в стране.

К еще более ограниченным по сравнению с Данией политическим итогам пришла в том же 1866 году Швеция. Парламентская реформа становилась все более необходимой по мере успехов буржуазного развития страны. Основные группы предпринимателей, чиновников, лиц свободных профессий оставались не представленными в риксдаге до конца 50-х годов. С начала 60-х годов сторонники реформы начали систематическую агитацию, прибегая, в частности, к сбору подписей и подаче петиций правительству. В пользу реформы были настроены и члены новых массовых организаций — стрелковых обществ, внушавших опасения властям.

Под давлением широкой общественности правительство, возглавляемое министром юстиции бароном Луи де Геером — либеральным бюрократом,— занялось подготовкой реформы. Важным шагом навстречу ей была реформа местного самоуправления 1862 г. Она отделила светское самоуправление от церковного и предоставила коммунальное избирательное право всем жителям в прямой зависимости от их материального положения, т. е. сугубо неравное.

В декабре 1865 г. очередная сессия шведского риксдага приняла правительственный проект реформы. В столицу прибывали десятки депутаций с адресами, и были стянуты войска. Проект был столь умеренным, а брожение умов в стране столь сильно, что даже «палата рыцарства», т. е. дворянство, большинством голосов одобрила проект. В 1866 г. новое «Положение о риксдаге» стало законом и составной частью конституции страны.

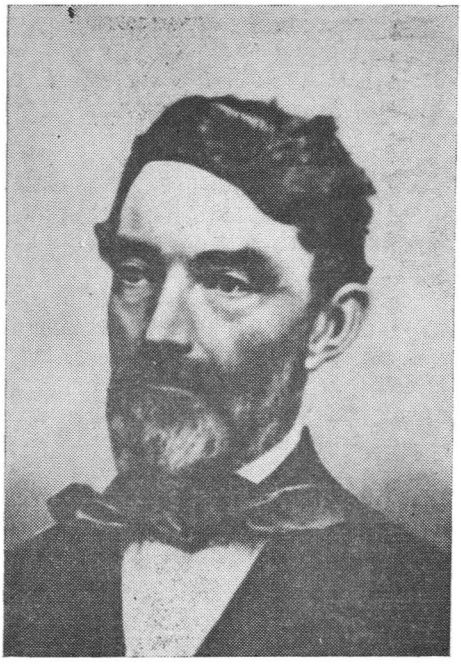
Отныне четырехсословный риксдаг уступил место двухпалатному. На выборах нижней (второй) палаты активное избирательное право давалось мужчинам с 21 года, оно ограничивалось высоким

имущественным цензом, дифференцированным в пользу сельских округов. Иначе говоря, к выборам допускалось кулачество, но отстранялись городская мелкая буржуазия и низшее чиновничество, не говоря уже о крестьянской бедноте и рабочем классе. Верхняя палата выбиралась косвенным путем — депутатами провинциальных собраний (ландстингов, существовавших с 1862 г.) и городских собраний (в крупных городах). Ее депутатами могли быть владельцы больших состояний — помещики, правительственные сановники, предприниматели. Для принятия закона, как и в Дании, требовалось согласие обеих палат. Однако по вопросам бюджета, государственных финансов голоса обеих палат складывались, и тогда нижняя, как более многочисленная, имела перевес. В целом реформа 1866 г. благоприятствовала крупной буржуазии, особенно помещикам.

Шведско-норвежский спор об условиях унии на рубеже 50—60-х годов. Правящие круги Норвегии — чиновничество и тесно связанная с ним крупная, в особенности торговая, буржуазия — при Оскаре I вполне примирились с унией. С одной стороны, король этот соблюдал условия унии, с другой — при наличии крестьянско-демократической оппозиции правящие слои Норвегии больше ценили унию, видя в ней оплот и гарантию собственного господствующего положения в стране.

На исходе 50-х годов, однако, вновь осложнились и внутриполитическая обстановка в Норвегии, и шведско-норвежские отношения. Предпосылкой для политической перегруппировки внутри страны были накопившиеся результаты социально-экономических сдвигов. Круто вырос удельный вес городского населения: в крупнейших центрах — Христиании, Бергене, Тронхейме — жили уже десятки тысяч людей. В основном это были различные группы средней и мелкой буржуазии, мелких чиновников и буржуазной интеллигенции. Именно эти круги потребовали новых реформ, и притом реформ политических — демократизации государственного управления и подлинного уравнения Норвегии со Швецией в рамках унии. Вождем буржуазных демократов стал популярный адвокат и оратор Ю. Свердруп (1816—1892). Союзника он нашел в лице старого вождя крестьян в стортинге — У. Г. Уэланна, за которым теперь шла, правда, лишь передовая, наиболее демократическая часть крестьянских депутатов из западных районов страны. В 1859 г. Свердруп и Уэланн основали «Общество реформы», задуманное как общенациональная политическая партия с местными отделениями. Подлинной целью Свердрупа было создание правительства, опирающегося не на доверие короля, а прежде всего на поддержку парламентского большинства. Хотя «Общество реформы» вскоре распалось, оно послужило делу политического просвещения и сплочения крестьян вокруг национал-демократической программы Свердрупа.

Поводом к возобновлению после почти 15-летнего перерыва спора об условиях унии послужил вопрос о королевском наместнике в Норвегии. В 1859 г. стортинг с негласного одобрения Карла XV отменил эту должность. Такой односторонний акт возмутил правя-

Юхан Свердруп

щие круги Швеции. Под их давлением слабохарактерный король наложил вето на резолюцию стортинга.

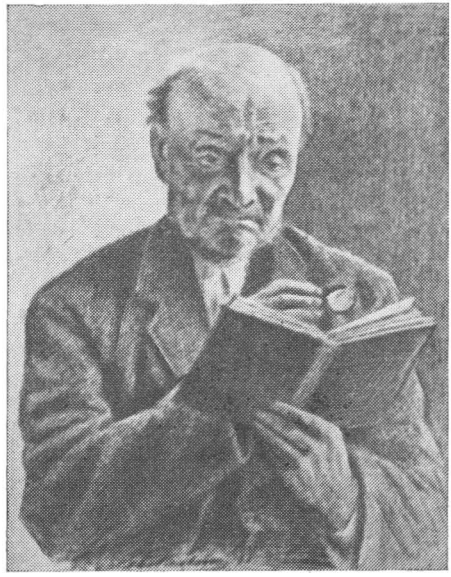
Возмущенный решением стортинга, шведский еще сословный риксдаг потребовал в 1860 г. приступить к пересмотру всех условий унии. Великодержавных шведских политиков более не удовлетворял ее ограниченный характер. Стортинг столь же единодушно отстаивал равноправие Норвегии и ее полный суверенитет в вопросах, не оговоренных актом унии 1815 г. Однако норвежский консервативный кабинет во главе с адвокатом Ф. Стангом не возражал против укрепления унии и сближения со Швецией на условиях равноправия. В 1865 г. был создан шведско-норвежский комитет для пересмотра условий унии. Спустя два года комитет представил свой реакционный проект, по которому вводился общий парламент — «государственный совет», частично сливались вооруженные силы и пр. Судьба этих предложений решалась уже в 70-х годах.

Расцвет романтизма в Скандинавии и зачатки буржуазного реализма. С начала XIX в. в идейной жизни скандинавского общества — прежде всего датского и шведского — раньше в философии и литературе, а позже, с 30—40-х годов, также в изобразительных искусствах почти безраздельно воцарился романтизм. Скандинавские романтики вдохновлялись и учились у поэтов немецкой «бури и натиска» XVIII в., у немецкого романтизма в целом и у классической догегелевской философии (Кант, Фихте, Шеллинг).

Сравнительная сглаженность социальных противоречий, преобладание патриархального мещанства и крестьянства предопределили идейно-политическую умеренность, в особенности датского и шведского романтизма. И реакционно-феодальные крайности, и революционный радикализм выражены слабо. Радикализм больше всего присущ сравнительно позднему норвежскому романтизму 30—50-х годов.

Романтизм господствовал в Скандинавии вплоть до 60-х годов XIX в. включительно. Заслуга лучших скандинавских романтиков состояла в предолении подражательного характера национальных литератур, особенно зависимости датской от немецкой и норвежской

от датской, в широком обращении к народным традициям (издание сказок, баллад, сказаний). Известный уже скандинавизм — порождение романтизма, умирающее вместе с ним в 60-х годах.

Ивар Осен

Наиболее выдающимся датским романтиком был поэт и драматург Адам Эленшлегер (1779—1850), автор трех «Северных поэм»; его считают также родоначальником всего скандинавского романтизма. Шведские романтики не имели одного признанного вождя. От первоначальной группы сентиментально-мистических фосфористов (по названию их журнала «Фосфорос», 1810) вскоре отпочковался национально-консервативный «Ётский союз» (от наименования древнешведского племени ётов) с журналом «Идуна» (1811). Вождем ётов стал Эрик Густав Гейер (1783—1847) — самый разносторонний из шведских романтиков, поэт и философ, историк и общественный деятель. К романтикам отчасти примыкал крупнейший шведский поэт Исайя Тегнёр (1782—1846), автор поэмы «Сага о Фритьофе». Норвежский поэт-романтик Хенрик Вергеланн Младший (1808—1845) считается основоположником новой норвежской литературы.

Норвежские романтики возглавили борьбу за возрождение национальной культуры, за преодоление многовекового датского засилья. Романтизму Норвегия обязана и начавшейся норвегизацией своего литературного — датского языка. Параллельно было предпринято восстановление норвежского национального языка на основе крестьянских диалектов, ставшее делом жизни школьного учителя И. Осена (1813—1896). Воссозданный им язык получил название сельского языка — лансмола в противоположность норвежско-датскому языку горожан и вообще верхов — риксмолу. Так в 50-х годах XIX в. возник в Норвегии вековой спор между сторонниками обоих языков.

В 30—40-х годах XIX в. романтизм в Швеции и Дании превратился в эпигонское, уводящее от острых жизненных проблем течение. В Швеции крупные писатели пришли к реализму уже в 30-х годах: К. И. Л. Алмквист (1793—1866) с его смелой повестью «Идет!». Самые выдающиеся датские и норвежские писатели середины XIX в. уже сочетали романтические черты с реализмом и социальной критикой: датский поэт и сатирик Фр. Палудан-Мюллер (1809—1876);

Дом Андерсена в Оденсе

великий датский сказочник Г. Хр. Андерсен (1805—1875); классики норвежской литературы и драматургии Г. Ибсен и Б. Бьёрнсон в их раннем творчестве.

По сравнению с литературой изобразительные искусства первой половины и середины XIX в. куда менее самостоятельны и интересны. Упадок архитектуры в период до 1830 г. отразил общее материальное оскудение Скандинавии. Увлечение неоклассицизмом удержалось надолго, примерно до 1840 г. Крупнейшими мастерами этого направления были всемирно известный датский скульптор Б. Торвальдсен и другой датчанин — живописец К. Эккерсберг (1783—1853), ученик француза Давида. В 40-х годах началась пора романтизма в архитектуре, проявившаяся в эклектическом тяготении к готике и Ренессансу. Живопись развивалась под сильным влиянием немецкой мещанско-романтической дюссельдорфской школы и отличалась пристрастием к историко-литературным сюжетам. Романтизм, особенно в Норвегии, непосредственно подготовил и создание — главным образом уже во второй половине века — национальных музыкальных школ в каждой из трех стран, пробудив интерес к народному, в частности песенному, творчеству.

В первой половине XIX в. продолжали успешно развиваться науки — общественные и естественные. Романтизм был также эпохой расцвета исторической науки: во всех трех странах, позже других в Норвегии, создаются национальные исторические школы. Основателем шведской буржуазной историографии считают уже известного Э. Г. Гейера, датской — К. Ф. Аллена и К. Па́лудан-Мюллера

(брата писателя) норвежской — П. А. Мунка. Датчане выдвинули также выдающихся языковедов (Р. Раск и Ю. Н. Мадвиг) и археологов (Кр. Томсен и Е. Ворсё), собственно создавших на материале датских раскопок археологию как научную дисциплину. Другой датчанин — Х. Кр. Эрстед прославил себя открытием электромагнетизма. Шведы, как и в XVIII в., добились успехов в области точных наук. Так, в 1844 г. в Швеции были изобретены безопасные серные спички, в 1858 г. был усовершенствован бессемеровский способ плавки стали. Швед А. Нобель создал примерно в то же время динамит, другой швед — Е. Эрикссон — гребной винт. Норвежец Н. Х. Абель (1802—1829) развил учение о функциональных уравнениях.

Портрет Торвальдсена. Художник Эккерсберг

Наконец, в эпоху романтизма значительно окрепла самостоятельная философская мысль в Скандинавии. Первыми провозвестниками немецкого классического идеализма были здесь датско-немецкий натурфилософ — шеллингианец Х. Стеффенс (1773—1845) и шведский кантианец Б. Хойер (из Упсалы). Учеником Стеффенса был датчанин Н. Грундтвиг (1783—1872). Создатель оригинальной религиозной философии истории Грундтвиг искал синтеза христианства с древнегерманскими добродетелями, но обращался к народным массам, считал крестьянство воплощением этих добродетелей и тем способствовал развитию крестьянско-демократического движения в Дании. Он впервые организовал скандинавские высшие школы для взрослых — своего рода народные университеты. Самостоятельную, хотя и глубоко реакционную, систему классического объективного идеализма разработал «шведский Платон» Кр. Я. Бустрём (1797—1866). С радикальной, но опять-таки реакционной критикой современного ему общества, морали и официальной церкви выступил теолог и философ-иррационалист Сёрен Кьеркегор (1813—1855). Его творчество впоследствии оказало сильное влияние на европейскую буржуазную философию середины нашего века — экзистенциализм.

Глава X

Индустриализация. Образование социал-демократических партий (последняя треть XIX в.)

Капиталистическая индустриализация. С середины 60-х годов XIX в. в Скандинавии быстрыми темпами шла индустриализация. Процесс этот, как мы видели, начался еще раньше, но разгар, апогей индустриализации падает на 70-е годы XIX в. — первое десятилетие XX в. За это время Скандинавия из зоны преимущественно аграрной стала зоной аграрно-промышленной.

Важнейшими предпосылками указанного процесса были: «расчистка» пути от феодальных и меркантилистских пережитков, проделанная в предшествующие десятилетия (40—60-е годы); перестройка сельского хозяйства и торжество буржуазно-фермерского пути его развития, обеспечившие емкий внутренний рынок и достаточный — по скандинавским потребностям — приток рабочей силы для промышленности; неограниченное поступление капиталов из заграницы; важные изобретения, приложимые именно к промышленности скандинавских стран.

В крупнейшую отрасль фабричной промышленности вырсла теперь лесная и деревообделочная. Фабрики с паровыми двигателями (на своем топливе — опилках) строились в устьях сплавных рек, особенно в Северной Швеции. До конца XIX в. пиломатериалы, спички и прочее оставались главным видом продукции этой отрасли скандинавской промышленности, работавшей почти исключительно на экспорт. С 70-х годов началось крупное производство механической древесной массы, а с 80-х — и химической целлюлозы для изготовления бумаги; важнейшую роль сыграли здесь изобретения шведских инженеров А. Мюнцинга и К. Д. Экмана.

В последние десятилетия XIX в. промышленная революция, охватив ведущую в Скандинавии шведскую металлургию, в корне преобразила и ее продукцию, и ее размещение. Наибольшее значение имело внедрение процесса томасирования. Оно позволило лить сталь из чугуна на фосфористых рудах шведского Заполярья, прежде неприменимых. На протяжении 80—90-х годов ежегодный экспорт железной руды из Швеции подскочил от нуля почти до 2 млн. т, решительно обогнав традиционные экспортные статьи — чугун и железо. Параллельно норвежцы налаживали добычу более редких металлов — никеля, меди, серного колчедана.

Во всех скандинавских странах, начиная с Дании, сложилась крупная пищевкусовая промышленность, занятая переработкой сельскохозяйственного сырья. Это были датские пивоваренные заводы, норвежские рыбоконсервные и жировытапливающие, шведские и датские рафинадные, наконец, винокуренные, молочные и маргариновые предприятия во всех трех странах. В Дании возникло также производство кормов (жмыхи) и искусственных удобрений.

В бедной полезными ископаемыми Дании стали вырабатывать цемент. С улучшением качества сетей быстро росли уловы рыбы. В 1868 г. гарпунная пушка — норвежское изобретение — вдохнула новую жизнь в китобойный промысел.

С 70-х годов на месте прежних универсальных «механических мастерских» стали создаваться крупные специализированные машиностроительные предприятия. В рассматриваемый период и они еще обслуживали отечественный рынок, удовлетворяя потребности в паровых машинах, локомотивах, вагонах, сельскохозяйственных машинах, заводском оборудовании. Вместе с тем ряд запатентованных, в основном шведами, изобретений и усовершенствований позволили уже на рубеже XIX—XX вв. наладить некоторые производства, весьма перспективные с точки зрения экспорта: производство паровых турбин и сепараторов Г. де Лаваля, динамомашин Ё. Венстрема, телеграфно-телефонного оборудования Л. М. Эриксона, саморегулирующихся шарикоподшипников С. Вингквиста и пр. Уже в 80—90-е годы скандинавские предприятия слаботочного оборудования (средств электросвязи) и судостроительные верфи обслуживали зарубежных заказчиков.

Швеция и Норвегия в числе первых организовали дальнюю передачу электроэнергии, ее промышленное, транспортное, бытовое использование. Северошведский городок Хернёсанд в 1885 г. получил первую коммунальную электростанцию и уличное электроосвещение. В том же году началось строительство первой промышленной (тепловой) электростанции в Норвегии. В 1894 г. по улицам Христиании пошел первый трамвай. В самом конце века родилась норвежская электрохимия — была построена первая карбидная фабрика.

Годы индустриализации были порой крупного железнодорожного, шоссейного, мосто- и тоннелестроительства. В 1894 г. была завершена шведская меридиональная железная дорога. В 1902 г. она соединилась с незамерзающим портом Северной Норвегии Нарвиком. Длина скандинавских железных дорог измерялась к 1900 г. уже в тысячах километров. К тому же времени во много раз вырос тоннаж пароходов, потеснивших парусные суда. Норвежский торговый флот вообще стал третьим в мире по тоннажу и обслуживал главным образом международные перевозки.

Таким образом, к концу столетия во всех скандинавских странах уже сложилась крупная промышленность. Правда, предприятия были рассеяны на больших пространствах, преимущественно вне городов. Промышленных городских центров здесь еще не было, если не считать Стокгольма и Копенгагена. В конце XIX в. уже заметен процесс концентрации производства. Так, например, сильно сократилось число доменных печей и выросла их мощность. Благодаря акционерным обществам полным ходом шла централизация капитала. В Швеции, например, в 50-е годы было учреждено около 80 акционерных обществ, а в начале XX в. их число уже приближалось к 2500. Крупнейшие промышленные и другие компании Скандинавии на рубеже XIX—XX вв. уже имели европейскую из-

вестность. Таковы, например, «Бурмейстер ог Вайн» — судостроительная и машиностроительная фирма, «Сторе Нордиске телеграфсельскаб» в Дании; «Буфорс» — металлургия, и затем взрывчатые вещества, «Гренгесберг» — рудодобыча и железные дороги в Швеции; «Боррегор» — целлюлоза в Норвегии.

Часть крупнейших предприятий или тем более объединений этих предприятий могла уже в 90-е годы практически монополизировать производство или сбыт определенных видов продукции в масштабе одного района или же всей страны. Образование крупных промышленных предприятий и появление первых монополий в Скандинавии проходили одновременно.

В итоге индустриализации во много раз выросли обороты внешней торговли скандинавских стран. Наряду с традиционным основным партнером скандинавов — Англией — теперь выдвинулась, особенно по ввозу, кайзеровская Германия (в шведском и датском импорте на первое место).

Торговый капитал в новых условиях потерял свое руководящее и даже просто самостоятельное значение. Оптовую торговлю взяли на себя сами промышленники и их объединения, кредитом занялись банки. Рассматриваемый период характеризуется ростом числа и капиталов акционерных банков, кредитовавших промышленность, строительство и пр. В Швеции и Дании сложился, наконец, неограниченный рынок денежных капиталов. В частности, датчане преодолели свою долгую зависимость от банкиров Гамбурга.

Характерной чертой экономики всей Скандинавии стал вместе с тем импорт капитала — французского, английского, немецкого. Форма и роль его для разных стран были неодинаковыми. В индустриализации более богатой Швеции он решающей роли не сыграл. Главной формой иностранных капиталовложений была здесь покупка французскими капиталистами шведских правительственных облигаций, а их назначением — финансирование железнодорожного строительства. В индустриализации наиболее бедной из трех стран — Норвегии — роль иностранного капитала вообще и его прямых вложений в промышленность была куда больше. Так, в конце XIX в. британскому капиталу принадлежало крупнейшее предприятие Норвегии — «Боррегор».

Пора расцвета «свободного» капитализма принесла с собой также стабилизацию денежных систем. В 1875 г. все три страны перешли к золотому стандарту: место серебряных риксдалеров заняла золотая крона. Основным средством обращения стала теперь бумажная банкнота, свободно обмениваемая на золото по единому номиналу. (Скандинавская монетная уния до 1914 г.).

Рационализация сельского хозяйства. Производственные отношения в сельском хозяйстве скандинавских стран к 1870 г. были уже, как мы знаем, либо капиталистическими, либо мелкотоварными. Крупных сельских хозяев капиталистического типа сравнительно больше было в Дании, меньше в Швеции и еще меньше в Норвегии. Составляя лишь незначительную долю от общего числа хозяйств, скандинавские кулаки и помещики владели подавляющей

частью удобных земель и скота. Среди крестьян было много полупролетариев, подрабатывающих наймом, в том числе в лесной промышленности.

После 1870 г. шло не столько дальнейшее обуржуазивание аграрных производственных отношений — процесс этот уже завершился, — сколько рационализация, а отчасти и механизация самого производства. Сдвиги эти были ускорены критическим падением хлебных цен в 70-х годах из-за удешевленных способов доставки заокеанского зерна в Западную Европу. На исходе XIX в. экспорт зерна из Скандинавии практически прекратился, а экспорт масла, свиного сала и свиней во много раз вырос. Датское растениеводство все больше переключалось на обслуживание животноводства. К концу столетия даже Дания стала ввозить зерно.

Рост мясо-молочной продукции стал возможным благодаря укрупнению и механизации части производственного процесса, а именно, путем создания кооперативных маслобоен и мясобоен. Первая маслобойня с механической центрифугой была основана в Дании в 1882 г. (в 1900 г. их было 678), в Швеции и Норвегии — немногим позже. Несколько раньше датские крестьяне стали практиковать организованную кооперативную закупку семян, кормов, удобрений и пр. Прибыли в кооперативах распределялись пропорционально сделанным заказам. Участвовало в них и больше всего нуждалось мелкое, в том числе полупролетарское (хусмены), крестьянство, хотя кооперативы организовывались и возглавлялись сельской буржуазией. Помещики в них не участвовали.

Улучшение и увеличение сельскохозяйственного производства достигалось также следующими средствами: расширением культурной площади, внедрением правильных севооборотов и искусственных удобрений, увеличением доли искусственных лугов и корнеплодов, улучшением посевных материалов и пород скота, пропагандой агрономических знаний и организацией обучения. В результате поголовье свиней в Дании за 1861—1903 гг. выросло в 5 раз (до 1,5 млн. шт.), а удой молока — в 2,5 раза (до 2500 л с коровы в год). Только теперь началось широкое применение паровых молотилок и других машин.

Промышленная буржуазия и промышленный пролетариат. Эмиграция сельской бедноты. После наполеоновских войн население Скандинавии росло особенно быстро: в Швеции за вторую половину XIX в. — с 3,5 до 5 млн.; в Дании — с 1,5[1] до 2,5 млн.; в Норвегии — с 1,5 до 2,25 млн. Еще быстрее росло городское население (а среди самодеятельного — число занятых в промышленности и вообще вне сельского хозяйства). В Норвегии доля горожан поднялась с 12 до 28%, в Швеции — с 10 до 21%, в Дании — с 20 до 39%.

В годы индустриализации сложился как класс промышленный пролетариат. Численность промышленных рабочих росла следующим образом: в Швеции за 1875—1905 гг. — с 90 тыс. до 325 тыс.; в Норвегии за 1875—1900 гг. — с 46 до 76 тыс.; в Дании за 1872—

[1] Без герцогств.

1897 — с 35 до 73 тыс. Повсеместно в Скандинавии большую часть пролетариата по-прежнему составляли сельскохозяйственные рабочие различных категорий.

Благодаря завершенному в 60—70-х годах аграрному перевороту Скандинавия стала зоной аграрного перенаселения. Сельская беднота, лишенная опоры в виде общины, лишь частично поглощалась промышленностью. Началась массовая эмиграция в Северную Америку. Дополнительными факторами эмиграции были религиозные и политические гонения (главным образом до 1850 г.), неурожаи конца 60-х годов и аграрная депрессия 80-х годов. Волна эмиграции достигла наивысшего подъема в 80-х годах. Только в 1882 г. за океан выехало свыше 50 тыс. шведов и около 30 тыс. норвежцев. Размеры эмиграции датчан были скромнее.

Бурный рост городского населения при внегородском в значительной мере размещении скандинавской промышленности объяснялся ростом преимущественно городских средних слоев — торговцев, ремесленников, чиновников и лиц свободных профессий. Наконец, имущую верхушку общества составляли теперь уже не только и не столько помещики и купцы, сколько промышленники-фабриканты, судовладельцы, банкиры.

Образование политических партий буржуазной демократии. Борьба за всеобщее избирательное право. Политическое положение всех скандинавских стран имело общие черты: власть находилась в руках узкой группы помещиков (кроме Норвегии), высших чиновников, крупных промышленников. Из них формировались кабинеты по усмотрению королей, все еще сохранявших широкие полномочия. Монархи и их правительства опирались на верхние палаты риксдагов Дании и Швеции, где тон задавали те же помещики. Им противостояли оппозиционные вторые палаты — датская и шведская — и оппозиционное большинство в норвежском стортинге.

Оппозицию составляла средняя и мелкая буржуазия, главным образом крестьянская. Основная масса населения в Швеции и Норвегии не имела политических прав, в Дании же всеобщее избирательное право для фолькетинга уравновешивалось реакционной системой пополнения ландстинга. Разногласия правящих кругов и оппозиции были борьбой внутри буржуазного лагеря. Однако оппозиция, выдвигая требования демократического характера, выступала тем самым и от имени народных низов.

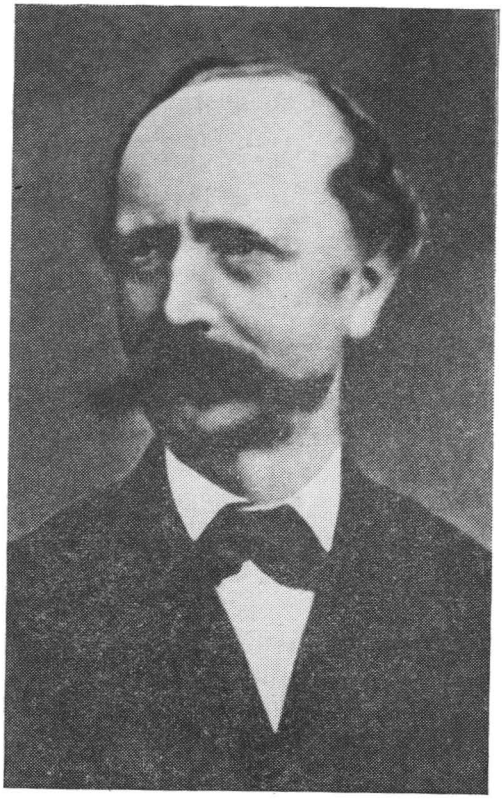
Норвежские венстре и торжество парламентаризма. Политически самой передовой из трех скандинавских стран была по-прежнему Норвегия. Главным требованием оппозиции там уже с конца 1860-х годов стала парламентская ответственность правительства. Красноречивым поборником парламентаризма был Свердруп, выступавший в стортинге от имени группы буржуазных интеллигентов умеренно-демократического склада. В 1869 г. он вступил в союз с новым лидером крестьянской оппозиции депутатом стортинга С. Ябеком и тем самым положил начало организации демократической партии (так называемых левых — венстре). Объединенная

оппозиция имела не только абсолютное большинство в парламенте, но и сеть местных, главным образом крестьянских организаций. Наряду с расширением прав стортинга венстре добивались также расширения прав местного самоуправления, полного равенства Норвегии в унии со Швецией и недопущения каких-либо шагов к слиянию обоих государств. Им противостояла группировка сторонников правительства (так называемые правые — хёйре).

Первым успехом новой партии было решение стортинга о своих ежегодных сессиях (вместо одного раза в три года). В 1871 г. стортинг отверг предложения шведско-норвежского комитета по делам унии, направленные на создание общих со Швецией учреждений. На протяжении 1874—1880 гг. оппозиционное большинство стортинга трижды принимало тождественную резолюцию о допуске министров к участию в парламентских дебатах, справедливо видя в таком допуске пролог к парламентской ответственности кабинета. Трижды король Оскар II применял вето. После третьего вето стортинг объявил свою поправку к конституции действующей; поскольку же министры-консерваторы по-прежнему не являлись на заседания стортинга, они были привлечены к особому государственному суду, выделяемому в основном из депутатов того же стортинга. Суд признал министров виновными в злоупотреблении королевским вето и приговорил к лишению портфелей. В том же 1884 году король не только подчинился решению суда, но и назначил новый, либеральный кабинет во главе с самим Свердрупом. Принцип парламентаризма восторжествовал, и зависимость Норвегии от шведского короля значительно ослабла. Венстре и хёйре конституировались как национальные партии.

Датские венстре, конфликт двух палат и торжество парламентаризма. Наметившееся в 1864—1866 г г. сотрудничество помещиков-консерваторов с левыми «Друзьями крестьян» в датском парламенте оказалось непрочным. Уже в 1870 г. помещики образовали кабинет с участием национал-либералов. В том же году на базе «Друзей крестьян» возникла Объединенная левая партия во главе с сельским учителем К. Бергом, а затем также юристом и журналистом В. Хёрупом, выходцами из кулацких семей. В центре программы и датских венстре стоял парламентаризм, т. е. образование правительства партией, имеющей большинство в нижней палате риксдага — фолькетинге. Далее, венстре требовали демократизации избирательного права на выборах ландстинга (верхней палаты) и коммунальных выборах, ликвидации последних пережитков феодализма, таких, как кабальная аренда («фёсте»), старинные поземельные налоги и десятина, тяготевшие только над сельскими жителями.

В 70-х годах датские венстре, следуя примеру норвежцев, создали сеть местных организаций, партийную печать и развернули систематическую агитацию. На выборах 1872 г. в фолькетинг они победили голосами почти исключительно сельских избирателей, но правительство по-прежнему формировалось королем Кристианом IX (1863—1906) из консерваторов. Последние, как и в Норвегии, стали

Якоб Эструп (1825—1913)

именовать себя теперь правыми (хёйре) и вели за собой не только помещиков, но также промышленников и чиновников. Столпом правых был «датский Бисмарк» — помещик Я. Эструп, министр внутренних дел, а в 1875—1894 гг. — неизменный премьер-министр Дании.

Главным средством борьбы венстре с правительством стал с 1877 г. либо отказ фолькетинга своевременно утвердить финансовый законопроект, внесенный правительством, либо всяческая урезка рекомендуемых им ассигнований (получивших поэтому название «бритого пуделя»). В ответ правительство в 1877 г. впервые прибегло к роспуску парламента и к изданию предусмотренных конституцией временных финансовых законов, охватывавших лишь согласованные с обеими палатами статьи бюджета.

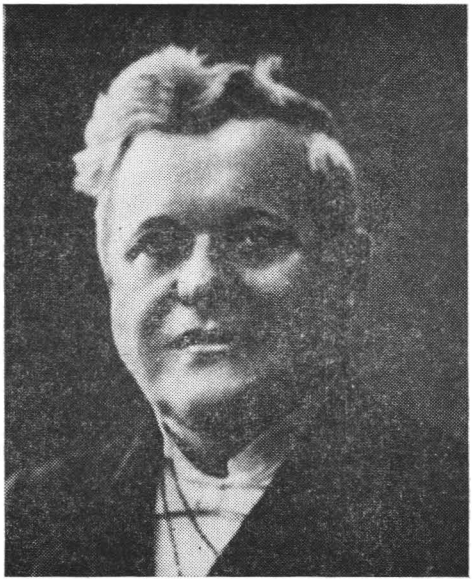
Положение особенно обострилось с 1885 г., когда очередной финансовый закон позволил правительству взимать налоги на расходы, вообще не одобренные парламентом. Весной в стране возникли крестьянские волнения, начались отказы от уплаты налогов, один рабочий венстре даже стрелял в Эструпа, но промахнулся. Однако на революцию датские венстре были неспособны. «Датская левая, — писал Энгельс в 1889 г., — уже давно разыгрывает недостойную комедию оппозиции и без устали демонстрирует снова и снова перед всем миром свое собственное бессилие»[1].

Десять лет подряд (1885—1894) правительство практиковало временные законы и с их помощью провело, в частности, фортификационные работы вокруг Копенгагена. В 70-х годах возникла социал-демократическая партия, с 1884 г. уже представленная в фолькетинге (см. ниже). Ее усиление толкнуло часть венстре в 90-х годах вправо, к поискам сделки с умеренными хёйре.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 276.

В 1894 г. умеренные из обеих партий — венстре и хёйре — достигли соглашения: отставки Эструпа взамен одобрения военных расходов (на укрепление Копенгагена). В выигрыше оказались консерваторы, оставшиеся у власти, и это подорвало авторитет умеренных венстре. Партия раскололась, и левое крыло образовало в 1895 г. новую Левую партию реформ. Ее возглавил опять-таки школьный учитель Енс Кристенсен (1856—1930). На выборах 1895, 1898 и особенно 1901 г. партия реформ-венстре завоевала большинство в фолькетинге, подкрепленное к тому же поддержкой социал-демократов. В 1901 г. консерваторы хёйре и умеренные венстре получили всего 24 места из 113, а хёйре — правительственная партия — вообще провалились (8 мест). Король подчинился принципу парламентаризма: к власти пришла, наконец, партия кулачества — реформ-венстре, которых стали называть просто венстре.

Енс Кристенсен

Политическая борьба в Швеции вокруг налогов и пошлин. Оппозиционная партия сельских хозяев образовалась во второй палате шведского риксдага уже в 1867 г. Она добивалась отмены старинных поземельных налогов и государственных повинностей с крестьян, в том числе замены военно-поселенной системы комплектования армии всеобщей воинской повинностью, экономии государственных средств и большего контроля за чиновниками. В Швеции феодальные пережитки носили государственный характер. Отсюда и меньший антагонизм «крестьян» (2-я палата) и «господ» (1-я палата): вождями «сельских хозяев» на первых порах вообще были два помещика, один из них граф А. Поссе. Да и шведские «господа» из верхней палаты в отличие от датских имели в своем составе больше промышленников. Соответственно и шведские кабинеты после 1866 г. были не просто диктатурой помещиков, как в Дании, а опирались на более широкую базу, в том числе на крупных промышленников.

«Сельские хозяева», располагавшие большинством во второй палате, из года в год срывали финансовую программу правительства, а именно — его программу обновления и усиления шведских вооруженных сил (по образцу кайзеровской Германии). Новый ко-

роль Оскар II (1872—1907) пытался стать «над партиями» и хлопотал о компромиссе между правительством и второй палатой. Правительство — состав его менялся — также обнаруживало готовность к уступкам. Однако крестьянские депутаты упорно отклоняли любое увеличение военных расходов. В 1878 г. были, наконец, отменены старинные ямские и гостинные повинности крестьян[1].

В 1885 г. умеренно консервативное правительство О. Темптандера (1884—1888, «центр») достигло временного компромисса с партией сельских хозяев: поземельные налоги и расходы крестьян на содержание «поселенных» войск снижались на треть, а продолжительность рекрутских сборов увеличивалась с 30 до 42 дней; всеобщей воинской повинности подлежали 12 возрастов (21—32 года).

На передний план теперь вышел спор о введении покровительственных пошлин. Большинство аграриев — крупных и мелких собственников — все громче требовали защиты от конкуренции дешевого импортного зерна, а представители ряда отраслей промышленности (внутреннего рынка) — также и от конкуренции иностранных промтоваров. На выборах 1887 г. протекционисты завоевали большинство во второй палате, хотя и незначительное. Партия сельских хозяев временно раскололась на новую, т. е. протекционистскую, и старую — фритредерскую. В первой палате протекционисты также имели небольшой перевес. В течение 1888—1892 гг. и в 1896 г. были введены или повышены пошлины на зерно, муку, сало, а также на чугун, станки и некоторые другие товары.

Общность протекционистских интересов части аграриев и части промышленников плюс быстрый рост социалистического рабочего движения, а также конфликт с норвежскими венстре (см. ниже) продлили жизнь консервативным кабинетам в Швеции и обеспечили им популярность даже у большинства второй палаты. В течение 1891—1900 гг. властным главой правительства был консервативный помещик Э. Г. Бустрём (племянник известного философа), тесно связанный с промышленниками. Он добился от аграриев согласия на дальнейшее значительное увеличение военных расходов и сроков военной службы (до 90 дней) взамен постепенной ликвидации поземельных налогов (1892).

Консолидация консервативного большинства в обеих палатах делала введение парламентаризма в Швеции пока еще малоактуальным. Важнее было завоевание всеобщего избирательного права, за что энергично боролись обе основные партии оппозиции конца века — либералы (под новым названием Народная партия — осн. в 1895 г.) и социал-демократы.

Новое обострение шведско-норвежского спора: вопрос о консулах. Короли из дома Бернадотов старались вести общую, шведско-норвежскую внешнюю политику. В 1885 г., однако, их внешнеполитические прерогативы были урезаны шведским риксдагом в

[1] В XIX в. они сводились к обязанности за определенную плату помогать владельцам постоялых дворов по мере надобности в перевозке и размещении проезжающих.

пользу премьер-министра и министра иностранных дел, т. е. членов шведского кабинета. На шведско-норвежских переговорах по этому вопросу премьер Норвегии Свердруп оказался излишне сговорчивым и не получил поддержки других норвежских представителей. Переговоры были прерваны.

Вообще Свердруп, став главой правительства, быстро утратил популярность левого крыла своей партии — представителей городских средних слоев. Мероприятия его правительства были сочтены недостаточно демократическими. Так, расширение избирательного права (1884) сохранило имущественный ценз, т. е. не допустило к выборам массу рабочих.

В 1888 г. правящая партия раскололась на радикальных, или «чистых», венстре во главе с учителем Ю. Стееном и на умеренных — сторонников самого Свердрупа (ум. в 1892 г.). Это позволило консерваторам — хёйре вновь ненадолго прийти к власти при поддержке умеренных венстре. Широкие слои мелкой буржуазии, городской и сельской, шли за радикалами: на выборах 1891 г. они получили 65 (умеренные — 14, а правые — 35) голосов и образовали правительство во главе со Стееном. Главным пунктом в программе «чистых» венстре стало создание самостоятельного норвежского внешнеполитического ведомства во главе с собственным министром иностранных дел. Первым шагом к этому они считали немедленное введение национальной консульской службы, о чем стортинг принял постановление в 1892 г. Король Оскар II наложил вето, венстре вновь уступили место консерваторам — также сторонникам установления консульской службы, но лишь после переговоров со Швецией. Швеция грозила в случае односторонних шагов норвежцев применить силу и в 1894 г. демонстративно увеличила военные кредиты. Популярность «чистых» венстре как слишком смелых несколько упала (выборы 1894 г.), стортинг отступил и в 1895 г. решил возобновить переговоры со Швецией по вопросу о консулах. Однако шведы цеплялись за статус-кво, уже неприемлемое даже для норвежских консерваторов.

Потерпев политическое поражение (в 90-х годах) Норвегия начала активную военную подготовку. Выпускались оборонные займы, на шведской границе ремонтировались или возводились укрепления, был построен более современный военно-морской флот. Введением всеобщего избирательного права в 1898 г. (для мужчин) вновь пришедшие к власти «чистые» венстре еще больше упрочили свою позицию.

Начало массового рабочего движения. Социал-демократические партии и первые профсоюзы. Положение промышленного пролетариата в начальный период индустриализации, т. е. около 1870 г., оставалось весьма тяжелым: безработица, болезни, старость грозили рабочему почти немедленным голодом и нищетой. Рабочие жили скученно, питались однообразно, трудились не менее 12 часов в день, часто также в воскресенье. Широко использовался труд детей. Хозяин сохранял остатки полицейской власти над своими рабочими. Трудовых соглашений не существовало, стачка каралась как бунт,

политических прав рабочие были лишены. На средства общественного призрения и частной благотворительности перебивались многочисленные пауперы — нищие.

В особенно плачевном положении находились по-прежнему сельские пролетарии и полупролетарии — семейные батраки-статары, мелкие арендаторы за отработки — торпари (в Швеции) и хусмены (в Дании, Норвегии). В Дании принудительные отработки уже запрещались законом, но еще бытовали «добровольные».

Рабочие объединения 50—60-х годов, как правило, не отстаивали экономических и тем паче политических интересов своих членов, а занимались их просвещением, взаимопомощью (больничные и погребальные кассы, потребкооперация), организацией досуга, религиозной проповедью, борьбой с пьянством и пр. Подобные объединения возглавлялись обычно либералами из буржуазной среды. Такая форма борьбы, как стачка, даже стихийная, еще в 60-х годах была новостью для Скандинавии и распространилась лишь в следующем десятилетии. Широкий отклик получили забастовки каменщиков Стокгольма в 1869 г., судостроителей Гетеборга в 1872 г. и особенно рабочих-деревообделочников района Сундсвалля (Северная Швеция) в 1879 г. Последняя стачка, хотя и не привела к победе, напугала буржуазию (были вызваны войска) и ободрила рабочий класс. В Дании отметим забастовку копенгагенских каменщиков в 1872 г. Первые забастовки в Норвегии также относились к 70-м годам.

В начале 70-х годов возникли и первые собственно профессиональные союзы — частично на базе прежних рабочих объединений и даже старых ремесленных союзов. Раньше всего они появились в столицах — у стокгольмских каменщиков (1869) и у типографщиков (в Дании в 1869 г., в Швеции и Норвегии в 1872 г.). Они же заключили тогда первые в Скандинавии коллективные договоры с предпринимателями. Раньше всего соединение профсоюзного и вообще рабочего движения с идеями социализма произошло в Дании, что объяснялось сравнительной близостью этой страны к Германии и Франции — центрам революционного движения того времени, а также сосредоточением датских промышленных рабочих преимущественно в одном районе — Копенгагене. В 1871 г. под прямым впечатлением событий Парижской Коммуны бывший лейтенант датской армии Л. Пио (1841—1894) начал анонимно издавать в Копенгагене журнал «Социалист» (впоследствии, с 1874 г., газета «Социал-демократ») и основал датскую секцию I Интернационала (1871). Программа секции уже носила радикально-демократический, а отчасти лассальянский характер. В мае 1872 г. гусары и полиция разогнали запрещенный властями Копенгагена митинг в Фелледском парке, организованный датскими социалистами. Вожди датской секции Интернационала были преданы суду и заключены в тюрьму, сама секция распущена властями.

Датская социал-демократическая партия была заново основана в 1876 г. Ее программа была повторением Готской программы немецких социал-демократов. Прежние вожди отошли от движения

(Пио эмигрировал в 1877 г.), и партию возглавила группа рабочих-энтузиастов — К. Хёрдум, П. Хольм, П. Кнудсен и др. Партия была организационно отделена от профсоюзов, начата работа среди хусменов, составлена аграрная программа.

Несколько позже, с начала 80-х годов, развернулась социалистическая агитация в странах Скандинавского полуострова. В Норвегии особенно активно действовал Кр. Х. Кнудсен (1845—1929) — председатель союза типографщиков; в Швеции — портной А. Пальм (1849—1922), ранее участник датского социалистического движения. Вышли первые социал-демократические газеты, а вскоре возникли первые партийные организации, преобразованные затем в общенациональные партии: Норвежскую рабочую партию (1887) и Шведскую социал-демократическую рабочую партию (1889).

Обе партии были при своем рождении не только общенациональными политическими, но, по существу, и профсоюзными центрами: в Швеции и Норвегии профсоюзы, возглавляемые социалистами, коллективно входили в партию. В Швеции социал-демократам в 80-х годах удалось отстранить буржуазных либералов от руководства профсоюзами. В Норвегии, где национальный вопрос еще заслонял собой социальные проблемы, значительная часть рабочих и даже сама Рабочая партия вплоть до начала XX в. шла за «чистыми» венстре.

Соответственно первая социалистическая программа НРП была принята только в 1891 г. Идеологически незрелым оставалось руководство СДПД — «умеренное большинство», по выражению Энгельса [1], и в 1889 г. оппортунистам удалось изгнать из партии радикальную, революционную оппозицию (Г. Трир). СДРПШ, как и датская партия, руководствовалась Готской программой, а в 1897 г. приняла более зрелую программу, составленную А. Даниельсоном на основе Эрфуртской. Эта программа СДРПШ была социалистической, марксистской, хотя и с недостатками, присущими социал-демократии на Западе.

Ближайшие практические требования социал-демократии во всех трех странах совпадали: всеобщее избирательное право и законодательное установление 8-часового рабочего дня. Для достижения этих целей нужен был союзник, и таким союзником стали для скандинавских социал-демократов левые буржуазные партии: народная в Швеции, «чистые» венстре в Норвегии, «реформ-венстре» в Дании. Первые социал-демократы вообще проходили в скандинавские парламенты по либеральным спискам. В Дании социал-демократы попали в парламент в 1884 г., в Швеции — в 1897 г., в Норвегии — лишь в 1903 г.

На протяжении 90-х годов социал-демократия всех трех стран. особенно в Швеции и Дании, добилась крупных успехов. Росло число профсоюзов, создававшихся уже в масштабе целой страны; крепло партийное руководство ими. Число забастовок также быст-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 162; см. также с. 226.

ро росло. В Швеции, например, до середины 80-х годов забастовки были единичными, с половины 80-х годов они уже насчитывались десятками ежегодно, а с конца 90-х — сотнями. Возрастал и процент успешных забастовок. К концу XIX в. датская и шведская социал-демократии уже насчитывали по нескольку тысяч членов, а датская партия имела солидное представительство в парламенте. В 1898—1899 гг. во всех трех странах возникли общенациональные профсоюзные организации, существующие поныне.

В 90-х годах скандинавские марксисты нанесли идейное поражение анархистам, особенно сильным в шведской социал-демократии. Анархисты отстаивали тактику немедленных экспроприаций (т. е. ограблений), индивидуального террора, умаляли значение политической борьбы пролетариата. Вместе с тем на исходе века в руководстве скандинавского рабочего движения стали усиливаться соглашательские настроения. Так, сентябрьское соглашение 1899 г. между центральной организацией датских профсоюзов и объединением работодателей закрепило право рабочих на организацию и на стачку, но вместе с тем и непререкаемый авторитет фабриканта на предприятии, и свободу штрейкбрехерства. Оно вводило, далее, правила прекращения работы «для обеих сторон» и запрещало стачки и локауты без предварительного предупреждения.

Наглядный рост социалистического рабочего движения заставил власти вести политику «кнута и пряника». Так, в ответ на организацию шведской социал-демократической партии немедленно был принят так называемый закон о намордниках (1889), строго карави выступления против существующего строя. Одновременно в целях успокоения трудящихся в Швеции были приняты законы о фабричной инспекции (1889) и государственных субсидиях больничным кассам (1891). В Дании первый закон об охране труда на фабриках был издан еще в 1873 г., позже были приняты законы о пенсиях по старости для неимущих (1891) и о больничных кассах (1892), в Норвегии — о государственном страховании при несчастных случаях (1894), о запрещении детского труда до 12 лет и о фабричной инспекции.

Переход к политике нейтралитета. После датско-прусской войны для Скандинавии наступило долгое состояние мира. По австро-прусскому Пражскому мирному договору 1866 г. все три бывших датских герцогства стали владением Пруссии, которая (§ 5) обязалась провести в Северном Шлезвиге плебисцит и в случае волеизъявления жителей вернуть его Дании. Однако это обещание не было выполнено, и в 1866 г. § 5 был отменен. Датчане в Северном Шлезвиге упорно отстаивали свою национальную самобытность и приверженность к старой родине.

Надежда вернуть Северный Шлезвиг слабела с каждым годом. Очевидная невозможность военного соперничества с великими державами, экономическая ориентация северных стран и на Англию, и на Германию, постепенное усиление парламентского контроля за внешней политикой — все это поощряло скандинавские правительства к проведению политики нейтралитета. Соответствующие де-

кларации принимались в Стокгольме и Копенгагене в период дипломатических или военных конфликтов в Европе, причем условия скандинавского нейтралитета стали строже.

В 90-х годах нейтралитет не раз провозглашался высшим принципом датской внешней политики.

Однако Дании, несмотря на поддержку России, не удалось добиться гарантий своего нейтралитета от всех великих держав. Шведское же правительство не желало иностранных гарантий и по-прежнему считало нужным искать дипломатическую и иную поддержку против мнимой угрозы со стороны царской России. Правящие круги во главе с королем Оскаром II все более явно ориентировались на Германию. Кайзеровская империя стала предметом поклонения шведского двора, помещиков, офицерского корпуса, промышленников и части буржуазной интеллигенции. Рост военных приготовлений и милитаристских настроений в Швеции на рубеже XIX—XX вв. имел и антинорвежскую, и антирусскую направленность.

Хенрик Ибсен. Скульптура Густава Вигеланна

Новые явления культурной жизни: от романтизма к реализму и от него к импрессионизму и неоромантизму. 1870-е годы стали переломными не только в экономике и политике, но также в области духовной культуры скандинавских стран. Ломка патриархального, мелкобуржуазного уклада, быстрое развитие капиталистических отношений и многообразных связей с более передовыми странами стали предпосылкой для нового подъема буквально всех отраслей литературы, искусства, науки и техники.

Духовное обновление началось с литературы. Его наиболее крупными провозвестниками стали датский критик Георг Брандес (1842—1927) и плеяда норвежских драматургов и романистов во главе с Х. Ибсеном (1828—1906) и Б. Бьёрнсоном (1832—1910). Лекции Брандеса в Копенгагене — духовном центре Скандинавии того времени — по истории европейской литературы XIX в. содержали яркую проповедь идей политического свободомыслия, позитивизма, утилитаризма, критического реализма и оказывали громадное влияние на молодую интеллигенцию всей Скандинавии. Начал-

Август Стриндберг. Рисунок Карла Ларссона

ся крутой поворот скандинавских литератур от романтизма к реализму.

Литературное первенство при этом перешло к норвежцам [1].

В пьесах Ибсена теперь утвердилась злободневная социальная тематика — новое слово в мировой драматургии. Драмы его — «Столпы общества», «Кукольный дом» («Нора»), «Враг народа», «Гедда Габлер» и другие содержали ряд художественных «проб» из жизни средних слоев Норвегии в переломные годы утверждения капитализма. Ибсен поставил острые проблемы личности, семьи, общественного долга в буржуазном обществе. Другой норвежский драматург — Б. Бьёрнсон перешел теперь от идеализации патриархального крестьянства к реалистическому отображению важных сторон норвежского буржуазного общества, включая рабочее движение (пьесы «Банкротство», «Редактор», «Король», «Новая система», «Сверх наших сил»). Ряд крупных романистов создали норвежскую критически-реалистическую прозу — прежде всего А. Хьеланн (1849—1906) и Ю. Ли (1833—1908).

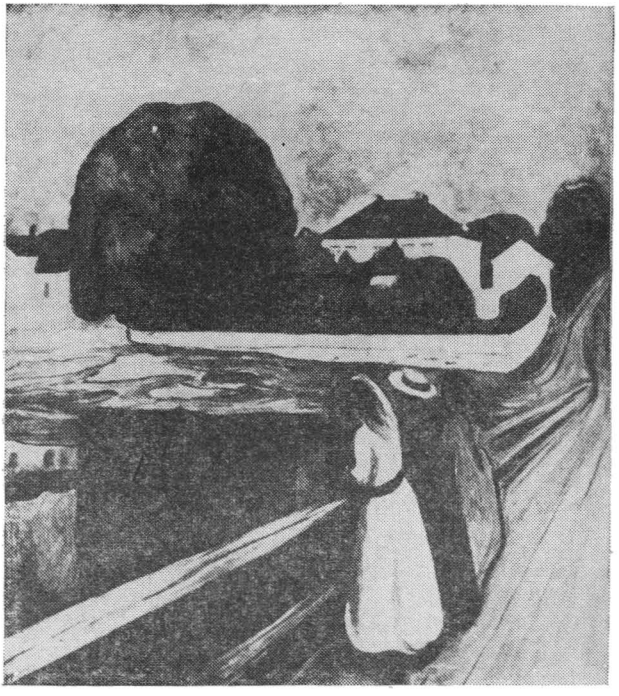
Датский критический реализм не отличался такой социальной остротой, как в Норвегии, и быстро развился в натурализм. Психологизм, пристрастие к изображению болезненных явлений, преувеличение роли наследственности, пессимизм и крайняя национальная самокритичность отличали датских писателей-натуралистов. Наиболее известны среди них Е. П. Якобсен (1847—1885) с его атеистическим романом «Нильс Люне», Х. Банг (1857—1912) и самый крупный — Х. Понтоппидан (1857—1943). Многотомные романические циклы Понто́ппидана — «Земля обетованная» (1891—1895), «Счастливчик Пер» (1898—1904) всесторонне и ярко изображали современное писателю датское общество.

В Швеции «прорыв» реализма и натурализма наступил только в 80-х годах и связан более чем в других скандинавских странах

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 351—352.

с одним именем — Августа Стриндберга (1849—1912). Этот крупнейший шведский писатель дал первые программные образцы шведской реалистической прозы (повесть «Красная комната», 1879) и драма «Фрёкен Юлия», 1888). Раннему Стриндбергу присущи интерес и сочувствие идеям социализма (сборник «Утопии действительности», 1884—1885), отчасти навеянные влиянием Чернышевского. Популярным писателем-натуралистом, хотя и уступавшим Стриндбергу, был Г. Гейерстам (1858—1908) с его новеллами 80-х годов и романом «Эрик Гране» (1885). Шведские писатели реалисты и натуралисты получили общее прозвище «восьмидесятников».

Позже, чем в литературе, уже в последней четверти XIX в., был изжит романтизм и в скандинавской живописи. Сменив Дюссельдорф, Мюнхен и Рим на Париж, северные художники возвращались оттуда во всеоружии новых приемов и требований реалистической, а затем и импрессионистской школ. Оппозиционный к Академии художеств шведский «Союз художников» (1885) включал таких замечательных мастеров, как Э. Юзефсон (1851—1906) — портретист и жанрист, К. Ларссон (1853—1919) — акварелист и монументалист, Б. Лильефорс (1860—1939) анималист и всемирно известный живописец А. Цорн (1860—1920), самый поздний и самый крупный из шведских импрессионистов. В датской живописи

Эдвард Мунк. «Девушки на мосту»

проводником французских влияний и главой нового, реалистического, а позже импрессионистского направления стал портретист и жанрист П. Кройер (1851—1909) со своими друзьями по художественной колонии в Скагене (супруги Анкер и др.). Реалистическую школу в норвежской живописи создал Кр. Крог (1852—1925), отличавшийся острым интересом к социальной тематике, к жизни низов. Импрессионистом был и другой крупнейший норвежский пленэрист конца XIX в. — Ф. Таулёв (1847—1906). Ученик Крога Э. Мунк (1863—1944) — гордость Норвегии — начал в 80-е годы с импрессионизма, а в 90-е стал художником-символистом и предшественником европейского экспрессионизма. Архитектура, в целом все еще эклектичная и малоинтересная, успешнее развивалась в Дании (М. Нюроп), скульптура — в Норвегии (Ст. Синдинг — 1846—1922).

С опозданием по сравнению с двумя другими странами, но с бóльшим всемирным резонансом зазвучала во второй половине века норвежская музыка. Главой норвежской школы стал Эдвард Григ (1843—1907). Творчество норвежских композиторов до конца XIX в. еще было проникнуто духом национального романтизма.

В 90-х годах скандинавская буржуазная интеллигенция временно повернула от утилитаризма, позитивизма, радикализма к самоуглублению в личные переживания, к воспеванию патриархальной старины, национальной самобытности, к эстетству и специфическому пессимизму «конца века». Налицо были признаки декаданса. Идейный поворот особенно отчетлив в Швеции, где буржуазия правéла всего быстрее.

Столпами шведского неоромантизма стали поэты и эссеисты В. фон Хейденстам (1859—1940) и О. Левертин (1862—1906). «Натурализму сапожников» они противопоставили «натурализм воображения», а затем символизм.

Среди собственно прозаиков виднейшим неоромантиком была С. Лагерлёф (1858—1940), прославившаяся и за пределами Швеции своим романом «Сага о Йесте Берлинге» (1891). С неоромантизмом связано и творчество поэта-лирика Г. Фрёдинга (1860—1911). К импрессионизму, символизму и даже к мистицизму перешли в конце столетия и былые корифеи шведского реализма, включая Стриндберга (трилогия «Путь в Дамаск»).

В Норвегии 90-х годов выступил молодой Кн. Гамсун (1859—1952) с импрессионистскими глубоко трагическими повестями — «Голод», «Пан», «Виктория», романом «Мистерии», полным иррационализма, и реакционной драматической трилогией «У врат царства». Тяга к символизму заметна и у позднего Ибсена.

В Дании переход к импрессионизму, декадансу или к неоромантизму можно проследить в творчестве уже названного Х. Банга («Безнадежные поколения», 1880), а также в эволюции таких прозаиков, как К. Гьеллеруп (1857—1919), или поэтов, таких, как Х. Драхман (1846—1908), в юности близкого к социалистам. В 90-е годы в Дании выросла целая плеяда поэтов-символистов.

Эдвард Мунк. Автопортрет

Их вождем был И. Ёргенсен (1866—1956) с его журналом «Башня» («Тóрнет»).

Эпоха индустриализации, урбанизации, университетских реформ сопровождалась также значительными успехами скандинавской науки и техники. Успехи эти проявились, например, в организации смелых научных, в особенности полярных экспедиций (норвежец Ф. Нансен, шведы А. Норденшельд Старший, С. Андрé, погибший при полете к Северному полюсу на воздушном шаре). В области точных наук всемирную известность получили шведы: Св. Аррениус (1859—1927) с его теорией электролитической диссоциации; в оптике прославились Ангстремы, отец и сын (ангстрем — единица длины световой волны). Шведский врач Цандер предложил систему лечебно-механической гимнастики. Успешно развивались в Швеции также минералогия, геохимия (открытие элемента «скандий» Л. Ф. Нильсоном), теория электротехники и пр.

В это время приобрели международное значение Нобелевские премии по физике, химии, физиологии или медицине, литературе,

а также за деятельность по укреплению мира (последние присуждаются Нобелевским комитетом норвежского парламента). Премии выплачиваются с 1901 г. из доходов от капитала, завещанного на эти цели знаменитым промышленником-изобретателем Альфредом Нобелем (1833—1896), запатентовавшим в свое время секрет производства нескольких взрывчатых веществ, в частности динамит. На присуждение премий по литературе и премий мира всегда влияли идейно-политические взгляды и художественные вкусы правящих кругов Скандинавии.

Важную роль в поощрении достижений естественных и точных наук сыграл так называемый Карлсбергский фонд, основанный в 1876 г. в Дании на деньги капиталиста-пивовара Я. Якобсена. Излюбленным поприщем датчан были различные отрасли биологии и медицины.

В самом конце столетия прозвучали имена представителей точных наук в Норвегии: математика С. Ли (1842—1899), одного из создателей теории непрерывных групп; зоолога Г. О. Сарса; геолога В. К. Брёггера; физиков Кр. Биркеланна и В. Бьеркнеса; химиков К. Гульдберга и П. Воге; океанографа Ю. Юрта.

Подлинный расцвет наступил в конце XIX в. и для наук гуманитарных, прежде всего для истории. Наибольшее международное признание получили скандинавские археологи (швед О. Монтелиус, датчане Е. Ворсё и С. Мюллер) и филологи (датчане — тюрколог В. Томсен и санскритолог В. Фаусбёль). В тот же период выдающиеся историки-позитивисты сильно обновили концепции исторического развития своих стран (например, Э. Сарс в Норвегии). Были начаты крупные издания источников, основаны исторические семинары, общества и журналы. Менее плодотворна работа философской мысли этого периода.

Глава XI

Скандинавские страны в период империализма (до 1917 г.)

Усиление процесса индустриализации. Рост числа и влияния монополий. В начале XX в. по уровню промышленного развития впереди по-прежнему шла Швеция, но по темпам роста на первое место вырвалась теперь Норвегия. Во всех скандинавских странах, не исключая и Швецию, относительно бóльшая часть самодеятельного населения все еще была занята в сельском и лесном хозяйстве или в рыболовстве, однако даже в Дании она уже не преобладала абсолютно. В валовом национальном продукте Швеции доля промышленности относительно преобладала над всеми остальными отраслями народного хозяйства. В Дании же по-прежнему наи-

большую часть национального продукта давало сельское хозяйство. Норвегия благодаря особенно сильно развитому рыболовству и судоходству заняла промежуточное место.

Наиболее быстро росли в начале XX в. новые, молодые отрасли промышленности — целлюлозно-бумажная (в Швеции), химическая и электрохимическая (в Норвегии), электрометаллургия черная (в Швеции), цветная (в Норвегии), гидроэнергетика (в Швеции и Норвегии). Шведы стали в 1914 г. главными экспортерами бумажной массы и целлюлозы в мире. Норвежцы сумели благодаря крайне дешевой электроэнергии наладить получение азота из воздуха и производство на базе этой «норвежской селитры» удобрений и сырья для красителей, взрывчатых веществ и пр. Параллельно создавалась норвежская электрометаллургия — производство алюминия, цинка, никеля и ферросплавов.

В 900-х годах началось в крупных масштабах промышленное использование гидроэлектроэнергии. Норвежцы и шведы стали пионерами этого дела в Европе. Гидроэлектростанция норвежской азотно-химической фирмы «Норшк Гидро» — на 30 тыс. лошадиных сил (1905) — была крупнейшей в Европе.

После 1900 г. быстро развивалось и машиностроение, в первую очередь в Швеции. В это время были основаны знаменитая шведская фирма газового оборудования (АГА), шведские фирмы по производству электросварочного оборудования, конторских машин, шарикоподшипников (СКФ — Гетеборг), велосипедов, электрооборудования («Электролюкс», Стокгольм) и пр. Об успехах датского машиностроения говорит хотя бы тот факт, что первый океанский теплоход был спущен на воду датской фирмой «Бурмейстер ог Вайн» (Копенгаген, 1912).

Наряду с этим продолжались быстрый рост старых отраслей, концентрация промышленного и в значительно меньшей степени сельскохозяйственного производства, а также банковского дела. Крупные банки в растущих масштабах финансировали и контролировали промышленность уже не только как кредиторы, но и как пайщики-акционеры. В Швеции перед войной насчитывалось 150 объединений монополистического характера. Вместе с тем образование финансового капитала шло неравномерно. В наиболее богатой и промышленно развитой из трех стран Швеции накануне войны лишь 5% крупных акционерных обществ находились в прямой зависимости от банков.

В довоенный период все три страны стали странами-должниками, однако по сравнению со Швецией экономика Дании и Норвегии куда больше зависела от иностранных рынков. «Специфической чертой датского империализа, — писал Ленин, — является... получение сверхприбыли вследствие монопольно-выгодного положения рынка молочных и мясных продуктов: сбыт самым дешевым морским путем в Лондон, самый крупный рынок мира»[1]. Характеризуя

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 194.

экономически зависимое положение Норвегии начала века, Ленин тогда же писал, что «*ни* развития вообще, *ни* роста операций финансового капитала в частности, *ни* скупки Норвегии англичанами «самоопределение» и отделение Норвегии *не остановило*!»[1].

Успехи индустриализации способствовали количественному росту промышленного пролетариата скандинавских стран, в первую очередь городского и притом занятого на крупных предприятиях. Напротив, число сельскохозяйственных рабочих теперь сокращалось из года в год абсолютно и относительно, и только в Дании продолжало медленно расти. Создание отечественной индустрии ослабило, но не остановило процесс эмиграции за океан. Так, например, число шведов-эмигрантов к началу первой мировой войны все еще составляло около 20 тыс. ежегодно.

Расторжение шведско-норвежской унии. Последняя попытка норвежцев и шведов договориться по спорным вопросам внешнеполитического представительства была сделана в 1902—1904 гг., когда заседал последний комитет по делам унии, созданный по шведской инициативе. Шведская сторона в принципе быстро согласилась на создание самостоятельной (отдельной) норвежской консульской службы. Эта уступка в сочетании с возросшими на рубеже нового века опасениями перед русской агрессией (в связи с русификацией Финляндии при Николае II) усилила и в Норвегии позицию сторонников компромисса и сохранения унии на началах равноправия.

Со времен введения всеобщего избирательного права в Норвегии программа «чистых» венстре, или просто венстре, стала более радикальной и включала обещание социальных реформ, рассчитанных на рядового избирателя. Это встретило сопротивление откловшегося правого крыла венстре, так называемых умеренных, или «свободомыслящих». На выборах 1903 г. вожди последних выдвинули идею национальной коалиции для полюбовного решения спора со Швецией. Их поддержали консерваторы —хёйре. Возникла временная группировка — «коалиционная партия», победившая на выборах, было создано коалиционное правительство Ф. Хагерупа (хёйре) с участием «свободомыслящих».

Согласно договоренности в комитете по делам унии, каждый из обоих парламентов — стортинг и риксдаг — должен был принять тождественный закон о консульской службе. Шведский текст законопроекта (1904), составленный премьер-министром Бустрёмом, предусматривал право шведского министра иностранных дел на смещение норвежских консулов. Стортинг единодушно отверг этот неравноправный пункт. В феврале 1905 г. шведско-норвежские переговоры были прерваны, и в обеих столицах произошла смена кабинетов.

Новый норвежский премьер — «свободомыслящий» Микельсен, крупный судовладелец, включил в свое правительство представителей всех трех буржуазных партий страны. Решено было немедленно принять закон о консульской службе и после вероятного королев-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 106.

ского вето расторгнуть унию. Компромиссные предложения Стокгольма уже не обсуждались, и в мае 1905 г. закон о консулах был принят стортингом единогласно. Последовали вето Оскара II и отставка правительства Микельсена. Король не принял отставки, признав тем самым свою неспособность назначить другое норвежское правительство и, следовательно, выполнять обязанности главы Норвежского государства. Стортинг ловко использовал сложившуюся ситуацию как конституционное основание для того, чтобы расторгнуть унию. 7 июня 1905 г. единогласно была принята резолюция о расторжении унии и о продлении полномочий правительства Микельсена. Одновременно стортинг просил Оскара II разрешить одному из шведских принцев занять норвежский престол. Норвегия ликовала. Ленин позднее охарактеризовал эти события как норвежскую революцию 1905 г.[1].

Кристиан Микельсен (1857—1925)

Шведский риксдаг на своей чрезвычайной сессии потребовал от Норвегии, чтобы решение стортинга было подтверждено плебисцитом, после чего условия расторжения унии должны были стать предметом особых шведско-норвежских переговоров. Одновременно риксдаг ассигновал крупную сумму на «непредвиденные расходы», что было косвенной угрозой применить силу. Норвежское правительство приняло предложенный шведами порядок действий. В августе 1905 г. народный референдум в Норвегии одобрил разрыв унии (только 184 человека голосовали против).

В сентябре 1905 г. в шведском городке Карлстаде лишь с трудом и не без примиряющего вмешательства великих держав было достигнуто соглашение об условиях мирного расторжения унии (Карлстадская конвенция от 23 сентября 1905 г.). Норвежцы приняли почти все шведские требования, начиная с главного — срыть вновь возведенные ими крепости вдоль шведской границы.

В связи с отказом шведских Бернадотов занять норвежский престол он был предложен Карлу Датскому, который потребовал

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 389—390.

всенародного одобрения своей кандидатуры; проведенный в ноябре 1905 г. плебисцит обнаружил преобладание монархических настроений в Норвегии (260 тыс. против 70 тыс.). 18 ноября датский принц под именем Хокона VII был избран на норвежский престол. Норвегия стала наконец независимым государством. «Отделение в обстановке политической свободы и демократизма», — писал впоследствии о расторжении унии В. И. Ленин[1].

Мирному расторжению унии помогло энергичное выступление шведского рабочего класса, возглавляемого социал-демократами, в защиту прав норвежского народа, против насильственного продления унии. В свою очередь, подъем рабочего и демократического движения в Швеции был в известной степени отзвуком первой русской революции.

Правительство венстре в Дании и демократические реформы 900-х годов. Первым премьером правительства датских венстре, или реформ-венстре, пришедших к власти после 30 лет борьбы, стал И. Дойнцер, член правления Восточноазиатской компании, лично близкий к королю. Однако самым влиятельным членом его кабинета был лидер венстре Е. К. Кристенсен (1856—1930). В качестве министра сельского хозяйства в правительство впервые вошел и крестьянин, конечно зажиточный. Выполнению большой программы демократических реформ мешало консервативное большинство в ландстинге (верхней палате). Пришлось поэтому ограничиться налоговой реформой (отмена старинных поземельных налогов, в том числе десятины) и школьной реформой, вводившей четырехлетнюю среднюю школу как связующее звено между народной школой и гимназией. В 1904 г. была значительно расширена автономия Исландии (предоставлена в 1874 г.). Было немного улучшено положение хусменов и батраков.

Правительство, однако, не выполнило традиционный пункт программы венстре о сокращении военных расходов. Больше того, когда Кристенсен сам стал во главе правительства (1905), он заявил о предстоящем увеличении военных расходов. Наряду с внешнеполитическими соображениями (рост военной опасности) в этом сказалось поправение разбогатевшей сельской буржуазии — превращение ее в господствующий класс страны.

Радикальное антимилитаристское крыло венстре возражало Кристенсену и за свой «мятеж» было исключено из партии. Так, в 1905 г. образовалась новая партия радикальных венстре с опорой на мелкое крестьянство (хусменов) и на городскую интеллигенцию и мелкую буржуазию, в особенности столичную. Главными пунктами программы радикалов — краткое название новой партии — были сведение датских вооруженных сил к полицейской страже, охраняющей нейтралитет страны, т. е. разоружение, расширение социального законодательства, демократическая налоговая и земельная политика. Естественными союзниками радикалов стали социал-демократы.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 291.

Оппозиция требовала продолжения реформ, что правительство Кристенсена (1905—1909) и делало, одновременно наращивая при поддержке консерваторов военный потенциал страны. Важнейшей из новых реформ были ликвидация неравенства на низовых коммунальных выборах и предоставление избирательного права на этих выборах батракам и женщинам (1908).

Е. К. Кристенсен пользовался в стране большим авторитетом как выдающийся политик. Однако, став правящей партией, венстре не избежали коррупции. Видный соратник Кристенсена — министр юстиции П. Альберти в течение многих лет тратил общественные средства на спекуляции и дошел до подделки счетов. В 1908 г. он вынужден был признаться в своем преступлении, что повлекло за собой отставку кабинета и навсегда ослабило личный престиж Кристенсена. Венстре, однако, остались у власти.

Парламентские выборы 1909 г. показали падение популярности венстре в пользу их соперников справа (консерваторы) и особенно слева (радикалы). Правящая партия лишилась своего многолетнего большинства в фолькетинге. Это заставило лидеров венстре вспомнить о своем старом программном требовании — демократической избирательной реформе в духе июньской конституции 1849 г.

Внесенное в 1912 г. предложение венстре о пересмотре конституции (всеобщее и равное избирательное право в обе палаты, т. е. отмена привилегий на выборах ландстинга) было энергично поддержано радикалами и социал-демократами, но дважды провалено консервативным ландстингом — до и после парламентских выборов 1913 г. На этих выборах радикалы и их союзники социал-демократы впервые овладели большинством мест в фолькетинге. Радикальное правительство юриста К. Цале (1913—1920) опиралось на прочную поддержку социал-демократов и, стремясь сломить сопротивление консерваторов пересмотру конституции, распустило верхнюю палату. В результате новых выборов в ландстинг (лето 1914 г.) консерваторы, наконец, лишились большинства в этой своей цитадели. Путь к избирательной реформе был открыт.

Политическая борьба в независимой Норвегии. Вопрос о концессиях. Исторические события 1905 г. лишь временно сплотили норвежские буржуазные партии. Хотя «коалиционная» группировка, сложившаяся в 1903 г., теперь исчезла, сотрудничество хёйре и правого крыла венстре в первые годы независимости продолжалось. В стране тем временем произошел сдвиг влево. На выборах 1906 г. социал-демократы удвоили число своих мандатов (с 5 до 10), а фракция победителей — венстре — в большинстве своем оказалась радикальной. Правительственный блок умеренных венстре (премьер до 1908 г. — Микельсен, затем Левланн) и консерваторов подвергался все большей критике слева по вопросам экономической и социальной политики.

Главным из спорных вопросов был вопрос о концессиях. Норвегия как раз в 900-е годы (о чем уже говорилось) переживала бурный процесс индустриализации. Особенно быстро шло строительст-

во гидроэлектростанций, осуществлявшееся главным образом иностранными компаниями. Иностранные и местные капиталисты скупали водопады — источники энергии. Растущий контроль частного и в особенности иностранного — английского, шведского, немецкого — капитала над естественными богатствами страны мало волновал норвежскую крупную буржуазию и коалиционное правительство. Однако средние слои, не участвовавшие в этой предпринимательской горячке, были обеспокоены происходящим.

В 1906 г. под давлением оппозиции был принят временный закон о концессиях для иностранцев на строительство крупных плотин — «панический закон». Фактически это преграждало путь иностранному капиталу к сооружению электростанций. Разработка нового концессионного законодательства велась несколько лет в обстановке острой политической борьбы. Радикальное левое крыло партии венстре при поддержке социалистов (НРП) требовало государственного вмешательства и жесткого контроля за отчуждением водопадов, рудников, лесных участков. Правое крыло венстре склонялось лишь к ограниченному вмешательству, направленному против иностранного капитала, но не стеснявшему отечественных предпринимателей.

В 1908 г. норвежские венстре вторично формально раскололись на радикальное большинство во главе с Г. Кнудсеном и Ю. Кастбергом — республиканцами 1905 г. — и умеренное меньшинство во главе с Микельсеном. Последние образовали отдельную партию «свободомыслящих» и сотрудничали с хёйре.

Свалив коалиционный кабинет Левланна при поддержке социал-демократов, радикальные венстре пришли в 1908 г. к власти (правительство промышленника Г. Кнудсена, лидера партии). В следующем году скудным большинством был принят ряд радикальных законов о концессиях. Законы распространили самый принцип правительственного согласия (концессии) на приобретение водопадов и рудников, а отчасти и лесов частными лицами. Концессии были сделаны срочными (60—80 лет), и государство оставило за собой право безвозмездного возврата всех сооружений по истечении этого срока. Это жесткое условие распространялось и на иностранных, и на отечественных концессионеров.

Законы 1909 г. стали предметом резких нападок хёйре и «свободомыслящих», обвинявших правительство в нарушении «священного» принципа частной собственности. На выборах 1909 г. они имели успех и образовали коалиционные кабинеты, которые находились у власти до 1913 г. Однако консерваторы так и не успели пересмотреть ненавистный им закон о безвозмездном возврате. На очередных выборах (1912) хёйре и «свободомыслящие» потерпели сильнейшее поражение — 24 мандата вместо 63 (из 123). Столь сильный скачок объяснялся мажоритарной избирательной системой Норвегии. Второе правительство венстре (того же Г. Кнудсена) оказалось самым устойчивым из всех кабинетов с 1884 г. и находилось у власти до 1920 г. В 1909 г. Норвегия первой среди скандинавских стран ввела обязательное страхование по болезни для лиц с низ-

кими доходами. В 1913 г. норвежские женщины получили право выбирать в парламент.

Образование Объединенной либеральной партии в Швеции и новая избирательная реформа 1907—1909 гг. Главным вопросом внутриполитической жизни Швеции к началу 900-х годов была избирательная реформа. Достаточно сказать, что еще в 1905 г. только 8% населения Швеции имели активное избирательное право для выборов второй палаты риксдага. Борьба за новую избирательную реформу вызвала в 1900 г. к жизни Объединенную либеральную партию, возникшую из старой народной партии. Либералов поддерживали внецерковные христианские организации (баптисты, методисты, армия спасения) и влиятельные в тогдашней Швеции общества трезвости. Вождем новой партии в начале 900-х годов стал популярный стокгольмский адвокат Карл Стааф — депутат второй палаты.

Новые либералы в отличие от своих предшественников времен промышленного переворота были партией средней и мелкой буржуазии. Они стремились также привлечь на свою сторону шведских рабочих. Главным пунктом программы новых либералов было всеобщее избирательное право, пока только во вторую палату, для мужчин, и с определенными «гарантиями», отстраняющими самую неимущую часть населения. Новая либеральная партия выступала и за большее равенство избирателей на коммунальных выборах. Кроме того, либералы обещали ввести социальное страхование и фабричное законодательство.

В 1901 г. либералы и либерально настроенная часть крестьянских депутатов[1] согласились на увеличение сроков воинской повинности до 8—10 месяцев. Одновременно уничтожалась архаическая военно-поселенная система — остаток сословного неравноправия крестьян — и вслед за тем вводился прогрессивный подоходный налог. Взамен как «цену» военной реформы от правительства ждали избирательную реформу (лозунг «Один человек, одна винтовка, один голос»).

Социал-демократия сделала вопрос о всеобщем избирательном праве главным пунктом своей политической программы. В мае 1902 г. она организовала крупнейшее из всех, которые до тех пор имели место в Швеции, внепарламентское мероприятие политического характера, а именно — всеобщую стачку с участием 120 тыс. человек. Стачка была приурочена к обсуждению риксдагом куцего правительственного проекта избирательной реформы. В значительной мере под впечатлением стачки большинство депутатов второй палаты отвергло этот проект; палата приняла специальную резолюцию о желательности всеобщего избирательного права для мужчин. На сентябрьских выборах 1902 г. либералы впервые получили относительное большинство во второй палате.

Летом 1905 г. в связи с расторжением унии впервые произошла полная смена шведского кабинета по воле риксдага. В новом коа-

[1] Партия сельских хозяев воссоединилась в 1895 г.

лиционном кабинете консервативного промышленника Кр. Лундеберга впервые участвовали либерал Стааф (министр без портфеля) и богатый крестьянин А. Петерссон на посту министра земледелия. С осени 1905 г. на Швецию все сильнее стали влиять успехи революции в России и в Финляндии. После вторичной победы либералов на выборах во вторую палату осенью 1905 г. регент кронпринц Густав поручил Стаафу сформировать правительство. В Швеции впервые восторжествовал принцип ответственности правительства перед парламентом, но, как увидим, еще непрочно.

Именно в 1905—1906 г. социал-демократы и анархисты («младосоциалисты») развернули широкую антимилитаристскую агитацию во флоте и в армии против использования силы для нажима на Норвегию. Первое либеральное правительство «прославило» себя суровым законом против антивоенной агитации и «призывов к мятежу» («законы Стаафа» 1906 г.). Стааф «утешал» общественное мнение тем, что консерваторы взамен поддержат его проект избирательной реформы. Но проект реформы был провален первой палатой, после чего либералы ушли в отставку (1906).

После отставки Стаафа правительство сформировал адмирал запаса Линдман, чиновник и предприниматель. Он выставил лозунг возрождения королевской власти и религии и обещал бороться против «главного врага» — социал-демократии. Основным оплотом Линдмана была первая палата риксдага. Тем не менее даже консерваторы поняли неизбежность избирательной реформы.

Новая (вторая) избирательная реформа была проведена в 1907 г. и вошла в силу в 1909 г. В основе ее лежал старый проект Стаафа — после русской революции 1905 г. внутриполитические программы обеих буржуазных партий временно сблизились. Отныне активное избирательное право во вторую палату в принципе предоставлялось всем мужчинам. При этом, однако, был повышен возрастной ценз избирателей (с 21 года до 24 лет) и введен ряд условий для участия в выборах, или «гарантий»: уплата государственного и коммунального налогов, чем отстранялись беднейшие элементы общества; ценз оседлости, чем устранялись многие сельскохозяйственные рабочие, и пр.

Вместо прежней мажоритарной системы вводился принцип пропорционализма на выборах в обе палаты риксдага, в областные ландстинги и в собрания уполномоченных крупных городов. Неравенство на выборах коммунальных органов было теперь уменьшено: даже самые состоятельные избиратели имели не больше... 40 голосов каждый. Тем самым несколько ослаблялось неравенство и при двухстепенных выборах первой палаты. Кроме того, был снижен имущественный ценз для избрания в первую палату, что, однако, не изменило ее буржуазно-помещичьего состава.

Дальнейший рост социалистического рабочего движения. Оппортунистическое руководство и революционная оппозиция. Продолжение индустриализации, высокая в целом экономическая конъюнктура, мощный революционный взрыв в России 1905—1907 гг.— все это благоприятствовало дальнейшему подъему рабочего движе-

ния во всех скандинавских странах. Социал-демократические партии повсеместно стали массовыми, даже в мелкобуржуазной Норвегии (1900 г. — 12 тыс. человек, 1910 г. — 57 тыс.). В соответствующих парламентах они занимали перед войной по нескольку десятков мест [1] и выступали каждая как одна из ведущих политических сил своих стран. Социал-демократы прочно контролировали общенациональные объединения профсоюзов во всех трех странах. Перед войной профсоюзы уже охватывали большинство промышленных рабочих и растущую, хотя еще и малую, долю рабочих в сельском и лесном хозяйстве. Профсоюзы начали превращаться из чисто профессиональных в отраслевые, производственные. Они располагали немалыми денежными средствами. Фабриканты вынуждены были повсеместно признать право профсоюзов выступать от имени трудящихся: коллективные договоры практиковались все чаще, причем уже в масштабе целых отраслей производства.

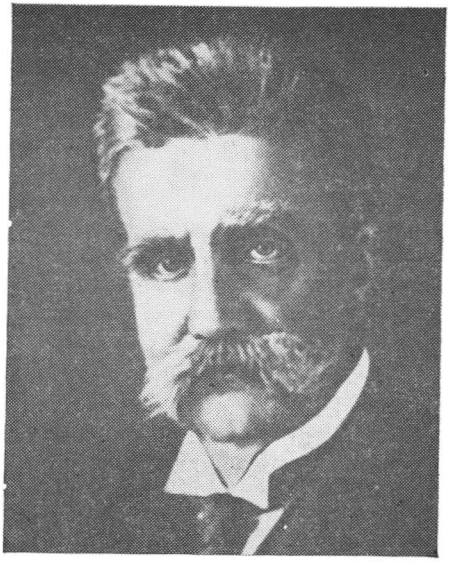
В 900-е годы классовая борьба заметно обострилась: всеобщая политическая забастовка 1902 г. в Швеции, стачка шведских машиностроителей в 1905 г., массовый локаут и новая всеобщая забастовка в Швеции 1909 г. с 300 тыс. участников, названная Лениным «одной из величайших всеобщих стачек последнего времени» [2], стачечная борьба и массовые локауты 1911 г. в Дании и Норвегии. Молодой норвежский рабочий класс только в 900-х годах научился стачечной борьбе в крупном масштабе.

Усиление в целом рабочего движения, несмотря на отдельные тяжелые поражения (в течение 1909—1911 гг.), заставило предпринимателей пойти на некоторое повышение реальной заработной платы в предвоенные годы, сокращение рабочего дня до 9—10 часов, дальнейшую разработку социального законодательства, начатую еще в конце XIX в. Из отдельных социальных мероприятий отметим: законы об охране труда, государственные пособия больничным кассам и биржам труда, зачатки обязательного страхования по болезни (в Норвегии 1909 г.— для низкооплачиваемых), пенсии по старости (в Швеции 1913 г.— на страховой основе), третейский суд по вопросам нарушения коллективных договоров (по так называемым правовым конфликтам — Дания 1900 г.), государственное посредничество при трудовых конфликтах (не обязательное для конфликтующих — Швеция 1906 г., Дания 1910 г.), наконец, меры по защите крестьян от промышленных компаний: шведский закон 1906 г. о запрете компаниям скупать лес на севере, норвежский закон 1909 г. о концессиях, помощь государства в наделении сельской бедноты землей (Дания 1899 и 1903 гг., Швеция 1904 г.).

Теневой стороной достигнутых успехов было усиление оппортунизма в руководстве рабочих партий и профсоюзов. Социалистическая идеология продолжала распространяться среди рабочих; партийные программы сохраняли свой марксистский характер; на

[1] В Швеции (вторая палата) — $^1/_3$, в Дании (фолькетинг) — свыше $^1/_4$, в Норвегии — $^1/_5$ мандатов.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 185.

Яльмар Брантинг (1860—1925)

съездах II Интернационала скандинавы отмежевывались от явных ревизионистов. Однако практически все свое внимание рабочие вожди уделяли ближайшим целям движения, главное средство борьбы видели в парламенте, охотно (особенно в Дании) шли на сотрудничество с левобуржуазными партиями, нередко срывали крупные стачечные выступления, особенно после 1905 г. Так, руководство СДРПШ не допустило всеобщей политической стачки в 1907 г. в связи с избирательной реформой; руководство ЦОПШ способствовало прекращению и провалу забастовки 1909 г. Опыт первой русской революции отвергался ими, как якобы непригодный для цивилизованной Скандинавии.

Социальной опорой реформизма были, с одной стороны, мелкобуржуазные элементы в рабочем классе, особенно в Дании с ее по преимуществу небольшими промышленными предприятиями, с другой — квалифицированные, высокооплачиваемые отряды промышленного пролетариата: литейщики, пивовары, рабочие типографий и табачных фабрик. В наиболее развитой и монополизированной шведской промышленности всего заметнее было образование слоя «рабочей аристократии». С ростом партийно-профсоюзного аппарата сложились и кадры склонной к оппортунизму «рабочей бюрократии».

Наиболее безраздельно оппортунистическое перерождение захватило руководство датской рабочей партии (Ф. Боргбьерг) и профсоюзов (Е. Енсен), издавна пренебрегавшее марксистской теорией. На реформистский путь фактически сошли и шведские лидеры: Я. Брантинг в партии, Г. Линдквист в профсоюзах. Руководство наиболее слабой норвежской рабочей партии на рубеже XIX—XX вв. вообще состояло из оппортунистов (адвокат А. Мейер, пастор А. Эриксен), открыто чуждых марксизму и шедших на поводу у венстре. После разрыва унии левая оппозиция на съезде 1906 г. добилась смены руководства НРП на действительно социалистическое (Кр. Х. Кнудсен, К. Еппесен). Новое руководство в дальнейшем стало также склоняться к оппортунизму.

Оппортунизм вождей наталкивался на растущее сопротивление радикальных, революционных сил скандинавского рабочего движения. Силы эти были в основном двоякого происхождения: моло-

дежные организации социал-демократов, критиковавшие партийное руководство, и так называемая профсоюзная оппозиция, враждебная оппортунизму профсоюзных лидеров. На первых порах критика руководства часто еще носила анархистский характер. Но в 1905—1907 гг. в Швеции возникла на базе социал-демократического союза молодежи (1903) действительно революционная группировка. Шведский союз как самый сильный среди социал-демократических молодежных организаций II Интернационала (15 тыс. членов в 1907 г.) активно участвовал в учреждении и работе Интернационала социалистической молодежи (с 1907 г.) [1]. Социал-демократические союзы молодежи в Норвегии (1903), в Дании (1904) свою особую задачу видели в антивоенной пропаганде среди солдат. Они разоблачили «желтую опасность» оппортунизма в своих партиях, требовали отказа от блоков с либералами, решительной борьбы против растущего милитаризма и за новые демократические реформы. Вожди союзов молодежи быстро снискали широкую популярность в своих партиях (Ц. Хёглунд и Ф. Стрём в Швеции, К. Грепп и У. Шефло в Норвегии, Э. Кристиансен в Дании) и к началу войны входили в состав их руководства (кроме Дании). Однако на организационный разрыв с оппортунистами левые не решались.

Оппозицию в профсоюзах породили тормозящие действия профруководства во время проигранных трудовых конфликтов 1909—1911 гг., а также влияние международного анархо-синдикализма. Синдикалисты (профоппозиция) появились во всех скандинавских странах, но наибольшее влияние получили в Норвегии. Они требовали отказа от коллективных договоров и применения исключительно боевых средств борьбы — забастовок, обструкций, бойкота, саботажа; «социальной» всеобщей стачки как средства свержения капитализма; создания производственных профсоюзов. К политической борьбе, особенно парламентской, синдикалисты относились скептически. Наиболее известным в Скандинавии синдикалистом стал норвежский рабочий-маляр М. Транмель (1879—1967).

Углубление межимпериалистических противоречий. Шведский милитаризм и «крестьянский поход» 1914 г. С наступлением эпохи империализма все три скандинавских государства усилили свои оборонительные приготовления. Вместе с тем они активно участвовали в кодификации международного права и особенно ратовали на конференциях в Гааге (1899; 1907) за третейское разбирательство международных конфликтов и уточнение прав и обязанностей нейтральных стран. Однако международная обстановка продолжала ухудшаться. В известной мере этим ухудшением воспользовалась Норвегия в 1905 г., когда единственный возможный союзник Швеции из числа великих держав — кайзеровская Германия — был поглощен марокканским кризисом. После расторжения унии великие державы по просьбе Норвегии гарантировали ее территориальную неприкосновенность Христианийским договором 1907 г., заме-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 115—116.

нившим собой для Норвегии Ноябрьский гарантийный трактат 1855 г. Главным из гарантов, естественно, стала Англия благодаря своему господству на море и наиболее тесным экономическим связям с Норвегией.

Правительство датских венстре, опасаясь повторения катастроф 1801 и 1807 гг. в случае новой европейской войны и желая путем сближения с Германией добиться пересмотра судьбы Северного Шлезвига, согласилось на секретные переговоры в Берлине о заключении военной конвенции с Германией. Та со своей стороны решила «приручить» Данию смягчением шовинистической политики в Северном Шлезвиге. В 1907 г. была заключена датско-германская конвенция о предоставлении германского гражданства 5 тыс. еще оставшихся «оптантов» и их детям (жителям Шлезвига, имевшим датское гражданство). Датское правительство со своей стороны обещало Германии сохранять благожелательный нейтралитет в будущей европейской войне, а в случае невозможности его сохранения — вступить в союз с немцами. До подписания военной конвенции дело, однако, не дошло.

В Швеции высшие военные и придворные круги при новом короле Густаве V (1907—1950) склонялись к дальнейшему сближению с Германией и одновременно добивались усиления военных приготовлений. В 1910 г. были выделены средства на строительство первого шведского броненосца крупных размеров. К началу 1910-х годов военный вопрос приобрел в Швеции крайнюю остроту. На первых всеобщих выборах во вторую палату 1911 г. либералы обещали снизить военные расходы. Выборы принесли успех левым партиям; 29 мандатов перешло от правых к социал-демократам. Новый премьер — либерал Стааф отложил строительство броненосца. Консерваторы демонстративно собирали деньги на этот броненосец (1912) и развернули в стране бешеную милитаристскую агитацию, распространяя слухи о мнимых русских планах нападения на Швецию. В частности, русские точильщики, приходившие на заработки в Северную Швецию, бездоказательно выдавались за шпионов. Тем не менее либеральное правительство прервало секретные военные переговоры с Германией, начатые при Линдмане; состоялась демонстративная встреча глав правительств Швеции и России в финских шхерах (1912); совместные правила нейтралитета, принятые тремя скандинавскими государствами в 1912 г., подтвердили их миролюбивые намерения.

В 1913 г. по всей стране начался провокационный сбор подписей под петицией к правительству о необходимости «любых жертв» во имя обороноспособности Швеции. 6 февраля 1914 г. 30 тыс. человек — преимущественно богатых крестьян — собрались перед королевским дворцом в Стокгольме, дабы вручить петицию своему вдохновителю — Густаву V. За спиной «крестьянского похода» стояли вожди консерваторов. Милитаристская речь короля с балкона дворца фактически дезавуировала точку зрения Стаафа.

Рабочие Стокгольма ответили шведским черносотенцам массовой демонстрацией (50 тыс. человек) и вручением адреса Стаафу

в защиту демократии. Стааф потребовал от короля впредь согласовывать с ним свои политические выступления. Тот отказался, и либеральное правительство ушло в отставку. Шведский парламентаризм вновь, как и в 1906 г., обнаружил свою непрочность. Новый фактически консервативный кабинет Я. Хаммаршельда (1914—1917) начал свою деятельность с роспуска второй палаты. Внеочередные выборы происходили весной 1914 г. в обстановке невиданного обострения политических страстей. Стааф подвергся форменной травле (анонимные письма, телеграммы, телефонные звонки). В итоге либералы проиграли кампанию: на первое место вышли их противники — консерваторы; социал-демократы также получили новые мандаты.

Не располагая абсолютным большинством в риксдаге, Хаммаршельд все же оставался у власти и подготовил новый проект крупной военной реформы. Принятию ее осенью 1914 г. способствовало начало первой мировой войны.

Скандинавский нейтралитет во время первой мировой войны. Военно-хозяйственный бум 1914—1916 гг. В начале мировой войны все три скандинавских государства заявили о своем полном нейтралитете. При общей генеральной линии позиции каждой из трех стран не были одинаковыми. Шведский нейтралитет был преднамеренно благожелательным к Германии, датский также, хотя и поневоле: датчанам пришлось по требованию немцев минировать свои проливы. Норвегия по традиции ориентировалась на Великобританию. Все три страны немедленно провели частичную мобилизацию.

Условия военного времени, в особенности война и блокада на море, потребовали от скандинавских правительств немедленного вмешательства в экономическую жизнь. Началось государственное регулирование капиталистического хозяйства путем экспортных лицензий, контроля за ценами, с помощью закупок и распределения дефицитного сырья, а в конце войны — также путем регламентации сельскохозяйственного производства и рационирования потребления.

В первые два года войны скандинавские страны были буквально завалены заказами воюющих стран. Они расширили производство, погасили задолженность по иностранным займам и накопили крупные золотые запасы (в Швеции одно время был даже запрещен размен золота на банкноты по паритету). Только в 1916 г. было учреждено 935 шведских акционерных обществ, а в довоенном 1912 году, при высокой конъюнктуре,— лишь 560. Дивиденды датской «Восточноазиатской компании» (так называемой ОК) достигли в 1916 г. 30%. Скандинавские капиталисты наживались не только на экспорте и фрахте, но также на транзитной торговле — реэкспорте. Все это позволило до конца 1916 г. поддерживать уровень жизни, близкий к мирному: рост цен обгонял общее повышение заработной платы, но не слишком сильно. Всего легче жилось датчанам, всего труднее — норвежцам, наиболее зависимым от подвоза продовольствия извне.

Датские политические партии пришли теперь к соглашению о демократическом пересмотре конституции 1866 г. Новый основной закон от 5 июня 1915 г. упразднил неравенство при выборах ландстинга (верхней палаты), распространил избирательное право выборов в обе палаты на женщин и на прислугу и понизил возрастной ценз на выборах фолькетинга с 30 до 25 лет. Однако инициаторы пересмотра — радикалы — пошли на уступки консерваторам: возрастной ценз на выборах в ландстинг был повышен (до 35 лет), особый (косвенный и постепенный) порядок его избрания гарантировал медленность его партийного обновления. Новая конституция вступила в силу только после войны.

В Норвегии в разгар войны (1915) были проведены первые выборы в стортинг с участием женщин и коммунальные выборы. Выборы показали рост влияния социал-демократов, которые по числу голосов почти догнали партию венстре, но при мажоритарной системе получили только 19 мандатов (из 123).

Шведов в этот период не меньше волновала внешнеполитическая проблема — угроза вовлечения страны в войну на стороне Германии, в пользу чего с большим шумом выступали шведские «активисты» из ультраконсервативных кругов (см. ниже). За 1914—1916 гг. вырос товарооборот нейтральной Скандинавии и с Германией, и с Англией, причем преобладать стал импорт из Англии и стран Западного полушария и экспорт (и реэкспорт) в Германию. Швеция оказалась основным невоюющим поставщиком промышленного сырья для кайзеровского рейха, тогда как датчане кормили немцев, а норвежцы поставляли им руду и рыбу. Скандинавия (вместе с Нидерландами) стала главной брешью в британском кольце блокады Германии.

В этих условиях основной нажим на скандинавов исходил от Англии, хотя нейтральные суда с самого начала войны больше всего гибли от немецких подводных лодок и минных полей, блокировавших побережье стран Антанты. Британские блокадные ведомства начали с борьбы против провоза контрабанды на скандинавских судах, включив в контрабанду любой реэкспорт в страны противного лагеря. Постепенно решив эту задачу, невзирая на протесты нейтралов, англичане стали бороться уже с экспортом собственно скандинавских товаров в Германию.

От Норвегии англичане добились права преимущественной покупки ряда норвежских товаров (рыбы), ранее шедших в Германию, либо полного запрета их продажи немцам (медная руда). Норвежский нейтралитет постепенно принял проанглийский характер. Напротив, Швеция энергично сопротивлялась нажиму Антанты и в 1915 г. даже запретила транзит английских военных материалов в Россию по своим железным дорогам. Дания заняла среднее положение между этими крайностями.

В результате во второй половине 1916 г. резко обострились отношения Норвегии с Германией и Швеции с Англией. Немецкие подводные лодки стали топить норвежские суда уже в норвежских водах, тогда как Швеция была фактически блокирована союзника-

ми с запада и лишилась подвоза через Гетеборг нефти, угля, кормов. Дело едва не дошло в конце 1916 г. до войны Норвегии с Германией и до разрыва Швеции с Англией.

В 1915 г. в пору своих крупных побед на Восточном фронте Германия несколько раз неофициально предлагала Швеции союз против России. Немцы сулили шведам Аланды, образование буферного государства в Финляндии и пр. Однако воинствующие и влиятельные «активисты» были слишком малочисленны, а господствующий класс в целом кровно заинтересован в нейтралитете. Шведская дипломатия пыталась дипломатическим путем удержать Англию, Италию и Румынию от выступления против Германии, искала пути к мирному посредничеству в Петрограде и Риме; шведский флот конвоировал немецкие суда в своих водах и минировал шведскую сторону Зунда в 1916 г.

Особому внешнеполитическому нажиму подверглась Дания со стороны нейтральных США. Американцы добились от датского правительства согласия на продажу им датских вест-индских (Виргинских) островов. Отдаленная колония приносила дефицит и после референдума (в Дании, а не в колонии) была передана Соединенным Штатам в 1917 г.[1] Швеция таким же образом ликвидировала свои мелкие колонии еще в XIX в.

Резкий поворот к худшему в положении скандинавских государств произошел на рубеже 1916—1917 гг. Страны Антанты в порядке нажима на скандинавов прекратили поставки угля в Швецию и сократили их в Норвегию. В начале 1917 г. немцы объявили неограниченную подводную войну, а весной на стороне Антанты выступило последнее крупное нейтральное государство — США. Торговля скандинавов с Западной Европой и заокеанскими странами временно прекратилась. Экономический бум сменился застоем и затовариванием. Инфляция, безработица, недоедание, черный рынок быстро ухудшили положение масс, грозили революционными потрясениями и требовали от власть имущих новых внешнеполитических решений.

Война на море и новое соотношение сил диктовали скандинавам необходимость экономических уступок Антанте. Весной — летом 1917 г. все три государства подписали однотипные соглашения; дальше всего пошла навстречу Антанте Норвегия, которая втайне согласилась передать свой тоннаж союзникам для обслуживания сравнительно безопасных линий на условиях фрахта или реквизиции. Взамен норвежцы обеспечили себя английским углем. Датчане, вступив в соглашение с Антантой, компенсировали немцев кредитами.

Весной — летом 1917 г. скандинавские, особенно датские, социал-демократы вновь поддержали германскую мирную инициативу, замаскированную на этот раз в форме созыва конференции социалистов воюющих стран; однако стокгольмская «мирная конференция» так и не состоялась. Разоблачение незаконных действий гер-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 194.

манских дипломатов (дело Люксбурга в Швеции, дело Раутенфельса в Норвегии) летом 1917 г. способствовало дальнейшему охлаждению отношений с Германией. С приходом к власти шведского либерального кабинета осенью 1917 г. прогерманская ориентация Швеции уменьшилась.

Скандинавские государства официально не признали новое, Советское правительство в России, но поддерживали с ним фактические отношения до конца 1918 г. В этом первый период существования Советского государства Швеция и остальные скандинавские страны были его важными торговыми партнерами (советско-шведское торговое соглашение заключено уже в июне 1918 г.).

В течение последнего военного года все скандинавские государства почти открыто приспосабливали свой нейтралитет к интересам Антанты, ориентируясь в особенности на США. Торговля с Германией неуклонно сокращалась. Весной 1918 г. Швеция и Норвегия заключили новые соглашения с Антантой. Шведам, например, гарантировалось поступление с Запада продовольствия, нефти, каучука и пр. взамен согласия на фрахт союзниками 400 тыс. т шведского тоннажа для использования даже в зоне военных действий; экспорт шведской руды и целлюлозы в Германию был ограничен. Последней заключила аналогичное соглашение с американцами Дания (сентябрь 1918 г.). Заключительным просоюзническим актом Норвегии было минирование норвежских вод «впритык» к минному заграждению Антанты в Северном море (октябрь 1918 г.).

Часть III

Новейшее время

Глава XII

Годы революционного подъема и демократических реформ

Массовое движение 1917—1918 гг. и образование левосоциалистических партий. Война и блокада неизбежно ухудшали снабжение. Цены, хотя и медленно, ползли вверх. Даже в самой благополучной Дании реальная заработная плата неуклонно падала. На минах и торпедах гибли моряки. Между тем промышленники и спекулянты «гуляш-бароны» сказочно обогащались на военной конъюнктуре. Власти неизменно брали сторону фабрикантов в трудовых конфликтах. В Норвегии даже был принят временный закон о принудительном государственном арбитраже в подобных случаях (1916).

Хотя в массах накапливалось недовольство и возмущение, руководство социал-демократических партий и профсоюзов отражало интересы преимущественно верхушки рабочего класса, получавшей часть плодов от капиталистического «процветания», и сохраняло верность «гражданскому миру».

Популярная у масс политика нейтралитета облегчала скандинавским оппортунистам поддержку своих буржуазных правительств. Социал-демократы голосовали за военные кредиты. Профсоюзное руководство, по существу, срывало борьбу трудящихся за пересмотр довоенных тарифных соглашений, призывало довольствоваться скудными надбавками, осуждало забастовки. Наиболее наглядно это проявилось в Дании, где социал-демократы открыто поддерживали радикальное правительство, а с 1916 г. ввели в него своего представителя Стаунинга якобы для контроля за его действиями [1].

Война и связанная с ней нужда масс, открытый отказ вождей скандинавской социал-демократии от классовой борьбы толкнули левое радикальное крыло в рабочем движении на борьбу против вовлечения страны в войну, против «своего» милитаризма. Левые требовали продолжения классовой борьбы — борьбы с капитали-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 193, 195.

стической эксплуатацией в условиях войны — нажима на правительства с целью проведения неотложных мер в помощь трудящимся. Однако на организационный разрыв с оппортунистами левые не решались; боясь раскола, они не пытались овладеть руководством в своих партиях. Наивный пацифизм проявился в их призывах (Хёглунда и др.) к разоружению в условиях войны.

Наибольшим влиянием в своей партии пользовались норвежские левые. Под их нажимом съезд НРП в 1915 г. высказался против дальнейшего голосования за военные кредиты. И шведские, и норвежские левые социалисты были убежденными интернационалистами: они клеймили международную буржуазию как виновника войны и осуждали социал-демократических вождей II Интернационала как изменников делу рабочего класса. Менее решительно выступали против милитаризма и «гражданского мира» датские левые социалисты (Э. Кристиансен и др.).

Хорошей школой революционного марксизма для скандинавских левых было их общение с русскими большевиками-эмигрантами в военные годы. Начиная с 1915 г., молодые социалисты Севера участвовали в международных встречах революционных интернационалистов на территории нейтральной Швейцарии. Шведы Ц. Хёглунд и Т. Нерман от Швеции и Норвегии вошли в восьмерку Циммервальдской левой, руководимой Лениным. После первой международной конференции интернационалистов шведские левые энергично пропагандировали в газете «Набат» («Стормклоккан») решения Циммервальда, однако не столько ленинские идеи, сколько Циммервальдский манифест, грешивший социал-пацифизмом. Сказанное еще больше относится к союзу социал-демократической молодежи Дании.

Весной 1916 г. шведские левые провели внеочередной съезд союза молодежи с участием ряда профсоюзов — так называемый рабочий конгресс в защиту мира. Главным средством против вовлечения страны в войну съезд объявил всеобщую политическую стачку в час военной опасности. За призыв к политической стачке Хёглунд и другие были приговорены к тюремному заключению. Руководство СДРПШ с самого начала возражало и осуждало организацию конгресса. После конгресса разногласия между левыми и правыми в руководящих органах СДРПШ приобрели острый характер. Парламентская фракция партии раскололась.

Норвежские левые (А. Хансен и др.), хотя сами и не присутствовали ни в Циммервальде, ни в Кинтале, лучше поняли и усвоили ленинские идеи о борьбе с империалистической войной, чем шведы. Их газета «Классовая борьба» («Классекампен») в 1916 г. уже критиковала лозунг разоружения как недостаточный и требовала вооружения пролетариата для борьбы за власть.

В конце войны опасность вовлечения в нее ослабла, но вопросы удовлетворения насущных потребностей масс встали во весь рост. Карточная система, введенная лишь частично (зимой 1916/17 г.), подкреплялась весьма несовершенным контролем за предпринимателями и крестьянами. Черный рынок процветал. Тяжким бичом

трудящихся стала дороговизна. В Норвегии, например, стоимость жизни в конце 1917 г. поднялась на 125% против довоенной, а заработная плата — лишь на 77%. Норма выдачи хлеба на человека в Швеции была установлена с января 1917 г. в 250 г в день, а с февраля 1917 г. — 200 г. Даже в аграрной Дании весной 1917 г. были введены карточки на хлеб и муку, а в конце года — на масло и сало. В городах Скандинавии вытянулись очереди домохозяек. В 1918 г. спад деловой жизни усилился: почти каждый пятый взрослый датчанин не имел работы.

Возмущение масс в этих условиях росло. В Швеции оно было направлено против прогерманского правительства Хаммаршельда, которого прозвали «Хунгершельд» (от слова «голод»). Весть о революции в России ускорила падение Хаммаршельда. В марте 1917 г. его правительство уступило место другому консервативному кабинету, более умеренному, пошедшему на уступки Антанте.

Правительственный кризис совпал с кризисом внутрипартийным в шведской социал-демократии. Когда на X съезде СДРПШ в феврале 1917 г. Брантинг потребовал от оппозиции и от союза молодежи подчиниться «резолюции единства», он встретил отказ. Однако организационная слабость левых, отсутствие у них иного центра, кроме союза молодежи (правление партии находилось в руках правых), страх перед расколом и, следовательно, примиренческое отношение к правому руководству предопределили их поражение на съезде. Руководители левого крыла стали готовиться к созданию новой партии. Союз молодежи солидаризировался с ними. Организационный раскол с оппортунистами в Швеции был одним из первых примеров такого рода в Западной Европе. Ленин придавал этому факту серьезное значение [1].

Подготовка к съезду левых велась в обстановке массового движения трудящихся против голода, дороговизны и спекуляции. Формами движения были демонстрации, митинги, забастовки, организованные реквизиции продовольственных запасов. Особенно известна «картофельная революция» в городе Вестервик, где рабочий комитет временно взял под контроль учет и распределение продовольствия (апрель 1917 г.). Попытка пустить в ход войска повлекла за собой солдатские демонстрации солидарности с рабочими. Массовое движение, поскольку оно вообще не было стихийным, возглавляли левые социал-демократы и анархо-синдикалисты.

Учрежденная в мае 1917 г. Социал-демократическая левая партия Швеции — прямой предшественник Компартии — еще не была последовательно марксистской партией: наряду с революционным крылом она включала и центристов каутскианского типа, и мелкобуржуазных пацифистов и гуманистов. Программные требования СДЛПШ — однопалатный парламент, республика, 8-часовой рабочий день, органы рабочего контроля на производстве,— ее установка на прямое действие самих масс как основное средство борьбы, на создание рабочих советов для руководства ею — вот что было

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 394—396.

Цет Хёглунд (1884—1956)

главным шагом вперед. Новая партия в отличие от старой строилась только на индивидуальном членстве. В руководство СДЛПШ вошли Ф. Стрём (секретарь партии), Хёглунд, И. Веннерстрем (лидер ее парламентской фракции), К. Линдхаген, К. Чильбум и др.

Летом 1917 г. массовое движение продолжало расти. Крупнейшим выступлением явилась демонстрация рабочих в Стокгольме 5 июня 1917 г., приуроченная к парламентским выступлениям Брантинга и Веннерстрема. Очередные выборы во вторую палату (сентябрь 1917 г.) принесли убедительную победу либералам и социал-демократам обоих направлений. Правые социал-демократы вошли в либеральное правительство проф. Эдéна. Отныне принцип парламентаризма упрочился в политической жизни Швеции. Правительство обещало подготовить избирательную реформу. Внепарламентские выступления масс на время стихли.

В Норвегии массовое движение против дороговизны развернулось несколько позже, чем в Швеции, под прямым влиянием русской Февральской революции. 6 июня 1917 г. по стране прокатились демонстрации, вынудившие правительство выделить крупную сумму для помощи бедноте. Однако к развертыванию новых внепарламентских выступлений руководство НРП относилось отрицательно. Массовое движение в Дании началось позже, чем в Норвегии, и было всего слабее.

Октябрьская революция была встречена рабочими скандинавских стран сочувственно. Лидеры левых социал-демократов Швеции и Норвегии уже зимой 1917/18 г., были приняты Лениным; они стали горячими защитниками и пропагандистами Советской власти. В порядке пролетарской солидарности рабочий класс Скандинавии, в первую очередь Швеции, включился в борьбу против интервенции в Финляндии. Буржуазная Швеция помогала Маннергейму добровольцами, а втайне также оружием и деньгами. Однако на прямое военное выступление правительство либералов и социал-демократов не решилось.

Воздействие событий Октября на скандинавские страны зависело от роли и влияния левых социал-демократов, а также от степени недовольства масс, от их разочарования в буржуазной демократии. Например, в Норвегии были организованы местные советы

трудящихся. Число членов этих советов к весне 1918 г. достигло 60—70 тыс., в марте они провели свою общенациональную конференцию. Руководил ею рабочий-металлист С. Сименсен. Союз социал-демократической молодежи активно участвовал в движении рабочих, а частью возглавлял его, тогда как оппортунистическое руководство НРП и профсоюзов отмежевалось от этого движения. Норвежские рабочие советы требовали: реквизиции всего продовольствия и его продажи по государственным ценам; демобилизации армии и сокращения военных расходов; общественного контроля над производством, включая право местных органов на налогообложение и экспроприацию капиталистов. Средство достижения этих целей советы видели в массовых действиях вне парламента, направляемых из единого центра. Практически, однако, созыв конференции в Осло оказался высшей точкой движения, после чего советы свели свою деятельность к контролю за распределением продуктов.

Левые социалисты получили большинство на съезде Норвежской рабочей партии в марте 1918 г. Съезд приветствовал создание рабочих и солдатских советов и сменил руководство партии на более молодое и радикальное (К. Грепп, М. Транмель, У. Шефло). Правые целиком перешли в оппозицию. В главном политическом вопросе рабочего движения того времени — революционное действие масс или парламентская реформа — съезд решительно высказался в пользу первого.

В Дании порвавшие с социал-демократической партией левые в апреле 1918 г. создали небольшую Социалистическую рабочую партию Дании (Г. Трир, Мария Нильсен, писатель М. Андерсен-Нексе) [1]. Партия эта, однако, была, по существу, лишь революционной группой.

По всей Скандинавии число трудовых конфликтов, включая наступательные забастовки, в 1916—1918 гг. намного возросло. Для Швеции, например, соответствующие цифры: 1915 г.— 383, 1916 г.— 1214, 1917 г.— 1777, 1918 г.— 2378. Рабочие добились существенного увеличения заработной платы, а с 1919 г. — также и 8-часового рабочего дня. Численность профсоюзов росла гораздо быстрее, чем до войны.

Ноябрьская революция 1918 г. и свержение монархии в соседней Германии дали новый сильный толчок рабочему движению в Скандинавии. Наиболее острая революционная ситуация сложилась в Швеции, где монархия была особенно тесно связана с кайзеровским режимом в Германии и все еще обладала значительными полномочиями. В Стокгольме прошли крупные демонстрации, возглавляемые левыми социал-демократами. Манифест левых от 11 ноября свидетельствовал об их идейном росте, об успешной учебе у большевиков. Левые требовали перехода к республике и однопалатному парламенту, социалистического правительства с опорой на советы, учредительного собрания на основе всеобщего равного из-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 229.

SOCIALDEMOKRATISKA UNGDOMSFÖRBUNDETS VECKOTIDNING.

LJUS ÖVER LANDET
DET ÄR DET VI VILJA

STORMKLOCKAN

25 Sept. 1915. | Årg. N:o 30 | Redaktör Z. Höglund. | Socialistisk tidning. Lösnummer 10 öre.

Till Europas proletärer!

Manifest från de internationella socialisternas konferens.

Sedan mer än ett år pågår kriget. Miljoner av bästa arbetare, miljoner människor ha gjorts till krymplingar för hela livet. Europa lämnar ett alltmer människoslaktarhus. Hela den genom många generationers arbete skapade kulturen är rugd till ödeläggelse. Det vildaste barbari härjerar i dessa dagar över allt, som hittills utgjort människoliv. ens slutliet.

Vilken också ursprungen och det omedelbara ansvaret för detta krigs utbrott må vara — ett står fast: det krig, som nästan hela kontinenten, är en frukt av imperialismen, skrivandet hos de kapitalistiska klasserna inom varje nation att kämpa till det yttersta för sin profitfrihet genom utsugning av människokraftarbete och naturrikedomar hela andra runt.

Ekonomiskt efterblivna eller politiskt svaga nationer dukade därvid under för stormakterna, som i detta krig försaka allt med blod och jern regerande världsherrar eller allt utsugningsobjekt. Så hotas hela folk och länder, som Belgien, Polen, Balkanstaterna, Armenien av udet allt helt eller delvis, styckade annekteras som bytesobjekt i kompromissuppgörelser.

Krigets förande kräver huvudsakligen underhållande av hela den stående världsherrarmén dödas för folkens medvetande. Kapitalismens i alla land, som av folkens förnedrade blod göra krigsprofitens gyllene guld, påtvinga att krisen kräver ständig ökning av människoslakt och naturförstörelse av undertryckta folk. De lunga. I nästa verket begrava de på de oskrivgda fälten det egna folkets bästa i saklösa med andra nationers obeväpnade. Nya hund, som hotar, som bordar upprätt och proletariatet i alla land, segrare som besegrade, kommer att få bära dessa. Hur världens förkunnades vid krigets utbrott — med och förnärdet, arbetslöshet och därtid, undernäring och sjukdomar är det verkliga resultatet. I årtionden skola krigskatastrofens förfara folkens bästa krafter, satta i fara de sociala reform-ansträngarna och hundra vunna steg framåt.

Kulturell tillbakagång, ekonomisk nedpressning, politisk reaktion — det blir denna hemska folkkatastrofens följder.

Så orsakar kriget den mellersta kapitalismen i all dess nationalitet, denna kapitalismen som bäst oförenlig med det arbetarmassornas intressen, ända bara med den historiska utvecklingens behov, utan med det manskliga samhällets förutsättningar.

I det kapitalistiska samhällets härskande ovetighetsrätt, i vars händer folkens öde vilade, de monarkiska såväl som de republikanska regeringarna, den borgliga diplomatin, de politiska företags-organisationerna, de borgerliga partierna, den kapitalistiska pressen, kvittan — alla äro de det hela ansvaret för detta krig, som uppstått ur den dess fördande och av dem skyddade samhällsordningen och som föres till förade för deras intressen.

Arbetare!

Ulingna, rättslösa, ringaktade, — vid krigsutbrottet, då det gällde att föra er på slaktbänken, fill döden, nannade man er bröder och kamrater. Och nu, då miljonernen gjort ett hål krympingar, invalider, förmedrad och förödad er, fordra de härskande också att ni prunge era intressen, era mål, era ideal, med ett ord den slaviska underkastelsen under borgfreden. Man bestämmer er moralpredikan att offentliggöra era åsikter, era känslor, er tanke, inne förvägrar er att kämpfälla och låta representera era krav. Pressen strövband, de politiska tris- och rattsgångsförbuden trampade under fötterna — nå bärakar re militärdiktaturens pastande rasvd.

Inför detta hädelsd, som hotar Europas och mänskligheten framtid kunna och få en ende längre stå obetraktna. I åtskilliga land har det socialistiska proletariatet fort kampen mot militarismen. Med vanande omsorg samsalade sig dess representanter på vissa nationella och internationella kongresser med den från imperialismen allt mera hotande krigsfaran. I Stuttgart; i Kopenhamn, i Basel ha de internationella socialistiska kongresserna stakat ut den väg, som proletariatet hade att gå.

Zimmerwald — den stuga där fredskonferensen ägde rum

Socialistiska partier och arbetarorganisationer i olika land, som stått med om att bestämma denna väg, ha sedan krigets utbrott av resspekterat de dessa beslutade förpliktelserna. Deras representanter ha samlordnat arbetarna till inställande av klasskampen, det enda medlga och verksamma medlet för den proletariska frigörelsen. De ha bevisligt de härskande klassernas kretsen till krigets förande, de ha för de mest olika tänster ställt sig till regeringarnas fortegande, de ha genom sin press och sina beskickningar sökt vinna de neutrala för sina resp. länders regeringspolitik, de ha som gästen för bergfreden bevarande tillsammans socialistiska minoritet av regeringarna och därmed ha de icke arbetarklassen, för dess nutid och framtid, övertagit ansvaret för dess svällen och dess metoder. Och liksom de enskilde partierna, så blickande också den allmänna internationella arbetarrörelsen för alla lands socialister.

Denna fakta ha medverkat till, att den internationella arbetarklassen, som ej bemött till ett slut som bettiad sig från den första krigsproklamations nationella pausk, som den dag som är, i folkmassorna andra är, ej funnit några medel och vägar att samtidigt i alla länder kraftigt oppla kampen för freden.

I denna ofrädiga situation ha undertecknade, representanter för socialistiska partier och fackföreningsgrupper samt deras minoriteter, ej tyskar, franssoser, italienare, ryssar, polacker, letter, ramänier, bulgarer, svenskar, norrmän, holländare och schweizare, som icke stå på den nationella socialdemokrata mark med utsugarklassen utan på den internationella proletariska solidaritetens och klasskampens grund, ansett samman för att på nytt återknyta de internationella förbindelserna sönderslitna bråder och kalla arbetarklassen till självbesinning och till kamp för freden.

Denna kamp är kampen för frihetens, för folkförbrödringen, för socialismen. Det gäller att uppta denna kamp för freden, för en fred utan annektioner och krigsskadeersättnd. Men en sådan fred är omöjlig endast med stillmmande av varje tanke på krävande av folkens rätt och frihet. Varken besättnder av hela länder eller enskilde landsdelar får leda till dessas våldsannekterande. Ingen annektion, varken öppen eller maskerad, ej heller någon med våld utförd ekonomisk inkorporering, som bloft skulle göras även utvidgare genom politiskt rattsbetvingande! Folkens självbestämmanderätt måste vara enabillig grundsats i de nationella förhållandenas ordnande.

Proletärer!

Sedan krigets utbrott ha re-enkelt av handlingskraft, ett mod, er sthällighet i de härskande klassernas tänst. Nu gäller det att träda fram för den egna saken, för socialismens heliga mål, för de undertryckta folkens rätt och nöd för de försvarande klassernas befrielse genom den oförsonliga, proletariska klasskampen.

Det är socialismens i de krigförande länderna uppgift och plikt att med full kraft upnta denna kamp. socialisternas i de neutrala staterna uppgift och plikt att med alla verksamma medel understödja sina bröder i denna kamp mot det blodiga barbariet.

Aldrig i världshistorien gavs en mera handande, en högre, en upphöjdare uppgift, och att fylla den skall bli det gemensamma verk. Inte eller är för stort, ingen börde för lung att nå detta mål: **fred mellan folken.**

Arbetare och arbeterskor! Männer och kämpar! Ankor och hedertöser! Sårade och krypplingar! Er alla som lider av kriget och genom kriget, tillropa vi att över gränserna, över de rykande slagfälten, över dödsfagra städer och hyar

Proletärer i alla land, förenen er!

Zimmerwald (Schweiz), September 1915.

I den internationella socialistiska konferensens namn:

För tyska delegationen:
Georg Ledebour. **Adolf Hoffman.**

För franska delegationen:
A. Bourderon. **A. Merrheim.**

För italienska delegationen:
G. E. Modigliani. **Constantino Lazzari.**

För ryska delegationen:
N. Lenin. **Paul Axelrod.** **M. Bobroff.**

För polska delegationen:
St. Lapinski. **A. Warski.** **Cz. Hanecki.**

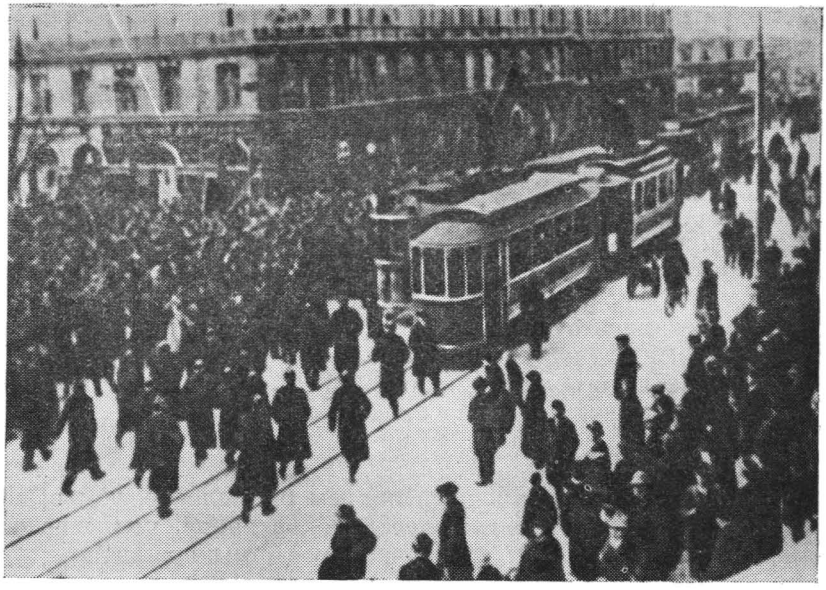
För den interbalkanska socialistiska federationen:
I rumänska delegationens namn:
C. Racovski.
I bulgarska delegationens namn:
Wassil Kolarow.

För svenska och norska delegationen:
Z. Höglund. **Ture Nerman.**

För holländska delegationen:
H. Roland Holst.

För schweizisk delegationen:
Robert Grimm. **Charles Naine.**

Gazeta «Стормлоккан» с манифестом Циммервальдской конференции 1915 г.

Демонстрация в Копенгагене, ноябрь 1918 г.

бирательного права с 20 лет, рабочего контроля в промышленности, передачи помещичьих земель беднейшему крестьянству и пр. Однако революционный напор масс был отведен в спокойное русло более влиятельными правыми социал-демократами, уповавшими на парламентскую демократию и пугавшими рабочих ужасами гражданской войны. Либеральное правительство и перепуганный король поспешили с парламентской реформой (см. ниже).

Массовая демонстрация солидарности с германской революцией состоялась 13 ноября на центральной площади Копенгагена. После столкновения с полицией вожди СРПД и синдикалистов были арестованы. Правые социал-демократы (Стаунинг и др.) поспешили возглавить движение масс, чтобы удержать его от «анархии», т. е. от революции. СДПД выдвинула новую радикальную программу, так называемые 18 пунктов: частичное разоружение и контроль общества над производством и банками, сохранение государственного контроля цен и помощи по дороговизне, частичное введение 8-часового рабочего дня, улучшение социального обеспечения, пересмотр конституции и аграрная реформа.

В Норвегии парламентские выборы осенью 1918 г. обнаружили поляризацию политических сил. Правительственная партия венстре понесла потери, а консерваторы имели успех. Мажоритарный избирательный закон помешал НРП использовать полученный прирост голосов (партия даже потеряла один мандат). Поэтому в НРП росли антипарламентские настроения, и норвежское рабочее движение продолжало леветь.

Демократические реформы 1919—1920 гг., вступление левых социалистов в Коминтерн и новое усиление буржуазной реакции. Под напором радикально настроенных рабочих масс, в страхе перед волной европейских революций правящие круги скандинавских стран поспешили с реформами. Наиболее разительные перемены — «демократический прорыв» — произошли в самой консервативной из трех стран — Швеции. Законы 1918—1919 гг.— так называемая третья парламентская реформа — демократизировали выборы в обе палаты: при выборах в коммунальные органы (часть их, как известно, избирала затем депутатов первой палаты) устранялось имущественное неравенство; к выборам и к избранию во вторую палату допускались отныне все мужчины и женщины с 23 лет, кроме получающих постоянное пособие по бедности и некоторых других мелких категорий. Однако имущественный ценз для депутатов первой палаты сохранился, возрастной ценз для участия в коммунальных выборах был повышен с 21 до 23 лет, а для выборщиков первой палаты даже до 27 лет.

В Дании, где революционный подъем был слабее, чем в Швеции, а конституция 1915 г. более демократичной, чем шведский избирательный закон 1907 г., главные реформы пошли по другой линии. Согласно новому закону о хусменах (1919), государство предоставляло бесплатно землю безземельным для создания небольших хозяйств на условиях государственной аренды. Земельный фонд создавался за счет конфискации части старинных родовых имений, ранее неделимых и неотчуждаемых. Одновременно судебная реформа устранила пережитки абсолютизма и отделила судебную власть от исполнительной (полицейской), ввела принципиальную гласность судопроизводства и суд присяжных для тяжких преступлений.

В рамках унии с Данией была предоставлена самостоятельность Исландии. Договор об унии (1918) заключался на 25 лет. Однако полной независимости Исландия еще не получила: ее внешняя политика, оборона и морская инспекция вдоль побережья остались в руках Дании. Уступки были сделаны национальным требованиям жителей датских Фарерских островов — введено преподавание на фарерском языке в школах.

Норвежская избирательная реформа 1919 г. (в силе с 1921 г.) заменила мажоритарную систему на парламентских выборах ограниченно пропорциональной, т. е. более прогрессивной. Возрастной ценз для избирателей был немного понижен (с 25 до 23), а число депутатов стортинга увеличено до 150.

8-часовой рабочий день был введен во всех трех странах. В Швеции был принят закон о принудительном страховании от несчастных случаев на производстве за счет предпринимателей (1918). Ряд уступок со стороны предпринимателей в 1918—1920 гг. был зафиксирован в коллективных договорах, например двухнедельный оплачиваемый отпуск в Норвегии. (В 1922 г. сокращен до 8 дней).

Проведенные реформы несколько ослабили недовольство масс. Однако происшедший сдвиг трудящихся влево давал о себе знать.

Вопрос о рабочем правительстве, о путях перехода к социализму стал злободневным. Скандинавские левые социал-демократы в течение 1918—1919 гг. учились на опыте русской революции и большевиков. Они организовывали успешные кампании солидарности с революционной Россией, Финляндией, Германией. Венгрией, срывая попытки втянуть Скандинавию в антисоветскую интервенцию. Ряды левых росли: СДЛПШ, например, выросла за 1917—1919 гг. с 6 тыс. до 25 тыс. Революционные социал-демократы разделяли надежду на скорую мировую революцию пролетариата, причем часть их считала тактику большевиков образцом и для Скандинавии. Однако другая часть левых по-прежнему стояли на центристских и даже скрыто реформистских позициях, отвергая для Скандинавии «русский путь вооруженного восстания».

Скандинавские левые социалисты были одними из учредителей III Интернационала и вошли в состав его руководства — ИККИ. Первой заявила о своем присоединении летом 1919 г. Норвежская рабочая партия. Однако норвежцы, единодушно вступив в Коминтерн, сделали ряд оговорок — сохранили за собой полную свободу действий в рамках принципов III Интернационала, особенно по вопросам вооружения пролетариата и применения насилия. Тем же летом 1919 г. безоговорочно вступила в Коминтерн шведская левая социал-демократическая партия, а в начале 1920 г. — Левая социалистическая партия Дании, возникшая в ноябре 1919 г. из слияния Социалистической рабочей партии Дании с большинством социал-демократического союза молодежи.

Революционный подъем, охвативший Северную Европу, способствовал и радикализации правой социал-демократии, за которой по-прежнему шла основная масса шведских и особенно датских рабочих. Социал-демократическая рабочая партия Швеции, например, пересмотрела в 1920 г. свою принципиальную программу, очистив ее от оппортунистических наслоений 1911 г. В том же году СДРПШ порвала правительственную коалицию с либералами и Брантинг как представитель крупнейшей фракции парламента (с 1919 г.— обеих его палат) сформировал первое в истории Скандинавии социал-демократическое правительство. Не располагая большинством ни в одной из палат, рабочее правительство продержалось у власти лишь несколько месяцев, но успело напугать буржуазию планами «социализации» (национализации). На выборах второй палаты в 1920 г. мелкобуржуазное большинство избирателей проголосовало за буржуазные партии.

Даже самая правая из скандинавских социал-демократических партий — датская — разрабатывала в 1919—1920 гг. планы «социализации». Однако главное внимание датчан переключилось на Шлезвиг. Согласно решению Версальской мирной конференции в северных и центральных районах этой области был проведен плебисцит (февраль — март 1920 г.). По итогам плебисцита к Дании отходил Северный Шлезвиг, и радикальное правительство Цале (с участием Стаунинга в качестве министра труда) согласилось с этим. Однако датские шовинисты — консерваторы и часть венстре

Плакат, выпущенный во время плебисцита в Шлезвиге. 1920 г.

требовали отторжения от Германии и части Среднего Шлезвига, включая Фленсбург («фленсбургское движение»). Реакция требовала отставки «непатриотичных» радикалов и немедленных новых выборов. Одновременно союз датских промышленников, ободренный успехами контрреволюции в Германии, решил положить предел дальнейшим уступкам пролетариату и грозил ему массовым локаутом.

Шовинистов поддержал король Кристиан X (1912—1947). В ответ на отказ Цале провести внеочередные выборы в фолькетинг до принятия нового, более демократичного избирательного закона король в марте 1920 г. уволил правительство в отставку, заменив его «беспартийным» деловым кабинетом. Налицо был реакционный переворот, известный под названием «пасхального». В ответ СДПД и объединение датских профсоюзов призвали народ к всеобщей по-

литической забастовке, требуя выборов по новой системе, соблюдения парламентаризма, снятия угрозы локаута, участия рабочих в управлении предприятиями и пр. Не дожидаясь начала стачки (назначенной на 6 апреля), в обстановке манифестаций, столкновений с полицией и других признаков революционного брожения король и реакция отступили. Избирательный закон был изменен в пользу городских, т. е. пролетарских, округов, локаут предотвращен, и социал-демократы включены в деловое правительство. Правые довольствовались этим, хотя момент для осуществления широкой программы рабочих требований был подходящий. Левые же социал-демократы левацким лозунгом «советской республики» не смогли увлечь массу рабочих. На внеочередных апрельских выборах 1920 г. в фолькетинг партии крупной буржуазии — консерваторы и венстре — получили абсолютное большинство мандатов, радикалы — правительственная партия — потерпели сокрушительное поражение (17 мандатов вместо 33).

В конце 1920 г. во всех трех странах вновь стояли у власти партии крупной буржуазии: либералы венстре (аграрии) в Дании, консерваторы хейре в Норвегии, деловое, т. е. буржуазное, беспартийное правительство в Швеции. Социал-демократы — правые и левые — повсеместно находились в положении оппозиции, причем в Швеции и особенно в Дании левые располагали сравнительно слабой поддержкой масс, в Норвегии же они были главной рабочей партией.

Экономические итоги войны и кризис 1921—1922 гг. Хозяйственный бум и усиленная индустриализация первых военных лет в сочетании с государственно-капиталистическим регулированием экономики военного времени весьма способствовали процессам концентрации производства, образованию новых акционерных обществ и монополистических объединений, в том числе и трестов. В Швеции число монополистических объединений за 1911—1920 гг. выросло со 150 до 200. Именно в канун и в годы первой мировой войны скандинавский капитализм вступил в свою монополистическую стадию. После промышленного подъема 1915—1916 гг. начался спад. Резко сократилось производство — в Швеции оно составило в 1918 г. лишь $^3/_4$ от уровня 1913 г., продукция норвежской металлообрабатывающей промышленности упала за те же годы почти наполовину, прямые потери понес торговый флот, особенно норвежский (до половины предвоенного тоннажа). Ценность крупных золотовалютных накоплений скандинавов существенно умалялась товарным голодом и инфляционным ростом цен.

С наступлением мира большая часть ограничений военного времени была отменена [1]. Вплоть до осени 1920 г. производство и обороты внешней торговли быстро набирали темп (в Дании объем промышленного производства уже в 1920 г. превысил уровень 1914 г. на целых 40%). Это наряду с революционным движением позволи-

[1] Обмен банкнот на золото был, однако, прекращен во избежание его утечки.

ло рабочим добиться значительного повышения заработной платы: в той же Дании, например, реальная часовая заработная плата в промышленности за 1918—1919 гг. поднялась на 40% (1914 г.— 100%), Вместе с тем импорт после войны рос значительно быстрее экспорта, а значит — и дефицит внешнеторгового баланса. Курс скандинавских валют (цена в золоте или долларах) в связи с этим понижался, и резервы, накопленные благодаря нейтральной торговле, таяли, особенно быстро в Норвегии. Осенью 1920 г. мировой экономический кризис, начавшись в США, захватил и Скандинавию. Доходы от экспорта и судоходства круто упали, сократилось производство, резко снизилась занятость, слабые предприятия терпели банкротства. Столь сильного спада, как в 1920—1922 гг., Скандинавия не испытывала прежде. Шведский экспорт, например, по стоимости за 1921 г. упал на $^2/_3$, из 134 доменных печей действовали лишь 20, около трети членов профсоюза зимой 1921/22 г. не имели работы. В Дании процент безработных (членов страховых касс) за 1920—1922 гг. вырос с 6 до 19%, а уровень оптовых цен упал с 390 до 171 (1913 г.—100). Всего тяжелее кризис поразил «слабое звено» в цепи скандинавских стран — Норвегию с ее крайней зависимостью от доходов по фрахту (в 1921 г. они упали на $^2/_3$ по сравнению с 1920 г.).

За годы войны и послевоенного бума возникло много новых коммерческих банков, щедро и неосторожно кредитовавших не только промышленников, но просто биржевых спекулянтов. Теперь такие банки лопались. В 1921 г., например, около 50 норвежских банков прекратили платежи. Банковские кризисы не прекращались и после улучшения общей экономической конъюнктуры.

Новый подъем массового движения в годы кризиса. Предприниматели скандинавских стран старались воспользоваться спадом, дабы отнять у трудящихся недавно вырванные ими уступки, в особенности понизить заработную плату. В результате, несмотря на растущую безработицу, число забастовщиков в Норвегии и Дании в 1921 г. выросло по сравнению с 1920 г. (в Швеции вершина послевоенной забастовочной борьбы пришлась на 1920 г.). Наиболее крупные стачечные бои происходили в Норвегии. Забастовки охватили города и сельскую местность. За безрезультатной трехнедельной стачкой железнодорожников в конце 1920 г. последовала весной 1921 г. стачка моряков, а затем, с 26 мая по 10 июня, всеобщая стачка — крупнейшая в истории Норвегии, с участием почти всех организованных рабочих страны — 120 тыс. человек. В городах происходили демонстрации, стычки с полицией.

Однако руководство норвежских профсоюзов с одобрения НРП (см. ниже) ограничило рамки борьбы. Стачка была прекращена после мелких уступок со стороны правительства (улучшение помощи безработным). Заработная плата была снижена, хотя и не так сильно, как хотелось фабрикантам.

Крупнейшие трудовые конфликты потрясли в 1921—1922 гг. и Данию. В отдельных районах происходили всеобщие стачки (город Раннерс) и стычки с полицией и штрейкбрехерами. И датским ра-

бочим пришлось после ряда локаутов согласиться на снижение заработной платы.

В Швеции руководство профсоюзов воспротивилось всеобщей стачке в условиях кризиса, и главной формой классовой борьбы стало движение безработных за улучшение своего положения (характерное и для Дании). Трудовые конфликты вновь усилились с улучшением конъюнктуры в 1923—1925 гг., когда были объявлены два крупных локаута — в металлургической и лесопильной промышленности. Рабочие не добились успеха, однако и фабриканты снизить заработную плату не решились.

Парламентские выборы в годы кризиса вновь упрочили положение рабочих партий, тем более что они проходили уже по новым, более демократическим правилам (в Дании — осенью 1920 г., в Швеции и Норвегии — осенью 1921 г.). Рабочие партии увеличили число мандатов: в Швеции — с 81 до 106 (из 230), в Норвегии — с 18 (из 126) до 37 (из 150), в Дании — с 42 (из 139) до 48 (из 148)[1].

Новый подъем массового рабочего движения и общеполитический сдвиг влево сопровождались дальнейшим отмежеванием революционного крыла в скандинавском социалистическом движении уже не только от явных реформистов, но и от центристов. Процесс этот был ускорен решением II конгресса Коминтерна о 21 условии приема в Коммунистический Интернационал (лето 1920 г.).

Руководители скандинавских левых социалистов приняли эти условия не столько из готовности действительно подчиняться железной дисциплине секций Коминтерна как всемирной коммунистической партии, сколько из соображений солидарности с мировым коммунистическим движением, с русскими большевиками, с Лениным. Датская левосоциалистическая партия сделала это на своем втором съезде 7 ноября 1920 г., приняв и новое название — Коммунистическая партия Дании. Другой революционной силой в датском рабочем движении было Объединение профсоюзной оппозиции — бывшие анархо-синдикалисты, вступившие в Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн). Дальнейшая консолидация коммунистического движения в Дании проходила в острой борьбе между бывшими левыми социалистами (Э. Кристиансен и др.) и бывшими анархо-синдикалистами (Кр. Кристенсен).

Шведские левые социал-демократы провели внутрипартийную дискуссию об отношении к «21 условию» и на своем IV съезде (март 1921 г.) подавляющим большинством голосов их одобрили. Коммунистическая партия Швеции (новое название партии) на том же съезде приняла марксистско-ленинскую программу. Центристская (Веннерстрем) и мелкобуржуазно-пацифистская группировки (Линдхаген) были исключены из партии, в 1923 г. влились в правую социал-демократию.

Социал-демократическая оппозиция в НРП откололась от партии, не дожидаясь одобрения ею «21 условия». В январе 1921 г.

[1] В Дании и Швеции выбирались вторые палаты.

была основана Социал-демократическая партия Норвегии (М. Нильсен, М. Пунтерволл и др.) — типичная реформистская партия, получившая поддержку лишь меньшей части местных профорганизаций. В марте 1921 г. съезд НРП подавляющим большинством формально одобрил «21 условие». Этому, однако, предшествовало осенью 1920 г. решение ЦК НРП о принятии «21 условия» с целым рядом оговорок, включая сохранение коллективного членства, самостоятельность профсоюзов по отношению к партии, отказ от вооруженной борьбы и пр.

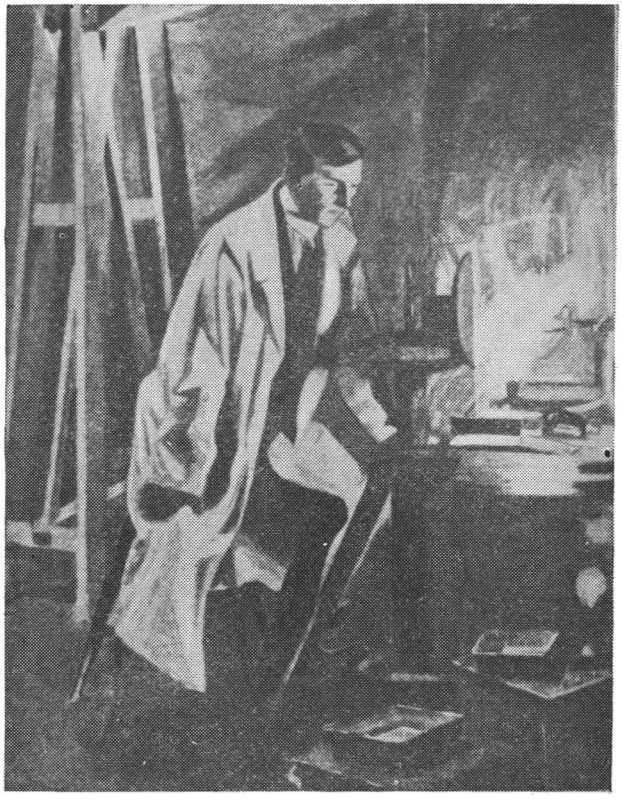
Невзирая на внутрипартийные разногласия, скандинавские компартии энергично боролись с последствиями экономического кризиса 1921—1922 гг. Во многих случаях коммунисты возглавляли забастовки, движение безработных и пр. Они также не прекращали усилий с целью добиться скорейшего восстановления торговли с Советской Россией и ее дипломатического признания.

Скандинавия и послевоенный передел мира. Военно-политические итоги войны были, с точки зрения правящих кругов скандинавских стран, неплохими. Обе великие балтийские державы — Германия и Россия — оказались ослаблены и частично оттеснены от Балтики. Новые буржуазные республики Прибалтики всячески подчеркивали свои симпатии к Швеции. Отношения между самими скандинавскими странами выдержали испытания военных лет, и стремление к сотрудничеству было продемонстрировано свиданием трех королей в Христиании в 1917 г.

Скандинавские страны не примкнули к антисоветской интервенции, они держали нейтралитет, благожелательный в отношении Антанты. Скандинавская буржуазия и отчасти правительства — больше датское (династические связи с Романовыми), меньше шведское — помогали белогвардейцам оружием, деньгами, немного добровольцами, участвовали в блокаде РСФСР, но прекратили ее одними из первых на Западе. Соглашение концерна шведских экспортеров с Центросоюзом о поставках товаров (май 1920 г.) означало шаг на пути признания Советской России де-факто. Шведов «обогнали» норвежцы, заключившие с Советским правительством в сентябре 1921 г. временное соглашение об условиях торговли. Норвежский путешественник и общественный деятель Ф. Нансен — верховный комиссар Лиги наций по различным международным вопросам — стал одним из организаторов помощи голодающим Поволжья («фонд Ф. Нансена»).

Временное торговое соглашение Дании с СССР было подписано после двухлетних переговоров весной 1923 г.

Все скандинавские государства ожидали от Версальской конференции удовлетворения своих территориальных притязаний. Версальская конференция приняла уже известное решение о проведении плебисцита в Северном и Среднем Шлезвиге отдельно. В Северном Шлезвиге 75% населения высказались в пользу Дании, плебисцит же в Среднем Шлезвиге принес успех Германии. 15 июня 1920 г. состоялось торжественное воссоединение Северного Шлезвига с Данией.

Физик. Картина Виллумсена

Без особых усилий удалось осуществить и давнее желание Норвегии, чьи притязания на архипелаг Шпицберген (норв. Свалбард) и остров Медвежий были признаны, исходя из ее заслуг перед Антантой. Парижский международный трактат 1920 г. передал суверенные права на обе территории норвежцам, однако с двумя ограничениями: 1) равноправие всех участников трактата, в том числе будущих, с норвежцами в разработке природных ресурсов архипелага; 2) постоянная его демилитаризация и нейтрализация.

Внешнеполитическая неудача постигла третью скандинавскую страну — Швецию в ее предложении решить посредством плебисцита вопрос о судьбе Аландских островов, населенных шведами и принадлежавших Финляндии. Аландский вопрос был передан Швецией на рассмотрение только что созданной Лиги наций (1920). По рекомендации комиссии юристов, созданной решением Совета Лиги, Аланды были оставлены за Финляндией с рядом гарантий для их населения. Советская Россия неоднократно протестовала против обсуждения аландского вопроса без ее участия и не признала конвенцию 1921 г. о демилитаризации и нейтрализации

Аландских островов. Соответствующее соглашение между СССР и Финляндией было подписано в 1940 г.

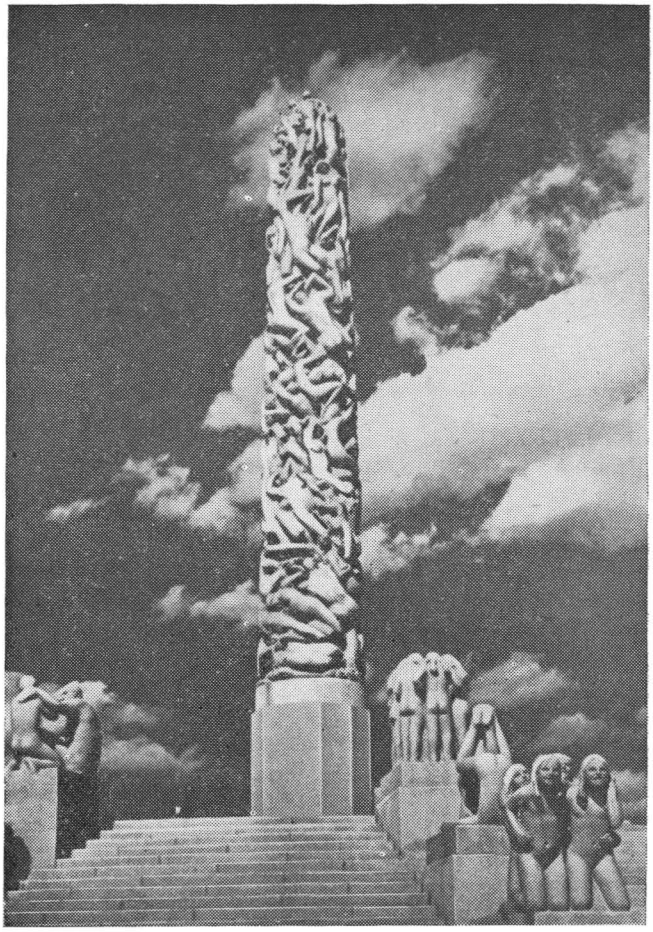
Представители трех скандинавских стран активно участвовали в разработке Устава будущей Лиги наций во время Версальской мирной конференции и вступили в эту организацию в качестве ее соучредителей (1920).

Культурная жизнь первых десятилетий нового века. Духовная жизнь скандинавских стран первых двух десятилетий XX в. отчетливо распадается на два этапа. На первом этапе (довоенные годы) еще преобладало буржуазно-оптимистическое настроение, которому в философии соответствовал позитивизм, восторжествовавший в Скандинавии с большим опозданием (в виде неопозитивизма). Однако и реакционные мыслители в 900-х годах искали более действенные идеологические средства сопротивления процессам демократизации общества, а главное — растущему влиянию социал-демократии на рабочий класс. Таковы в Швеции философ-ницшеанец В. Нурстрём, историк-консерватор Х. Ёрне, публицист-геополитик Р. Челлén, поэт В. Хейденстам — враг Стриндберга; в Норвегии — писатель Кн. Гамсун; в Дании — писатель и журналист К. Ларсен, поэт-мистик Х. Рóде и др.

Империалистическая война породила глубокий духовный кризис, охвативший самые широкие круги общества. Усилились иррационалистические, частью мистические настроения. Исход войны и революционный подъем способствовали идейному поражению империалистической реакции в Скандинавии, наиболее влиятельной в Швеции, и усилили антикапиталистические настроения. Передовая социалистическая идеология продолжала завоевывать умы, в особенности по мере распространения правды о великой революции в России.

Скандинавская литература 900-х годов пережила отчетливую смену поколений, особенно заметную в Норвегии, где в течение ближайших лет после 1905 г. ушли из жизни Ибсен, Бьернсон и другие мастера критического реализма и натурализма. Кратковременным оказалось вместе с тем и господство упадочнических, декадентских настроений, с одной стороны, и националистического неоромантизма — с другой, характерных для Скандинавии конца века. В 900-е годы в Дании и Норвегии, в 1910-е годы в Швеции выступила целая плеяда молодых писателей-реалистов. Это группа «ютландцев» — представителей крестьянского реализма в Дании: И. Окьер, И. Скьольборг, Я. Кнудсен, Йоханнес В. Енсен; «поколение 1907 года» — так называемые неореалисты в Норвегии: Сигрид Унсет, У. Дуун, Ю. Фалькбергет. В Швеции поколение «девятьсотдесятников» — Л. Нурдстрём, Я. Бергман, Г. Хельстрём, Э. Вегнер — создало, отчасти учась у раннего Стриндберга, социальный роман и новеллу с широкой проблематикой, отобразив уже новую, индустриальную Швецию.

Совершенно новое направление составили пролетарские писатели, писавшие «романы о коллективе» — будь то о фабричных рабочих или о батраках-статáрах. Таковы Г. Хеденвинд-Эрикссон,

Густав Вигеланн. Центральная часть скульптурного комплекса. Фрогнер-парк, Осло

Ф. Монсон и М. Кох в Швеции, уже названный Фалькбергет, Кр. Упдаль, О. Бротен в Норвегии и в особенности М. А. Нексе (1869—1954) с его нашумевшими романами «Пелле-завоеватель» и «Дитте — дитя человеческое», а также вышеназванный Окьер в Дании.

Наряду с молодыми пролетарскими писателями продолжали творить бытописатели буржуазии: Х. Банг, Х. Понтоппидан, К. Михаэлис в Дании; Я. Сёдерберг, Б. Бергман, П. Халльстрем в Швеции. Стриндберг до конца дней остался чужд буржуазной Швеции, поднявшей целую кампанию против присуждения ему Нобелевской премии (1910); Гамсун же с его воспеванием иррациональных начал жизни благополучно получил премию за свой крестьянский роман «Соки земли» (1920).

Лирическая поэзия в Швеции и Норвегии переживала в начале века свой расцвет. В Дании он начался еще в 90-е годы («душевный прорыв»). Датские лирики И. Йоргенсен, В. Стукенберг, С. Клауссен, Х. Роде испытывали влияние французских, а шведы А. Эстерлинг и В. Экелунд — влияние немецких символистов. Более самобытна норвежская поэзия — Х. Вильденвей, У. Аукруст, А. Эверланн. Последний, выступивший в начале XX в., раньше других скандинавских поэтов выразил восхищение русской революцией.

Следует отметить большую роль женщин в литературе и общественной жизни скандинавских стран — Унсет, Лагерлеф, К. Михаэлис, Елены Кей. Для Норвегии характерна борьба между наступающими сторонниками лансмола и обороняющимися ревнителями риксмола (иначе норвежско-датского языка). Впрочем, и после достижения страной полной независимости большинство населения предпочитало по-прежнему риксмол в школе и учреждениях, тем более что реформы правописания сильно его норвегизировали.

В изобразительном искусстве скандинавских стран появились новые веяния — постимпрессионизм и в особенности символизм. В Швеции выдающимся живописцем-символистом был И. Аросениус, в Дании — Э. Виллумсен, в Норвегии — Т. Киттельсен и Х. Эгедиус. Великий норвежец Эдвард Мунк стал одним из вдохновителей европейского экспрессионизма. На рубеже 900—910-х годов пришло увлечение декоративной плоскостной живописью. Особенно известно шведское «поколение 1909 г.» — ученики Матисса И. Грюневальд, Л. Энгстрем и Н. Дардель, Е. Сандельс и др. Накануне и в годы мировой войны начался, особенно в Норвегии, расцвет монументальной живописи (университетские росписи Мунка в Осло, затем А. Револл и др.). Заметно выделяются работы скульптора норвежца Г. Вигеланна (1869—1943), создавшего целый символический комплекс о жизненном цикле человека для городского парка в Осло. Перед первой мировой войной заявили о себе и крупнейшие скульпторы двух других скандинавских стран: датчанин Кай Нильсен (1882—1924) и швед Карл Миллес (1875—1955). Вообще монументальная живопись и скульптура (садово-парковые комплексы) — характерный вклад скандинавов в мировое искусство XX в. И в скульптуре, и в архитектуре наблюдается сочетание «исторических» стилей (классики, Ренессанса) с использованием национальных традиций: Р. Эстберг с его стокгольмской ратушей (1911—1923), М. Нюроп в Дании (новая ратуша в Копенгагене), А. Арнеберг и М. Поульсон (ратуша в Осло).

Примечательным явлением конца 900-х — начала 1920-х годов были расцвет и международное признание сначала датского, а затем и шведского немого кино. Датская компания «Нордиск» еще до войны выпускала фильмы ужасов чисто космополитического характера («Атлантис», «Остров мертвых»). Национальная самобытность гораздо ярче проявлялась у шведских кинорежиссеров В. Шёстрёма и М. Стиллера («Ингеборг Холм», 1913; «Деньги господина Арне», 1919; «Возница», 1920). Шведы прославились экра-

Кай Нильсен. Часть скульптурной группы, Копенгаген

низацией произведений скандинавской литературы. Международную известность снискал датский режиссер К. Т. Дрейер («Страсти Жанны д'Арк»).

Что касается скандинавской науки, то особо следует отметить продолжение исследований Арктики и Антарктики (норвежцы Нансен, Свердруп, Амундсен, швед О. Норденшельд Младший, датчанин Кн. Расмуссен), большие шведские экспедиции в страны Африки и Центральной Азии (Св. Хедин — Тибет и Монголия); новые технические изобретения, в особенности шведские; успехи и открытия в разных отделах биологии и медицины, в том числе разработка экспериментальной психологии — здесь впереди шли датчане (наследственность, облучение, витамины, сыворотки); работы норвежских геохимиков (В. Гольдшмидт), метеорологов (бергенская школа В. Бьеркнеса), шведских и датских физхимиков (Св. Аррениус, Н. Бьеррум) и математиков (швед Фредхольм — теория интегральных уравнений). В 1912 г. выступил со своими гениальными идеями

Ратуша в Копенгагене (справа). Арх. Нюроп

по теории атомного ядра датчанин Нильс Бор (1885—1962) — один из творцов квантовой физики.

Значительных успехов достигли и скандинавские ученые гуманитарного профиля. В Скандинавии сложилось самостоятельное философское направление неопозитивистов, так называемая упсальская школа А. Хегерстрема (1868—1939). Учение Хегерстрема об условности, беспредметности нравственных и правовых представлений было политически направлено в конечном счете против требований пролетариата и социал-демократии.

Серьезных успехов достигли изучение древней скандинавской письменности — рунология (швед фон Фрисен), самих скандинавских языков (А. Нореен в Швеции, Д. Сейп в Норвегии), буржуазная политическая экономия (К. Виксель и Г. Кассель в Швеции), история скандинавского средневековья (Э. Аруп в Дании, Эдв. Булль и Х. Кут в Норвегии, братья Л. и К. Вейбулль в Швеции). На помощь археологам пришли новые дисциплины — палеоботаника и палеогеология, во многом обязанные своими успехами шведам Л. фон Посту и Г. де Геру.

Несмотря на сохранение классовых барьеров, народное образование в скандинавских странах во многом отличалось новаторским характером, в особенности в Швеции. В преподавание вводились уроки труда, организовывались загородные лагеря и питание в школе. Создавались школы для дефективных детей и вечерние «рабочие институты» для взрослых трудящихся в дополнение к высшей народной школе-интернату — датскому начинанию.

В заключение скажем, что рубеж XIX—XX вв. стал порой распространения в Скандинавии спорта как массовой формы времяпрепровождения — к более традиционным конькам, стрельбе и гимнастике после 1900 г. добавились велосипед (Дания), лыжи (Скандинавский полуостров) и, наконец, футбол.

Глава XIII

Капиталистическое «процветание» 20-х годов. Буржуазные правительства в борьбе с рабочим классом

Дальнейшее подчинение народного хозяйства монополиям и банкам. Экспансия скандинавского капитала. Мировая хозяйственная конъюнктура улучшилась уже в 1922 г. Сравнительно быстро выбраться из кризиса удалось, однако, лишь самой сильной из скандинавских стран — Швеции. Дания только в конце 20-х годов поправила свои дела; в Норвегии же хозяйственный застой продолжался до конца 20-х годов. Ликвидация последствий кризиса осуществлялась либо правительствами самой буржуазии (Дания, Норвегия), либо под контролем буржуазного большинства в парламенте (Швеция). Целью антикризисных мероприятий был возврат к неограниченной свободе предпринимательства, к свободному размену национальных валют на золото по довоенному паритету. Такая программа диктовала жесткую политику дефляции: поддержание низкого уровня товарных цен, дороговизну кредита, ограничение финансовой помощи промышленникам и тем паче безработным.

Швеция восстановила размен кроны на золото (только в слитках, а не в монете) уже в 1924 г. — раньше всех европейских государств, Дания — в 1927 г., а Норвегия — в 1928 г., да и то в урезанном виде(золотодевизный стандарт). Рост производства и экспорта возобновился еще раньше, так что предкризисный, максимальный объем промышленного производства к 1926 г. был превзойден уже всеми скандинавскими странами.

Все отрасли производства энергично рационализировались; особенно успешно — шведская промышленность и датское сельское хозяйство. Первые шаги делала научная организация труда. То были годы невиданного роста производительности труда. Доля скандинавских стран в мировом экспорте заметно выросла, их продукция стала все больше проникать и на заокеанские рынки.

Число и удельный вес крупнейших предприятий в промышленности скандинавских стран продолжали расти. Даже в Дании — стране наиболее мелких промышленных единиц — концентрация была заметной: крупные предприятия (свыше 100 человек) уже занимали больше людей, чем мельчайшие (до 5 человек). Самые крупные промышленные корпорации и подавляющее большинство их сосредоточились в Швеции. Односторонняя зависимость про-

мышленников от банка-кредитора постепенно сменилась взаимозависимостью; и для Скандинавии пришла пора сращивания промышленного и банковского капитала. По примеру англосаксонских стран стали возникать (в Швеции) инвестиционные компании, участвовавшие сразу во многих промышленных, страховых компаниях, в различных коммерческих банках и пр. Число же различного рода объединений и соглашений, в том числе картельных, между однородными и смежными предприятиями и фирмами росло. Трестов и концернов по-прежнему было немного, но их влияние в соответствующих отраслях промышленности стало определяющим. Монополизации подверглись в особенности экспортные отрасли.

Скандинавские страны стали в 20-х годах крупными экспортерами капитала: промышленные корпорации в несравненно возросших масштабах продолжали начатую ими еще в 900-х годах внешнюю экспансию. Главной формой этой экспансии было создание филиалов и дочерних предприятий в Центральной и Восточной Европе (прямые инвестиции). Наряду с этим в Скандинавии размещались государственные займы иностранных государств (портфельные инвестиции). Экспортерами капитала были преимущественно Швеция [1] и Дания, тогда как у Норвегии все еще преобладал ввоз иностранного капитала в разных видах.

Крупнейшим экспортером капитала из Скандинавии стал в 20-х годах шведский спичечный концерн И. Крейгера, постепенно прибравший к рукам 60% мирового производства спичек и значительную часть шведских экспортных корпораций разного профиля. Благодаря ряду иных операций, в особенности посреднической деятельности по размещению государственных займов одних стран среди капиталистов других стран, Крейгер превратился в крупнейшего дельца международного масштаба, стал символом финансовой помощи — «второго великодержавия» Швеции.

Однако несмотря на «процветание» второй половины 20-х годов, безработица не рассасывалась и была значительно сильнее, чем до войны: в Швеции в 1928—1929 гг. безработными были около 10% членов профсоюза, в Дании — около 15, в Норвегии — около 20%. Колоссальная задолженность предпринимателей, фермеров и целых коммун банкам вела в условиях повышения курса кроны к частым банкротствам.

«Парламентаризм меньшинства». Преобладание партий буржуазного центра. К началу 20-х годов в скандинавских странах сложилось равновесие между консерваторами, либералами и социал-демократами — основными политическими партиями. Возникшие в условиях аграрного кризиса крестьянские партии (в Норвегии в 1920 г., в Швеции заново в 1922 г.), подобно датским венстре, отстаивали прежде всего интересы кулаков, но в общеполитических вопросах равнялись на местных консерваторов. Все скандинавские кабинеты с 1920 до 1929 г. опирались лишь на парламентское мень-

[1] Чистый экспорт капитала из Швеции за 1921—1930 гг. достиг 1,2 млрд. крон.

шинство, будь то во второй палате шведского или датского риксдагов или в стортинге. Проведение правительственной политики требовало договоренности с теми или иными оппозиционными партиями, балансирования между ними (отсюда шведско-норвежское выражение того времени — «политика весовщика»). Балансирование лучше удавалось партиям центра, т. е. либералам. Они и преобладали у власти во всех скандинавских странах в течение 20-х годов: в Дании — до 1929 г., в Швеции — до 1932 г., а в Норвегии — даже до 1935 г.

Среди социал-демократических партий наилучшие шансы получить поддержку парламентского (буржуазного) большинства имели наиболее умеренные, правые партии. Соответственно в 20-х годах шведские социал-демократы трижды формировали правительства, датские — дважды, но более долговечные, норвежские же — лишь однажды, причем на три недели.

Наибольшей остротой политических противоречий и партийной раздробленностью отличалась Норвегия. Здесь с 1920 до 1935 г. сменилось 11 кабинетов. Консерваторы (хёйре) и либералы (венстре) обычно чередовались.

Наряду с вопросами экономической политики важное место в жизни послевоенной Норвегии занял вопрос о запрещении производства и продажи спиртных напитков. Широкое распространение алкоголизма вызвало к жизни влиятельное движение трезвенников, имевшее наибольшую поддержку в партии венстре и в рабочей партии. После войны «сухой закон» военного времени был продлен и поддержан консультативным референдумом 1919 г. Однако отказ Норвегии от ввоза крепких напитков мешал продаже норвежской рыбы винопроизводящим странам — Франции, Испании и Португалии. Разногласия, связанные с «сухим законом» и его внешнеторговыми последствиями, вызвали три правительственных кризиса (1921; 1923; 1924). Практика «сухого закона» оказалась неутешительной — появились злоупотребление медицинскими рецептами, контрабанда, самогон. Новый референдум 1926 г. высказался против «сухого закона», и год спустя он был отменен. Взамен была введена винная монополия полугосударственного (впоследствии чисто государственного) характера.

Расходясь в вопросе о «сухом законе», о социальных реформах и о лансмоле — венстре были за него, а хёйре против,— обе основные буржуазные партии сходились во взглядах на экономическую политику: стояли за повышение курса кроны до золотого паритета, т. е. за политику дефляции, главная тяжесть которой била по трудящимся, а также за государственную помощь крупным банкам.

Дефляционные меры достигли апогея при либеральном кабинете Мувинкеля (1924—1926) и консервативном кабинете Люкке (1926—1928). Предприниматели, пользуясь снижением цен и большой безработицей, пытались вновь понизить ставки заработной платы или отказывались их повышать. Отсюда новая волна крупных трудовых конфликтов, среди которых важное место занимали «незаконные», т. е. в нарушение действующих тарифных соглаше-

ний, забастовки (такова «дикая» стачка металлистов 1924 г.). Буржуазные и кулацкие круги отвечали созданием штрейкбрехерских и военизированных профашистских организаций. По инициативе консервативного кабинета Люкке буржуазное большинство стортинга в 1927 г. изменило уголовное и трудовое законодательство с целью защиты штрейкбрехеров и усиления ответственности профсоюзов за «дикие» забастовки.

Отражением напряженных классовых столкновений был исход парламентских выборов 1927 г. Консерваторы утратили почти половину мандатов, а НРП, вышедшая из Коминтерна и слившаяся с социал-демократами, почти удвоила число своих. Отныне рабочие партии имели впервые столько же мандатов, сколько хёйре и венстре вместе. По инициативе короля Хокона VII в начале 1928 г. было образовано первое в истории Норвегии рабочее правительство во главе с Кр. Хорнсрюдом. Правительство откровенно заявило о своем намерении «облегчить и подготовить переход к социалистическому обществу». Буржуазия ответила на это переводом капиталов за границу. Спустя 18 дней буржуазное большинство провалило кабинет НРП, ссылаясь на угрозу банковского кризиса и биржевой паники. Пришедший на смену кабинет либералов во главе с судовладельцем Мувинкелем продержался до 1931 г.

В Швеции на протяжении 1920—1932 гг. также сменилось девять кабинетов меньшинства. Социал-демократы во главе с Брантингом вернулись к власти после парламентских выборов 1921 г. Кабинет образовался в разгар экономического кризиса, никаких социалистических мероприятий не предлагал и был озабочен в первую очередь помощью массе безработных. Разногласия с буржуазным большинством риксдага по вопросу о выплате пособий безработным — участникам забастовок — привели к падению правительства (1923). Как и норвежцев, шведов волновала проблема алкоголизма. Для ее решения впервые прибегли к консультативному референдуму, который отверг «сухой закон» (1922). В Швеции привились государственная монополия на спиртные напитки и нормированная их продажа. Объединенная либеральная партия даже раскололась в 1923 г. в связи с разногласиями между сторонниками и противниками «сухого закона» на «свободомыслящих» — трезвенников — и просто либералов. Первые стали основной либеральной партией (вновь слились в 1934 г.).

Выборы во вторую палату в 1924 г. вновь принесли успех социал-демократам (104 из 230). Их третий кабинет, возглавленный Брантингом, а после его смерти в 1925 г.— Р. Сандлером, сильно сократил военные расходы. В Дании и Норвегии военные расходы уже были сокращены, причем в еще больших масштабах. Третий социал-демократический кабинет, подобно второму, ушел в отставку из-за разногласий с буржуазным большинством риксдага по вопросу об использовании безработных как штрейкбрехеров.

Социал-демократов сменили либералы во главе со «свободомыслящим» К. Экманом. Они провели с помощью социал-демократов сравнительно прогрессивную школьную реформу, облегчившую

переход из народной школы в гимназию; с помощью правых было расширено трудовое законодательство: создавался (как и в Норвегии) трудовой суд для решения споров о толковании коллективных договоров, закреплялась юридическая сила этих договоров (1928). Социал-демократы и коммунисты выступали решительно против обоих законов, считая их орудием буржуазии, как оно и было в тех условиях.

Однако период «процветания», особенно длительный в Швеции, упрочил буржуазные настроения, и на выборах 1928 г. консерваторы и Крестьянский союз имели значительный успех (100 мандатов вместо 88). Буржуазные партии, которые во многих округах выступали сообща, пугали обывателя радикальными налоговыми проектами социал-демократов как якобы «большевистской угрозой», повторяя прием 1920 г. Пришедший к власти консервативный кабинет престарелого адмирала Линдмана (премьер еще в 1909—1911 гг.), а затем второй либеральный кабинет Экмана (1930—1932) были озабочены главным образом смягчением новых кризисных явлений.

В Дании позиции партий крупной буржуазии дополнительно укреплялись устойчивым буржуазным большинством в верхней палате — ландстинге. Датский ландстинг по конституции 1915 г. (с последующими дополнениями) мог успешно парализовать инициативу фолькетинга. Правительство венстре во главе с видным датским историком и экономистом Неергором (1920—1924) впервые в истории Дании опиралось на поддержку консерваторов. По вопросу об антикризисной политике борьба между партиями в Дании шла иначе, чем в других скандинавских странах. В Швеции и Норвегии консерваторы и либералы представляли в основном интересы промышленной и торговой буржуазии и по экономическим вопросам сходились. В Дании же главная буржуазная партия — венстре — выступала от имени крупных аграриев, а консерваторы представляли интересы промышленников. Венстре как партия сельскохозяйственных экспортеров, не боявшихся конкуренции, стояла на позициях свободы торговли, а молодая датская индустрия, возникшая в значительной мере в условиях военной блокады, требовала таможенной защиты.

Разногласия между буржуазными партиями должны были решить выборы в фолькетинг 1924 г., но они принесли успех социал-демократам — произошел сдвиг влево, вызванный экономическими трудностями. Датские социал-демократы стали крупнейшей партией страны, потеснив венстре. Фолькетинг снова имел левое большинство (социал-демократы плюс радикалы), и Стаунинг сформировал свое первое правительство (1924—1926) с первым в истории всей Скандинавии министром-женщиной (историк Нина Банг — министр просвещения). Конъюнктура в 1924 г. улучшилась, но валютная проблема оставалась нерешенной. Оппортунизм датских социал-демократов облегчил им сговор с венстре о мерах стабилизации кроны — ограничение денежной эмиссии и повышение ссудного процента.

Торвальд Страунинг (1873—1942)

Буржуазная по сути дела финансовая политика социал-демократов подняла курс кроны, причем так быстро, что повлекла за собой новое резкое падение цен; безработица снова выросла, и бремя налогов стало значительно тяжелее. В 1925 г. разразился крупнейший в истории Дании конфликт в промышленности: стачками и локаутами оказались охвачены около 100 тыс. рабочих. Международную известность получила 16-дневная стачка неквалифицированных рабочих-транспортников, парализовавшая экспорт сельскохозяйственных продуктов. Союзники социал-демократов — радикалы — от имени мелкой буржуазии и особенно хусменов требовали прекратить взвинчивание курса кроны, дабы избежать дальнейшего падения цен.

Тем не менее довоенный золотой паритет кроны (золотослитковый стандарт) вошел в силу с 1927 г. к ужасу опутанных долгами мелких хозяев. Для борьбы с последствиями дефляции правительство предложило — после стачечного движения 1925 г.— радикальную программу субсидирования промышленности с целью повышения занятости; расходы должны были быть покрыты чрезвычайным налогом на имущество. Программа оттолкнула от социал-демократов все буржуазные партии, даже радикалов, и правительство назначило досрочные выборы в фолькетинг.

На выборах 1926 г. в парламент прошла новая мелкобуржуазная партия — Правовой союз — буржуазные радикалы, сторонники высокого налога на недвижимость. В фолькетинге тем не менее восстановилось правое большинство, и аграрии — венстре — вновь сформировали правительство. Его возглавил бывший министр сельского хозяйства в кабинете Неергора Т. Мадсен-Мюгдаль. Он провозгласил невмешательство в хозяйственную жизнь и «бережливость»: расходы на социальное обеспечение сокращались параллельно налогам на имущество. Непопулярность кабинета аграриев усугубилась принятием в 1928 г. закона в защиту «свободы труда», т. е. штрейкбрехеров. Досрочные выборы 1929 г. в Дании, подобно шведским 1924 и 1928 гг., выдвинули на передний план вопрос о военных расходах. Лозунгом социал-демократов и радикалов было разоружение. Пацифистские партии одержали внушительную победу: 77 из 148 мандатов в фолькетинге.

Победители вступили в соглашение и образовали двухпартийное правительство Стаунинга, где радикалы получили три важных портфеля — министра иностранных дел, юстиции и внутренних дел. Рабочая программа правительства включала немало реформ социальных, коммунальных и др. Провести большинство их помешал оппозиционный ландстинг, с одной стороны, и экономический кризис 30-х годов — с другой.

Компартии в борьбе с центризмом. Рост левосектантских тенденций в конце 20-х годов. Под влиянием поражений революционного движения на Западе и по мере стабилизации капитализма молодые еще компартии Скандинавии ослабели. Наиболее тяжким ударом для коммунистического движения в Скандинавии явились события в НРП — единственной массовой революционной партии в этом районе и относительно (к числу рабочих) крупнейшей секции Коминтерна.

После парламентских выборов 1921 г. и смерти председателя партии К. Греппа (1922) в ЦК НРП разгорелась борьба между большинством во главе с Транмелем и меньшинством во главе с Шефло. Транмель и его сторонники на деле были против перестройки партии в духе «21 условия», а Шефло и Исполком Коминтерна именно этого добивались. Всего сильнее транмелевское крыло возражало против тактики единого фронта, очищения партии от оппортунистов, против железной дисциплины в секциях Коминтерна (подчинения решениям его центральных органов). Разногласия в НРП обострились и в связи с усилением централизма в Коминтерне после его IV конгресса (1922).

Летом 1923 г. расширенный пленум ИККИ принял особое постановление по норвежскому вопросу. Однако внеочередной съезд НРП большинством голосов отклонил требования Исполкома Коминтерна и тем поставил себя вне Интернационала (ноябрь 1923 г.). Меньшинство покинуло съезд и учредило новую партию под названием «Коммунистическая партия Норвегии (секция Коминтерна)». КПН приняла новую программу действий и избрала новое руководство (У. Шефло, Св. Стёстад, П. Фюрюботн, А. Хансен и др.). Старая центристская НРП (Транмель, О. Торп, Ю. Нюгорсволл) также сохранила на первых порах революционную программу.

Транмелевцы встретили сочувствие у большинства руководителей шведской компартии — Хёглунда, Стрёма. Эти основатели КПШ еще раньше критиковали «21 условие», а с 1922 г. — многие решения Исполкома и конгрессов Коминтерна. Летом 1923 г. Исполком Коминтерна весьма сдержанно осудил точку зрения Хёглунда о терпимом отношении коммунистов к религии. На это Хёглунд и его единомышленники ответили критикой «диктатуры» Исполкома. В ответ на требование V конгресса Интернационала (лето 1924 г.) о большевизации компартий вообще и шведской в частности они усилили фракционную борьбу в КПШ, однако оказались в меньшинстве и в конце 1924 г. были исключены из Коминтерна. Шведскую компартию — секцию Коминтерна — возглавили К. Чиль-

бум, Х. Силлен, О. Самюэльссон и др. Центристская «коммунистическая партия» Хёглунда-Стрёма уже в 1926 г. влилась в СДПШ.

После неоднократного вмешательства братских партий Скандинавии и Исполкома Коминтерна численно весьма скромная КПД восстановила в 1923 г. единство своих рядов, однако с сохранением центристских настроений в руководстве (Э. Кристиансен) и левацких синдикалистских настроений в «низах».

Острая внутрипартийная борьба, конечно, ослабляла влияние скандинавских компартий на ход событий. Тем не менее коммунисты активно участвовали в забастовочном движении и других пролетарских выступлениях 20-х годов, в том числе в борьбе с реакционным трудовым законодательством периода «процветания». Наибольших успехов добилась КПШ, вновь увеличившая свои ряды до 18 тыс. в 1928 г. и ставшая массовой партией. На выборах этого года за нее было подано 150 тыс. голосов, и она провела 8 депутатов во вторую палату. Кадры квалифицированных рабочих, например горняков Севера, теперь сплоченно шли за Компартией.

В Норвегии силы революционно настроенных рабочих в рассматриваемый период, особенно до 1927 г., дробились между Компартией и НРП. Последняя, организационно порвав с Коминтерном, демонстративно подчеркивала верность его целям, принимала диктатуру пролетариата как средство построения социализма и даже демагогически критиковала Компартию «слева». Компартия Норвегии насчитывала к моменту отделения от НРП около 14 тыс. членов (в НРП осталось 40 тыс.) и располагала 14 мандатами (половина парламентской фракции старой НРП). Влияние Компартии на профдвижение было весьма заметно во время стачки металлистов и других конфликтов 1924—1925 гг. НРП и СДПН слились в 1927 г. на компромиссной основе: общая программа уже не упоминала о диктатуре пролетариата, но подчеркивала правомерность любых внепарламентских действий в порядке обороны от классового врага. Объединение НРП и СДПН (под названием НРП и с ее председателем О. Торпом) привело к успеху на выборах 1927 г. Вслед за тем неудачный эксперимент рабочего правительства Хорнсрюда временно оживил радикальные и даже антипарламентские настроения в НРП.

В конце 20-х годов во всех скандинавских компартиях при прямом участии Исполкома Коминтерна развернулась борьба с правыми оппортунистами, в числе которых оказалось и большинство основателей КПН, включая, например, Шефло. Борьба особенно обострилась после VI конгресса Коминтерна (1928). При этом, однако, ультралевые тенденции, отражавшие просчеты самого руководства Коминтерна, одержали верх. КПН ошибочно осудила любые соглашения с НРП и взяла курс на создание революционной оппозиции в профсоюзах и рабочих спортивных организациях. Численность КПН в 1928 г. снизилась до 8 тыс. человек (в стортинге — 3 мандата).

В Шведской компартии борьба с правыми привела к расколу; правооппортунистическая группировка К. Чильбума — О. Самюэльссона порвала с Коминтерном (1929). «Независимой» коммунистической партии Чильбума противостояла верная Коминтерну компартия (Г. Силлен, Св. Линдерут). И КПШ, однако, не избежала характерных для того времени левацких ошибок.

Датская компартия так и не смогла провести ни одного депутата в фолькетинг и оставалась плохо связанной с рабочими массами. Правооппортунистические, ликвидаторские настроения охватили в конце 20-х годов вождей партии и побудили Исполком Коминтерна в конце 1929 г. в открытом письме призвать КПД к преодолению внутреннего кризиса. После этого группа основателей КПД — Э. Кристиансен, С. Хельберг и др.— перешла из нее в СДПД. К руководству партии пришли новые люди (А. Ларсен, М. Нильсен).

В разгар этого нелегкого процесса большевизации скандинавских компартий начался мировой экономический кризис.

Внешняя политика скандинавских «экс-нейтралов» 1920—1933 гг. С начала 20-х годов до начала 30-х («эра пацифизма») вопросы внешней политики отошли на задний план в общественно-политической жизни Скандинавии. Вступив в Лигу наций, три скандинавских государства проводили единую политику, согласуя ее не только друг с другом (отсюда выражение «скандинавский блок»), но и с остальными европейскими бывшими нейтралами, в первую очередь с Голландией и Швейцарией. Задачи политики скандинавских государств в Лиге наций сводились к следующему: превращение Лиги в универсальную организацию; расширение компетенции Ассамблеи, с одной стороны, и круга непостоянных членов Совета Лиги — с другой; расширение сферы применения принудительного арбитража; ограничение обязательного характера участия в материальных, в том числе военных, санкциях для малых членов Лиги.

В первые годы деятельности Лиги в ее работе активно участвовали такие видные общественные и государственные деятели Скандинавии, как норвежцы Ф. Нансен и К. Л. Ланге (генеральный секретарь Межпарламентского союза), а также швед Я. Брантинг. Все три государства существенно сократили на протяжении 20-х и начала 30-х годов свои вооруженные силы, и без того незначительные у датчан и норвежцев. Нейтралистская линия скандинавских стран во многом предопределила провал антисоветских проектов балтийского блока, «балтийского Локарно» и пр.

Юридическое признание СССР тремя скандинавскими государствами произошло в течение февраля — июня 1924 г., причем первой опять оказалась Норвегия. Одновременно с норвежским признанием де-юре Советское правительство сообщило правительству Норвегии о своем признании норвежского суверенитета над Шпицбергеном и островом Медвежий и о снятии им возражений против Парижского договора 1920 г. Советско-норвежский договор о торговле и мореплавании был подписан в 1925 г.

15 марта 1924 г. одновременно с заявлением о признании Швецией СССР было подписано торговое соглашение, и поныне действующее. Дания признала Страну Советов в июне 1924 г.

Во второй половине 20-х годов и в годы первой пятилетки советско-скандинавская торговля развивалась довольно успешно: в 1932 г. СССР занял первое место в шведском экспорте стали и металлоизделий. Экономические связи развивались также по линии частных скандинавских концессий в СССР и расширения советской собственности (углеразработок) на Шпицбергене.

Взаимоотношения между самими скандинавскими государствами подверглись в рассматриваемый период испытанию в связи с датско-норвежским конфликтом из-за Гренландии. Еще при продаже Виргинских островов Дания добилась от США официального признания ее суверенитета над всей Гренландией. То же сделал позднее ряд других государств, за исключением Норвегии, вследствие притязаний норвежских зверобоев на особые интересы в Восточной Гренландии, еще не освоенной датчанами. Вопрос о суверенитете остался, однако, открытым. В 1931 г. норвежская зверобойная и исследовательская экспедиция провозгласила суверенитет Норвегии над частью Восточногренландского побережья, назвав его «Землей Эрика Рыжего». Вскоре эта «частная» оккупация была одобрена правительством. Затем Норвегия и Дания согласились передать решение дела Постоянному международному суду в Гааге. Суд решил спор в пользу Дании (1933).

Гренландский конфликт не помешал развитию сотрудничества скандинавских стран. В 1919 г. во всех скандинавских странах, а также в Исландии и Финляндии были учреждены общества «Норден». В 20-х годах возникли межскандинавские объединения сторонников мира, спортсменов, юристов, кооператоров, предпринимателей и пр. В годы мирового экономического кризиса был создан зачаток северной таможенной унии, так называемая конвенция Осло (1930), с обязательством не повышать пошлины во взаимной торговле без предупреждения.

Глава XIV

Мировой экономический кризис. Начало социал-демократической «эры»

Кризис и новое обострение классовой борьбы. Мировой экономический кризис охватил Скандинавию с некоторым опозданием — в конце 1930, а частью даже в 1931 г., и достиг апогея в 1932 г. В Швеции объем промышленного производства упал за 1929—1932 гг. на 21%, в Норвегии — на 25%. С особой силой кризис поразил экспортные отрасли. Экспорт датского масла упал в 1929—1932 гг. примерно на 40%, свиного сала в 1930—1932 гг. — на 23% (по стоимости). Безработица, и без того значительная даже в конце 20-х годов, охватила зимой 1932/33 г. в Дании 40% организованных

в профсоюзы промышленных рабочих, в Норвегии — около 35%, в Швеции — 20%. Велика была безработица и среди служащих, и среди сельскохозяйственных рабочих. В бедственном положении вновь оказались и мелкие хозяева, в особенности сельские. Ежедневно принудительно продавались с молотка десятки крестьянских хозяйств. Банкротство потерпели крупные компании — Трансатлантическая в Дании и всемирно известный концерн Крейгера в Швеции; сам Крейгер покончил самоубийством (1932).

Совершенно недостаточные размеры помощи безработным и понижение ставок заработной платы при пересмотре тарифных договоров поставили широчайшие массы трудящихся в отчаянное положение. Их борьба с последствиями кризиса затруднялась антирабочими законами, принятыми в конце 20-х годов, и действиями фашистских партий и групп во всех трех странах.

Забастовочное движение в годы кризиса по сравнению с 20-ми годами не ослабевало. Наиболее острые столкновения происходили между безработными и полицией, между локаутированными или бастующими рабочими и штрейкбрехерами. На всю Скандинавию прогремели события весны — лета 1931 г. в датском городке Накскове (остров Лолланн), южнонорвежском местечке Менстад и особенно в северошведском лесопромышленном районе Одален, где мирная демонстрация рабочих с требованием удалить присланных штрейкбрехеров была обстреляна войсками, и пять демонстрантов погибло. Каждое из этих событий вызывало крупные демонстрации, прежде всего в столицах трех стран, и столкновения с полицией.

Коммунисты руководили забастовками, демонстрациями, участвовали в создании организаций безработных, в кратковременном захвате власти на местах (в районе Одален, например), в изгнании штрейкбрехеров. Руководители и активисты партии в целом ряде случаев поплатились тюремным заключением. Главенство коммунистов было особенно заметно в Дании, где Компартия в январе 1933 г. привела массы к риксдагу и ускорила принятие антикризисных мер. На выборах 1932 г. за КПД впервые проголосовало 17 тыс. человек и два первых депутата-коммуниста попали в фолькетинг. Компартия Швеции, лишившаяся всех парламентских мандатов из-за раскола 1929 г., на выборах 1932 г. вновь провела во вторую палату двух депутатов. Норвежские коммунисты, и во время кризиса не прекратившие фракционной борьбы (двукратная смена руководства в 1932 и 1934 гг.), остались вне стортинга. И все же численность рядов КПН вновь стала расти (в 1932 г. 5000 человек).

Важной особенностью классовой борьбы в период кризиса было значительное крестьянское движение, особенно в Дании. В 1931 г. здесь возникло новое Объединение сельских хозяев (LS), одно время насчитывавшее 135 тыс. членов. Верховодили в нем помещики и крупные фермеры. Объединение выступало и против крупного капитала, и против профсоюзов, за отмену «процентного рабства» (задолженности) и за снижение заработной платы, доходило и до призывов уничтожить парламентскую демократию. Это

был датский вариант «крестьянского фашизма». В 1930 г. в Дании возникла и небольшая Национал-социалистическая рабочая партия Дании во главе с Фр. Клаусеном. На мелкобуржуазной социальной базе была создана в 1933 г. в Норвегии партия Национальное единение (NS). Вождем ее стал майор запаса В. Квислинг, бывший военный министр в правительстве крестьянской партии, пославший вооруженные силы в Менстад. Фашистские партии возникли еще в 20-х годах и в Швеции.

Антикризисная программа социал-демократов, их соглашения с аграриями и приход к власти. В разгар кризиса буржуазные партии имели большинство в парламентах и составляли правительства в Швеции и Норвегии. В Дании партии крупной буржуазии преобладали в верхней палате — ландстинге, и они могли срывать мероприятия коалиционного правительства социал-демократов и радикалов. Первоначальным стремлением буржуазных партий было дать выход из кризиса самой стихии рынка, опираясь на устойчивое валютное положение всех скандинавских стран. Средства в помощь безработным выделялись крайне скупо, и в Норвегии, например, они выдавались органами местного самоуправления в виде голодных натуральных пайков (крупа, маргарин, патока, соленая рыба), стоимость которых могла вычитаться из заработной платы после получения работы от коммуны. Участие в общественных работах оплачивалось по ставкам ниже ставок чернорабочего.

Углубление кризиса потребовало, однако, более энергичного вмешательства. В Швеции и Норвегии еще на рубеже 20—30-х годов власти стали ограждать сельское хозяйство от иностранной конкуренции. Норвежцы, а за ними шведы централизовали, например, закупку зерна в стране и за границей, сосредоточив ее в одной смешанной государственно-частной организации. В Норвегии уже в 1930—1931 гг. были созданы национальные кооперативные организации — «централы» по закупке молока, яиц, бекона, мяса и пр. Централизация сбыта позволила поднять цены на сельскохозяйственные продукты значительно выше мировых и затем контролировать их.

Осенью 1931 г. все скандинавские страны отказались от обмена своей валюты на золото после того, как это сделала Англия — главный рынок сбыта для Скандинавии. Курсы бумажных скандинавских валют падали теперь в той же пропорции, что и фунт стерлингов. Датские и другие экспортеры, предъявлявшие своему банку выручку (векселя) в фунтах, получали соответствующее количество крон (как и прежде 18 крон за фунт).

Скандинавия позже других районов мира ощутила тяжесть кризиса. Однако после отказа англичан и немцев от свободной торговли буржуазия в Дании, например, потребовала введения ввозных пошлин на промышленные товары (консерваторы — партия промышленников) либо ограничения импорта путем контроля за валютой (венстре — аграрии). В конце 1931 г. был запрещен вывоз капитала, а в начале 1932 г. был принят временный закон об обязательной сдаче иностранной валюты Национальному банку и запре-

те импорта без разрешения властей. С этой целью был создан специальный валютный центр.

В Швеции крах концерна Крейгера и связанных с ним предприятий и банков потребовал государственного вмешательства в финансовые дела. В Норвегии ряд крупных частных банков вынужден был также просить государственной помощи. Кризис подорвал авторитет буржуазных кабинетов: все они применили вооруженную силу против трудящихся; финансовые крахи раскрыли неблаговидную связь ряда правительственных деятелей с крупными финансистами, например шведского премьера Экмана с Крейгером. Неудивительно, что парламентские выборы 1932—1933 гг. во всех трех странах показали серьезный сдвиг влево и принесли партиям буржуазии — правящим в Швеции и Норвегии — серьезные поражения, а оппозиционным в Дании — новые неудачи. Скандинавские социал-демократы, лишившись части голосов пролетариев в пользу своих более левых конкурентов — в Швеции за коммунистов обоих направлений голосовало 200 тыс. избирателей,— «отняли» у буржуазных партий большое число служащих, хусменов, интеллигенции. Социал-демократы во всех трех странах впервые получили около 40% поданных голосов и большее, чем когда-либо, число мандатов, однако не абсолютное их большинство.

В отличие от буржуазных партий социал-демократы пришли на выборы с развернутой антикризисной программой, в основе которой лежала новая и весьма популярная для того времени идея государственного вмешательства в частнокапиталистическую экономику. Разительные успехи социалистического строительства в СССР влияли и на скандинавское общественное мнение: понятия плана, регулирования, контроля теперь зачастили в предвыборных программах скандинавских реформистов. Социал-демократические лозунги «Весь народ, за работу!» (НРП), «Швеция — дом для народа», «Датский социализм» отнюдь не означали покушения на существующий строй, и скандинавская крупная буржуазия уже понимала это. Даже самая левая — НРП выступала теперь как партия практических реформ, как партия «всего народа», как поборник парламентской демократии и противник диктатуры «слева и справа».

После выборов шведские «свободомыслящие» (левые либералы) уступили портфели социал-демократам. Датские социал-демократы вместе с радикалами, естественно, остались у власти. Сохранило позиции и норвежское либеральное правительство меньшинства, менее скомпрометировавшее себя в ходе кризиса (в 1931—1933 гг. у власти в Норвегии стояли аграрии).

Для проведения обещанных массам мер по борьбе с безработицей и социальных реформ социал-демократические кабинеты в Дании и Швеции нуждались в новых союзниках. Такой союзник был необходим и норвежским социал-демократам для свержения буржуазного правительства венстре. Задача социал-демократов облегчалась противоречиями в буржуазном лагере. Обе партии крупной буржуазии — консерваторы и либералы — были старыми

Компромисс на Канслергаде. Карикатура, 1933 г.

политическими противниками и почти ни разу (а с 1918 г. ни разу) не создавали общего правительства ни в одной из стран. Не менее важно было растущее расхождение старых буржуазных партий в Норвегии и Швеции с новыми крестьянскими партиями. Последние требовали теперь столь значительной и постоянной государственной помощи сельским хозяевам, на какое промышленная буржуазия Швеции и Норвегии идти не желала. Датские венстре понимали необходимость государственного регулирования сельского хозяйства в интересах самих фермеров, но не находили отклика у консерваторов, т. е. у промышленных кругов.

В январе 1933 г. датские социал-демократы и их партнеры по кабинету — радикалы достигли политического соглашения с лидерами венстре («Компромисс на Канслергаде»), в мае состоялось соглашение шведских социал-демократов с Крестьянским союзом, и лишь спустя два года (в марте 1935 г.) правительство норвежских венстре (Мувинкель) получило вотум недоверия благодаря объединению голосов недавних антагонистов — НРП и крестьянской партии. 19 марта 1935 г. правительство Нюгорсволла (НРП) было назначено королем.

В наиболее сложной и драматической ситуации было достигнуто соглашение партий в Дании. Зимой 1932/33 г. зашли в тупик переговоры о тарифах ввиду намерения предпринимателей снизить заработную плату на 20%. Союз предпринимателей грозил большим локаутом, а объединение профсоюзов — стачкой в нелокаутированных отраслях. «Компромисс на Канслергаде» включал прež-

де всего обещание либералов-венстре не мешать принятию закона о запрете на год локаутов и стачек при сохранении существующих ставок заработной платы и согласие социал-демократов на новую девальвацию кроны (22 кроны за фунт). Запрет локаутов был выгоден рабочим, а девальвация — фермерам. Во всем остальном датское соглашение предвосхищало шведский и норвежский варианты. Социал-демократы трех скандинавских стран обещали провести ряд мер в пользу сельских хозяев с целью повышения их доходов, например понижение ссудного процента, отсрочку уплаты долгов, снижение налога на недвижимость, повышение цен на отдельные сельскохозяйственные продукты (т. е. скрытое снижение заработной платы). В свою очередь, аграрии дали согласие на новые крупные ассигнования для борьбы с безработицей, на социальные реформы (различные меры по улучшению помощи престарелым, инвалидам, больным, многодетным и пр.) и на отмену особо ненавистных антирабочих законов периода «процветания».

При всей их половинчатости и ограниченности соглашения 1933—1935 гг. имели прогрессивное значение. Они означали начало перехода от капитализма монополистического к государственно-монополистическому; стабилизацию буржуазно-демократических порядков и ослабление фашистской опасности; усиление политического влияния рабочего класса, служащих, беднейшего крестьянства.

Первый опыт социал-демократического регулирования капитализма. Имея прочное парламентское большинство, социал-демократические кабинеты смогли, по крайней мере отчасти, выполнить свои антикризисные программы. Важной предпосылкой этого успеха было общее улучшение хозяйственной конъюнктуры — почти непрерывное вплоть до начала войны, отчасти благодаря гонке вооружений 30-х годов. Объективно экономическая политика социал-демократов как правящих партий была направлена на развитие государственно-монополистического капитализма в Скандинавии. Требования социалистических преобразований сохранились в программах всех социал-демократических партий, даже датской (программа «Дания для народа» 1934 г.), но в жизнь не претворялись.

Важным рычагом активизации хозяйственной жизни скандинавские реформисты считали создание новых сфер занятости населения, финансируемых государством. Ради этого социал-демократические кабинеты выпускали займы и повышали налоги, главным образом прямые. Пионерами в этой области были шведы, в частности министр финансов Э. Вигфорс. Налоговые реформы в целом носили прогрессивный характер, поскольку дополнительно облагались преимущественно крупные доходы, состояния и наследства. Общественные работы организовывались преимущественно на транспорте и коммуникациях, т. е. в национализированной части народного хозяйства. Условия оплаты на этих работах по сравнению с 20-ми годами улучшились. Однако ликвидировать массовую безработицу все же не удалось: в Швеции она держалась до кон-

ца 30-х годов на уровне 9%, в Норвегии — около 20%, а в Дании — даже более 20% среди членов профсоюза.

Другим важным средством увеличения занятости стало удешевление кредита промышленникам: учетный процент государственных банков был сильно понижен (в Дании, например, с 5% в 1929 г. до 2,5% в конце 1933 г. и 3,5% в начале 1939 г.), а вывоз капитала за границу временно запрещен (Дания) или ограничен (Швеция, Норвегия), что позволило государственным банкам накопить значительные валютные резервы. С другой стороны, задолженность предприятий банкам была разными способами смягчена. Все это в сочетании с приливом иностранного капитала в сравнительно спокойные скандинавские страны привело к более высокому уровню капиталовложений по сравнению с 20-ми годами.

Создание новых государственных предприятий и тем более выкуп правительством частных предприятий оставались и при социал-демократических правительствах весьма незначительными. Но во всяком случае рост государственного и коммунального секторов в народном хозяйстве всех скандинавских стран в 30-е годы возобновился и даже усилился. В Норвегии эта доля в 1939 г. выросла до 10%, в Швеции — до 15%, всего ниже она оставалась в Дании.

В области сельского хозяйства социал-демократические правительства при поддержке аграриев развили и закрепили сложившуюся в годы кризиса систему запретительных ввозных пошлин, централизованной кооперативной торговли и гарантированных цен производства («юрдбруксреглеринг» — шв.), на что шведское и норвежское правительства предоставляли ежегодные субсидии. В Швеции и Норвегии эта система поощряла рост самообеспечения сельскохозяйственными продуктами. В Дании, напротив, регулирование больше служило целям ограничения сельскохозяйственного производства, будучи прямо связано с внешнеторговыми условиями: согласно англо-датскому торговому соглашению 1933 г. Дания сохранила лишь ограниченную квоту на британском рынке. Это ставило жесткие рамки, например, производству бекона в Дании. Фермеры получали карточки на поставку лишь определенного числа свиней на бойни по максимальной цене; за остальных им платили настолько мало, что издержки не покрывались. Это привело к сокращению поголовья скота, но поддержало уровень экспортных цен, обеспечивший доходность датского животноводства. Практиковалась также раздача мясо-молочных продуктов неимущей части населения.

Сходные двусторонние соглашения, предусматривавшие взаимное снижение пошлин, заключили в те же годы шведы и норвежцы с Англией и США. Обеспечив себе беспошлинный или льготный сбыт, скажем, на британском рынке, скандинавы взамен обязались покрывать определенную квоту своего импорта (например, по каменному углю) английской продукцией. Установив курсы своих валют по отношению к фунту ниже паритета, скандинавские правительства провели тем самым дополнительную девальвацию, что позволило им в первые послекризисные годы форсировать свой

экспорт быстрее других европейских стран, медливших с девальвацией. Главным их рынком сбыта оставалась Великобритания, скандинавские страны стали членами стерлингового «блока» и пользовались Лондоном как своим расчетным центром.

Практика двусторонних торговых и платежных соглашений наряду с валютным контролем — особенно жестким в Дании — позволила социал-демократическим правительствам регулировать внешнюю торговлю своих стран, не посягая на ее частнокапиталистический характер и прибегая лишь в отдельных случаях к существенному повышению ввозных пошлин.

По мере выхода из кризиса темпы роста производства в 30-е годы превзошли темпы 20-х годов. В 20-е годы рост достигался главным образом путем рационализации, в 30-е же — путем прямого расширения предприятий и основания новых предприятий и даже целых отраслей (в Дании). Шведская и норвежская промышленность за эти годы «завоевали» новые секторы своего внутреннего рынка, датская промышленность, напротив, обеспечила себе растущую долю в национальном экспорте (1939 г. — $^1/_4$). Приведем такие цифры: объем промышленного производства в Швеции за 1930—1939 гг. вырос более чем на 60%, в Дании — на 35%, в Норвегии за 1929—1937 гг.— на 30%. Норвежский тоннаж танкерного флота за 1930—1939 гг. почти удвоился.

Проникновение иностранного капитала в экономику скандинавских стран в предвоенные годы вновь усилилось. Даже обычный экспортер капитала — Швеция — и та выступала с 1935 г. преимущественно его импортером. В Дании доля иностранного капитала была ниже, чем в Швеции и Норвегии.

Бурный рост индустрии в сочетании с протекционистскими и регулирующими мероприятиями, конечно, способствовал дальнейшей концентрации и монополизации промышленного производства, а также концентрации и централизации капитала. В Швеции, например, число акционерных обществ за 1930—1940 гг. поднялось с 30 до 40 тыс., а число банков уменьшилось с 30 до 28. Мелкие предприятия в промышленности и торговле сохраняли свой большой удельный вес, да и в сельском хозяйстве процесс их ликвидации теперь замедлился благодаря субсидированию и другим мерам помощи сельскому хозяйству.

Множилось число картельных соглашений и другого рода ограничений конкуренции как на внутреннем рынке, так и в экспортных отраслях. В Норвегии, например, число всевозможных объединений и соглашений этого рода выросло за 1930—1938 гг. с 237 до 376. В Швеции та или иная степень монополизации уже затронула около половины продукции внутреннего рынка и $^2/_3$ — идущей на внешний рынок. Растущее влияние монополистических организаций на уровень цен вызвало к жизни скандинавские разновидности антитрестовского законодательства, не имевшие, однако, серьезных последствий (обязательная регистрация картельных соглашений, учреждения по контролю за ценами и пр.). Кроме картелей и трестов в 30-е годы росло число отраслевых организаций предпринимателей

по интересам и профессиям. Важным звеном в системе таких организаций стали в 30-х годах уже известные кооперативные объединения, монополизировавшие внутренний и внешний сбыт, а часто также переработку сельскохозяйственных продуктов (в Норвегии — также рыбопродуктов). Монополистический характер скандинавского капитализма в правление социал-демократов, таким образом, усилился.

В итоге всех этих процессов состав самодеятельного населения скандинавских стран на межвоенное двадцатилетие несколько изменился [1]. Прежде всего доля сельскохозяйственного населения еще больше упала (в среднем до 30%), а промышленного — выросла. В Дании, например, доля последнего, составлявшая в 1900—1930 гг. 27—28%, в 1940 г. достигла 33%. В Норвегии соответствующие цифры для 1930—1946 гг. были 25 и 32%, в Швеции для 1930—1940 гг. — 36 и 38%. В сельском хозяйстве явно падала доля наемных рабочих в связи с растущей механизацией, а мелкие арендаторы за отработки (хусмены, шведские торпари), полупролетарии вроде безземельных хусменов и хибарочников или пролетарии старого типа — статары почти исчезли. Люди эти либо ушли в промышленность и на транспорт, либо — реже — обзавелись собственными земельными участками. Так, датские хусмены в новейшее время — это обычно уже мелкие крестьяне-собственники, а не былые мелкие арендаторы. Темпы роста числа промышленных рабочих в период между войнами (кроме Дании) замедлились. Значительно быстрее росли ряды торгово-транспортных рабочих, а также инженеров и техников. На смену эмиграции, еще имевшей место в 20-х годах, теперь пришла незначительная иммиграция, главным образом из фашистских государств Центральной Европы.

Реформы социального и трудового законодательства. Новые процедуры улаживания трудовых конфликтов. По мере отказа социал-демократов от реализации их марксистских принципов они все больше внимания уделяли социальным реформам. Реформы эти были нужны и для привлечения к социал-демократам новых, непролетарских слоев избирателей. Инициатива постановки вопроса о социальных мероприятиях в целом ряде случаев принадлежала компартиям, которые затем боролись за наиболее выгодный для бедноты вариант той или иной реформы.

Датские социал-демократы, пришедшие к власти раньше шведов и норвежцев, раньше их усовершенствовали и систему социального обеспечения. Соответствующие законы (1933) были подготовлены министром социального обеспечения К. Стейнке (бывш. инспектором по делам бедных) и названы его именем. Они свели воедино и привели в порядок десятки накопившихся, часто противоречивых актов, а также внесли ряд улучшений. Принцип оплаты социальных пособий самими застрахованными в общем сохранился, но доля государства и коммун выросла и условия страхования для

[1] Всего в 1940 г. Швеция насчитывала 6,4 млн. жителей. Дания — 3,8 млн., Норвегия (в 1946 г.) — 3,1 млн.

беднейшей части населения улучшились. Так, государство и коммуны отныне финансировали половину расходов страховых касс помощи безработным; выплата пособий по безработице (в среднем 50% заработной платы) была растянута с 4 до 6 месяцев.

Право на бесплатное медицинское обслуживание и больничное пособие обеспечивалось малоимущему большинству трудоспособных граждан 14—60 лет с их детьми (в 1939 г. 77% населения страны). Остальные трудоспособные (21—60 лет) также страховались в обязательном порядке, но получали право на медицинскую помощь при условии уплаты небольших страховых взносов (впредь до ухудшения их благосостояния). Страхование по болезни давало затем и право на пенсию по старости (с 60 лет и при условии материальной необеспеченности) и по инвалидности. Размер социальных пособий стал отныне регулироваться согласно индексу стоимости жизни. Право на получение различных видов общественного призрения (как правило, с последующим возвратом) получали те, кто либо не имел права на пособие по болезни, по инвалидности или по безработице, либо исчерпал его (например, безработный свыше 6 месяцев). «Законы Стейнке» надолго превратили Данию в образцовую, с точки зрения социального обеспечения, капиталистическую страну.

В Швеции и Норвегии сходные реформы были проведены во второй половине 30-х годов. Однако в Швеции страхование по болезни сохраняло свой добровольный характер, а в Норвегии было обязательным, но не всеобщим, и не охватывало лиц с высоким доходом. Несколько отставая от датчан в отношении страхования по болезни, безработице и старости, шведы пошли дальше их в оказании помощи матерям и детям. Это объяснялось значительным, даже угрожающим снижением рождаемости в Швеции. Законом 1937 г. вводился бесплатный и постоянный медицинский контроль за детьми до трех лет и за беременными, устанавливались единовременные пособия беременным и роженицам, а также регулярные пособия нуждающимся детям до 16 лет. В Норвегии в отличие от Швеции и Дании были уже в 30-х годах введены обязательное страхование по безработице (1938), а также — с опозданием — пенсии по старости, причем лишь с 70 лет (1936).

Важной задачей социал-демократические кабинеты 30-х годов считали улучшение трудового законодательства. Наиболее ненавистные рабочим законы предшествующего периода были теперь отменены, например норвежский закон 1927 г. и датский закон 1928 г. «Об охране свободы промыслов и труда», грозившие тюрьмой за противодействие штрейкбрехерам, или аналогичный старый шведский «закон Окарпа» 1899 г.

Законы 1938 г. ввели для шведских рабочих и служащих 12-дневный летний оплачиваемый отпуск (то же в Дании в 1937 г., в Норвегии 1936 г.— 9 дней), 8-часовой рабочий день для сельскохозяйственных рабочих, моряков, продавцов (то же в Норвегии в 1936 г.— закон об охране труда). В 1939 г. в Швеции был принят закон о работающих женщинах, запрещавший их увольнение при

беременности. В Норвегии — первой среди скандинавских стран — женщины с 1938 г. получили формальный доступ ко всем государственным должностям без исключения.

Первая половина 30-х годов ознаменовалась для Скандинавии новыми трудовыми конфликтами. Большие локауты 1931—1933 гг. сменились столь же крупными стачками, особенно среди строителей, моряков, а также массовыми внепарламентскими выступлениями политического характера. Подсчитано, что Норвегия, Швеция и Дания (по нисходящей) в 1927—1936 гг. превосходили все остальные капиталистические страны по числу потерянных человеко-дней на 1000 рабочих (3176 в Норвегии и 791 в США). Однако с приходом к власти социал-демократов им с помощью руководства профсоюзов удалось убедить широкие массы трудящихся в выгодности для них отныне — при рабочих правительствах — мира на рынке труда и в необходимости разработки согласительной процедуры для предотвращения и улаживания трудовых конфликтов.

В Дании такая процедура была обусловлена еще сентябрьскими соглашениями 1899 г.[1], предоставившими центральной организации профсоюзов (DSF) крайне широкие полномочия в отношении местных организаций. Та же тенденция была присуща новому датскому закону о посредничестве в трудовых конфликтах (1934). В 1934 и 1936 гг. правительство Дании решало исход трудовых конфликтов даже путем принятия единовременных законов о принудительном арбитраже.

В Швеции и Норвегии профсоюзы имели больше самостоятельности в отношении своего национального центра, чем в Дании, и оппортунистическое руководство профсоюзов было больше стеснено в своей готовности к уступкам предпринимателям и правительству. Принудительный арбитраж в обеих странах не применялся.

В Норвегии и Швеции правила урегулирования трудовых споров и конфликтов были разработаны центральными организациями профсоюзов и предпринимателей (соответственно 1935 и 1938 гг.) в виде «основных соглашений». Большинство отраслевых профсоюзов и предпринимателей одобрили затем эти типовые соглашения, создававшие такую процедуру переговоров по вопросам неправового характера, которая затрудняла открытый конфликт и позволяла обойтись без государственного вмешательства. С этой целью в Швеции, например, был создан согласительный Комитет рынка труда на паритетных началах. Открытые средства борьбы — забастовка, блокада, бойкот, локаут — даже в случае их допустимости по закону или по действующему договору — были разрешены лишь по исчерпании всех средств согласительной процедуры, предусмотренной «Основным соглашением». Применение указанных средств классовой борьбы ограничивалось, кроме того, по самым разным причинам, например в случае ущерба для «нейтральных» третьих лиц на производстве или в случаях, угрожающих «благополучию

[1] С последующими дополнениями (например, 1936 г.— о правилах заключения коллективных договоров).

общества в целом». Эти ограничения были направлены главным образом против рабочих.

Известное сокращение—по числу, продолжительности, охвату—стачек и локаутов с середины 30-х годов показало действенность достигнутых на рынке труда реформистских соглашений. Так, в Норвегии число потерянных в конфликтах человеко-дней в среднем за год снизилось в 1935—1939 гг. почти втрое по сравнению с 1930—1934 гг. В Швеции на одного члена профсоюза было потеряно в 1930 г. 2 дня, в 1935 г. — 1, в 1940 г.— 0,2 рабочих дня. В Дании после крупного локаута 1936 г., приведшего к потере почти 3 млн. человеко-дней, число трудовых конфликтов резко упало.

Партийно-политическая борьба второй половины 30-х годов. Коммунисты и вопрос о Народном фронте. Парламентские выборы середины 30-х годов — первые после кризиса — показали одобрение широкими массами проводимой политики. Датские социал-демократы получили на досрочных выборах 1935 г. 46% голосов, 100 тыс. новых избирателей и 6 дополнительных мандатов в фолькетинге. В следующем году они и радикалы впервые завоевали абсолютное большинство мест в ландстинге и тем избавились от необходимости парламентского сотрудничества с правыми партиями. 8 новых мандатов получили во второй палате шведские социал-демократы в 1936 г., и в том же году норвежские социал-демократы получили свыше 100 тыс. новых голосов, но всего 1 дополнительный мандат в стортинге.

В Швеции после выборов 1936 г. Крестьянский союз согласился войти в правительство на основе социал-демократической предвыборной программы: указанные выше социальные реформы и были проведены новым коалиционным кабинетом П. А. Ханссона; с 1936 г. «парламентаризм меньшинства» в Швеции ушел, таким образом, в прошлое уже и формально. В Норвегии выборы 1936 г. принесли поражение крестьянской партии, и НРП стала сотрудничать также с венстре, которые в отличие от аграриев были готовы к дальнейшему проведению социальных реформ.

Социал-демократические правительства осуществили в 30-х годах также дальнейшую демократизацию избирательной системы. В Швеции был отменен имущественный ценз для депутатов первой палаты и понижен возрастной ценз для ее выборщиков с 27 до 23 лет; в Дании ограничен круг лиц, лишенных избирательных прав за получение пособия по бедности. В Норвегии стортинг в 1938 г. изменил конституцию и продлил свои полномочия с трех до четырех лет, причем это изменение немедленно вступило в силу.

Годы выхода из кризиса — 1934—1935 гг. — сопровождались острой экономической и политической борьбой. В забастовочном движении организующую роль по-прежнему часто играли коммунисты. Их деятельность была особенно заметна в Дании, где Компартия усилилась по сравнению с началом 30-х годов и получила 3 (1939) мандата в фолькетинге. Усилили свое влияние на массы и коммунисты Швеции (выборы 1936 г.— 5 мандатов во второй палате вместо 2). Самой слабой была в 30-х годах Норвежская

компартия, получившая на предвоенных парламентских выборах 1936 г. лишь 0,3% голосов.

VII конгресс Коминтерна побудил скандинавские компартии критически пересмотреть свою стратегию и тактику. Теперь значительная часть сектантских ошибок была преодолена. Главным для компартий стала борьба в защиту демократии, против угрозы фашизма и войны. На выборах 1935—1936 гг. все скандинавские компартии предложили социал-демократам (а в Швеции — и левым социалистам Чильбума [1]) избирательный блок, но встретили отказ. Несмотря на это, компартии призывали избирателей голосовать за социал-демократов там, где сами не выставляли своих кандидатов. В ходе борьбы за создание Народного фронта против войны и фашизма скандинавские компартии смогли значительно улучшить отношения с социал-демократическими рабочими и функционерами, с левой интеллигенцией. Наибольшим успехом скандинавских компартий был вклад в дело помощи испанским республиканцам в 1936—1939 гг. В сотнях комитетов по оказанию такой помощи дружно трудились коммунисты, социал-демократы, беспартийные. Сотни молодых скандинавов сражались плечом к плечу в интернациональных бригадах (особый скандинавский батальон с 1938 г.).

Проблема единства рабочего класса мало беспокоила скандинавских реформистов, поскольку они вели за собой громадное большинство трудящихся. Из катастрофы германской социал-демократии скандинавские ее собратья все же извлекли определенные уроки: законодательным путем запретили ношение формы и хранение оружия общественно-политическими организациями.

Как уже говорилось, наиболее широкую базу фашизм получил в Дании, в особенности в Южной Ютландии (в Северном Шлезвиге), где нацистское влияние сказывалось всего сильнее. Датские фашисты и профашисты (Свободная народная партия 1934 г. на базе LS) использовали недовольство кулачества: последнее не удовлетворилось компромиссом социал-демократов с венстре в 1933 г. и требовало дальнейшей девальвации кроны (по отношению к фунту), ликвидации валютного центра, государственной гарантии цен на основные сельскохозяйственные продукты, понижения налогов на недвижимость и пр. 29 июля 1935 г. 40 тыс. кулаков — членов LS — собрались на дворцовой площади у Амалиенборга (королевский дворец) в Копенгагене. Король Кристиан X, однако, переадресовал кулацко-помещичью депутацию к Стаунингу, чем вызвал бурю возмущения участников похода. Переговоры с правительством оказались бесплодными, кулаки объявили валютную стачку (отказ от сдачи валютной выручки от экспорта), но хусмены не поддержали ее. Поскольку партии буржуазной оппозиции также не желали продлить закон о валютном контроле, правительство объявило о досрочных выборах. На выборах профашистская Свободная народная партия получила 5 мандатов, а старая аграр-

[1] См. с. 195; партия вскоре распалась.

ная партия — венстре лишилась 10. Перед войной нацисты в Дании продолжали усиливаться: на выборах 1939 г. национал-социалистская партия впервые в Скандинавии вошла в парламент (3 мандата в фолькетинге).

Внешняя политика предвоенных лет. Курс на изоляцию и непротивление агрессии. Официальный внешнеполитический курс социал-демократических кабинетов и их более слабых партнеров по правительственной коалиции (аграриев в Швеции, радикалов в Дании) характеризовался изоляционизмом, пассивностью, невмешательством, недооценкой дела национальной обороны. Реформисты и их союзники плелись в хвосте у традиционно-пацифистских настроений масс — настроений, вредных в условиях растущей агрессивности фашистских держав. Внешнеполитический курс проводился при поддержке партий крупной буржуазии — либералов и консерваторов. Часть скандинавских консерваторов, особенно в Дании (Кр. Мёллер) и Норвегии (К. Хамбро), били тревогу по поводу военного бессилия своих стран, но не получили поддержки. Левые круги, и прежде всего коммунисты, безуспешно призывали к проведению политики коллективной безопасности, к поддержке советских предложений в Лиге наций, к укреплению и демократизации вооруженных сил своих стран.

С середины 30-х годов Швеция, Норвегия и Дания, оставаясь членами Лиги наций, фактически отказались от участия в каких-либо мероприятиях по коллективной безопасности (заявление «экс-нейтралов» 1936 г., Копенгагенская декларация пяти северных стран 1938 г.). Боясь не угодить Германии, скандинавские правящие круги вместе с тем постоянно равнялись на западные державы, особенно на Англию. Сравнительно более проанглийскую позицию занимала Норвегия, прогерманскую — Дания (страх перед германскими притязаниями на Северный Шлезвиг). Летом 1939 г. Дания согласилась заключить с Германией пакт о ненападении. Самостоятельнее держалась Швеция, чья политика подкреплялась определенным военным потенциалом (увеличение военных расходов 1938 г.). По отношению к СССР правящие круги Скандинавии вели себя настороженно и отчужденно. В 1934 г. буржуазное большинство шведского риксдага сорвало заключение крупного кредитного соглашения с СССР.

Культура межвоенного двадцатилетия. Электрификация быта, массовое распространение телефона, а затем и радио (с половины 20-х годов), кино и джаз, автобусные, а затем и воздушные сообщения, быстрый рост числа автомашин (в Швеции за 1920—1939 гг.— с 21 тыс. до 249 тыс.), внешняя демократизация одежды, упрощение моды, массовый туризм, искусственное ограничение рождаемости — таковы некоторые проявления нового послевоенного уклада жизни скандинавов.

Не столь резко, но также весьма значительно изменились и международные культурные связи скандинавских стран. Так, влияние немецкой культуры, прежде преобладавшее в Швеции и Дании, теперь ослабло. Наступила пора английского влияния (философия,

литература, моды, быт), которое возрастало на протяжении всего межвоенного времени. Теснее стали культурные связи между самими скандинавскими странами, чему способствовала деятельность обществ «Нурден».

Потрясение духовных основ, идейный кризис и ощущение великого перелома как следствие первой мировой войны и революций не миновали и Скандинавию, однако проявились здесь слабее, чем в воевавших и особенно в побежденных странах. Буржуазный гуманизм и рационализм как основное умонастроение устояли в кризисные 20-е годы и даже окрепли в 30-х годах в противовес наступающему фашизму.

Важнейшей особенностью идейной жизни Скандинавии после 1920 г. было приобщение значительной части интеллигенции к коммунистическому мировоззрению. В первой половине 20-х годов в Скандинавии повсеместно возникли объединения радикальной интеллигенции «Кларте», во второй половине 20-х и в 30-х годах уже издавались влиятельные общественно-литературные журналы марксистского или близкого к марксизму направления.

Наиболее сильно марксистское мировоззрение увлекло в 20-х годах левую норвежскую, а в 30-х — и датскую интеллигенцию. В Швеции до второй мировой войны влияние коммунистической идеологии сказывалось слабее. Через социалистическую студенческую группировку «Мут даг» («К свету»), организованную Э. Фальком и в середине 20-х годов входившую в состав Норвежской компартии, прошли в молодости наиболее крупные деятели норвежской культуры 30—50-х годов. В Дании значительную роль сыграло «Студенческое общество», актив которого в 30-х годах стоял на левосоциалистических позициях («культур-радикалы»). Конечно, у многих интеллигентов это оказалось лишь увлечением — «салонным коммунизмом» и кончилось ренегатством.

Идейная борьба наиболее непосредственно отразилась в художественной литературе 20—30-х годов. Ее подъем, начавшийся еще на рубеже XIX—XX вв., продолжался. В Швеции получил наибольшее развитие социальный роман, в Дании — драма и лирическая поэзия, в Норвегии — исторический роман и та же лирика.

В Швеции 20-х годов продолжали успешно творить представители критического реализма, обновившие шведскую литературу,— известные уже нам романисты-«десятники» Л. Нурдстрем, Г. Хельстрем, С. Сивертц и самый крупный среди них Я. Бергман (1883—1931; романы «Маркуреллы из Вадчепинга», «Клоун Як»). Крупнейшая фигура в шведской поэзии — П. Лагерквист (род. 1891). Он отразил отчаяние и отчужденность послевоенного поколения, поставил в своих стихах и драмах («В мире гость») «вечные вопросы бытия». Лагерквист — родоначальник шведского модернизма (его экспрессионистского крыла).

В датской литературе 20-х годов модернистские течения выражены сильнее, чем в шведской, а критически-реалистическое направление — слабее. Крупнейшие представители послевоенного поколения — поэт-экспрессионист Т. Кристенсен («Мечты пирата»),

с его анархическим культом разрушения; критик и поэт О. Гельстед; консервативный романист Я. Палудан, враждебный «машинизации» культуры и быта (роман «Ерген Стейн»). В межвоенное время продолжали писать и мастера старшего поколения — М. А. Нексе, И. В. Енсен, писательница К. Михаэлис и др. Вообще Дания и в межвоенное время сохранила в области литературы свое центральное положение в Скандинавии — велико значение датских литературно-критических журналов «Тильскуэрен» («Зритель»), «Виль веде» («Дикая пшеница») и более левого «Критиск ревю» (выходившего в 20-е годы). Общескандинавский резонанс получила и датская лирическая поэзия И. А. Шаде, П. Ла Кура, Т. Кристенсена и Гельстеда.

В Норвегии 20-х годов достигло вершин своего творчества «поколение 1907 года» — С. Унсет, Ю. Фалькбергет, У. Дуун, создавшие грандиозные серии историко-психологических романов. Вместе с Фалькбергетом Кр. Упдаль и другие завершили в послевоенные годы создание норвежского пролетарского романа. К поэтам Х. Вильденвею и У. Бюллю, возродившим норвежскую лирическую поэзию еще до 1920 г., можно присоединить революционных поэтов Р. Нильсена и А. Эверланна.

Ярким мастером норвежской прозы и публицистики был радикал, выходец из группы «Мут даг» С. Хуль, острейшим левым критиком и драматургом — его единомышленник Х. Крог. Им противостояла плеяда христианско-консервативных буржуазных писателей: С. Унсет, более молодой романист Р. Фанген и поэт Ул. Аукруст.

В 30-х годах усиливается влияние послевоенной американской прозы и французской сюрреалистической поэзии. В 1929 г. в Швеции выступила модернистская группа «Пять молодых» — А. Лундквист, Э. Асклунд, Г. Сандгрен, Х. Мартинсон, Ю. Чельгрен. Поэт Лундквист (род. 1906) и его соратники провозгласили бунт против все еще прочных академических канонов шведской литературы, звали к жизнеутверждению (витализм), примитивизму, провозглашали культ техники, веру в машинный рай будущего и пр. Первым шведским поэтом-сюрреалистом стал Г. Экелёф. В 30-х годах получили большую известность крупные романисты В. Муберг с его историческими и крестьянскими романами и Э. Юнсон, уже воспринявший уроки Джойса и Пруста.

Датская литература 30-х годов замечательна своей новой антинатуралистической драматургией. Особенно широко известны героические драмы К. Мунка (1898—1944) и сатирические пьесы Абеля. В 30-х годах получили известность авторы социально-критических романов — коммунисты Х. Кирк, Х. Хердаль и Х. Шерфиг (сатирик). Буржуазная проза также представлена в Дании рядом видных писателей: Ё. Нильсен, Кн. Сеннербю, К. Бликсен (писательница старшего поколения, получившая известность в 30-х годах), Х. К. Браннер — мастер психологической прозы. В норвежской литературе 30-х годов особенно выделялись романист А. Саннемосе, драматург Ю. Борген (прославившийся

своими романами после войны). Тогда же выступил со своим социальным романом «Салка Валка» исландец Халдор Лакснес.

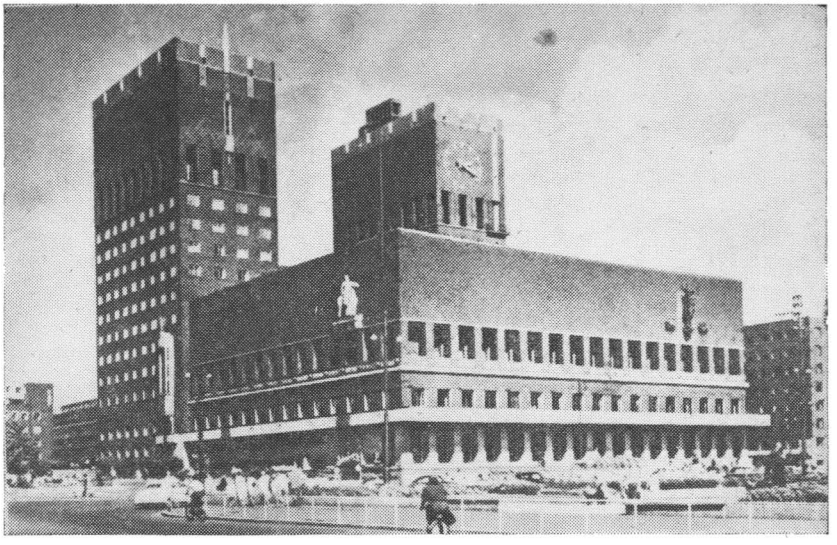
В тяжелой обстановке фашистской опасности, испанской трагедии и мюнхенского позора лучшие скандинавские писатели — от религиозно-консервативных до коммунистов — выступили против нацизма. Широкую известность приобрел молодой норвежский поэт и писатель-антифашист Нурдаль Григ (1902—1943) своей героической драмой «Поражение» и романом «Мир еще должен стать молодым». 20—30-е годы были особенно плодотворными в области архитектуры. На смену национальному романтизму и скандинавскому неоклассицизму 1910—1920 гг. пришел и сразу победил после Стокгольмской выставки 1930 г. функционализм (конструктивизм). За новый стиль с конца 20-х годов вел энергичную борьбу датский левый критик П. Хеннингсен, редактор «Критиск ревю». Однако ведущее место в новой скандинавской архитектуре заняли шведы — строитель Стокгольмской выставки Е. Г. Асплунд. Вместе с датскими архитекторами они внесли много нового в планировку жилых кварталов.

В живописи в период между войнами представлены всевозможные авангардистские направления, начиная с «фовистов» — учеников Матисса (шведы супруги Грюневальд и С. Ертén; норвежцы Я. Хейберг и Х. Сёренсен) и «наивистов» (шведы Н. Дардель, Р. Сандберг).

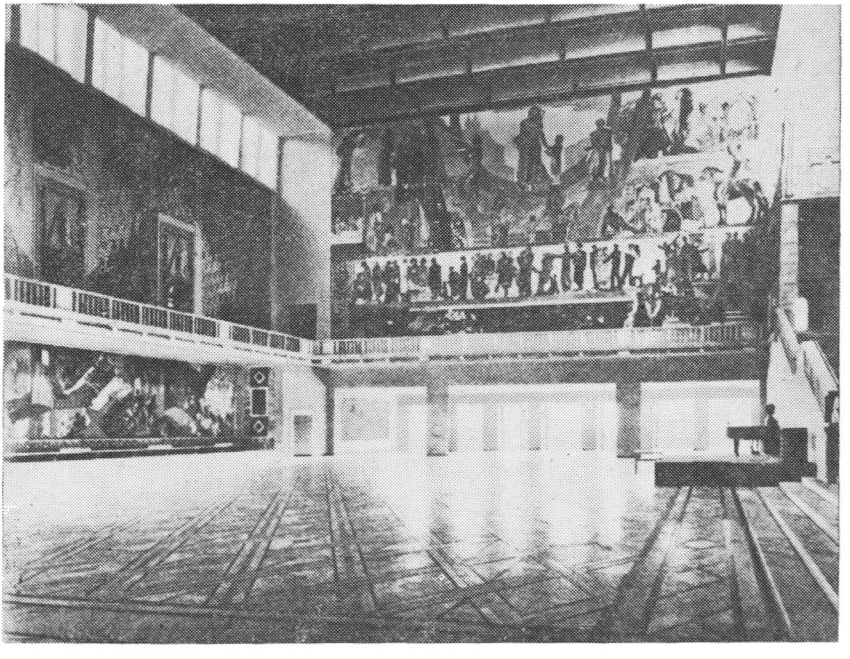
Левое экспрессионистское искусство с социальной тематикой представлено шведской группой «Девять молодых» 1925 г. (А. Амелин, С. Эриксон и др.), вскоре, однако, распавшейся, как позже созвучная ей литературная группа «Пять молодых». Антифашистский социальный пафос присущ и группе норвежских художников-экспрессионистов — В. Мидельфарту, А. Экеланну и др. В 30-х годах в скандинавской живописи выступили сюрреалисты (шведская «Хальмстадская группа»). Наибольших успехов достигли скандинавы в монументальной, фресковой живописи (Х. Сёренсен, А. Револл, П. Крог, А. Рольфсен в Норвегии, С. Эриксон в Швеции). Абстрактная живопись уже в 30-х годах налицо в Дании (Р. Мортенсен, Р. Якобсен). Из новых имен в скульптуре упомянем крупного шведского примитивиста Б. Юрта.

Большим достоинством скандинавской монументальной живописи и скульптуры 20—30-х годов было использование народных, крестьянских художественных традиций. Всемирное признание получила еще до второй мировой войны художественная промышленность Скандинавии («шведский модерн» — стекло). Высокий уровень сохраняли шведская опера и датский классический балет с их старинными — XVIII в. — традициями.

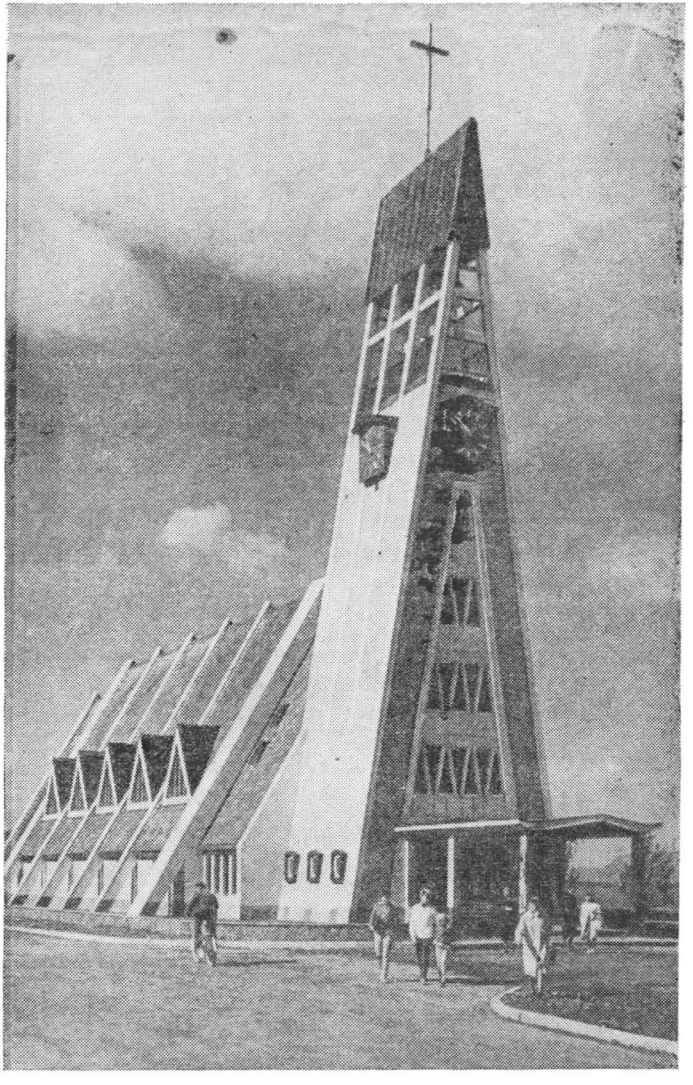
В начале 20-х годов шведское немое кино все еще едва ли не господствовало даже на парижских экранах. Весьма популярна в 20-х годах была и датская кинокомедия (актеры, известные в СССР под именем Пата и Паташона). Датчанка Аста Нильсен, шведки Грета Густафсон (Гарбо) и Ингрид Бергман стали звездами мирового кино. Шведские режиссеры осваивали новаторские идеи со-

Ратуша в Осло — 1933 — 1939 гг. Арх. Арнеберг и Поульсон

Хенрик Сёренсен. Роспись ратуши в Осло

Церковь в Хаммерфесте, Норвегия

ветской кинематографии 20—30-х годов. Однако еще накануне мирового экономического кризиса шведская кинопромышленность надолго отступила перед американской конкуренцией.

В рассматриваемый период в Скандинавии сложились научно-исследовательские центры, считавшиеся в послевоенной Европе образцовыми и привлекавшие специалистов со всех концов земного шара. Норвежцы держали до конца 20-х годов первенство по ис-

следованию Арктики. Эти исследования нередко велись в содружестве с советскими полярниками. В Норвегии были также созданы важные научные и учебные учреждения, например Институт сравнительного исследования культур в Осло (1924).

Датская наука сохраняла приоритет в таких областях, как ядерная физика (созданный Нильсом Бором Институт теоретической физики, 1921), биохимия (Х. К. Р. Дам — открытие витамина К), физиология животных (Рокфеллеровский институт в Копенгагене во главе с Авг. Крогом), лечение инфекционных болезней (Институт сывороток — «Серуминститут», основан Т. Мадсеном), микробиология и др. Большим событием явилось открытие второго датского университета в Орхусе (1933). Из гуманитарных наук особенно успешно развивались в Дании лингвистика (копенгагенский структурализм — Л. Ельмслев, О. Есперсен), археология эпохи викингов (П. Нерлюнд) с важнейшими раскопками в Гренландии и в Дании (в Треллеборге), экономическая история Дании (А. Ольсен, А. Кристенсен, А. Фриис).

Крупных успехов, прежде всего в области физики и химии, добились в межвоенный период шведские ученые. Назовем нобелевских лауреатов Т. Сведберга (род. 1884), прославившегося исследованием высокомолекулярных соединений, биохимиков А. Тиселиуса и Х. Теорелля. Физик-экспериментатор М. Сигбан (род. 1886) успешно занимался спектрографией рентгеновских лучей. Международную известность снискали многие шведские историки: археолог Ю. Андерсон, историк античных религий М. Нильсон, историк скандинавской культуры С. Эриксон, историк хозяйства Э. Хекшер. Б. Карлгрен восстановил звучание древнекитайских иероглифов. Стокгольмская школа в политэкономии — Э. Линдаль, Б. Лундберг, Г. Мюрдаль и др.— внесла, независимо от кейнсианцев и отчасти до Кейнса, много нового (теория роста, экономико-математическое моделирование, анализ циклических процессов) в развитие экономической науки применительно к новым условиям государственно-монополистического капитализма.

Глава XV

Норвегия и Дания — участники второй мировой войны. Нейтральная Швеция

Вторая мировая война затронула скандинавские страны значительно сильнее, чем первая. Дания и Норвегия подверглись немецкой оккупации. Швеция вынуждена была надолго отказаться от строгого нейтралитета. События второй мировой войны стали определяющим фактором социально-экономического и внутриполитического развития Скандинавии в 1939—1945 гг.

Общее положение Скандинавии в период «странной» войны. В самом начале военных действий три правительства заявили о

своем нейтралитете, признанном тут же всеми воюющими державами. Открытие военных действий, в особенности морская блокада, ухудшили экономическую конъюнктуру, внешнеторговый оборот сократился, безработица усилилась. Запасы дефицитного сырья, накопленные до войны, облегчали снабжение, чему также способствовало успешное развитие сельского хозяйства в Швеции и Норвегии в 30-х годах. Тем не менее цены росли, и положение трудящихся ухудшалось.

Используя опыт первой мировой войны, все скандинавские правительства поспешили поставить под строгий контроль внешнюю торговлю, а затем и остальные отрасли народного хозяйства. Многие продукты питания были нормированы уже с конца 1939 г. При поддержке правительства и парламента центральные организации профсоюзов и предпринимателей проводили линию «гражданского мира», т. е. противились борьбе отдельных групп трудящихся за повышение заработной платы. Совпавший с начальным периодом мировой войны советско-финский вооруженный конфликт развязал крайнюю антикоммунистическую истерию, особенно в Швеции. Коммунисты подвергались нападкам в печати, полицейским облавам и прочим репрессиям, смещались с занимаемых должностей (в профсоюзах) и пр. В шведском городе Лулео (Заполярье) фашисты в марте 1940 г. подожгли помещение коммунистической газеты, причем 5 человек погибло.

Открытие военных действий не отразилось на составе датского и норвежского кабинетов. В Швеции же в декабре 1939 г. двухпартийное коалиционное правительство социал-демократов и аграриев уступило место кабинету национального единства во главе с тем же П. А. Ханссоном, но с участием также народной и правой партий.

В начавшейся войне общественное мнение скандинавских стран открыто (более сдержанно — в Дании) сочувствовало противникам фашистской Германии, но политику строгого нейтралитета единодушно одобряло. Не только мелкие нарушения скандинавского нейтралитета, но и гибель скандинавских торговых судов в международных водах (от немецких мин и торпед) начались с первых дней войны. Скандинавские правительства поспешили договориться с воюющими сторонами об условиях торговли и судоходства военного времени; раньше всего такие соглашения были достигнуты экономически самым сильным из скандинавских государств — Швецией (с Англией 7, а с Германией 22 декабря 1939 г.) и значительно позже — двумя другими скандинавскими государствами (норвежско-германское 23 февраля 1940 г. и датско-английское 2 апреля 1940 г.).

Военные приготовления скандинавов и после начала войны оставались незначительными — сравнительно большие у шведов (военные расходы Швеции уже на 1939—1940 гг. составили 51% всех государственных расходов).

Швеция твердо намеревалась дать отпор агрессии. Датское правительство, напротив, занимало скрыто пораженческую пози-

цию и к борьбе с вероятным агрессором — Германией — даже в меру возможностей своей страны не готовилось. Норвежское правительство вплоть до 9 апреля так и не решило для себя вопрос о пределах возможного сопротивления своих вооруженных сил, но в случае вовлечения в войну намеревалось держать сторону Англии.

В связи с началом советско-финской «зимней войны» (декабрь 1939 г.) скандинавские правительства открыто заявили о своем сочувствии Финляндии и воздержались (кроме датского) от провозглашения нейтралитета. Шведы снабжали финнов военными и стратегическими материалами, что помогло финской армии относительно долго сопротивляться. Вместе с тем Швеция и Норвегия отвергли англо-французское предложение о совместной с западными державами «помощи» финнам. В Париже и Лондоне рассчитывали на то, что совместные действия англо-французов и скандинавов против Советского Союза приведут к полному сближению Швеции и Норвегии с западными державами, к разрыву их с Германией. Ход военных действий на море, затишье на Западном фронте толкали англо-французских и германских стратегов к более активным действиям в Северной Европе. Военно-морские базы в Западной Скандинавии нужны были и гитлеровцам для морской войны против Англии. С декабря 1939 г. германское верховное командование занялось планированием захвата Норвегии.

Советское правительство протестовало против шведско-норвежской помощи Финляндии и требовало от обоих скандинавских государств соблюдения нейтралитета. Шведское правительство открыто заявило в середине января 1940 г. о своем намерении оказывать Финляндии лишь ограниченную помощь и не вступать в антисоветскую войну. Позиция норвежского правительства в деле помощи финнам была еще более сдержанной. В это время Норвегия подвергалась растущему нажиму со стороны Англии, стремившейся помешать использованию немцами норвежских вод и порта Нарвик для вывоза шведской железной руды. Положение Дании оставалось в период «странной» и «зимней войны» сравнительно спокойным.

На рубеже января — февраля 1940 г. англичане и французы приняли решение о подготовке своей финско-скандинавской — антисоветской и антигерманской — интервенции; гитлеровцы же (независимо от своих противников и раньше их) приступили к оперативному планированию агрессии против Норвегии и Дании. Финская дипломатия усилила нажим на Швецию с целью получить прямую военную помощь, а шведская содействовала установлению мирных контактов между СССР и Финляндией.

Московский мирный договор 12 марта 1940 г. вновь улучшил предпосылки скандинавского нейтралитета. Подготовка англо-французской экспедиции была прекращена. Норвежское правительство недооценивало, однако, нависшую угрозу со стороны Германии, считая нейтралитет страны полезным для самих немцев и полагаясь на морскую мощь дружественной Англии.

В конце марта западные союзники по инициативе Франции вновь вернулись к своим скандинавским планам и приняли решение о весьма куцых антигерманских мерах: минировании части норвежских вод и подготовке к высадке небольших сил в Норвегии в случае фашистского вторжения или его прямой угрозы. Между тем сроки фашистского вторжения в Норвегию уже были определены, и в ночь на 3 апреля первые германские транспорты с военными материалами отплыли в направлении Нарвика.

Не меньше чем за неделю до 9 апреля скандинавские правительства стали получать недвусмысленные сигналы о предстоящей германской акции. Все скандинавские руководители, однако, цеплялись за настроения самоуспокоенности, убеждали себя в не более чем перестраховочном — на случай союзнической акции — характере приготовлений в северогерманских портах. Вплоть до 9 апреля ни в одной из трех стран не было принято сколько-нибудь значительных дополнительных мер безопасности.

Внешняя политика скандинавских государств после 9 апреля 1940 г. Вторгшись в Норвегию, немецкие войска сразу же достигли крупных успехов. Малыми силами (около 10 тыс. человек в первом эшелоне) они захватили все крупнейшие центры страны и сорвали всеобщую мобилизацию норвежцев. Отклонив ультиматум гитлеровцев и выскользнув из рук агрессора, норвежское правительство вместе с тем вяло налаживало отпор врагу.

С точки зрения последующего боевого вклада Норвегии весьма важным было решение правительства реквизировать на время войны весь огромный торговый флот. Майские поражения на Западном фронте ослабили внимание и помощь англо-французов норвежскому театру военных действий. Ходом самих событий норвежское правительство и король Хокон VII вынуждены были 7 июня отправиться в Англию. Норвежские наземные силы сложили оружие. Двухмесячная война в Норвегии стоила немцам крупных морских потерь и задержала начало их наступления на Западе.

Правительство Швеции 9 апреля поспешило принять германские требования о сохранении строжайшего нейтралитета. В первые дни норвежской кампании шведское руководство было настроено почти панически, но провело без лишней огласки крупные мобилизационные меры. Упрочению позиции шведов перед нажимом рейха сильно помог советский демарш германскому правительству в защиту шведского нейтралитета.

В отличие от норвежцев датчане уже 9 апреля, заявив протест, приняли германский ультиматум, так и не объявив войну. Германские требования и обещания легли в основу ряда датско-германских «соглашений» об условиях «мирной» оккупации. Сношения оккупированной Дании с внешним миром подпали под строгий германский контроль. Тем не менее отсутствие германской гражданской администрации в стране и контакты с оккупантами по дипломатическим каналам давали Дании определенные преимущества перед другими жертвами фашистской агрессии.

В ответ на германскую оккупацию Дании последовала мирная английская оккупация Фарерских островов (12 апреля) и Исландии (10 мая)— фактически с согласия местных властей. Порвались связи Дании и с Гренландией, власти которой все больше ориентировались на помощь США.

В итоге побед фашистской Германии в Западной Европе весной — летом 1940 г. Швеция попала в сильную зависимость от рейха. Шведское правительство разрешило теперь в крупных масштабах транзит германских военнослужащих («отпускников») и военных материалов между Германией и Норвегией по железным дорогам Швеции. Сняты были ограничения со шведско-германской торговли, продиктованные в свое время англичанами. В 1940—1943 гг. Швеция покрывала в среднем не менее четверти потребности фашистской Германии в железной руде.

Вместе с тем Швеция усиленно вооружалась и модернизировала свою армию. Несмотря на далеко идущие уступки рейху, шведам удалось избежать разрыва и с Англией. В феврале —марте 1941 г. обе воюющие стороны дали разрешение на ограниченное шведское судоходство между Гетеборгом и нейтральными заокеанскими (главным образом южноамериканскими) портами. В наиболее тяжелые 1941—1942 годы это «гетеборгское судоходство» обеспечивало $^1/_5$ шведского импорта, в том числе важнейшие поставки нефтепродуктов. Об улучшении советско-шведских отношений свидетельствовало предоставление первого государственного кредита Советскому Союзу на оплату его заказов в Швеции (сентябрь 1940 г.).

В гитлеровском «плане Барбаросса» использование шведских коммуникаций занимало не последнее место. От степени сотрудничества шведов частично зависели масштабы германских операций на Кольском полуострове (план «Серебристая лиса»). Шведские дипломаты не скупились на словесные обещания оказать поддержку «борьбе с большевизмом». Весной 1941 г. шведы воспротивились дальнейшему увеличению германского железнодорожного воинского транзита в Норвегию, но открыли немецким транспортам свои морские воды.

Норвежское эмигрантское правительство Нюгорсволла в Лондоне летом 1940 г. окончательно порвало с норвежскими коллаборационистами, пытавшимися вкупе с оккупантами «законным путем» низложить короля Хокона VII и правительство и заключить мир между Норвегией и Германией. Вклад сражающейся Норвегии в борьбу с Германией состоял главным образом в морских перевозках (особенно нефти) из США в Англию, из Англии в Африку. Норвежские сухопутные силы и авиацию пришлось восстанавливать заново в Шотландии и Канаде. Сотрудничество с англичанами было оформлено первым военным соглашением в истории независимой Норвегии (май 1941 г.).

Правительству Дании пришлось в пору наибольших триумфов Гитлера и под германским нажимом пойти на более тесное сотрудничество с оккупантами. Главной целью датской внешней поли-

тики было провозглашено «активное сотрудничество» с рейхом. Между тем заморские владения Дании приобретали растущее стратегическое значение в ходе битвы за Атлантику. 9 апреля 1941 г. датский посланник в Вашингтоне самовольно заключил с американцами соглашение об обороне ими Гренландии.

Нападение Германии на Советский Союз сразу же изменило всю военно-политическую ситуацию в Северной Европе. К Скандинавии (особенно к Северной) вновь вплотную приблизился фронт; выросли требования рейха к странам этого района; антифашистские силы оккупированных стран Скандинавии стали отныне на путь вооруженной борьбы с врагом.

Правительство Норвегии немедленно заявило о своей поддержке Советского Союза. Советское правительство в ответ предложило норвежскому восстановить дипломатические отношения, расторгнутые незадолго до 22 июня 1941 г., и заключить соглашение о взаимной помощи. Однако норвежское правительство не без подсказки англичан ограничилось восстановлением дипломатических отношений. Героическое единоборство советского народа с врагом, ненавистным норвежцам, быстро породило в сердцах всех норвежских патриотов чувство восхищения и благодарности. Дипломатические представительства обеих стран в августе 1942 г. были возведены в ранг посольств. Среди эмигрантских кругов в Лондоне норвежцы отличались большей лояльностью в отношении нашей страны.

Правительство Швеции в самом начале Отечественной войны Советского Союза пошло на новые грубые нарушения духа и буквы нейтралитета в пользу его врагов: пропуск одной немецкой дивизии из Осло на советско-финский фронт в конце июня 1941 г., транзит военных материалов в Финляндию, рейсы «курьерских» германских самолетов над Швецией, конвоирование шведским военно-морским флотом германских военных транспортов по шведским водам, государственное кредитование Германии и Финляндии, поставка финнам шведских военных материалов и пр. Вместе с тем шведское правительство твердо держалось своей позиции невоюющей стороны и не шло ни на какие новые политические соглашения с Германией и Финляндией. Явно желая как-то загладить свои недружественные акты, правительство Швеции охотно согласилось защищать интересы СССР в странах оси.

Сильное, на одних отрезвляющее, на других отрадное, впечатление произвело в Швеции советское контрнаступление под Москвой. После него антигерманские выступления шведской печати и ее полемика с печатью держав оси участились. С середины 1942 г. ряд мелких уступок немцам был взят назад. Определенную роль в этих сдвигах, начавшихся еще до перелома в войне, сыграло дипломатическое давление Советского Союза на Швецию. Разубеждению правящих кругов Швеции в могуществе фашистской Германии сильно помогли наступательные операции советских подводных лодок на Балтике летом — осенью 1942 г. против транспортов, провозивших грузы для противника.

Правительство оккупированной Дании после 22 июня предприняло — под диктовку германского уполномоченного — ряд еще более враждебных, чем шведские, актов в отношении нашей страны: порвало дипломатические отношения, объявило о своей солидарности с врагами Советского Союза, поощрило местных фашистов к созданию добровольческого легиона для Восточного фронта. Услужливость датских коллаборационистов подтолкнула гитлеровцев на новый, в значительной мере пропагандистский маневр — втянуть Данию в Антикоминтерновский пакт (ноябрь 1941 г.)..

Начало советско-германской войны и в Дании дало мощный толчок антифашистскому движению Сопротивления, хотя оно здесь развивалось медленнее, чем, например, в Норвегии. Летом 1942 г. оккупанты впервые за два года были всерьез озабочены положением в Дании, растущим числом диверсий. В сентябре — октябре недовольство Гитлера выразилось в личных придирках к датскому королю Кристиану X («телеграммный кризис»), отзыве германского посланника, в замене высших германских представителей в Дании. Новое четырехпартийное правительство возглавил германский ставленник министр иностранных дел Скавениус. Туда, однако, не вошли фашисты и явные профашисты (ноябрь 1942 г.). Полукомпромиссное разрешение «телеграммного кризиса» диктовалось и ведомственными интересами германского МИД, не желавшего выпускать Данию из сферы своей компетенции, и ценностью датских хозяйственных услуг для Гитлера, лучше всего обеспечивавшихся тесным единением промышленников и умеренных коллаборационистов-политиков.

Внешняя политика после перелома в войне. Со времени Сталинградской битвы норвежские руководители с растущим вниманием относились к позиции Советского правительства. Невзирая на возражения западных держав, норвежское правительство, предвидя возможность освобождения страны с Востока, заключило не только с Англией и США, но и с Советским Союзом соглашение о норвежской гражданской администрации на освобождаемой территории страны (май 1944 г.).

Поворот в ходе мировой войны принес и решительное улучшение ранее натянутых норвежско-шведских отношений. Особенно важна была начавшаяся осенью 1943 г. подготовка норвежских воинских частей в Швеции под видом полиции. В апреле 1944 г. было подписано шведско-норвежское соглашение о крупном займе лондонскому правительству на оплату его заказов шведским фирмам.

Для Швеции переломный этап войны прошел под знаком возврата от пособничества Германии к строгому нейтралитету. В конце 1942 г. немцам было отказано в кредитах на новый год. В 1943 г. прекратилось конвоирование германских военных транспортов шведским флотом. Швеция располагала полумиллионной и хорошо оснащенной армией: шведский нейтралитет уже имел солидную военную базу. К этому времени германское командование разработало различные оперативные варианты («Полярная ли-

са» — не путать с «Серебристой лисой», планом 1941 г.) как крайнюю меру при появлении союзников в Скандинавии или в ответ на присоединение шведов к ним. После нового поражения на Курской дуге военные замыслы в отношении Швеции уже были совсем не по силам вермахту.

В мае 1943 г. шведское правительство сочло нужным публично намекнуть на предстоящее расторжение ненавистного соглашения о транзите. Перед немцами, впрочем, вопрос этот был поставлен лишь в конце июля, уже в разгар наступления советских войск. Новое шведско-германское соглашение об отмене транзита (от 5 августа) все же оставляло державам оси некоторые лазейки через шведскую землю, закрытые лишь позднее.

В конце 1942 г. в Лондоне и Вашингтоне открылись шведско-англо-американские беседы по экономическим вопросам. Соглашение, достигнутое в Лондоне (подписано в сентябре), содержало значительные уступки со шведской стороны. Швеция сильно сокращала свой экспорт в Германию, особенно стратегических материалов, главным образом с 1944 г. Именно в 1943 г. шведский экспорт железной руды в Германию и страны-сателлиты достиг максимума, превысив 10 млн. т. Западные союзники согласились на расширение шведского импорта из-за океана.

Новые победы антигитлеровской коалиции сделали возможным пересмотр лондонского соглашения в сторону полного прекращения шведско-германских экономических связей.

Окончательный перелом в войне в пользу антигитлеровской коалиции подтолкнул шведских руководителей к большему благоприятствованию советским интересам. В июле — сентябре 1943 г. были подписаны советско-шведские соглашения об обеспечении нужд советских граждан, бежавших в Швецию из немецко-фашистских лагерей. Осенью 1943 г. началось действенное посредничество Швеции между СССР и Финляндией. Окончательное соглашение о прекращении финнами военных действий было достигнуто при самом прямом участии представителя МИД Швеции.

Шведско-германские отношения после отмены воинского транзита испортились, но не были разорваны. Слабевшие гитлеровцы были обеспокоены главным образом удержанием Швеции в состоянии нейтралитета.

Наибольшие изменения испытала на новом этапе войны внешняя политика Дании. Весной — летом 1943 г. движение Сопротивления в Дании поднялось на новую ступень. Акты саботажа совершались почти ежедневно, а в августе сочетались с массовыми выступлениями — стачками, демонстрациями, столкновениями с немецкими солдатами. На ультимативное требование Германии ввести в стране чрезвычайное положение со всеми его последствиями (введение смертной казни, взятие заложников и т. п.) датское правительство ответило отказом: после перелома в войне оно больше боялось вконец пасть в глазах народа, чем навлечь недовольство немцев. В ответ гитлеровцы сами ввели чрезвычайное положение и взяли на себя всю полноту власти в стране (29 августа). Дат-

ская армия была разоружена, резиденции короля и правительства оцеплены немцами, король фактически очутился под домашним арестом. Тогда правительство Скавениуса объявило о прекращении им своей деятельности. Кроме высшего, все звенья датской гражданской администрации продолжали, впрочем, действовать и сотрудничать с оккупантами и после 29 августа («департаментское правление»). Отныне положение Дании принципиально не отличалось от положения остальных оккупированных нацистами стран.

Созданный в сентябре 1943 г. антифашистский Совет свободы с самого начала имел ясную внешнеполитическую программу: присоединение Дании к антигитлеровской коалиции, всенародная борьба с оккупантами. Получая оружие и инструктаж от западных союзников, Совет свободы добивался уже с конца 1943 г. признания Дании союзной державой, хотя бы де-факто. Датские умеренные коллаборационисты («политики») после 29 августа стали при поддержке английского правительства искать пути к восстановлению отношений с СССР. Советское правительство, однако, не желало иметь с ними дела. Иную позицию заняло оно, когда к нему обратился Совет свободы. Советское правительство с готовностью согласилось установить отношения с борющейся Данией (коммюнике от 10 июля 1944 г.). Правительства Англии и США, также воздержавшись от официального признания Дании союзной державой, в особых заявлениях отметили участие датчан в общей борьбе.

Новые отношения сложились в рассматриваемый период у датчан и с государствами Северной Европы. Несмотря на возражения датского короля, Исландия теперь уже и формально расторгла унию с Данией и провозгласила себя республикой (июнь 1944 г.). Независимая Исландская республика ориентировалась прежде всего на США, чьи войска оставались на острове. Дипломатические отношения были установлены республикой и с Советским Союзом.

Особенно сблизилась в новый период войны борющаяся Дания с эмигрантским правительством Норвегии. Для буржуазного и правосоциалистического крыла датских антифашистов внешнеполитическая линия норвежского правительства служила образцом. С нейтральной Швецией были тесно связаны как антифашистские, так и коллаборационистские датские круги. В Швеции находились зарубежные руководящие центры, а позднее и базы снабжения не только норвежского, но и датского Сопротивления. Здесь формировалась датская «полицейская» бригада, впоследствии подчиненная англо-американскому командованию. Отсюда датчане получали необходимую материальную и моральную поддержку, прежде всего в виде беспрепятственного приема беженцев.

Выход Финляндии из войны образует рубеж последнего, завершающего этапа войны для Северной Европы. Прекратив военные действия на финском фронте, советские войска начали наступление в Заполярье (октябрь 1944 г.) и вскоре освободили город Киркенес и крайнюю восточную оконечность норвежского

Финмарка; от дальнейшего продвижения в глубь Норвегии советское командование воздержалось. Корректное, более того, великодушное отношение Советской Армии к норвежскому населению укрепило симпатии к Советскому Союзу в этой стране.

Накануне петсамо-киркенесской операции Советское правительство дало согласие на использование норвежских войск в Заполярье против немцев и на учреждение при советском командовании на Севере норвежской военной миссии. Первое норвежское подразделение вступило в Киркенес через Мурманск уже в начале ноября.

Зимой 1944/45 г. в Финмарк продолжали прибывать норвежские подразделения (всего свыше 3 тыс. человек). Опираясь на занятые советскими войсками рубежи, они продвигались по пятам отходящих германских войск. К концу войны норвежские части контролировали почти весь Западный Финмарк.

Ввиду естественного ослабления внимания великих союзных держав к северному театру военных действий еще важнее стало для норвежцев восстановление дружбы с соседней Швецией. В итоге правительственных переговоров в Стокгольме (начало ноября 1944 г.) Норвегия получила безвозвратный кредит и добилась согласия шведского правительства на вывод части «полицейских» войск в Северную Норвегию для действий против немцев. Реальная перспектива отчаянного немецко-фашистского сопротивления в Норвегии (а возможно, и в Дании) побудила норвежское правительство и датский Совет свободы поставить вопрос о шведской вооруженной интервенции. Шведское правительство отказалось взять на себя какие-либо обязательства и провести демонстративные приготовления. Однако шведские оперативные планы на случай такой интервенции были составлены и неопределенно-угрожающие заявления в адрес немцев сделаны. Шведы рассчитывали на капитуляцию немцев в Норвегии и готовы были сами интернировать оккупационную армию с согласия западных союзников. Однако 8 мая 1945 г. оккупанты без боя сложили оружие и в Норвегии.

В Дании германские войска сложили оружие 5 мая 1945 г. Сопротивление продолжал только немецкий гарнизон на острове Борнхольм, и советским войскам пришлось с боями овладеть островом (9 мая). Датский народ подвигами и жертвами своих лучших сынов — участников подпольных боевых групп, моряков торгового флота, забастовщиков и демонстрантов — воистину доказал принадлежность его страны к Объединенным Нациям.

Нейтралитет Швеции на завершающем этапе войны приобрел отчетливо просоюзнический характер. В последние месяцы 1944 г. шведы прекратили торговлю с рейхом, заявили о непредоставлении убежища фашистам и предателям. Однако в стране продолжали легально действовать различные германские организации и их местная агентура — шведские фашисты. Незадолго до своего крушения гитлеровские главари тщетно пытались на шведской земле или через шведских деятелей договориться о сепаратной

капитуляции перед западными державами (встречи Гиммлера с представителем шведского Красного креста графом Ф. Бернадотом).

Западные союзники в конце войны продолжали свое экономическое давление на Швецию, страна все сильнее зависела от Запада. Во имя жизненно важной для них внешней торговли шведы готовы были на серьезные экономические уступки участникам антигитлеровской коалиции (в части фрахта, экспортных кредитов и пр.). В марте 1945 г. Швеция заключила торгово-платежное соглашение с Англией, фактически открывшее обедневшим англичанам крупный кредит. Пошла Швеция и на ряд второстепенных актов помощи союзным вооруженным силам. Апогея достигли ее помощь борцам Сопротивления в Норвегии и Дании, разнообразная невоенная помощь освобожденным странам.

На завершающем этапе войны возобновилась советско-шведская торговля. Шведы проявили в это время немалую инициативу, стремясь расширить контакты с Советской страной. Развернулась и прямая помощь шведских общественных и государственных организаций советскому народу. Главной ее формой была забота о бывших советских военнопленных в Норвегии уже после капитуляции немцев. В Швеции быстро крепли симпатии к нашей стране, проявившиеся, в частности, в успешной деятельности обществ культурной связи с СССР.

Оккупационный режим и движение Сопротивления в Норвегии. В первые недели германской оккупации население и политические партии Норвегии находились в состоянии растерянности. В обстановке германских побед пораженческие настроения овладели массой народа, в особенности же норвежской буржуазией. Она использовала провал социал-демократов для укрепления своего влияния в стране: именно из крупных предпринимателей и буржуазных чиновников был создан уже 15 апреля 1940 г. Административный совет в Осло, взявший на себя поддержание порядка и налаживание нормальной жизни на оккупированной территории, а затем и во всей Норвегии. Совет заменил самозванное «правительство» фашиста Квислинга, провозглашенное предателем 9 апреля. Гитлеровцы согласились на такую замену, рассчитывая превратить Административный совет в законное, популярное и послушное им правительство. Значительная часть норвежской буржуазии и оставшихся в Норвегии лидеров НРП и крупных буржуазных партий также готова была заменить эмигрантское проанглийское правительство новым на базе Административного совета, которое бы, опираясь на поддержку стортинга с его буржуазным большинством, заключило мир с немцами и обеспечило Норвегии сносные условия оккупации и сохранение буржуазно-демократических порядков. Квислинг, однако, надеялся сам возглавить такое правительство или по крайней мере заполнить его своими людьми.

Природные ресурсы Норвегии, ее высокий промышленный потенциал были поставлены на службу военной экономики рейха без

особого противодействия со стороны норвежских предпринимателей. Гитлеровцы расплачивались за купленные товары главным образом долговыми обязательствами на Норвежский банк. За весь период оккупации эта не возвращенная оккупантами сумма достигла 10,5 млрд. крон. Вместе с германскими реквизициями прямые оккупационные расходы Норвегии составили 12 млрд. крон.

Переговоры германских властей с буржуазными лидерами оккупированной Норвегии о создании нового правительства велись на протяжении всего лета 1940 г. Норвежские умеренные коллаборационисты постепенно уступали нажиму гитлеровцев. 10 сентября партийные фракции стортинга большинством голосов приняли предварительное решение о временном лишении полномочий короля Хокона VII, ранее наотрез отказавшегося одобрить сговор с немцами и уволить правительство Нюгорсволла. В середине сентября, однако, переговоры в Осло застопорились: вожди норвежской буржуазии не желали отдавать основные портфели в будущем прогерманском правительстве фашисту Квислингу. 25 сентября 1940 г. германский наместник (рейхскомиссар) в Норвегии Тербовен распустил стортинг, уволил в отставку Административный совет и вместо предполагавшегося правительства назначил при своей особе «совет комиссаров» из местных фашистов. Все политические партии, кроме квислинговской, были также распущены. Квислинг в «совет комиссаров» временно не вошел, а занялся укреплением своей партии и насаждением ее влияния в стране. В начале 1942 г. он стал премьер-министром «национального правительства» Норвегии, но вся полнота власти оставалась в руках Тербовена, в руках самих оккупантов.

Компартия Норвегии в первые месяцы оккупации отстаивала классовые интересы трудящихся и выступала против войны с Германией, т. е. против лондонского правительства, против планов создания нового буржуазного правительства из умеренных коллаборационистов, и в особенности против местных фашистов-квислинговцев, за народное правительство из представителей рабочих, крестьян и рыбаков. Но уже в августе 1940 г. компартия была запрещена.

В условиях насильственного насаждения фашистских порядков и экономического ограбления Норвегии оккупантами стало налаживаться движение Сопротивления. Во второй половине 1940 г. распространялась нелегальная антифашистская литература — листовки, «цепные письма», а затем периодическая печать; велась антигерманская разведка. Неполитические организации — профсоюзы, объединения интеллигенции, учащихся, спортсменов, норвежская государственная церковь и другие весьма многочисленные в Норвегии христианские объединения — в меру своих сил противодействовали фашизации легальными средствами. Единственный из оставленных оккупантами правительственных органов — верховный суд (ранее стоявший на позициях умеренного коллаборационизма) — подал в отставку в конце 1940 г., протестуя про-

тив фашистского «законодательства». Последним крупным выступлением легального характера был письменный протест 43 организаций (представлявших 700 тыс. человек) против действий квислинговцев, поданный Тербовену в мае 1941 г. Авторы протеста подверглись репрессиям, все общественные организации страны были поставлены под прямой фашистский контроль либо распущены.

Мелкие британские десанты на побережье Норвегии с весны 1941 г. и в особенности нападение Германии на СССР побудили гитлеровцев ввести в Норвегии более жесткий режим и подготовить кровавые репрессии. Они были применены против бастующих рабочих-металлистов Осло в сентябре 1941 г. Забастовка возникла стихийно и была вызвана растущей дороговизной и ухудшением снабжения; она охватила около 25 тыс. человек. Руководители норвежских профсоюзов, известные немцам как антифашисты, были арестованы, двое из них — В. Ханстеен и Р. Викстрём — немедленно расстреляны. С тех пор расстрелы и пытки стали обычным делом в Норвегии (в 1941 г.— 34 смертные казни, в 1942 г.— 107 и т. д.).

В течение 1941—1943 гг. сложились руководящие центры движения Сопротивления, или «Внутреннего фронта». Военная организация сопротивления «Милорг» (от «Милитэр организашу́н») имела отдельное руководство. Гражданское сопротивление направлял «Координационный комитет» (КК). Высшим органом, выступавшим от имени «Внутреннего фронта» перед союзниками и лондонским правительством, был анонимный «Кружок» («Кретсен») из видных буржуазных чиновников и социал-демократических профсоюзных деятелей. В него вошли бывший председатель верховного суда П. Берг, молодой секретарь НРП Э. Герхардсен и др. В конце войны члены этих органов, уцелевшие от репрессий, создали единое руководство «Внутреннего фронта». Коммунисты, несмотря на неоднократную инициативу с их стороны, в состав этого руководства не были допущены и действовали самостоятельно.

Буржуазно-реформистское руководство «Внутреннего фронта», в особенности гражданское, придерживалось тактики невооруженного сопротивления, настороженно относилось даже к тем ограниченным диверсиям, какие проводило в Норвегии британское «Управление специальных операций», и открыто враждебно — к развертыванию партизанского движения коммунистами. «Милорг» вел большую работу по тайной военной подготовке молодых добровольцев, по приемке английского оружия (с парашютов), разведку и пр. Разногласия по вопросам тактики осложняли антифашистскую борьбу в Норвегии. Несмотря на отдельные успешные вооруженные нападения на гестаповцев и квислинговцев, взрывы на военных объектах и транспорте (знаменитая операция по уничтожению запасов «тяжелой воды» в Рьюкане, 1943), главной формой Сопротивления в Норвегии до лета 1944 г. оставались кампании гражданского неповиновения — бойкот и срыв различных немецко-квислинговских мероприятий.

Диверсия на железной дороге. Норвегия

Первыми среди таких массовых кампаний были в 1942 г. бойкот школьными учителями квислинговского «Норвежского объединения учителей» (заявления об отказе вступить в него подали 12 тыс. из 14 тыс. учителей), отказ родителей отдавать своих детей в фашистскую детскую организацию (200 тыс. письменных заявлений протеста), коллективная отставка норвежских епископов, за которой последовала отставка большинства пасторов государственной церкви (исполнявших затем свои обязанности уже в качестве частных лиц).

Массовый выход или предупреждение о выходе из хозяйственных и профессиональных организаций (в случае их фашизации) сорвали задуманный Квислингом созыв корпоративного парламента (рикстинга) из представителей фашизированных профессиональных корпораций. Затем заявления о выходе из соответствующих организаций были по указанию руководства «Внутреннего фронта» взяты обратно во избежание репрессий.

На протяжении 1942 г. гестапо с помощью провокаторов сумело нанести патриотам чувствительные удары. Весной 1942 г. в порядке репрессии за убийство двух гестаповцев был сожжен поселок Телавог (район Бергена), все население заключено в концлагери (мужчины отправлены в Германию, где большинство их погибли). Осенью 1942 г. террор обрушился на район Тронхейма, где произошли успешные акты саботажа: гитлеровцы расстреляли заложников. В конце 1942 г. гестапо обнаружило явку подпольно-

го ЦК Норвежской компартии и уничтожило 17 видных ее руководителей, в том числе секретаря ЦК Оттара Ли. Генеральный секретарь КПН Г. Кристиансен был схвачен раньше и умер в немецком концлагере.

Невзирая на террор и предательство, вооруженная борьба, вдохновляемая переломом в ходе войны, продолжалась. Особенно молодежь все чаще роптала на воздержание от активной борьбы, проповедуемое вождями «Внутреннего фронта» и «Милорга». Росли авторитет коммунистов и популярность их призыва бороться «как в Югославии». Пассивность руководителей «Внутреннего фронта» в вопросах саботажа отражала наряду с боязнью жертв также корыстные интересы норвежских промышленников, наживавшихся на германских заказах. Достаточно сказать, что норвежский экспорт в годы оккупации снижался по объему весьма медленно и направлялся главным образом в Германию.

Еще весной 1943 г. «Внутренний фронт» беспрепятственно допустил регистрацию граждан для целей фашистской трудовой мобилизации. Удар по врагу был нанесен коммунистической группой легендарного «Освальда» (А. Сюнне), взорвавшей крупную картотеку мобилизуемых в Осло: «тотальная» мобилизация на трудовой фронт сорвалась. Явный перелом в войне, нетерпение народа и боязнь растущего влияния Компартии побудили руководство «Внутреннего фронта» перейти к активизации антигерманских действий. В начале 1944 г. было решено сорвать тайный фашистский план отправки молодых норвежцев на Восточный фронт (под видом новой трудовой мобилизации). «Милорг» впервые провел крупную операцию против контор и картотек трудовой службы. Юноши 1921—1923 годов рождения почти на 100% уклонились от мобилизации.

Весной 1944 г. руководство «Внутреннего фронта» сочло нужным обнародовать свое программное заявление, заверявшее народ в верности «фронта» демократическим идеалам и целям. Заявление, переданное по британскому радио 17 мая 1944 г., было поддержано лондонским правительством и подпольным руководством Компартии (П. Фюрюботн). С лета 1944 г. и особенно в последние месяцы войны (когда боевые группы Компартии влились в состав «Милорга») диверсии и партизанские действия против гитлеровцев в Норвегии участились. Активными борцами норвежского Сопротивления были советские солдаты и офицеры, бежавшие из немецких концлагерей для военнопленных. Военная промышленность была в значительной мере остановлена, множество судов подорвано в портах Переброска войск вермахта из Северной Норвегии на другие фронты была задержана норвежской «битвой на рельсах» в марте 1944 г. Подпольная армия — около 40 тыс. человек — в 1945 г. ожидала сигнала к восстанию в тылу врага, и гитлеровцы до конца войны сохраняли в Норвегии 350 тыс. солдат и офицеров.

Нарушение экономических связей с континентом, повреждения на транспорте, немецкая тактика выжженной земли на Севере способствовали резкому ухудшению положения масс, особенно накану-

не освобождения. Стремясь смягчить трудности и предотвратить неизбежное обострение классовых конфликтов, руководители норвежских профсоюзов и предпринимательских организаций еще в 1944 г. пришли в Стокгольме к соглашению о повышении заработной платы сразу после освобождения. Соглашение было предано гласности и стало действовать с ноября 1944 г. на освобожденной советскими войсками территории Восточного Финмарка.

Опыт совместной антифашистской борьбы рабочих разной политической принадлежности, особенно в последний период оккупации, вызвал стремление к объединению. По инициативе НРП в самом конце войны была составлена «Общая программа» политических партий на ближайший послевоенный период. Суть ее сводилась к усилению государственного регулирования и государственного предпринимательства с целью скорейшего восстановления народного хозяйства. Программа обещала полную занятость и «экономическую демократию», т. е. привлечение трудящихся к руководству предприятиями и целыми отраслями, провозглашала труд правом и обязанностью граждан, обещала целый ряд политических, социальных и культурных реформ с упором на помощь неимущим группам населения. Программа получила поддержку Компартии, и коммунисты вошли в Объединенный комитет партий, созданный для контроля за ее выполнением.

Оккупация Дании. Движение Сопротивления. Перед лицом германской оккупации крупные политические партии Дании сплотились: был создан межпартийный комитет сотрудничества, и, наконец, 8 июля 1940 г. образовано новое, так называемое национальное правительство Стаунинга, в котором социал-демократы имели лишь меньшую часть портфелей.

В первые месяцы оккупации германские власти довольствовались главным образом организацией хозяйственного ограбления страны. Датские государственные «кредиты» вермахту на оплату его оккупационных расходов уже в конце 1940 г. превысили 400 млн. крон (за всю войну — 5 млрд. крон). Столь же безостановочно росла германская «задолженность» по безналичной торговле с Данией — 400 млн. крон в конце 1940 г. и 3 млрд. крон в мае 1945 г. Внутренняя жизнь Дании была сравнительно мало затронута оккупацией. Датчане избегали общения с немцами и демонстрировали патриотические чувства безопасными способами вроде хорового пения. Попытки фашистских и профашистских партий организовать беспорядки и с помощью оккупантов прийти к власти не имели успеха. Тем не менее с начала 1941 г. участились случаи вмешательства немцев в датское судопроизводство, предъявления датчанам новых военных требований — о выдаче торпедных катеров немцам, о сооружении автострад, аэродромов для вермахта и пр. Датские власти шли на уступки.

После нападения Гитлера на СССР в Дании начались аресты видных коммунистов и была запрещена компартия, которая, однако, сумела подготовиться к уходу в подполье. В 1941 г. уже дало о себе знать антифашистское движение Сопротивления — распрост-

ранение листовок, печатание подпольных изданий, акты саботажа, крупные демонстрации в Копенгагене в знак протеста против присоединения к Антикоминтерновскому пакту (ноябрь 1941 г.). В первые месяцы 1942 г., несмотря на заклинания датских министров-коллаборационистов и более строгие наказания, сопротивление продолжало расти.

Застрельщиками активной всенародной вооруженной борьбы с оккупантами были в Дании коммунисты. В начале 1942 г. они уже имели крупную диверсионную организацию «Копа» («Коммунисты-партизаны»). Весной 1942 г. компартия договорилась с патриотами из других партий, включая консерваторов, о совместном издании еженедельника «Фрит Данмарк». На протяжении 1942 г. общий тираж нелегальных газет вырос с 40 до 300 тыс. экз. Акты саботажа на предприятиях участились — с 19 в 1941 г. до 122 в 1942 г.

Коллаборационистские датские кабинеты — Стаунинга и после его смерти в мае 1942 г. социал-демократа В. Буля, а с ноября 1942 г. близкого к радикалам помещика Э. Скавениуса,— уступая гитлеровскому диктату, усиливали репрессии против Сопротивления, а с 1942 г. согласились на прямое участие гестапо в борьбе с патриотами. Однако министры-коллаборационисты все же, опираясь на поддержку парламента и политических партий, противились введению смертной казни за саботаж и некоторым другим, особенно тяжелым требованиям оккупантов. В марте 1943 г. в Дании — единственный случай в истории оккупированной фашистами Европы — были проведены очередные парламентские выборы. 96% голосовавших отдали свои голоса буржуазно-демократическим партиям, нацистские партии в целом понесли потери. Выборы прошли под лозунгом верности датской демократии.

О подъеме массового антигерманского движения летом 1943 г. и его кульминации — кризисе датско-германских отношений в конце августа — уже говорилось (см. с. 222). Под влиянием коммунистов рабочий класс, а за ним и весь датский народ по собственной инициативе отверг привилегированные условия «образцового протектората». Со славного дня 29 августа 1943 г. начался новый этап истории оккупированной Дании.

Страна осталась без правительства и армии, а год спустя — также и без полиции. Германская армия, жандармерия, гестапо, датские военно-фашистские формирования — на их расправу отданы были теперь датчане. Новая грозная обстановка властно требовала объединения сил Сопротивления под общим руководством. Инициативу вновь проявила Датская компартия. 16 сентября 1943 г. представители компартии и четырех буржуазных организаций Сопротивления образовали руководящий орган — Совет свободы. Имена его членов стали известны народу лишь после освобождения. Состав Совета свободы колебался от 6 до 12 человек, компартия была представлена 1—2 лицами (А. Енсен, Б. Хоуман). Председатель Совета врач Могенс Фог выступал от имени организации «Фрит Данмарк», но был тесно связан с коммунистами. В программном заявлении Совета свободы отмечались его общеде-

мократические идеалы, его непартийный характер и выставлялась в качестве главной задачи борьба за свободу страны, против фашистов немецких и датских.

Совет свободы постепенно приобрел авторитет как бы нелегального правительства страны. С его созданием удары по оккупантам стали более действенными: если в первом полугодии 1943 г. было совершено 279 диверсий, то во втором — уже 690. Тираж подпольных газет поднялся с 2,6 млн. экз. в 1943 г. до 11 млн. в 1944 г. Одновременно все более жестоким становился фашистский террор. В октябре 1943 г. был отдан тайный приказ об аресте всех датских евреев. Однако заблаговременно предупрежденные датской полицией, борцы Сопротивления сумели в кратчайший срок переправить около 7000 человек в Швецию (не удалось спасти около 500 человек). С конца 1943 г. по личному приказу Гитлера стали практиковаться — в отместку за акты диверсий — убийства из-за угла видных общественных деятелей (например, писателя К. Мунка) и просто случайных лиц, а также разрушение общественно полезных зданий.

Летом 1944 г. наступление советских войск и вторжение союзников во Францию вызвали новый подъем движения Сопротивления, опять-таки при ведущей роли рабочего класса. 22 июня 1944 г. патриотами был взорван важный завод автоматического оружия в самом Копенгагене. Ответные репрессии немцев привели к забастовкам, уличным демонстрациям, к появлению баррикад и костров в столице. 28 июня таких «костров свободы» было зажжено около 1000. Наконец, 30 июня — 4 июля столицу охватила всеобщая забастовка. В ее организации ведущую роль, по-видимому, сыграли группы компартии на крупных предприятиях. Совет свободы, где преобладали мелкобуржуазные интеллигенты, занял поначалу выжидательную позицию и выступил только 30 июня с призывом продолжать забастовку. Город был окружен войсками и отрезан от источников продовольственного снабжения, от газа, воды, электричества. Затем немецкие войска заняли главные здания и мосты столицы и начали обстрел защитников баррикад и рабочих кварталов. Коллаборационистские представители гражданских местных властей и профессиональных организаций вступили в переговоры с немцами об условиях прекращения всеобщей забастовки. Население же слушало объявления Совета свободы и приступило к работе с его одобрения после публичного обещания немецких властей выполнить ряд требований бастующих.

В ходе народной забастовки в Копенгагене, показавшей силу авторитета Совета свободы, представители легальных датских властей, партий и профсоюзов, т. е. умеренные коллаборационисты, установили контакт с Советом, стали оказывать патриотам материальную помощь, направили в военные организации Сопротивления офицеров и полицейских. Делалось это не только для борьбы с оккупантами, но и для ослабления влияния коммунистов в движении Сопротивления, особенно в его вооруженных силах. Социал-демократические вожди добились от предпринимателей осенью

1944 г. некоторого повышения заработной платы рабочим и служащим.

В течение 1944 г. приобрели злободневность и вопросы послевоенного развития страны, формирования ее правительства. На решении этих вопросов отрицательно сказывалось преобладание в Совете свободы буржуазно-интеллигентских деятелей, их нежелании заниматься собственно политикой. Лишь с большим трудом коммунистам удалось настоять на том, чтобы Совет свободы принял участие в образовании первого послевоенного правительства и получил там влиятельные посты. Обнародованная в 1944 г. программа Совета свободы на первый послевоенный период («Когда Дания вновь будет свободной») не шла дальше восстановления демократических свобод и судебного преследования предателей, конфискации военных прибылей, расследования действий старых правительств и др. Через свои газеты и отдельные издания, например брошюру «Мы боремся за подлинную демократию», КПД пропагандировала задачу социального и политического обновления всего уклада датской жизни после изгнания гитлеровцев, выдвигала программу глубоких общественных преобразований. Совет свободы в целом и особенно представители социал-демократов в Совете не поддержали эту программу.

На последнем этапе масштабы диверсий в Дании стали особенно велики: если в 1944 г. было совершено 328 железнодорожных диверсий, то в январе — апреле 1945 г.— 1301. Положение здесь в отдельные моменты приближалось к партизанской войне. Действия патриотов вывели из строя значительную часть предприятий военного значения в стране. 152 коммуниста погибли в уличных схватках, на эшафоте, в застенках гестапо или за проволокой концлагерей. Авторитет КПД неизмеримо вырос.

Нейтральная Швеция в годы войны. Характерной чертой внутреннего положения Швеции со времен советско-финской войны и в особенности после 9 апреля 1940 г. было ограничение демократических свобод, хотя и в гораздо меньшей степени, чем в соседних скандинавских странах. Роль шведского парламента, его комитетов и комиссий в определении политики значительно ослабла. Риксдаг сплошь и рядом узнавал о тех или иных решениях задним числом, причем всячески стеснялся доступ к важной информации для неправительственных партий, а именно — для коммунистов. В течение 1940—1941 гг. был принят целый ряд временных законов, уполномочивших правительство запрещать отдельные политические партии и печатные издания, перевозку последних средствами общественного транспорта, вводить цензуру печати и др. Не все из этих законов вступили в силу: все партии действовали легально, и предварительная цензура так и не была введена. Однако широко практиковались конфискация тиража периодических изданий и привлечение к суду их редакторов, причем в подавляющем большинстве случаев репрессии направлялись против антифашистских, антигерманских изданий.

Реорганизованная в войну государственная тайная полиция «Общая служба безопасности» отнюдь не ограничивалась задачами контрразведки. Возглавляемая правыми, а частично профашистскими элементами, тайная полиция преследовала главным образом левые организации и лиц, сочувствующих объединенным нациям. Она, в частности, вскрывала письма, подслушивала телефонные разговоры, вела список коммунистов для их интернирования в случае войны. Мобилизованных в армию членов компартии и иных «подозрительных» держали в «рабочих ротах» — своеобразных концентрационных лагерях. Некоторые полицейские меры, например выдача отдельных антифашистов-эмигрантов гитлеровцам, были прямо продиктованы из Берлина.

Другой важной особенностью военных лет и прежде всего периода после 9 апреля 1940 г. была значительная милитаризация страны. Одни только прямые расходы на оборону за 1939—1945 гг. составили свыше 50% всей расходной части государственного бюджета Швеции. Сроки военной службы были увеличены, однако ввиду нехватки рабочей силы практиковались краткосрочные мобилизации в зависимости от степени военной опасности. В 1942 г. риксдаг принял большую программу военного строительства, рассчитанную на несколько лет. В последующие годы Швеция сама производила самолеты и танки, так что в конце войны ее вооруженные силы серьезно уступали в Европе только войскам великих держав.

Усилившееся с начала войны государственное регулирование народного хозяйства в дальнейшем принимало новые формы. Постепенно сложилась разветвленная администрация для регулирования экономики. Создание и деятельность ее сильно облегчались не только опытом первой мировой войны, но и государственно-монополистическим регулированием 30-х годов. К участию в правительственных комиссиях широко привлекались представители предпринимательских объединений, в особенности крупнейших банков и корпораций, и в гораздо меньшей степени — профсоюзов. Значительно выросли прямые и косвенные налоги. В 1943 г. карточная система уже охватывала подавляющую часть предметов продовольствия и ширпотреба, и голода времен первой мировой войны удалось избежать (в Норвегии продовольственное положение было много хуже, а в Дании — даже лучше шведского).

Внутриполитические мероприятия правительства национального единства диктовались в первую очередь интересами шведской буржуазии, представители которой владели большинством министерских постов. Социал-демократы в интересах единства шли на уступки своим партнерам, хотя после парламентских выборов 1940 г. имели абсолютное большинство во второй, а после коммунальных выборов 1942 г.— также и в первой палате.

Ухудшение внешнеполитического положения страны после оккупации Норвегии и Дании, политика правительственных уступок германскому диктату поставили перед рабочим движением и всеми прогрессивными кругами Швеции новую задачу — защиту нацио-

нальной независимости и демократических завоеваний шведского народа. Компартия в июне 1941 г. во всеуслышание заявила о своей готовности к защите родины и о необходимости максимального укрепления обороноспособности страны.

В первые месяцы советско-германской войны компартия оказалась на полулегальном положении. Шведская полиция по сигналу из Берлина совершала налеты на помещения партии. В правительстве обсуждался вопрос о запрете КПШ, чему, однако, сопротивлялись социал-демократы. Травля коммунистов не случайно совпала с тщетными попытками Германии втянуть Швецию в антисоветскую войну. В ответ летом и осенью 1941 г. в стране стали возникать новые общественные организации, ставившие своей целью защиту нейтралитета, независимости и демократии Швеции, а также мобилизацию шведской общественности против фашистского террора в соседней Норвегии. Важнейшей из таких непартийных антинацистских организаций были «Борющиеся демократы», затем кружок, сплотившийся вокруг неоднократно закрывавшейся властями газеты «Тротс альт!» («Несмотря ни на что!») и др. Их поддерживали шведские коммунисты. С началом перелома в войне те же общественные круги, а также профсоюзы и значительная часть газет повели упорную и в конечном счете успешную кампанию за прекращение политики уступок гитлеровцам.

Новый рост симпатий к Советскому Союзу и коммунистам как наиболее последовательным борцам с фашизмом пошел на пользу Шведской компартии. Коммунальные выборы 1942 г. показали увеличение ее сторонников в 1,5 раза. В 1943 г. рост влияния коммунистов был подтвержден итогами перевыборов профсоюзного руководства (особенно у металлистов).

После перелома в войне общественное мнение нейтральной Швеции все живее обсуждало перспективы общественно-политического развития страны. Новые программы шведской социал-демократии, принятые в 1944 г.,— как принципиальная, так и «политическая», т. е. практическая,— отразили тягу трудящихся к социализму. В своей практической программе (так называемые 27 пунктов СДПШ намечала ограничение власти и прибылей крупного капитала, в частности через налогообложение, установление рабочего контроля за руководством предприятий, национализацию отдельных отраслей производства, сохранение контроля за ценами в условиях мира, поддержание полной занятости, повышение реальной заработной платы рабочих и доходов мелких крестьян, всеобщее страхование по болезни и другие социальные мероприятия. Практические предложения СДПШ, конечно, сами по себе еще не означали перехода к социализму, но облегчали проведение социалистических преобразований в будущем и отвечали чаяниям масс. Поэтому Компартия активно поддержала «27 пунктов».

Несмотря на принятую популярную программу, социал-демократы на очередных парламентских выборах в сентябре 1944 г. утратили абсолютное большинство во второй палате и вместо 134 (из 230) мандатов получили 115. Наибольший успех достался ком-

мунистам, которые впятеро увеличили число своих мандатов — с 3 до 15. Коммунисты выступали на выборах с программой демократических преобразований и ликвидации господства монополий в экономике и политике страны. Компартия требовала немедленного удовлетворения насущных нужд беднейших слоев населения, отмены антидемократических чрезвычайных законов, а во внешней политике — налаживания дружбы с СССР. Немалая часть традиционно социал-демократических избирателей предпочла теперь коммунистов. Компартия превращалась в массовую организацию. В конце войны имущие и реакционные круги Швеции, как и всех скандинавских стран, со страхом ожидали обострения классовой борьбы, если не революции.

Последние военные месяцы действительно сопровождались быстрым ростом числа забастовок, вообще говоря не свойственных предшествующему периоду. Крупные отряды трудящихся — металлисты, железнодорожники, рабочие электростанций — требовали повышения реальной заработной платы до довоенного уровня. В феврале 1945 г. по инициативе Компартии началась пятимесячная стачка 130 тыс. рабочих-машиностроителей (самая долгая в Швеции с 900-х годов).

Глава XVI

Послевоенные демократические реформы (1945—1947 гг.)

Политическая реорганизация 1945 г. По сравнению с другими частями Европы, в том числе Западной, Скандинавия мало пострадала от войны. Совсем не пострадала Швеция, оказывавшая и в период оккупации, и в особенности после освобождения крупную экономическую помощь своим соседям, в первую очередь норвежцам. Людские потери Дании составили около 5 тыс., Норвегии — около 10 тыс. человек. Наполовину сократился тоннаж норвежского торгового флота, на треть — датского. Прямые разрушения были особенно велики в заполярной Норвегии — следствие немецкой тактики «выжженной земли». В северных губерниях Финмарк и Тромс было уничтожено большинство наземных сооружений. Датчанам война оставила около 250 тыс. немецких гражданских беженцев, которых пришлось содержать (полностью выехали только в 1949 г.), а также, как и норвежцам, громадный неоплаченный долг оккупантов.

Дания и особенно Норвегия в большей, Швеция — в меньшей степени столкнулись в первые послевоенные месяцы с общими экономическими трудностями: инфляция, громадный внутренний государственный долг, товарный голод, нехватка в особенности минерального топлива ввиду обеднения (Англия) или отпадения (Германия) традиционных поставщиков, безработица в связи с сокращением производства в конце войны (в Норвегии наполовину

от уровня 1938 г., в Дании на четверть), изношенность оборудования и жилищного фонда, падение национального дохода и реальной заработной платы (даже в Швеции).

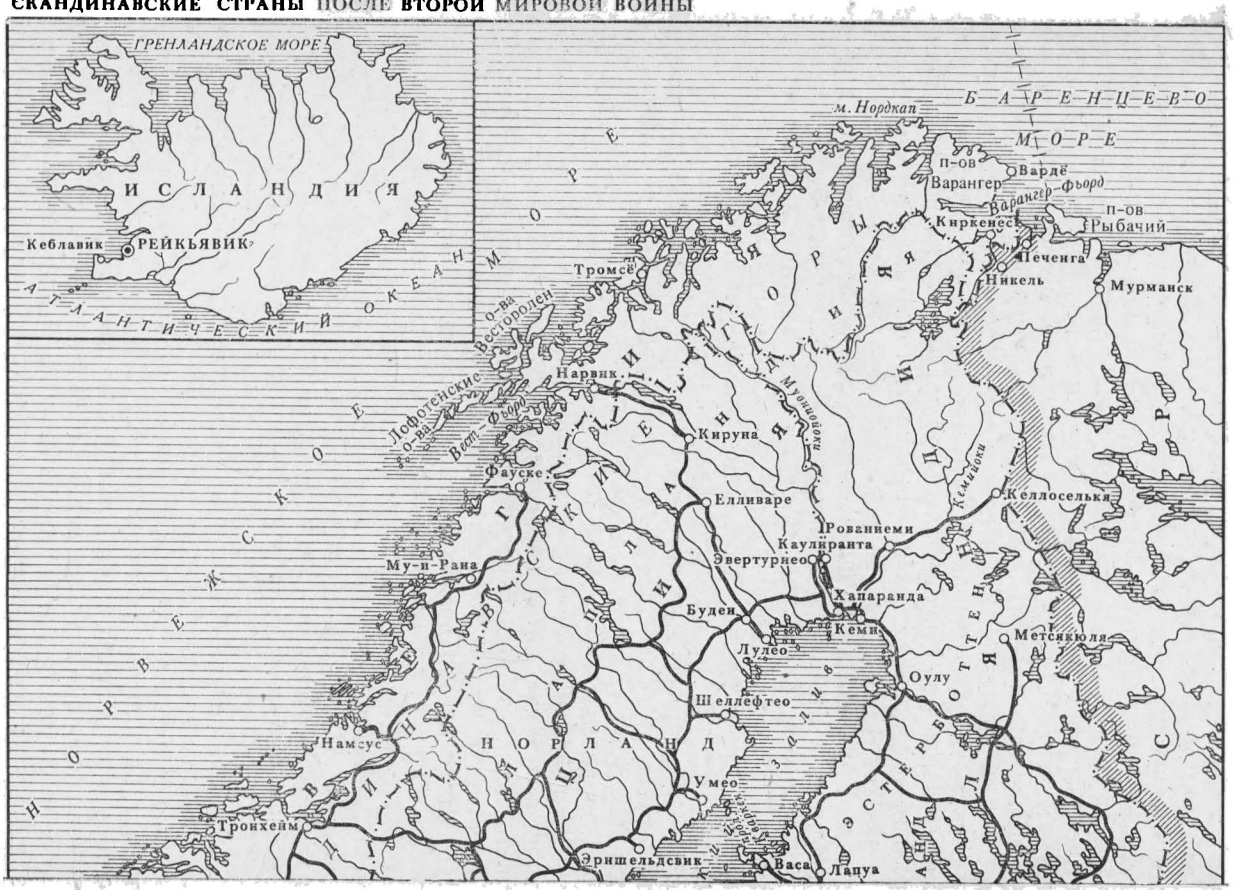
Общим внутриполитическим итогом войны для Скандинавии, как и для всей Западной Европы, был сдвиг влево — значительный рост влияния компартий, усиление тяги масс к демократическим реформам, к единству, к социализму. Вместе с тем в Дании и Норвегии оккупация породила десятки тысяч крупных и мелких предателей — фашистов и профашистов, которых еще предстояло выявить, судить и наказать. Серьезные политические разногласия существовали в первые недели мира в лагере правящих партий и групп: между Советом свободы и бывшими умеренными коллаборационистами («политиками») в Дании; между вернувшимся из Англии норвежским правительством (в основном социал-демократическим) и «Внутренним фронтом» (в основном буржуазным); между партнерами по национальной правительственной коалиции — социал-демократической и буржуазными партиями в Швеции.

В июне 1945 г. ушло в отставку вернувшееся из Лондона норвежское правительство Нюгорсволла, распалась правительственная коалиция в Швеции, в Дании кабинет Скавениуса был не у дел с 1943 г. и формально ушел в отставку в канун освобождения. На месте их образовались первые послевоенные кабинеты — раньше всего в Дании, позже в Норвегии и, наконец, в Швеции. Если в Дании состав кабинета был согласован еще во время оккупации, то в Норвегии новый кабинет формировался летом 1945 г. в острой политической борьбе между социал-демократами и буржуазным руководством «Внутреннего фронта».

Оба кабинета — датский и норвежский — были правительствами национального единства, возглавлялись социал-демократами и включали также по два коммуниста. В Швеции же образовался чисто социал-демократический кабинет меньшинства, имевший, однако, поддержку коммунистов во второй палате риксдага (всего 115+15 из 230). Датское правительство возглавлялось премьером военных лет, т. е. бывшим умеренным коллаборационистом В. Булем; норвежское — секретарем НРП, членом руководства «Внутреннего фронта», бывшим узником Заксенхаузена Э. Герхардсеном; шведское же — по-прежнему П. А. Ханссоном до его скоропостижной смерти в 1946 г., а затем Т. Эрландером (род. 1901), бывшим министром просвещения и культов, новым председателем СДРПШ.

Норвежское и датское правительства были временными: в их ближайшие задачи входило проведение парламентских выборов осенью 1945 г. Как и следовало ожидать, выборы принесли относительно наибольший успех коммунистам. Последние вновь, впервые с 20-х годов, попали в норвежский стортинг (11 мест) и увеличили свою фракцию в датском фолькетинге до 18 мест. НРП благодаря своей последовательной антифашистской линии впервые овладела абсолютным большинством парламентских мандатов (76 из 150). Датские же социал-демократы из-за своего многолетнего коллабо-

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

**На карту нанесены некоторые названия, относящиеся к XVIII – началу XX в.*

Скандинавские страны после второй мировой войны

рационизма лишились почти $^1/_3$ мандатов (48 вместо 66), хотя и остались крупнейшей фракцией.

После выборов тот же Герхардсен сформировал однопартийный кабинет НРП, датские же социал-демократы образовать правительство отказались и левое большинство (с.-д.+ компартия+радикалы) не использовали. Правительство сформировали датские либералы-аграрии (венстре). Премьером буржуазного кабинета меньшинства (первого с 1929 г.) стал землевладелец Кн. Кристенсен.

Подъем рабочего движения, сотрудничество социал-демократов и коммунистов. Возросшая вследствие победы над фашизмом активность трудящихся выражалась в быстром восстановлении рабочих организаций, запрещенных или фашизированных оккупантами, в массовых манифестациях под лозунгами не только экономическими, но и политическими, в стремительном росте тиража коммунистической печати, численности самих компартий и голосующих за них избирателей. В Дании на выборах 1945 г. за КПД отдали голоса свыше 250 тыс. человек, в Норвегии за КПН — около 180 тыс., в Швеции на коммунальных выборах 1946 г. за КПШ — свыше 370 тыс. человек.

Полевение масс отразили и политические программы социал-демократов, озабоченных спадом своего влияния в рабочих организациях за военные годы. О «Послевоенной программе шведского рабочего движения» и норвежской «Общей программе» уже шла речь выше. Датские социал-демократы выступили летом 1945 г. также с радикальной послевоенной программой «Дания будущего», решительно осуждавшей монополистический капитализм и эксплуатацию трудящихся. Не обещая значительного роста национализированного сектора, она все же провозглашала необходимость общественного контроля над производством, торговлей и банками, обещала полную занятость, социальную обеспеченность, экономическую демократию в виде целой пирамиды производственных советов с участием рабочих представителей (то же в норвежской «Общей программе»).

Послевоенные политические программы скандинавских компартий были направлены к сплочению прогрессивных сил, к достижению единства действий с социал-демократами. Программы содержали лишь минимальные насущные требования демократических преобразований. Коммунисты предлагали, например, национализировать отдельные отрасли хозяйства, создать государственные органы экономического планирования, решительно демократизировать конституцию и государственный аппарат (строгое наказание немецких агентов в Норвегии и Дании, чистка государственного аппарата от реакционеров и фашистов в Швеции), народное образование и налогообложение, перестроить систему социального обеспечения, улучшить условия труда (40-часовая рабочая неделя), помочь малоземельным крестьянам и пр. Компартии справедливо рассматривали борьбу за демократию как начало борьбы за социализм и сделали ряд заявлений о возможности мирного перехода к

социализму (Шведская компартия, 1944), о поддержке парламентской и многопартийной системы (Компартии Норвегии и Дании в 1945—1946 гг.).

Переговоры об объединении социал-демократов и коммунистов велись в Норвегии с мая 1945 г. по инициативе центрального правления профсоюзов, а в Дании — летом 1945 г. по инициативе Компартии. В Норвегии переговоры закончились только в 1947 г., а в Дании — летом 1945 г. Неудача переговоров в Дании объяснялась тем, что социал-демократы требовали организационного слияния на базе своей программы (в частности, отказа коммунистов от идеи диктатуры пролетариата), а до тех пор отказывались от практического единства действий с коммунистами. Датские социал-демократы уже в 1945 г. стали вести резкую антикоммунистическую пропаганду. В Норвегии обе партии при активном посредничестве профсоюзов ближе подошли к выработке предварительной взаимоприемлемой программы, однако объединение было сорвано поворотом НРП к антикоммунизму с 1947 г. Шведские коммунисты также готовы были к широкому политическому сотрудничеству с социал-демократами, вплоть до вступления в правительство, однако объединительные переговоры считали преждевременными.

Тем не менее в каждой из стран рабочие партии в 1945—1947 гг. сотрудничали между собой. В Норвегии и Дании правительства национального единства при энергичном участии министров-коммунистов выполнили самые неотложные требования трудящихся: чистку государственного аппарата и преследование предателей, конфискацию военных прибылей с помощью обмена денег (в Норвегии) или единовременного налога на имущество (в Дании), общее повышение заработной платы. Коммунисты в Швеции и Норвегии поддерживали выполнение послевоенных программ и многие новые предложения социал-демократов.

Неотложным делом демократических сил после освобождения стало судебное преследование местных квислинговцев. Для этого еще во время войны норвежское правительство в Лондоне приняло специальный закон. В Дании соответствующий закон был принят в 1945 г. правительством Буля под нажимом борцов Сопротивления. Следствие и судебное разбирательство по делу о немецко-фашистских агентах заняли ближайшие послевоенные годы. В Норвегии, в частности, суды признали виновными 50 тыс. человек, из них 20 тыс. были приговорены к тюремному заключению, а 25, в том числе Квислинг, казнены. В Дании были осуждены 16 тыс. человек и казнено около 50. В обеих странах прошли также процессы над немецкими военными преступниками.

Экономическая борьба и забастовочное движение трудящихся развивались в первые послевоенные годы по-разному. Норвежские рабочие сознательно шли на жертвы ради скорейшего восстановления хозяйства: до 1948 г. крупных забастовок в стране вообще не было. В Швеции со времени успешной стачки металлистов 1945 г. новых крупных конфликтов также не было. Сильнее всего забастовочное движение развернулось в Дании, где социал-демокра-

ты к тому же находились в оппозиции: в 1946 г. потеряно 1,2 млн. человеко-дней (стачка на скотобойнях и пр.).

В целях поддержания «мира на рынке труда» действующие соглашения между центральными организациями профсоюзов и предпринимателей были дополнены рядом уступок со стороны последних. Вошло в практику повышение заработной платы сверх предусмотренного коллективными договорами, а также в определенной зависимости от индекса стоимости жизни. В Дании эта зависимость приобрела автоматический характер. С 1946 г. в Норвегии и Швеции (в Дании с 1947 г.) начались первые опыты по внедрению пропагандировавшейся социал-демократами еще с 30-х годов «промышленной демократии». На предприятиях и в учреждениях (кроме мелких) создавались, по желанию одной из сторон, смешанные производственные комитеты из представителей администрации и рабочих (или служащих). Они обсуждали вопросы, жалобы и предложения в области производственной жизни, не отраженные в коллективных договорах. Комитеты были и остались совещательными органами, способствовали главным образом росту производства, но отнюдь не обеспечили трудящимся действенного контроля над владельцами и директорами предприятий.

Социальные и трудовые реформы в Швеции и Норвегии. В ближайшие годы после освобождения все скандинавские правительства — с участием коммунистов либо при их поддержке — провели целый ряд демократических мероприятий. Были аннулированы фашистские (в Норвегии) либо продиктованные оккупантами (в Дании) законы оккупационного периода. Антидемократические законы, принятые в 1940—1941 гг. в Швеции, были отменены еще в конце войны. Однако народные массы ждали и желали не просто возврата к довоенным порядкам, но немедленных мер по облегчению своего положения, по расширению своих прав.

Наиболее значительные социальные мероприятия были проведены в Швеции, где в 1946—1948 гг. была увеличена пенсия по старости и установлен ее равный размер для всех граждан; вводилось пособие на каждого ребенка до 16 лет; принят был закон о всеобщем и обязательном страховании по болезни (по финансовым соображениям закон вступал в силу позднее); государство отныне на более льготных условиях кредитовало жилищное строительство, в особенности некоммерческое, и выдавало пособия на квартплату особо нуждающимся группам населения. В 1948 г. был принят новый, более прогрессивный закон об охране труда (принципиальный запрет ночных смен, использования женщин на тяжелых работах и найма детей до 14 лет) и создано особое управление рынка труда.

Сходные мероприятия, но в более скромных размерах и несколько позже (в 1946—1949 гг.) были проведены в Норвегии. Разница видна из таких примеров: пенсионный возраст — 70 лет (в Швеции — 67); размер пенсии по старости дифференцирован и в целом ниже, чем в Швеции; пособие на ребенка лишь со второго и примерно вдвое ниже и пр. Вместе с тем норвежцы первыми ввели у себя трехнедельный (18 рабочих дней) оплачиваемый отпуск

(с 1947 г.; в Швеции — с 1951 г.; в Дании — с 1953 г.). Категории норвежских и датских трудящихся, еще не имевшие 8-часового рабочего дня, теперь получили его. Демократизировались избирательные системы. В Дании буржуазное правительство Кристенсена от социальных и иных реформ воздерживалось, ссылаясь на тяжелое финансовое положение страны.

Возросшие после войны социальные расходы государства, а также, особенно в Норвегии, государственные капиталовложения, наконец, стремление трудящихся к более справедливому распределению финансовых тягот поставили в порядок дня налоговые реформы. В отличие от социальных реформ налоговые вызвали упорное противодействие буржуазной оппозиции, и принятие их сопровождалось крупными политическими конфликтами.

Правые буржуазные круги в Швеции и Норвегии вопили о «скрытом социализме», о «конфискации», о «новой редукции» и пр. Между тем реформа 1947 г. в Швеции лишь увеличила личный подоходный налог для средней буржуазии (макс. 73%) и обложение доходов корпораций (с 32 до 40%), ввела имущественный налог на крупные наследства (макс. 60%). Налогообложение малоимущих было уменьшено. Аналогичную, хотя значительно более умеренную, финансовую реформу провело в 1948 г. датское социал-демократическое правительство Хедтофта, сменившее венстре. Самый высокий уровень налогообложения был после войны установлен в Норвегии (в среднем 36% чистого дохода каждого налогоплательщика), где взимались особые налоги на нужды восстановления (чрезвычайный и на возмещение военного ущерба). Однако норвежская буржуазия мирилась с этим, поскольку львиная доля налоговых поступлений расходовалась затем правительством в виде капиталовложений.

Восстановление хозяйства. Экономическое развитие всемерно регулировалось правительствами скандинавских стран, опасавшимися повторения экономического спада и массовой безработицы начала 20-х годов XX в. Наиболее властно руководило восстановлением и развитием хозяйства норвежское социал-демократическое правительство, наделенное еще в эмиграции соответствующими полномочиями. Оно действовало на основе пятилетней программы, для осуществления которой были запланированы крупные государственные капиталовложения. Особые правительственные органы — отчасти с привлечением предпринимателей и профсоюзных деятелей — распределяли сырье, устанавливали максимальные пределы цен, заработной платы, квартплаты, прибылей, высоту ссудного процента, решали, куда вкладывать государственные средства, какие группы населения субсидировать и пр. Основные вложения делались в транспорт (восстановление морского тоннажа) и энергетику (строительство гидростанций), а также в экспортные отрасли промышленности — электрохимию и электрометаллургию. Карточная система на продовольствие и одежду была сохранена, вся внутренняя и внешняя торговля подчинена строгому и дорогостоящему контролю. Под угрозой штрафов, тюремного заключения и

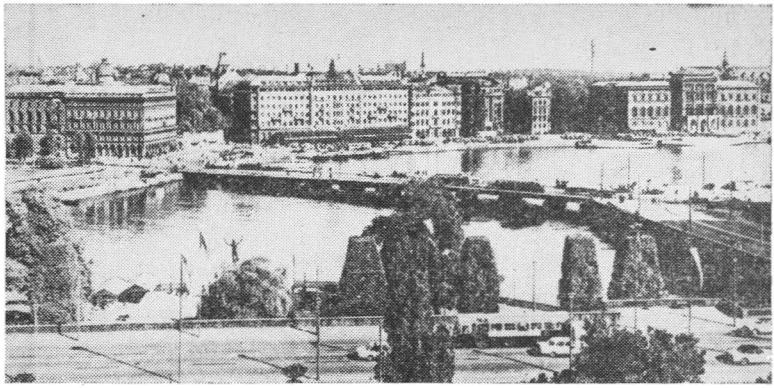
потери предпринимательских прав фабриканту было даже запрещено останавливать предприятие в случае несогласия с уровнем цен его продукции. Для поддержания стабильных цен на важнейшие потребительские товары фермеры и импортеры (кофе, сахара) получали правительственные субсидии.

В Дании и Швеции регулирующие мероприятия конца войны и ближайших мирных месяцев были значительно скромнее, чем в Норвегии. Датское правительство довольствовалось сохранением рационирования большинства потребительских товаров — отечественных ради увеличения экспорта (сливочное масло), а импортных ради сбережения валюты (бензин, бананы, шоколад). Соответствующие правительственные учреждения, как и в годы войны, держали под контролем уровень цен на внутреннем рынке и внешнюю торговлю. Общее соотношение цен на предметы основного датского экспорта и импорта сложилось после войны не в пользу Дании, в особенности по условиям ее торговли с основным партнером — Англией. Дефицит датского платежного баланса («валютный горб») угрожающе рос; сырья для промышленности не хватало, и массовая безработица сохранялась. В 1947 г. правительство венстре вынуждено было усилить нормирование потребительских товаров и ограничить импорт из Англии тканей, железа, стали.

Экономические мероприятия правительства Швеции, накопившей значительные запасы и расширившей за годы войны свою промышленность, сводились лишь к предупреждению ожидавшегося экономического спада и массовой безработицы. Нормирование ряда потребительских, даже импортных товаров было отменено уже в 1945 г. В целях поощрения деловой активности учетный процент риксбанка был понижен. Охотно открывались кредиты другим странам на оплату их заказов шведским фирмам. Однако ожидания спада совсем не оправдались, и застой последних военных месяцев сменился бурным промышленным подъемом и нехваткой рабочей силы. Основной экономической проблемой для Швеции стал быстрый рост импорта, а отсюда дефицит платежного баланса и утечка валютных резервов. С начала 1947 г. шведы усилили контроль за ввозом и ценами; рационирование бензина, какао и кофе было восстановлено.

Промышленное производство росло после войны неодинаковыми темпами: в Швеции уже в 1947 г. был достигнут индекс 141, в Норвегии — лишь 115, в Дании — 116 (1937 г. — 100). Объем датской сельскохозяйственной продукции еще в 1949 г. был гораздо меньше, чем в 1939 г.

Уровень жизни трудящихся рос вяло и в общем был ниже довоенного. В Швеции, где положение было всего благоприятнее, реальная заработная плата в 1947 г. была лишь на 16% выше предвоенного уровня; несмотря на рост населения, общий объем потребляемого масла, маргарина, мучных продуктов в 1947 г. был ниже, чем до войны, а мяса и рыбы — лишь немногим выше. Потребление на душу населения таких продуктов, как сахар и кофе, снизилось во всех трех странах.

Центр Стокгольма

Все скандинавские страны страдали от ослабления либо выпадения традиционных торговых партнеров, что вело к возрастанию торговой и финансовой зависимости от США, а отсюда — к истощению долларовых резервов.

Новый внешнеполитический курс: членство в ООН и неучастие в блоках. В итоге второй мировой войны безоружный, изолированный нейтралитет довоенных лет уступил место активному. Норвегия и Дания стали членами-учредителями ООН (1945), а не участвовавшие в войне Швеция и Исландия были приняты в ООН в 1946 г. При поддержке Советского Союза и стран народной демократии — членов ООН на высокий пост Генерального секретаря этой новой организации был избран норвежский министр иностранных дел Трюгве Ли (1946).

Всеми скандинавскими правительствами и общественностью была в свете военного опыта осознана необходимость иметь вооруженные силы для целей обороны — Швеция и Норвегия создали их еще в ходе войны, — а также необходимость дружественных отношений с СССР. Скандинавские общества дружбы с СССР превратились в крупные организации с десятками тысяч членов. Наладился культурный обмен с СССР. В свою очередь, Советское правительство еще в мае 1945 г. согласилось восстановить дипломатические отношения с правительством Дании и допустить последнюю в число учредителей ООН. Уже осенью 1945 г. из Северной Норвегии были выведены советские войска, а весной 1946 г. — с датского острова Борнхольм, который датчане обещали не предоставлять иностранным державам для использования в военных целях. Дания и Норвегия заключили с СССР в 1946 г. новые торговые соглашения.

Торговое соглашение Швеции с СССР (в конце того же 1946 г.) дополнилось крупнейшим в ее истории кредитным соглашением. Несмотря на противодействие внутренней реакции и американской ди-

пломатии, шведское социал-демократическое правительство согласилось открыть Советскому Союзу кредит в 1 млрд. крон для оплаты шведских поставок в СССР. Торговля скандинавских стран с СССР в 1946—1948 гг. быстро росла.

Вместе с тем финансово-экономические интересы и идейно-политические симпатии правящих кругов скандинавских стран и после войны крепко связывали их с западными державами. Сильное влияние на внешнюю политику скандинавов оказывали теперь не только Англия, но и США. Зависимость от британского и американского рынков, а для Дании и Норвегии — также и от американских займов после войны значительно выросла. Из Англии поставлялось вооружение, в Лондоне были блокированы стерлинговые резервы обеих малых стран. Англо-датское торговое и платежное соглашения 1945 г., например, определили условия сбыта датских сельскохозяйственных продуктов на ближайшие годы.

Правительства и широкие общественные круги скандинавских стран требовали полного разоружения Германии, искоренения немецкого милитаризма (1947). Норвегия и Дания приняли участие в военной оккупации Германии и получили свою долю репараций. Нейтральная Швеция, конфисковав по соглашению с союзными державами германские активы, выплатила западным державам и своим скандинавским соседям большую часть их стоимости.

Особое значение германский вопрос, естественно, имел для Дании. В ближайший послевоенный период по ту сторону границы — в Южном Шлезвиге — оживилось датское национальное движение, к которому теперь примкнули и многие онемечившиеся датчане. Это движение пробудило старые аннексионистские настроения у датских консерваторов и венстре: они требовали поддержки южношлезвигских датчан и проведения в будущем плебисцита в немецком Шлезвиге. Однако большинство в парламенте было против опасных шагов в Южном Шлезвиге. В ответ на английский запрос о датской позиции (Ю. Шлезвиг входил в британскую зону оккупации) правительство в октябре 1946 г. заявило об отсутствии у него каких-либо желаний пересмотреть датско-германскую границу. Вопрос о плебисците оно считало делом жителей самого Южного Шлезвига.

Разногласия по этому вопросу заставили К. Кристенсена провести обычные в Дании досрочные выборы в фолькетинг (осень 1947 г.). Однако и в новом фолькетинге премьер не получил поддержки своих шлезвигских планов, и кабинет венстре уступил место социал-демократическому кабинету меньшинства. Сепаратистское движение датчан в Южном Шлезвиге сошло на нет. Датское правительство заключило с западногерманскими властями особое соглашение (1949) о культурной автономии датчан в Южном Шлезвиге, а затем о равных правах датского нацменьшинства в Южном и немецкого — в Северном Шлезвиге (1955).

По мере обострения «холодной войны» скандинавские страны все чаще подчеркивали свою близость к западным державам и враждебность к СССР и странам народной демократии. Датское

правительство фактически согласилось на сохранение американских военно-воздушных баз в Гренландии. Печать трех стран — в первую очередь буржуазная — все чаще обсуждала проблему безопасности, связывая важность этой проблемы с мнимой советской угрозой.

Глава XVII
Скандинавские страны в разгар «холодной войны» (1948—1952 гг.)

Влияние «плана Маршалла». В апреле 1948 г. три скандинавские страны, а также Исландия официально присоединились к «плану Маршалла», т. е. приняли американскую экономическую помощь на американских же условиях, отраженных в двусторонних соглашениях с США. Одновременно все они стали членами Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), созданной для осуществления «плана Маршалла». Американская долларовая помощь им оказывалась в виде дара и в виде займов. Норвегия, Дания и Исландия получили преимущественно даровую помощь, более обеспеченная Швеция — кредитную. Стоимость помощи составила 280 (Дания), 275 (Норвегия), 107 (Швеция) и 35 (Исландия) млн. долларов. Это были немалые суммы, если учесть, что золотые запасы Дании, Норвегии, Швеции и Исландии в 1949 г. сократились соответственно до 32, 51, 170 и 1 млн. долларов. Швеция отказалась от американской помощи уже в 1951 г., Норвегия получала ее, как и большинство европейских клиентов США, до 1952 г., а Дания с ее специфическими валютными трудностями — даже до 1953 г. включительно. Полученная твердая валюта была истрачена преимущественно на закупку в США средств производства — сырья и оборудования, а также потребительских товаров. Импортеры получали от государства доллары, внося соответствующие суммы в национальной валюте.

Благодаря «плану Маршалла» скандинавы смогли частично обновить свой основной капитал в промышленности (особенно Норвегия) и сельском хозяйстве (особенно Дания). Условия оказания американской помощи и само участие в ОЕЭС содействовали также восстановлению и развитию экономических связей скандинавских стран друг с другом и остальными западноевропейскими странами. Так, например, Швеция расплачивалась с американцами посредством поставок судов для Норвегии. Вместе с тем принятие помощи имело целый ряд отрицательных последствий. Условия оказания американской помощи включали согласование национальных хозяйственных программ с центральной администрацией ОЕЭС, т. е. прежде всего с американцами, а значит, допускали вмешательство в экономическую политику «облагодетельствованных» стран. «План Маршалла» облегчил проникновение американ-

ского капитала в Скандинавию. Поставки ряда американских товаров подрывали рост соответствующих отраслей национальной промышленности. Напротив, расчеты на значительное увеличение скандинавского экспорта в США не оправдались. Наконец, «план Маршалла» способствовал сокращению наладившейся было торговли со странами Восточной Европы и вовлечению Дании, Норвегии и Исландии в Североатлантический блок.

Внушительный рост экспорта скандинавских стран — стоимость его для каждой из них более чем удвоилась за 1948—1951 гг. — был следствием не только и даже не столько американской помощи, сколько начавшейся гонки вооружений и восстановления экономики основных капиталистических стран Европы. Так, например, торговля Швеции с ФРГ уже в 1950 г. превысила по стоимости уровень 1937 г. (для Западной Германии) более чем вдвое. Начиная с 1950 г. внутриевропейская торговля скандинавских стран как членов ОЕЭС стала либерализоваться, т. е. освобождаться от количественных ограничений. Скандинавы, однако, сравнительно мало выиграли от этого, поскольку важные статьи их экспорта — оборудование и машины, а также продукция животноводства — долгое время не охватывались либерализацией. К тому же таможенные тарифы их партнеров оставались выше, чем у самих скандинавских стран, особенно у датчан. Большее значение имело присоединение к Европейскому платежному союзу (1950), повлекшее за собой переход к многосторонним (вместо двусторонних) внешнеторговым расчетам и к частичной обратимости — в пределах ЕПС — скандинавских валют.

Расчеты и обещания правящих кругов скандинавских стран стабилизировать национальную экономику, опираясь на американскую помощь, были подорваны девальвацией их валют осенью 1949 г. вследствие девальвации фунта стерлингов. Тесная связь с британским рынком товаров и капиталов практически не оставляла скандинавам другого выхода. Курс шведской и норвежской крон в долларах был понижен на 30%, а датской — даже на 44%. Девальвация, правда, на время помогла увеличить сбыт скандинавских товаров, подешевевших на международном рынке. Она же, однако, привела к вздорожанию товаров, закупаемых в странах с твердой (долларовой) валютой. Скандинавские правительства противодействовали росту цен на внутреннем рынке путем субсидирования импортеров. Однако инфляция вновь обострилась в начале 50-х годов, когда к последствиям девальвации прибавилось общее повышение цен на стратегические товары и промышленное сырье после возникновения войны в Корее.

Наиболее тяжелым ударом это явилось для Дании, так как цены ее основных экспортных товаров почти не повысились, а предметы импорта, напротив, вздорожали. Для производителей стратегического сырья — Швеции и Норвегии — соотношение экспортных и импортных цен было куда благоприятнее. Однако рост потребительских цен на внутреннем рынке охватил все скандинавские страны.

Неудивительно, что даже значительный рост номинальной заработной платы на деле оборачивался лишь весьма скромным увеличением доходов трудящихся. Так, даже в Швеции индекс номинальной заработной платы за 1948—1952 гг. вырос со 125 до 192, а реальной — лишь со 116 до 132 (1946 г.— 100).

Соглашения с США об экономической помощи во всех скандинавских странах были заключены социал-демократическими правительствами при полном одобрении буржуазной оппозиции. Только коммунисты голосовали против. Скандинавские реформисты в новой обстановке конца 40-х годов отложили в долгий ящик радикальную часть своих послевоенных программ, отказались от планов «социализации» (национализации). Их новые рабочие программы 1948—1949 гг., по существу, не содержали классовых требований трудящихся, но были направлены на увеличение экспорта, на рационализацию производства и всей структуры хозяйства, на ограничение потребления и выравнивание платежного баланса. Место «социализации» в качестве популярного лозунга теперь заняла «стабилизация».

Практические хозяйственно-политические меры отдельных правительств были различны. Так, в Швеции и Норвегии контроль за ценами был в начале 50-х годов ослаблен и сужен. В Дании с ее особыми внешнеторговыми трудностями контроль цен был, напротив, даже усилен, хотя у власти в 1950—1953 гг. вновь находилось буржуазное правительство. Нормирование продуктов было повсеместно отменено не позже 1953 г. Но количественная либерализация импорта шла неравномерно: датчане ее задержали в трудных условиях 1950—1951 гг. Растущее значение в комплексе правительственных мер по регулированию капиталистической экономики приобрели теперь кредитные и финансовые (налоговые) мероприятия: их также наиболее рьяно пускали в ход датчане, испытывавшие наибольшие трудности. Вследствие принудительного блокирования части личных доходов граждан («принудительное сбережение») датчане временно лишились 100 млн. крон в 1950 г. и 200 млн. крон в 1951 г. 500 млн. крон было у них изъято в 1950 г. путем повышения прямых налогов, таможенных ставок и косвенных сборов (на табак, спиртное, шоколад и пр.).

В целом на рубеже 40—50-х годов закончилось возмещение косвенных потерь, причиненных второй мировой войной. Новые экономические проблемы уже не имели к ней прямого отношения. Значительно выше, чем до войны (особенно в Норвегии), был уровень капиталовложений, а уровень безработицы значительно ниже. Тем не менее капиталистическая экономика скандинавских стран не избежала новых кризисных явлений. Первый послевоенный спад производства имел место в 1952 и 1953 гг.

Политическое контрнаступление буржуазии. Отставка социал-демократов в Дании (1950), «красно-зеленая» коалиция в Швеции (1951). Начало «холодной войны», принятие «плана Маршалла» придали новые силы буржуазной оппозиции в Швеции и Норвегии и скандинавской реакции в целом. Капиталистические круги не жа-

лели денежных средств, чтобы через печать — а в Скандинавии (кроме Норвегии) собственно буржуазная печать была гораздо сильнее социал-демократической — и через вновь созданные общественные организации всячески дискредитировать послевоенные радикальные мероприятия и планы социал-демократов. В Швеции для характеристики этой реакционной пропаганды даже возник термин «РНМ» (лат.), т. е. «сопротивление плановому хозяйству». В Норвегии в 1948 г. была создана на средства монополий, сначала втайне, частная организация «Либе́ртас» («Свобода») для пропаганды капиталистического хозяйствования. Оппозиция ловко использовала объективные хозяйственные трудности 1947—1948 гг.

Апогея эта кампания достигла, естественно, перед выборами в шведский риксдаг 1948 г. и норвежский стортинг 1949 г. В обоих случаях социал-демократы лишь оборонялись от буржуазной оппозиции и отвечали на обвинения справа выпадами против коммунистов, стараясь превзойти буржуазных клеветников. Выборы принесли сильное поражение компартиям: в Дании и Швеции они потеряли половину, а в Норвегии (ввиду ограниченно-пропорциональной системы) — даже все свои парламентские мандаты. Буржуазная оппозиция в Норвегии и особенно в Швеции увеличила общее число мандатов. Крупного успеха (впервые с 20-х годов) достигли шведские либералы — народная партия, — удвоившие число своих мандатов и ставшие вновь главной буржуазной партией страны.

Исход выборов в Швеции и Норвегии подтвердил прочное положение правительственных социал-демократических партий и вместе с тем побудил их сделать новый шаг вправо. При обсуждении пресловутых программ стабилизации в парламентах Швеции и Норвегии самые острые схватки разыгрывались теперь между социал-демократами и их критиками слева — коммунистами. Вопросы экономической и внешней, а с 50-х годов также военной политики временно оттеснили вопросы социальные.

Известным исключением была, правда, Дания, где пришедшие к власти в конце 1947 г. социал-демократы, равняясь на послевоенные демократические реформы в Швеции и Норвегии, увеличили выплату пособий престарелым, безработным, матерям и детям, несколько демократизировали налоговую систему, наделили хусменов дополнительной землей за счет государства. Масштаб этих реформ был тем скромнее, что кабинет Хедтофта не располагал большинством во второй палате даже при обещанной ему поддержке со стороны радикалов.

Прогрессивное значение имели также реформы в заморских владениях Дании: Фарерские острова осуществили свое давнее желание и в 1948 г. получили широкое самоуправление (собственный парламент, правительство и флаг, признание фарерского языка главным). В 1950 г. рядом законов было улучшено положение датской колонии Гренландии (расширение прав местной администрации). В 1950 г. датское правительство формально признало независимость Исландии, отменив закон об унии 1918 г.

Парламентская база датского правительства еще более сузилась после вступления Дании в НАТО весной 1949 г. Старые пацифисты — радикалы голосовали вместе с коммунистами против этого решения и в дальнейшем с известным равнодушием следили за торгом социал-демократов с партиями крупной буржуазии вокруг способов преодоления валютно-платежного кризиса. Социал-демократы отстаивали сохранение остатков нормирования и были в 1950 г. провалены консерваторами, венстре и правовым союзом; радикалы и КПД при голосовании воздержались. На досрочных выборах 1950 г. наибольший — впервые за многие годы — успех имели датские консерваторы, увеличившие число своих мандатов на 60%. На смену социал-демократам пришел тогда же первый в истории Дании коалиционный кабинет венстре и консерваторов во главе с лидером венстре — крупным фермером Э. Эриксеном. Это правительство, будучи также правительством меньшинства, должно было сговариваться с социал-демократами по текущим вопросам, а именно — о мерах преодоления грозного дефицита платежного баланса. Характерно, что новое правительство венстре — консерваторов в отличие от первого послевоенного кабинета венстре вынуждено было в целях борьбы с инфляцией установить сравнительно низкие максимальные цены на сельскохозяйственные продукты, т. е. ущемить интересы своих же избирателей.

Шведские социал-демократы восприняли выборы 1948 г. как сигнал предостережения и вновь вступили в переговоры со своими довоенными союзниками — Крестьянским союзом — о вхождении в правительство. В 1951 г. четыре агрария вошли в правительство Эрландера — начался период «красно-зеленой» коалиции. Социал-демократы, не имевшие оснований рассчитывать после 1948 г. на поддержку коммунистов, избавились благодаря коалиции от грозившей победы буржуазного большинства (наличие такой угрозы подтвердили выборы 1952 г.). Аграрии же получили заверения о продолжении выплаты государственных субсидий сельским хозяевам. Обе партии сближала между собой их преданность политике свободы от союзов.

Приостановив проведение социальных реформ на рубеже 40—50-х годов, правительства занялись некоторой демократизацией избирательного права. Так, в Дании решено было понизить возрастной ценз для избирателей до 23 лет. В Швеции был понижен возрастной ценз для депутатов обеих палат до 23 лет (1949). В Швеции и Норвегии почти одновременно была несколько увеличена пропорциональность распределения мандатов в соответствии с полученными голосами (1952). В Дании закончилась в 1952 г. подготовка новой конституции с однопалатным парламентом, принятой в следующем году.

Демократизация избирательных систем совмещалась с гонениями на коммунистов, с принятием в 1950—1952 гг. реакционных чрезвычайных законов: «О поддержании готовности» (в Норвегии), «О мерах принуждения при антигосударственных преступлениях» (в Швеции) и пр. Законы эти позволяли правительству в случае

«необходимости» (война или угроза войны) серьезно ограничивать конституционные права граждан. Возобновились аресты коммунистов по ложному обвинению в шпионаже.

Вступление Дании, Норвегии и Исландии в НАТО. Шведская политика свободы от союзов. Начало милитаризации. Начало «холодной войны» вновь поставило в порядок дня проблему национальной безопасности скандинавских стран. На этот раз настроения в пользу скандинавского оборонительного союза — особенно в Швеции и Дании — были сильнее, чем в 30-х годах. По инициативе шведов весной 1948 г. начались тройственные переговоры, длившиеся 10 месяцев, но так и не приведшие к заключению союза. Главным препятствием оказались шведско-норвежские разногласия: Швеция настаивала на нейтральном характере планируемого союза, Норвегия же считала, что союз должен иметь прозападную ориентацию. Датчане тщетно пытались примирить обе точки зрения, тогда как американская дипломатия раздувала антисоветскую истерию и прямо грозила, что участники нейтрального союза не получат американского вооружения.

В начале 1949 г. три скандинавские страны официально признали недостижимость взаимного соглашения. Швеция с ее счастливым 150-летним опытом неучастия в войнах подтвердила приверженность политике свободы от союзов, нейтралитету. Норвегия же и Дания больше нуждались материально в помощи извне для своего военного строительства, а также — после 9 апреля и оккупации — были куда меньше привязаны к нейтральной традиции. Поверив слухам, распространяемым американцами, о мнимой советской угрозе для Норвегии, съезд НРП (февраль 1949 г.) без серьезного предварительного обсуждения высказался за вступление в НАТО. Дания и Исландия последовали примеру Норвегии. В парламентах Норвегии и Дании против присоединения к НАТО голосовали коммунисты, а также два социал-демократа (в Норвегии) и фракция радикалов (в Дании). В апреле 1949 г. Дания, Норвегия и Исландия, вопреки предостережениям Советского Союза, поставили подписи под Североатлантическим договором, связав свою внешнюю и военную политику с агрессивными планами империалистов США. В 1950 г. Норвегия и Дания заключили с США соглашения о предоставлении им помощи вооружением, а Исландия — о вводе американских войск (1951). Размеры «помощи» участникам НАТО значительно превысили размеры помощи по «плану Маршалла» (для Дании соответственно 4 млрд. и 1,7 млрд. крон). В Дании и Норвегии была изменена структура вооруженных сил и увеличена их численность, удлинены сроки службы, созданы новые военные учреждения, начато большое военное строительство. Сходные мероприятия, уже без помощи западных держав, стала осуществлять и Швеция.

Военные расходы каждой из скандинавских стран в начале 50-х годов значительно выросли абсолютно и относительно: в Норвегии — с 9 до 24%, в Дании — с 14 до 23%, в Швеции — с 19 до 24% госбюджета (в сравнении с 1947—1948 гг.). Такие расходы

потребовали увеличения налогов и выпуска займов — внутренних и внешних, стали одним из факторов хронической инфляции 50—60-х годов.

В 1951 г. Норвегия и Дания вошли в состав военной организации НАТО. В окрестностях Осло разместился штаб североевропейского командования НАТО. В обе страны прибывало множество иностранных военных советников, инструкторов и инспекторов — американских и английских. Дания в 1951 г. подписала новый договор с США об обороне Гренландии, закрепивший и расширивший права американцев на сооружение там военных баз.

Вступая в НАТО, датские и норвежские политики наряду с заверениями об оборонительном якобы характере этого договора официально заявили, что не допустят создания иностранных военных баз и длительного пребывания иностранных вооруженных сил в своих странах в мирное время. Эта «базовая политика» была данью общественному мнению, озабоченному возможными пагубными последствиями участия в НАТО.

Нейтральная Швеция в рассматриваемый период также неоднократно демонстрировала свою идейно-политическую солидарность с империалистическим Западом. Крайне правые шведские круги, в том числе военные, добивались либо открытого присоединения к НАТО и получения военно-материальной помощи с Запада, либо ограниченного военного сотрудничества с Данией и Норвегией. Вместе с другими скандинавскими странами Швеция вошла в консультативный Европейский Совет (1949) и оказывала невоенную помощь «войскам ООН» в Корее, т. е. прежде всего американским интервентам. В Организации Объединенных Наций шведский представитель все чаще голосовал вместе с англо-американским блоком. Отношения всех скандинавских стран, включая и нейтральную Швецию, с СССР и странами народной демократии явно испортились, товарооборот (особенно по своему удельному весу в возросшей внешней торговле Скандинавии) резко упал, культурные связи ослабли.

Рабочее движение на рубеже 40—50-х годов. Экономические трудности рубежа 40—50-х годов толкали рабочий класс на решительную борьбу за увеличение заработной платы, против попыток ее «замораживания». В Дании трудящиеся, кроме того, проводили собрания протеста против увеличения налогов и против «принудительных сбережений». Стачечное движение в Швеции и Норвегии в 1951—1953 гг. усилилось. При очередном перезаключении двухгодичных, как правило, коллективных договоров шведским и норвежским профсоюзам удалось добиться значительного увеличения ставок заработной платы (в Швеции в среднем на 40% за 1950—1952 гг.). Реальная заработная плата выросла в значительно меньшем объеме. В рассматриваемый период нажим рабочих привел к улучшению как трудового законодательства, так и практики взаимоотношений между профсоюзами и предпринимателями. В Норвегии был упразднен введенный с конца войны еще лондонским правительством принудительный арбитраж по трудовым конфлик-

Демонстрация в Осло против иностранных военных баз

там экономического (неправового) порядка. В Дании и Норвегии возникли крупные профсоюзы служащих (в Швеции они уже были раньше).

Большие группы трудящихся участвовали и в политической борьбе тех лет — против вступления в НАТО, против размещения иностранных вооруженных сил, против выгрузки американского оружия, в кампаниях по запрещению ядерного оружия и пр. В марте 1949 г., когда датский парламент обсуждал вопрос о вступлении в НАТО, компартия собрала на митинг протеста перед зданием парламента в Копенгагене 74 тыс. человек. В Норвегии около 100 тыс. человек подписали петицию протеста против предстоящего присоединения к НАТО. Именно в конце 40-х годов в Скандинавии, как и в других странах, развернулось движение сторонников мира. Инициатива организации этого движения принадлежала коммунистам, которые сумели привлечь к нему видных общественных деятелей скандинавских стран, особенно в нейтральной Швеции, — писателей М. Мартинсон и А. Лундквиста, врачей А. Андреен и Н. Сильвершельда, адвоката Г. Брантинга и др. Историческое Стокгольмское воззвание о запрещении ядерного оружия (1950) подписали в Швеции 320 тыс., в Дании — 140 тыс., в Норвегии — 100 тыс. человек.

Оппозиция новому внешнеполитическому курсу возникла и в рядах самих правящих социал-демократических партий. В Норвегии группа левых социал-демократов, выступавших против вступления в НАТО, в том же 1949 году начала издавать фракционный

журнал, а впоследствии — газету «Ориентеринг». Учитывая недовольство масс, руководство социал-демократических партий Норвегии и Дании в 1952—1953 гг. несколько обновило свои рабочие программы в духе их радикализации. Датским реформистам это было тем легче, что они с 1950 г. находились в оппозиции. Теперь СДПД лицемерно критиковала внешнюю политику коалиционного буржуазного правительства за чрезмерную поспешность и податливость в осуществлении американских требований, возражала, в частности, против допуска иностранных военно-воздушных сил на датские аэродромы в мирное время. В своей рабочей программе 1952 г. датские социал-демократы обещали полную занятость, помощь хусменам в приобретении земли, всеобщую более высокую пенсию по старости, новую демократическую налоговую реформу, сохранение контроля за ценами и усиление контроля за монополиями. Полную занятость, серьезные улучшения в деле социального обеспечения и народного образования, усиление общественного контроля за деятельность банков, расширение демократии на предприятиях обещала также новая рабочая программа НРП весной 1953 г.

Известная радикализация рабочих программ датских и норвежских социал-демократов в 1952—1953 гг. отнюдь не означала их сближения с компартиями. Напротив, раскол рабочего движения в эти годы углубился, как никогда со времени мирового экономического кризиса начала 30-х годов. Скандинавские социал-демократические правительства осуществили присоединение своих стран к «плану Маршалла», а датские и норвежские — также к НАТО, против чего решительно выступали коммунисты. Социал-демократы провели или поддержали принятие антикоммунистических «чрезвычайных» законов. Правосоциалистическая пропаганда была по большей части направлена в те годы против компартий и коммунизма, против «советской угрозы». Социалистический интернационал с его яростным антикоммунизмом был восстановлен в 1951 г. при активном участии скандинавских реформистов.

Нападки, а часто и преследования со стороны реакции серьезно повредили компартиям скандинавских стран. Численность их сократилась несмотря на то, что недовольство трудящихся правительственной политикой на рубеже 40—50-х годов росло. Норвежскую партию потряс в 1949—1950 гг. тяжелый внутренний кризис. Следствием его была частичная смена руководства: Генеральный секретарь КПН П. Фюрюботн и его сторонники были исключены из партии за фракционную деятельность. Усилились разногласия и в Компартии Швеции. Резкое поправение курса скандинавских социал-демократов способствовало возрождению и усилению сектантских тенденций в рядах компартий, вело зачастую к отклонению любого единства действий с социал-демократами.

Новые программы КПД — «Путь датского народа» (1952), КПН — «Путь Норвегии к миру, демократии, национальной независимости и социализму» (март 1953 г.) и в особенности КПШ — «Путь Швеции к социализму» (апрель 1953 г.) были серьезным

шагом вперед в жизни компартий. Коммунисты сумели стать во главе широкого общественного движения за сохранение мира и независимости. Несмотря на невиданную по размаху клеветническую кампанию, около 100 тыс. избирателей каждой из трех скандинавских стран в 1952—1953 гг. по-прежнему голосовали за коммунистов. Компартии все еще насчитывали по нескольку десятков тысяч человек, например Шведская компартия — 34 тыс. (1951). Председателем Шведской компартии стал (после смерти С. Линдерута в 1951 г.) Х. Хагберг, председателем норвежской оставался Э. Левлиен, датской — А. Ларсен.

Глава XVIII

Стабилизация экономики и возобновление социальных реформ (1953—1959 гг.)

Успехи и трудности нового этапа индустриализации. На протяжении 50-х годов, в особенности после 1953 г., скандинавские страны в значительной мере обновили оборудование своих промышленных предприятий и все виды транспорта, завершили в основном механизацию сельского хозяйства, расширили энергетическую базу и непроизводственные сферы своего народного хозяйства. В экономике каждой из скандинавских стран наметились весьма значительные структурные сдвиги. Снизилась, и значительно, доля сельского хозяйства в валовом национальном продукте. Выросла, особенно в Дании, доля промышленности, а еще больше — доля транспорта, энергетики, наконец, непроизводственных отраслей, таких, как торговля, сфера услуг и пр. В самой промышленности увеличилась доля производства средств производства. Особенно успешно по-прежнему развивались экспортные отрасли народного хозяйства, основанные на сложившейся или складывающейся специализации скандинавских стран: в Швеции это были черная металлургия и машиностроение (особенно оборудование, суда, электротехника), железорудная, химическая, целлюлозно-бумажная отрасли; в Норвегии — морской транспорт, металлургия, электрохимия, машиностроение — энергетическое и транспортное, рыболовный и китобойный промысел, целлюлозно-бумажная промышленность; в Дании — также машиностроение (дизели, теплоходы, оборудование для легкой, пищевой и строительной промышленности), электротехника и радиоэлектроника, пищевая и химическая промышленность (химикаты вообще, красители, косметика, медикаменты).

В первой половине 50-х годов темпы роста производства были у скандинавов ниже, чем в конце 40-х, и в целом значительно ниже, чем у большинства западноевропейских стран. Самыми низкими были темпы у датчан, самыми высокими — по-прежнему у норвежцев. Во второй половине 50-х годов ежегодный прирост продукции

вновь заметно вырос. В 1960 г. индексы промышленной продукции составили (1953 г. — 100): для Швеции — 134, для Норвегии — 143, для Дании — 142 (ср. 173 для Франции и 180 для ФРГ). Норвежский торговый флот в 1959 г. уже превысил 10 млн. т (2,8 млн. тоннажа перед вторжением немцев) и удерживал привычное третье место в мире. Успешно развивалось на базе аграрной индустриализации сельское хозяйство: продукция его росла (либо не понижалась) при быстром сокращении числа занятых сельскохозяйственным трудом лиц. В Дании, стране самого передового сельского хозяйства в капиталистической Европе, уровень производства был в 1960 г. на 50% выше, чем в 1949 г., а число постоянно работающих в сельском хозяйстве упало с 397 тыс. до 300 тыс. человек т. е. на 25%. В Норвегии, до войны не применявшей комбайны, их насчитывалось в 1957 г. 3500 шт.

Достаточно убедительны и показатели роста внешнеторговых оборотов скандинавских стран (1960 г., физический объем):

	Импорт (1953 г. — 100)	Экспорт (1953 г. — 100)
Дания .	190	161
Норвегия	157	163
Швеция	183	170

Необходимые темпы роста и конкурентоспособность продукции обеспечивались весьма высоким уровнем капиталовложений, особенно в Норвегии, где они достигали в 50-х годах в среднем около 35% валового национального продукта (в Дании и Швеции — свыше 25%). Лишь малая часть этих новых вложений приходилась на долю иностранного капитала. Даже в наиболее бедной Норвегии иностранный капитал в 50-х годах покрывал лишь 14% капиталовложений.

Успешное в целом экономическое развитие 50-х годов облегчило на исходе десятилетия профсоюзам и рабочим партиям борьбу за увеличение реальных доходов трудящихся. Уровень жизни теперь заметно поднялся сравнительно не только с послевоенными, но и с довоенными годами. Особенно нагляден пример Дании. Реальная часовая заработная плата в датской промышленности за 1949—1959 гг. выросла на 50%. В Норвегии реальный личный доход граждан за те же годы вырос на 25%. В Швеции реальная заработная плата в промышленности увеличилась примерно на 40% (исходя из расчета в среднем по 4% в год). Если индекс потребительских цен в Швеции (1949 г. — 100) в 1960 г. поднялся до 159, то индекс средней часовой заработной платы промышленного рабочего достиг 228. По абсолютному уровню жизни шведы значительно превосходили не только своих соседей, но и подавляющее большинство европейских народов. Структура потребления скандинавов теперь разительно изменилась. Доля расходов на питание и одежду снизилась, а на предметы длительного пользования — бытовые машины, спорттовары, автомобили — поднялась. В составе питания упала доля хлебных изделий и картофеля, поднялась доля кулинарии, овощей и фруктов. При общем подъеме благосостояния

остались довольно заметные группы нуждающихся. Даже в Швеции 4% населения — 300 тыс. человек — еще в 1960 г. получали «социальную помощь», т. е. пособия по бедности.

50-е годы принесли наряду с достижениями и новые хозяйственные трудности. Замедлилась, но отнюдь не прекратилась инфляция, почти непрерывная в Норвегии и «ступенчатая» в Дании и Швеции. В первую очередь, росли цены на потребительские товары. В целом индекс потребительских цен (1953 г. — 100) составил в 1960 г. для Дании и Норвегии 121, для Швеции — 124.

Специфически узким местом народного хозяйства скандинавов был их преимущественно отрицательный баланс текущих платежей с заграницей. Разбогатевшие скандинавские страны имели тенденцию покупать на бóльшую сумму, чем им удавалось выручить от экспорта, фрахта, туризма и заграничных капиталовложений. В этом отношении в 50-х годах наиболее уязвимой была Норвегия; Дания и Швеция также отнюдь не каждый год имели положительное сальдо по заграничным текущим операциям. Дефицит платежного баланса и незначительность золотовалютных резервов заставляли Норвегию и Данию вновь и вновь прибегать к внешним займам, и расчеты по ним, в свою очередь, ложились бременем на экономику этих стран. Выравнивание платежного баланса в конечном счете зависело от расширения рынков сбыта и улучшения условий внешней торговли скандинавских стран. Между тем промышленность скандинавских стран, включая специальные, традиционные отрасли, а также сельское хозяйство, временами испытывала серьезные трудности сбыта. Образование замкнутого «Общего рынка» (1957) и многолетнее отставание их главного покупателя — Англии — усугубило эти трудности.

Узким местом всех скандинавских стран, включая Данию, оставалось сельское хозяйство. Дело было не только в трудностях сбыта, но и в наличии большого количества нерентабельных мелких хозяйств. Предшествующее многолетнее содействие образованию новых мелких ферм оказалось несовместимым с бурным процессом аграрной индустриализации и низким уровнем мировых цен на сельскохозяйственные продукты (в Дании за 1950—1960 гг. доходность сельского хозяйства упала с 6,5 до 2%). На очереди стояло укрупнение множества ферм. Раньше других скандинавов к этому приступили шведы (закон об аграрной реформе 1947 г.).

Стремительный перелив населения в промышленность, т. е. в города и рабочие поселки, привел к жилищному кризису, несмотря на крупный масштаб строительства новых квартир. Наряду с нехваткой доступных по цене квартир, с многотысячными многолетними очередями на их получение, постоянно недоставало учреждений общественного пользования — больниц, поликлиник, детских учреждений.

Безработица в Швеции и Норвегии упала до 2—4% от общего числа застрахованных (в Дании около 9% безработных), сочетаясь с нехваткой квалифицированной рабочей силы в ряде отраслей.

Плакат 50-х годов «Не переселяйтесь в Стокгольм»

Сокращение сельского населения. Рост числа занятых в нематериальном производстве. Срединные десятилетия XX в. не внесли изменений в основную классовую структуру скандинавского общества с ее тремя составными частями: крупная буржуазия, средние слои, пролетариат. Последний составлял по-прежнему больше половины самодеятельного населения (в Дании — 52, в Норвегии — 56, по данным 1960 г.). Крупная буржуазия, т. е. лица с наивысшим доходом, составляла в каждой из стран 4—6% самодеятельного населения. В руках этой небольшой группы находилось не менее трех четвертей всех богатств страны: земли, фабрики, здания, ценные бумаги, драгоценности и пр. Число миллионеров в Швеции составляло 2132 человек в 1962 г., а в 1972 г. уже 6196.

Состав средних слоев и рабочего класса со времени второй мировой войны значительно изменился. Прежде всего круто упала доля населения, занятого в сельском, лесном и рыболовном хозяй-

стве. Ни в одной из трех стран она уже не достигала и 20% от самодеятельного населения (в 1960 г. в Дании — 17,5, в Норвегии — 19,5, в Швеции — даже 13,8%). Напомним, что в Дании, например, этот процент в 1947 г. еще равнялся 24. В составе сельского населения особенно быстро уменьшалось число пролетариев. Оставшиеся сельские хозяева (не говоря уже о тех, которые, не порывая с земледелием, работали в промышленности) не были традиционными крестьянами с особым «сельским» образом жизни. Это были фермеры, имевшие хозяйства, технически хорошо оснащенные. Наемный труд в скандинавском сельском хозяйстве все больше перемещался с фермы и с поля в кооперативную промышленность по переработке сельскохозяйственной продукции.

Заметно менялось соотношение между собственно материальным производством и различными нематериальными сферами — торговля, транспорт, связь, услуги, администрация — в пользу последних. В Норвегии, например, только за 1950—1960 гг. доля самодеятельного населения, занятого в нематериальном производстве, поднялась с 38 до 44%, в Швеции за то же время — с 37 до 39%.

Все быстрее росла — абсолютно и относительно — социальная группа служащих, т. е. наемных работников, занятых нефизическим трудом. В Швеции их процент от общей массы самодеятельного населения поднялся с 20 в 1940 г. до 35 в 1960 г., в Норвегии за 1946—1960 гг. — соответственно с 18 до 25, в Дании за 1950—1960 гг. — с 23 до 27. Среди лиц наемного труда доля служащих, естественно, была еще заметнее — примерно по одному служащему на трех рабочих в Норвегии, на двух — в Дании и на полтора — в Швеции (1960 г.). Вместе с тем грань между рядовым служащим, техником и рабочим неуклонно стиралась и по размеру заработной платы, и по уровню образования, и по формам классовой организации и борьбы, и, наконец, по образу жизни вне производства.

Быстро росла и группа интеллигенции. Рост числа учащихся в высших учебных заведениях значительно превышал рост населения в целом. Основная часть интеллигенции по-прежнему пополнялась из высших и средних слоев общества. Так, например, шведские студенты в 1959/60 учебном году на $^4/_5$ оставались выходцами из указанных слоев. По своему классовому положению основная часть интеллигенции входила в состав средних слоев, а верхушка ее — в состав крупной буржуазии.

Что касается средних слоев, то их удельный вес падал как за счет сокращения числа сельских хозяев, так и в связи с приближением служащих по характеру труда к рабочему классу. Вместе с тем доля мелких и средних предпринимателей в промышленности, торговле, транспорте, обслуживании оставалась сравнительно стабильной либо весьма медленно сокращалась.

Государственно-монополистическое регулирование хозяйства. Именно по окончании «чрезвычайного» послевоенного периода (1945—1952) в Скандинавии вполне сложилась современная система государственно-монополистического капитализма с ее преимущественно косвенными способами хозяйственного регулирования.

На протяжении 50-х годов прямое вмешательство властей в хозяйственную жизнь посредством различного рода лицензий, субсидий, количественных регламентаций и прямых запретов уменьшилось, хотя и не прекратилось. Законодательство каждой из трех стран, охраняя неприкосновенность частной собственности на средства производства, вместе с тем по-прежнему существенно стесняло свободу распоряжения ею. Землевладельцы и домовладельцы в Швеции, например, были по закону ограничены в правах повышения арендной и квартирной платы, уничтожения существующей недвижимости (здания) и сооружения новой, расторжения жилищного или арендного контракта и пр. Владельцы леса или земельного участка на морском побережье не были вправе ограничивать доступ всех желающих в свои владения. Ряд законоположений ограничивал экономическое могущество частных денежных институтов. Частным банкам в той же Швеции и Норвегии, например, запрещено было покупать акции других предприятий сверх определенного минимума. Частным страховым обществам вменялось в обязанность помещать свои средства в государственные облигации и недвижимость. Словом, прямые законодательные меры в немалой степени ограничивали капиталистического собственника в Скандинавии по сравнению, например, с таким же собственником в США.

В 50-х годах правовое ограничение частного предпринимательства продолжалось и выразилось, например, в серии новых законов и декретов о контроле за монополиями, наиболее жестких в Норвегии и наименее — в Дании. Однако свои немалые полномочия — на определение уровня цен и дивидендов, на роспуск той или иной корпорации или на запрет остановки производства — власти предпочитали не пускать в ход. Интересы «хозяйства», т. е. хозяев, всячески оберегались больше прежнего. Преобладающей чертой десятилетия стала либерализация деловой жизни.

Либерализацию внутренней экономической политики ускорило участие всех скандинавских стран в наднациональных организациях капиталистического мира — в Организации европейского экономического сотрудничества (до 1960 г.) и в Европейском платежном союзе (до 1958 г.), а после их ликвидации — в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейском валютном фонде, а затем и в Европейской ассоциации свободной торговли (с 1960 г.). Участвуя в этих организациях, скандинавские страны отменили одно за другим количественные ограничения для движения товаров и платежей, восстановили обратимость национальных валют в доллары (частично в 1958—1961 гг., полностью в 1967 г.).

Главной формой регулирования вновь, как и до войны, стала финансовая политика. Налоговые поступления — с населения и с капиталистических предприятий — сосредоточивали в руках государства все большую долю национального продукта соответствующих стран. Скандинавские страны, особенно Швеция и Норвегия, по-прежнему отличались весьма высоким уровнем государственного и коммунального налогообложения. Доля последнего в валовом на-

циональном продукте составила, например, в 1957 г. для Дании 26, для Норвегии — 31, для Швеции — 32%.

Естественно, что доля общественного сектора в капиталовложениях и потреблении непрерывно росла. В Швеции, например, доля государственных, коммунальных и кооперативных капиталовложений выросла с 29% в 1946 г. до 43% в 1959 г. Они направлялись в капиталоемкие, малоприбыльные отрасли — транспорт, связь, энергетику, а также в непроизводственную сферу (жилищное строительство, например), где общественные капиталовложения преобладали. Напротив, общественный сектор промышленности рос в социал-демократической Скандинавии медленно. В Швеции лишь 10% промышленной продукции выпускалось общественными предприятиями, в Норвегии — около 6%, в Дании доля общественного сектора в промышленности была еще ниже.

Финансовая политика применялась для форсирования экспорта. Власти поощряли экспортеров с помощью особых экспортных премий и кредитных гарантий, расширяли информационную службу с целью расширения сбытовых возможностей для отечественных товаров. С помощью финансовых мер власти сдерживали чрезмерный спрос, дабы улучшить платежный баланс и валютное положение своих стран. Более активной формой финансового воздействия на конъюнктуру были созданные в Швеции (1955) особые инвестиционные фонды, куда принудительно отчислялась в разной пропорции — в зависимости от фазы делового цикла — часть нераспределенных промышленных прибылей. Целый ряд новых законов позволял правительствам с помощью налоговых льгот и новых норм амортизационных отчислений поощрять самофинансирование предприятий и даже брать на себя долю риска за ошибочное капиталовложение (Дания, 1957 г.). Налоговые и иные условия помещения иностранных капиталов в промышленность скандинавских стран теперь также изменились по сравнению с довоенным временем. В Норвегии, например, концессии иностранцам предоставлялись с конца 50-х годов значительно охотнее, чем прежде.

Ключевое положение государственных «национальных» банков в кредитно-финансовой системе Скандинавии открывало правительствам другой важный способ регулирования хозяйства — кредитно-денежную политику. Изменяя учетную ставку национальных банков, правительство и парламенты воздействовали на уровень ссудного процента на рынке частных капиталов, а тем самым и на деловую активность. В Швеции, например, на протяжении 50-х годов учетная ставка риксбанка неоднократно повышалась и в 1960 г. достигла почти 5% против 2,5% в 1950 г. и 3% в 1952 г. Государственные банки могли также различными способами добиваться от частных банков временного ограничения размера выдаваемых ими кредитов.

Швеция в 50-х годах стала проводить более активную политику по упорядочению использования рабочей силы. Государственное управление рынка труда получило теперь широкие полномочия и крупные средства на переквалификацию трудящихся и на содейст-

вие им в переселении из «застойных» районов в районы нехватки рабочих рук.

Наконец, новым словом экономической политики 50-х годов стали прогнозирование и программирование экономического развития. После войны и особенно со времени создания ОЕЭС в скандинавских странах стали ежегодно составляться национальные балансы (счета), т. е. экономико-статистические модели народного хозяйства с краткосрочным прогнозом на год. Начало этому положила Норвегия. С конца 40-х годов норвежское правительство разрабатывало четырехлетние экономические программы, приуроченные к сроку полномочий стортинга (например, на 1954—1957, 1958—1961 гг.), с указанием определенных производственных и социальных целей. В Швеции впервые такая долгосрочная «программа стабилизации» была составлена в связи с использованием помощи по «плану Маршалла» (1948). В Дании общенациональное планирование в 50-х годах еще не вышло из стадии обсуждения. В целом эти первые опыты программирования еще сравнительно мало сказывались в хозяйственной жизни Скандинавии.

Социал-демократы у власти. Возобновление социальных реформ. Политика либерализации и косвенного регулирования хозяйства, характерная для 50-х годов, проводилась социал-демократическими правительствами. Пойдя навстречу интересам «хозяйства», т. е. крупного частного капитала, скандинавские социал-демократы существенно улучшили свои взаимоотношения с национальной буржуазией. Символом этого улучшения служили «харпсундские встречи» — периодические неофициальные совещания хозяев шведской промышленности и банков с премьер-министром социал-демократом Т. Эрландером в его загородном имении Харпсунд, под Стокгольмом (с 1952 г.).

Острота политической борьбы между социал-демократами и собственно буржуазными партиями в начале 50-х годов сгладилась. Это хорошо видно на примере Дании, где как раз в 1952 г. был подготовлен социал-демократами и буржуазными партиями совместный проект новой конституции. Крупнейшая партия буржуазного лагеря — либеральные венстре более не противились однопалатной системе и снижению возрастного ценза для избирателей. Премьер Эриксен — старый либерал — теперь сам торопил дело реформы, рассчитывая нажить на ней политический капитал. Весной 1953 г. все партии, кроме коммунистов, одобрили новую конституцию: однопалатный парламент (фолькетинг), возрастной ценз для избирателей — 23 года вместо прежних 25 (в фолькетинг) и даже 35 (в ландстинг); конституционное закрепление принципа парламентаризма; почти полное упразднение имущественного ценза; постоянные места в парламенте для Фарерских островов и впервые для Гренландии, а также статус равноправной части государства для этой бывшей колонии; расширение практики референдумов. Коммунисты голосовали против новой конституции из-за ее 20-го параграфа, позволявшего передавать часть национального суверенитета международным органам. Конституция стала дейст-

Премьер-министры Швеции, Дании и Норвегии. Слева направо: Эрландер, Хедтофт-Хансен, Герхардсен. Фото 1948 г.

вовать в том же 1953 году после ее одобрения на всенародном референдуме (необходимые 45% от общего числа имеющих право голоса).

Вместе с тем разногласия между промышленниками и аграриями, экспортными отраслями и отраслями внутреннего рынка, буржуазией крупной и средней мешали устойчивому блокированию буржуазных партий. Активность избирателей повсеместно уменьшилась. В Швеции «красно-зеленая» коалиция социал-демократов и аграриев сохраняла абсолютное большинство, хотя и теряла мандаты (парламентские выборы 1952 г.). В Дании после перерыва 1950—1953 гг. вновь вернулся к власти социал-демократический кабинет меньшинства (премьер Хедтофт-Хансен). В Норвегии абсолютное большинство НРП в стортинге сохранилось (выборы 1953 г.).

Скандинавские компартии по-прежнему находились в изоляции. В начале 50-х годов самое влиятельное положение в своей стране среди скандинавских компартий все еще занимала датская. На осенних выборах 1953 г. в однопалатный фолькетинг КПД сумела в обстановке мощной антикоммунистической кампании сохранить свои мандаты. Несколько слабее, но также довольно устойчивым было положение Шведской коммунистической партии. КПН из-за раскола в ее рядах с 1957 г. располагала в стортинге лишь 1 мандатом (с 1961 г. — ни одного).

Примерно с 1953 г. скандинавские компартии, сравнительно более успешно в Дании и Швеции, начали преодолевать сектантско-догматические ошибки предшествующих лет и бороться за единство действий с социал-демократами. Подъем забастовочной борьбы датских и норвежских рабочих в 1956 г. при пересмотре тарифных соглашений — крупнейший с 30-х годов (особенно в Дании, где в марте 1956 г. стачки и локауты охватили 100 тыс. человек) — открыл перед коммунистами бо́льшие, чем прежде, возможности для укрепления своих связей с массами.

Хотя условия для работы коммунистов благодаря разрядке напряженности и активной миролюбивой политике Советского правительства улучшились с середины 50-х годов, компартии не смогли полностью использовать эти положительные факторы. Внутри компартий, особенно датской, возникли правооппортунистические настроения «национального коммунизма». Дискуссия в КПД заняла почти два года — с осени 1956 г. до осени 1958 г.— и завершилась сменой руководства КПД (председателем был избран Кн. Есперсен).

Бывший председатель Компартии А. Ларсен и его единомышленники уже в 1959 г. основали новую Социалистическую народную партию. СНП требовала ликвидации господства крупного капитала, выхода из НАТО, разоружения Дании, но разделяла реформистский тезис о врастании капитализма в социализм. Ларсеновцы справедливо осуждали социал-демократов за сговор с буржуазией и отказ от борьбы за социализм, за подчинение страны западному империализму. Вместе с тем они ревизовали марксизм справа и демагогически обвиняли коммунистов в зависимости от Советского Союза. Численность КПД после раскола 1958 г. резко и надолго сократилась.

Сходно развивались события в Норвегии. Там уже длительное время существовала фракционная группа в НРП — «Ориентеринг», осуждавшая участие Норвегии в НАТО, планы вступления страны в «Общий рынок», перевооружение Западной Германии и др. В 1961 г. «Ориентеринг» выделилась в самостоятельную партию народных социалистов.

Буржуазная оппозиция не без успеха использовала в предвыборной агитации против правящих социал-демократов рост стоимости жизни, высокие налоги и нехватку жилья. На очередных парламентских выборах 1956 г. в Швеции и внеочередных 1957 г. в Дании правительственные партии потерпели серьезные неудачи. Сдвиг вправо не миновал и Норвегию, где общее социалистическое большинство уменьшилось за счет коммунистов, потерявших на парламентских выборах 1957 г. 2 из 3 мест в стортинге. Только разногласия в буржуазном лагере — главным образом между консерваторами и мелкобуржуазными партиями датских радикалов и шведских аграриев — позволили социал-демократам остаться у власти и в Швеции, и в Дании. Однако в Дании весной, в Швеции осенью 1957 г. разразились правительственные кризисы.

В Дании новый социал-демократический лидер и премьер Х. К. Хансен (после внезапной смерти Х. Хедтофта-Хансена в 1955 г.) создал в мае 1957 г. после сложных переговоров «треугольный» кабинет большинства с участием радикалов и партии Правовой союз (сторонников национализации земли). Впервые с 1945 г., таким образом, в Дании образовалось правительство с прочным парламентским большинством, впервые же за много лет поддерживаемое также коммунистами. Радикалы согласились на коалицию отчасти потому, что в 50-х годах примирились с участием Дании в НАТО. Сблизились и экономические взгляды социал-демократов и обеих мелкобуржуазных партий: датские реформисты по сравнению с первыми послевоенными годами еще дальше ушли вправо.

В Швеции разногласия по вопросу политики сельскохозяйственных цен, а также по пенсионному вопросу привели к распаду коалиции социал-демократов и аграриев (с 1957 г. название последних — Партия центра) в октябре 1957 г. Социал-демократы задались целью провести пенсионную реформу и отвергли попытку короля Густава VI Адольфа (1950—1973) создать кабинет национального единства (без коммунистов). Партия центра со своей стороны не пошла на коалицию с буржуазными партиями. С конца 1957 г., таким образом, Швеция вернулась к социал-демократическому кабинету меньшинства во главе с тем же Эрландером. Хотели того социал-демократы или нет, они вновь зависели от поддержки коммунистов, чьи мандаты обеспечивали им абсолютное большинство при совместном голосовании двух палат. К такой поддержке КПШ была готова.

Для столь опытных политиков, как скандинавские социал-демократы, выборы 1956—1957 гг. послужили сигналом для самокритики, хотя и весьма умеренной. Верный способ привлечения симпатий масс был найден в возобновлении социальных реформ, давно обещанных, но приостановленных на рубеже 40—50-х годов ввиду экономических затруднений. В наиболее богатой Швеции эти реформы возобновились раньше и были самыми значительными. Всеобщее страхование по болезни было, наконец, введено здесь с 1955 г.; в 1957 г. принят закон о 45-часовой рабочей неделе (вводимой постепенно). Тогда же социал-демократы предложили ввести для рабочих и служащих дополнительную, или трудовую, пенсию по выслуге лет за счет предпринимателей. Это предложение натолкнулось на резкие возражения даже со стороны их партнеров по коалиции — партии центра. Буржуазные партии, да и сами аграрии выдвинули встречные альтернативы пенсионной реформы, менее выгодные для основной массы рабочих и служащих. Совещательный всенародный референдум (октябрь 1957 г.) одобрил проект социал-демократов, поддержанных коммунистами (46% голосов).

В 1958 г., после того как буржуазное большинство второй палаты провалило правительственный проект пенсионной реформы, эта палата — в третий раз за всю историю Швеции — была распущена. На внеочередных выборах летом 1958 г. 115 мандатов получили буржуазные партии и 116 — рабочие (с.-д.+коммунисты). Налицо

были первый сдвиг влево с 1944 г. и первый успех социал-демократов с 1948 г.— активизация их социальной политики себя оправдала. Весной 1959 г. пенсионный закон был принят большинством в один голос. Дополнительная пенсия определялась исходя из среднего заработка в лучшие годы трудовой деятельности рабочего и служащего. Финансировалась она предпринимателями, реальная ценность ее гарантировалась правительством, а полный размер вместе с основной, народной пенсией должен был достичь $^2/_3$ средней заработной платы за наиболее продуктивные годы трудовой деятельности. Однако пенсионный возраст оставался высоким (67 лет), и полный размер пенсии должен был уплачиваться лишь начиная с 1980 г.

Полоса высокой конъюнктуры, в которую впервые за весь послевоенный период вступила после 1957 г. Дания, благоприятствовала и здесь проведению давно обещанных социал-демократами социальных реформ. В 1956—1961 гг. был принят ряд новых законов, значительно улучшивших дело социального обеспечения. Отныне право на пенсию по старости имели все граждане — пенсия и стала называться, как в Швеции, народной. Размер пенсии по старости был увеличен, и покупательная способность ее гарантирована. Беднейшей части престарелых выплачивалась повышенная пенсия. Полная пенсия равнялась, однако, лишь $^1/_2$ заработной платы неквалифицированного рабочего. Одновременно вводился 1%-ный подоходный страховой сбор со всех налогоплательщиков, а пенсионный возраст повышался (до 67 лет; для одиноких женщин — до 62). Размер и длительность выплаты больничного пособия были увеличены, круг лиц, пользующихся услугами больничных касс бесплатно, сильно расширен и доля государства в финансировании больничных касс поднята. Наконец, пособия по безработице были увеличены, покупательная способность их гарантирована, равно как и повышение пропорционально повышению заработной платы.

С помощью социального законодательства укрепила свои позиции и НРП. В 1956—1959 гг. в Норвегии были введены всеобщее страхование по болезни и ряд улучшений в деле выплаты пенсий по старости, при утрате кормильца и др.

Во всех скандинавских странах, начиная со Швеции, были в 50-х годах проведены школьные реформы, направленные на создание единой школы, уравнение условий школьного обучения в городах и сельской местности и пр. Позже, в 60-х годах, обязательное девятилетнее обучение было введено в Швеции и Норвегии, в 70-х — в Дании.

В результате всех этих мероприятий популярность социал-демократов, особенно в Дании и Швеции, возросла.

Улучшение советско-скандинавских отношений. Северный совет. В течение 50-х годов, несмотря на ослабление международной напряженности, продолжалось перевооружение всех скандинавских стран, как нейтральной Швеции, так и ее соседей — членов НАТО. Военные их расходы возрастали и к началу 60-х годов превысили

миллиард крон у датчан и норвежцев и 3 млрд. крон — у шведов. На территории Дании и Норвегии были созданы многочисленные военные объекты НАТО — аэродромы, портовые сооружения, радарные и метеостанции, казармы, склады и пр. В обеих странах разместились командные органы НАТО.

Вместе с тем на протяжении 50-х годов все скандинавские участники НАТО неоднократно подтверждали незыблемость своей «базовой» политики: недопущение длительного пребывания иностранных вооруженных сил в пределах их границ в мирное время. В 1957 г., когда приобрел злободневность вопрос об оснащении вооруженных сил НАТО ракетно-ядерным оружием, правительства Дании и Норвегии заявили о своем нежелании в данное время приобретать или допускать в свои страны подобное оружие или строить стартовые площадки для ракет среднего и дальнего радиуса действия. После бурной общественной дискуссии правительство Швеции в 1959 г. отложило решение вопроса о производстве ядерного оружия.

Скандинавские страны положительно откликнулись на новую инициативу Советского правительства (1953—1954) в деле налаживания добрососедских отношений. Всего успешнее отношения развивались между СССР и нейтральной Швецией. Советское правительство неоднократно подтверждало свою заинтересованность в сохранении шведской политики свободы от союзов. Между обеими странами заключен был ряд отдельных соглашений; с 1953 г. вновь рос товарооборот, крепли культурные связи.

Расхождение внешнеполитических курсов скандинавских стран не поссорило их друг с другом. Различные формы межскандинавского сотрудничества продолжали развиваться. В 1951 г. парламенты Дании и Швеции одновременно приняли резолюции о необходимости создать центральный консультативный орган — Северный совет — для сотрудничества между северными странами. В 1953 г. Совет собрался на первое заседание. Он состоял из делегатов, избираемых парламентами каждой из стран-участниц. В число делегатов вошли также члены правительств, в том числе премьер-министры, однако без решающего голоса. Совет мог обсуждать любые вопросы, но решения его имели лишь рекомендательный характер.

Благодаря деятельности Северного совета значительно продвинулось разностороннее сотрудничество между Швецией, Норвегией, Данией, Исландией и Финляндией (последняя стала членом Совета с 1955 г.). Постепенно Совет превратился во влиятельный орган по развитию и координации мирного сотрудничества, осуществлявшегося в самых различных направлениях. Сотрудничество это было нацелено на всемерное сближение между участниками Совета без ущерба для их обязательств перед великими державами, т. е. без изменения их основных внешнеполитических курсов. Дальше всего унификация и координация зашли в области законодательства (имущественное, семейное, процессуальное право), социального страхования, здравоохранения, культуры, науки, народ-

ного просвещения. Северный совет способствовал созданию общего рынка рабочей силы скандинавских стран (свобода поселения и найма) и паспортной унии (т. е. передвижение без паспорта), фактическому уравнению приезжих граждан из другой северной страны в праве на социальные пособия.

Менее успешно развивалось в 50-х годах собственно экономическое сотрудничество северных стран. Шведские предложения о таможенном союзе встречали умеренную поддержку датчан, но отклонялись норвежцами из боязни конкуренции шведских промышленных и датских сельскохозяйственных товаров. Межконтинентальные интересы норвежской экономики (морские перевозки) сильнее привязывали ее к Англии и США. Выдвинутый Англией и активно поддержанный Швецией план более крупного экономического блока семи западноевропейских стран (1959) надолго заслонил собой проект скандинавского таможенного союза (см. гл. XIX).

Разрядка международной напряженности создала предпосылки и для некоторого согласования внешнеполитических вопросов между скандинавскими странами. На регулярных совещаниях министров иностранных дел все успешнее вырабатывалась, например, общая позиция в ООН или по внешнеторговым вопросам. Несмотря на членство в НАТО, на сильную экономическую зависимость от империалистических держав Запада, на идеологическую близость к ним, Дания, Норвегия и тем более Швеция в 50-х годах укрепили свою самостоятельную линию в ООН. Эта линия отличалась в лучшую сторону от позиции главных западных держав по широкому кругу вопросов: прием новых членов (1955), англо-французская и американская интервенция на Ближнем Востоке (1956, 1958), сокращение вооружений (1957 и сл.), ликвидация колониализма, расовой дискриминации и пр. Благодаря своему внеблоковому курсу Швеция приобрела немалый международный вес. Отражением этого было избрание в 1953 г. шведского министра Д. Хаммаршельда Генеральным секретарем ООН (погиб в 1961 г.).

Глава XIX

Начало экономической интеграции. Подъем демократического движения

Структурные изменения в народном хозяйстве. В первой половине 60-х годов темпы роста промышленного производства скандинавских стран значительно увеличились по сравнению с предшествующим десятилетием. Теперь они были не ниже, а выше средних по Западной Европе. Второй послевоенный промышленный цикл, начавшийся после кризиса 1957—1958 гг., принес им экономический бум, какого они давно не знали (см. таблицу на стр. 270).

В основе подъема лежали массовое обновление основных производственных фондов (оборудование, станки и пр.), научно-техническая революция, начавшаяся со Швеции, ликвидация внут-

Индексы промышленной продукции (1959 г.=100)

Годы	Дания	Норвегия	Швеция
1965	152	144	158
1969	183	172	182

ритаможенных барьеров в рамках Европейской ассоциации свободной торговли (с 1960 г.) и дополнительные меры поощрения внутрискандинавского оборота товаров и капиталов. Именно в этот период завершилась в основном индустриализация наиболее аграрной из трех стран — Дании. Доля сельского, лесного хозяйства, рыболовства и охоты в валовом национальном продукте каждой страны (1970) уже не превышала 9%.

Несмотря на общий значительный рост мирового капиталистического производства после 1960 г., на ограниченные резервы своей рабочей силы, скандинавские страны по целому ряду важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, по улову рыбы и по морским перевозкам удерживали одно из первых мест в капиталистическом мире. Швеция даже входила в первый десяток промышленных капиталистических стран мира. По размерам валового национального продукта на душу населения все три страны на исходе 60-х годов шли впереди большинства западноевропейских стран: Швеция — на первом, Дания — на третьем месте. Это положение Скандинавии обеспечивалось высоким уровнем производительности труда и капиталовложений, сосредоточением рабочей силы и капиталов на производстве новейшей специализированной высококачественной продукции, в значительной мере экспортной. Именно экспортные отрасли промышленности продолжали расти особенно быстро. Вообще 60-е годы — это время дальнейших изменений структуры скандинавской индустрии, в первую очередь шведской,— свертывания одних, расширения других, создания третьих отраслей в соответствии с научно-технической революцией, международным разделением труда и спросом на мировом рынке.

Возникновение в Западной Европе замкнутых экономических группировок усилило и в Скандинавии процессы концентрации промышленного производства, рабочей силы и капитала. Первое место бесспорно занимала Швеция. Несколько шведских промышленных компаний принадлежали и в 60-х годах к числу ведущих во всей буржуазной Европе. Таковы знакомые нам еще в начале века или с 20-х годов электротехнические «Л. М. Эрикссон» и «АСЕА», шарикоподшипниковая «СКФ», «Вольво», ставшая «материнским обществом» для целого ряда автомобильных и других машино- и моторостроительных компаний. В Норвегии по-прежнему первенствовали электрохимический концерн «Норшк Гидро», целлюлозно-бумажный «Боррегор», алюминиевый «Ордал ог Сюндал», судостроительный «Акергруппен»; в Дании — судостроительная фирма

«Бурмейстер и Вайн», «Данфосс» (электроника), цементно-машиностроительный «Ф. Л. Смит», «Триге-Титан» (машиностроение), «Восточноазиатская компания» (торговля и судоходство) и др.

Обороты датских и норвежских компаний далеко уступали оборотам компаний шведских, однако по их удельному весу в промышленности своих стран, по уровню концентрации производства и капитала все три страны были близки друг к другу. Так, в 1963 г. на долю 20 крупнейших промышленных компаний приходилось промышленной продукции от ее общей стоимости в Швеции более 30, в Норвегии — около 24, в Дании — около 20%.

Все основные формы монополистических объединений были представлены в скандинавских странах: концерны (объединения разнородных промышленных, а также торговых и финансовых компаний), чаще тресты (в результате слияний), еще чаще — картели. Картельные соглашения разного рода представляли собой наиболее распространенную форму скандинавских монополий: о ценах (разного типа), о квотах производства и зонах сбыта, об общих сбытовых центрах (синдикаты) и пр. Ограничению конкуренции служили и многочисленные отраслевые объединения фирм в промышленности, торговле и пр., фактически охватывающие всех предпринимателей данной отрасли. Характерной формой концентрации в 60-х годах стало слияние крупных компаний, поглощение крупных крупнейшими — так называемое горизонтальное слияние в пределах одной отрасли, например шведских электротехнических концернов «АСЕА» и «Электролюкс», норвежской государственной компании «Ордал ог Сюндал» с канадским алюминиевым концерном «Алькан». В Швеции таких слияний за 1960—1969 гг. было 2113, в Норвегии же — всего 187.

В середине 60-х годов действующих картельных соглашений насчитывалось в Дании свыше 1200, в Швеции — более 1000. Запрет картельных соглашений по ценам и прибылям в Норвегии (1960) породил, однако, новые формы ограничения конкуренции — «соглашения о сотрудничестве» в области производства и сбыта товаров.

Наибольшей степени концентрация достигла в банковском деле, а именно, среди коммерческих банков. Сокращение числа их, замедлившееся в Швеции (до 16 в 1969 г.), продолжалось в Дании и особенно в Норвегии. Роль кредитных учреждений все чаще играли также страховые компании. Концентрация в страховом деле не уступала банковской концентрации. Прогрессивная общественность, требуя национализации важнейших средств производства, обычно первоочередным мероприятием считала обобществление именно банков и страховых обществ.

Активно участвуя в кредитных и учетных операциях, ведущие кредитные учреждения были тесно связаны с крупнейшими промышленными компаниями своих стран. Шведские банки и банковские объединения продолжали учреждать холдинг-компании для приобретения акций промышленных предприятий и выпуска собственных акций. В Норвегии и Дании, напротив, промышленные, тор-

говые и судовладельческие компании сами имели значительную часть акций крупнейших банков своих стран. Итог же был один — господство блоков финансового капитала.

Связь между банками и промышленностью по-прежнему подкреплялась личными униями — членством в дирекциях, правлениях и советах соответствующих промышленных, торговых и финансовых учреждений. Совокупность тесно связанных материальными, личными и родственными узами нескольких десятков групп — круг их мало изменился с довоенного времени — составляла в каждой из трех стран финансовую олигархию, контролирующую главные отрасли народного хозяйства (пример — шведские Валленберги).

Промышленная и коммерческая деятельность крупнейших скандинавских компаний (особенно шведских) с конца 50-х годов все чаще и больше переступала национальные границы. От экспорта ссудного капитала первых послевоенных лет, в значительной мере государственного, шведы в 50-х годах перешли к преимущественному экспорту частного производственного капитала — к прямым инвестициям. В течение 60-х годов прямые частные капиталовложения Швеции в других странах выросли более чем втрое, а общие зарубежные активы превысили к 1970 г. 18 млрд. шведских крон. Сильно уступая в абсолютном выражении, вывоз датского и норвежского капитала рос еще быстрее. В конце 60-х годов за пределами Скандинавии действовали тысячи предприятий скандинавских фирм, большей частью шведских. Экспорт капиталов обычно следовал за экспортом товаров и направлялся преимущественно в страны Западной Европы и Латинской Америки.

Несмотря на значительный рост экспорта капиталов из Дании и Норвегии, обе эти страны, в особенности Норвегия, оставались преимущественно импортерами иностранного капитала. После смягчения в 60-х годах «концессионных законов» начала века приток этого капитала в Норвегию стал расти все быстрее, так что в конце десятилетия под его контролем находилось уже 25% акционерного капитала норвежской промышленности. В ряде промышленных компаний Норвегии иностранному капиталу принадлежала решающая роль, в особенности в новых компаниях, учрежденных в конце 50-х годов (нефтеочистительная «Эссо», алюминиевая «Альнор», рыбопромышленная «Финдус» и пр.). Особый вид внешнего долга Норвегии составляли заказы в кредит на постройку судов на иностранных верфях. В датской пищевой промышленности влиятельные позиции принадлежали таким иностранным компаниям, как «Юнилевер» и «Нестле». Первое место среди стран-инвесторов занимали США. Американские капиталовложения в Скандинавии в 60-х годах быстро возрастали.

Успехи экономического развития сказались и на уровне жизни скандинавов. Будучи и без того одной из самых высоких в Западной Европе, реальная заработная плата скандинавского, в первую очередь шведского, рабочего росла в 60-х годах быстрее, чем в любой другой части Западной Европы. В быт многих не только шведских, но также норвежских и датских семей вошли легковые авто-

машины, прогулочные катера, летние домики или дачно-огородные участки, отпуска на Средиземном море и т. п.

Вместе с тем благоденствие отнюдь не стало ни всесторонним, ни всеобщим. Напряженность труда резко усилилась и вместе с частой перестройкой производства переутомляла людей; опасность лишиться работы, особенно в пожилом возрасте, не исчезла. Постоянным источником раздражения оставалась инфляция. Все большую долю заработной платы трудящиеся отдавали в виде налогов и платы за квартиру. Значительная часть самодеятельного населения Скандинавии прочно застряла в разряде низкооплачиваемых: женщины, молодежь, хронические больные, мелкие фермеры, наконец, рабочие в некоторых отраслях (появилось особое определение «текстильная заработная плата»). Даже в Швеции (1966) почти $^1/_5$ экономически активного населения получали менее 15 тыс. крон в год — много меньше официального прожиточного минимума. В Дании $^1/_4$ рабочих считались в 60-х годах низкооплачиваемыми. Разрыв заработной платы у лиц со средним и высшим образованием и без него достигал 1 10 и даже 1 15 (в Швеции). На фоне высокого уровня жизни населения печально выглядели группы обездоленных, бездомных, опустившихся. Законы стали гуманнее, а нравы грубее. Кривая самоубийств продолжала расти (Швеция по их относительному числу была на 5-м месте в мире).

Экономическая политика 60-х годов. Участие в ЕАСТ и успехи межскандинавского экономического сотрудничества. 60-е годы прошли преимущественно под знаком экономического бума. Однако почти все это время скандинавские страны испытывали трудности «перегрева», связанные с ростом потребительских цен: за 1960—1969 гг. их уровень вырос в Дании — на 63, в Швеции — на 44, в Норвегии — на 43%. Угрожающе рос дефицит в текущем платежном балансе. Дефицит, обычный в Дании и Норвегии, с половины 60-х годов появился и в Швеции (в 1965 г. 1,5 млрд. крон). В 1966—1967 гг. темпы промышленного роста снизились (кроме Норвегии), приблизившись к темпам 50-х годов.

Правительства скандинавских стран с помощью государственного регулирования старались противодействовать инфляции и платежной неуравновешенности на одних этапах и снижению деловой активности — на других. Способы этого регулирования в основном были те же, что и в 50-х годах. Для покрытия платежного дефицита датчане, а норвежцы в особенности, прибегали к внешним займам. Вместе с тем скандинавские правительства расширяли собственное кредитование промышленности. На первом месте шла Норвегия, с ее сравнительно наиболее сильным государственным сектором в банковском деле. В Швеции под контролем государства быстро рос крупнейший кредитный фонд — АТР (лат.) из пенсионных отчислений предпринимателей.

Рост общественного сектора в народном хозяйстве уже не ограничивался энергетикой (в том числе ядерной в Швеции, первая атомная электростанция 1963 г.), транспортом, связью, космически-

ми исследованиями, кредитом. Росла роль государства в индустриализации слаборазвитых, особенно северных районов.

В Дании с ее сравнительно наиболее скромным общественным сектором в промышленности и капиталовложениях государство особенно энергично прибегало к средствам финансовой политики и к законодательному решению хозяйственных вопросов. Так, наряду со старой практикой принудительных займов и «принудительного сбережения» части доходов стали применяться в 60-х годах «комплексные решения» (разновидность «политики доходов»): условия повышения заработной платы, выплаты дивидендов и субсидий закреплялись особым временным законом на один-два года вперед. Не только для Дании, но и для Скандинавии характерен в 60-х годах рост косвенных налогов при одновременном облегчении прямого налогообложения фирм и мелких доходополучателей. Сначала в Дании, затем в Швеции и, наконец, в Норвегии (20% с 1 января 1970 г.) был введен вместо налога с оборота, взимаемого при продаже товара («омс»), налог на добавленную стоимость («момс»), взимаемый при каждой хозяйственной сделке с любого покупателя, будь то предприниматель или потребитель.

Несмотря на создание во всех трех странах (включая с 1961 г. и Данию) новых учреждений по долгосрочному планированию не только государственных капиталовложений, но также национальной и региональной экономики в целом, планирование и в 60-х годах все еще носило ориентирующе-рекомендательный характер. Владельцы предприятий внимательно прислушивались к этим рекомендациям, но противились директивному планированию, да и сами правительства отнюдь не всегда придерживались рекомендаций собственных планово-финансовых учреждений.

Важным фактором нестабильности скандинавской экономики оставалась ее крайняя зависимость от состояния международной торговли и валютной системы капиталистического мира. Хронические экономические затруднения Англии, ухудшение валютного положения США, девальвация фунта стерлингов (1967), всеобщая погоня за золотом и «бегство от доллара» — все это причиняло немало беспокойства и скандинавам. Во время многочисленных международных переговоров середины 60-х годов по вопросам торговли, тарифов, платежей и валютной политики скандинавские страны обычно посредничали между США и странами «Общего рынка» и готовы были на бóльшие уступки американцам и тем более на бóльшее благоприятствование своему важнейшему контрагенту — Англии.

Новым явлением 60-х годов стала интеграция народного хозяйства скандинавских стран в рамках одного из двух западноевропейских экономических блоков — Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Соглашение о создании ЕАСТ было подписано в Стокгольме в ноябре 1959 г. Главной задачей ЕАСТ стало поэтапное сокращение таможенных внутризональных пошлин. Таможенные тарифы и количественные ограничения на промышленные товары во взаимной торговле были упразднены в 1966 г. Стра-

ны — члены ЕАСТ в середине 60-х годов были главными поставщиками и покупателями товаров для Скандинавии — не меньше 34% по импорту и не меньше 36% по экспорту (данные 1966 г.). В 1959—1966 гг. совокупный экспорт трех скандинавских стран вырос на 100%, а межскандинавский — даже на 150%.

Вторым по важности был товарооборот скандинавских стран с зоной «Общего рынка»: не менее 28% — по импорту, не менее 24% — по экспорту (1966). Раскол Западной Европы на два экономических блока тяготил скандинавов, особенно датчан. Поэтому, невзирая на явные и скрытые опасности вступления в «Общий рынок», Дания, Норвегия и Швеция дважды — в 1961—1962 и в 1967 гг.— вслед за Англией обращались в организацию «Общего рынка» с просьбой о принятии. Наиболее сдержанную позицию занимала Швеция, обусловившая вступление в ЕЭС сохранением своего традиционного нейтралитета и другими оговорками.

Задержка с присоединением к «Общему рынку», его таможенные барьеры на пути скандинавского экспорта, наконец, быстрый рост внутрискандинавской торговли на основе прогрессирующей специализации производства — все это вдохнуло новую жизнь в старый проект общего северного рынка, иначе — скандинавского таможенного союза. В 1968 г. копенгагенское совещание премьер-министров трех стран одобрило в принципе создание экономического союза «Нордэк» по типу «Бенилюкса». Когда в начале 1970 г. проект был уже готов к подписанию, открылась перспектива скорого вступления в ЕЭС Дании и Норвегии. Финляндия воздержалась от подписания соглашения, что и помешало рождению «Нордэка».

В 60-х годах успешнее, чем когда-либо, развивались экономические связи Скандинавии с социалистическими странами Европы, в первую очередь с Советским Союзом. В середине 60-х годов советско-скандинавский товарооборот уже превосходил объем товарооборота скандинавских стран с подавляющим большинством стран за пределами Западной Европы. В 1968 г. советско-шведский товарооборот по стоимости приблизился к сумме в миллиард крон. В Швеции в том же году был организован крупными фирмами особый Комитет содействия торговле с СССР. Советские заказы (на постройку судов в Дании, например) нередко играли первостепенную роль в обеспечении занятости и выравнивании платежного баланса северных стран. Страны СЭВ становились серьезным фактором во внешнеэкономических связях Скандинавии.

Правые социал-демократы под двойным натиском левой оппозиции и буржуазного блока. Внутренняя политика скандинавских стран в 60-е годы развивалась под влиянием нескольких новых явлений и процессов. Научно-техническая революция ускорила перемены в социальной структуре, вызвала к жизни новые категории рабочих, служащих, интеллигентов. После решения наиболее острых вопросов социального обеспечения стали особенно очевидны коренные пороки капиталистического «общества благополучия»: экономическое господство меньшинства, узость демократии, резкое неравенство. На 60-е годы пришлись, далее, быстрый количествен-

ный рост и, следовательно, демократизация состава учащихся. Именно демократическое студенчество вместе с молодым поколением трудящихся стало в 60-х годах носителем новых форм протеста. 60-е годы принесли усиление военно-ядерной опасности и рост антиамериканских настроений, особенно в связи с войной во Вьетнаме. Взаимодействие перечисленных факторов привело к обострению идейно-политической борьбы в Скандинавии, к возникновению новых партий и партийных коалиций.

Впрочем, на рубеже нового десятилетия социал-демократия — одна (в Норвегии) или при поддержке мелких партий (в Швеции и Дании) — вела за собой парламентское большинство. Датские и шведские выборы 1960 г. это подтвердили. Правые социал-демократы истолковали укрепление своих позиций как сигнал к новому пересмотру программных принципов в духе крайнего оппортунизма и реформизма. Из новых программ СДПШ (1960) и СДПД (1961) были изъяты такие коренные марксистские положения, как неизбежность классовой борьбы трудящихся против буржуазии и необходимость обобществления средств производства для перехода к социализму. Программа НРП (1949) — несколько более левая — действовала до 1969 г. Вместе с тем новые программы содержали ряд прогрессивных требований, отвечавших интересам трудящихся (например, демократия на производстве).

В дальнейшем положение правых социал-демократов Скандинавии в своих странах стало менее прочным. Впервые с середины 40-х годов их теснили теперь не столько справа, сколько слева: выросла новая, левосоциалистическая оппозиция. В то же время обнаружилась тяга к сплочению буржуазных партий, так что накануне 70-х годов во всех трех парламентах противостояли друг другу по сути дела два крупных блока — социал-демократический и буржуазный («новая левая» так и не стала третьей силой). В Дании недовольные «атлантическим» курсом рядовые радикалы и социал-демократы нашли центр притяжения в новой социалистической народной партии. На парламентских выборах 1960 г. СНП имела сенсационный успех, проведя в фолькетинг 11 депутатов голосами 150 тыс. избирателей. Вместе с тем и правившие (во главе коалиции) социал-демократы получили 6 новых мандатов.

На парламентских выборах 1961 г. в Норвегии СНП получила два мандата, а НРП, лишившись четырех мандатов, утратила абсолютное большинство в стортинге.

Правительство Герхардсена приложило большие усилия к упрочению своей популярности в оставшийся до парламентских выборов 1965 г. срок. С 1963 г. был начат переход к равной оплате труда мужского и женского (закончен в 1967 г.), с 1965 г. трудящиеся получили четырехнедельный отпуск, за 1961—1965 гг. государственные расходы на социальное обеспечение выросли на 60%. Таким образом, норвежские реформисты в 60-х годах пытались сочетать правый, «атлантический» курс во внешней политике, ориентацию на вступление в ЕЭС с левыми внутриполитическими мероприятиями и лозунгами («демократия на производстве — путь к

социализму»). Тем не менее на выборах в стортинг осенью 1965 г. число голосующих за НРП снизилось почти на 4%, 6 мандатов было утрачено, и, несмотря на 51% голосов за НРП, СНП и КПН, в стортинге образовалось буржуазное большинство — впервые с 1945 г.

Таким образом, полевение рабочего класса и молодых избирателей Норвегии обернулось успехом для буржуазной оппозиции. Причиной тому были солидарное выступление буржуазных партий на выборах, недооценка социал-демократами происшедших социальных сдвигов и раскол в НРП.

Поскольку коалиция НРП с какой-либо буржуазной партией исключалась, правительство Герхардсена ушло в отставку. Коалиционный кабинет четырех буржуазных партий возглавил парламентский лидер партии центра (бывших аграриев) П. Бортен.

Новое правительство в основном продолжало внутреннюю и внешнюю политику своих предшественников. Вошла в силу новая пенсионная система с пенсией по выслуге лет для рабочих и служащих (с января 1968 г.). Рабочая неделя была сокращена до 42,5 часов (с 1 июля 1968 г.). Был принят закон об укреплении правопорядка в действиях администраций и контроля за ними («закон маленького человека», 1967). Учреждены два новых университета на Севере — в Тронхейме и Тромсё. Вместе с тем буржуазное правительство прекратило разработку планов демократизации управления предприятиями и приняло консервативный вариант налоговой реформы.

На парламентских выборах в сентябре 1969 г. буржуазная коалиция получила лишь минимальное большинство в стортинге — два мандата. Буржуазные партии хёйре и венстре потерпели поражение. НРП одержала явную победу за счет двух других рабочих партий, которые остались за пределами стортинга. В самой НРП вновь усилилась антинатовская оппозиция. Правое руководство НРП (председатель с 1965 г.— Т. Браттели) теперь терпело ее в партии.

Как уже говорилось, в первой половине 60-х годов безработица в Дании сошла на нет. Высокие темпы промышленного роста в сочетании с быстрым ростом стоимости жизни создали почву для новой стачечной волны. В 1961 г. при пересмотре тарифов разразились крупнейшие с довоенных времен забастовки и локауты (металлистов, транспортных рабочих, рабочих на бойнях). Датская промышленность потеряла в 1961 г. 2300 тыс. человеко-дней. Приостановка погрузок в портах страны вызвала протесты фермеров, и без того недовольных правительственной политикой сельскохозяйственных цен: временно прекратились поставки продовольствия в города.

На протяжении 1961—1963 гг. датское коалиционное правительство из социал-демократов и радикалов (с 1962 г. премьер Е. О. Краг) вело чисто конъюнктурную политику краткосрочных экономических и финансовых мер («комплексных решений»), проводившихся по соглашению с буржуазной оппозицией. В 1961 г. были

сделаны уступки («компенсация») фермерам: те добились (впервые в истории Дании) крупных государственных субсидий и более высоких по сравнению с мировыми цен на внутреннем рынке. Столь новая для Дании (но хорошо знакомая шведам и норвежцам) аграрная политика стала возможной благодаря сокращению удельного веса фермеров в общей массе населения и завершению индустриализации страны. Опасаясь новой забастовочной волны при тарифных переговорах на 1963—1964 гг., правительство прибегло к уже известному «комплексному решению». По одним его пунктам Краг опирался на поддержку справа, по другим — слева (практика 20-х годов).

Выборы 1964 г. (как и 1960 г.) вновь принесли неудачу радикалам, они покинули правительство, к власти пришел социал-демократический кабинет меньшинства. Кабинет Крага зависел от буржуазных партий и при их поддержке провел в 1966 г. в целях борьбы с инфляцией непопулярные решения по жилищному и финансовому вопросам.

Желая уравновесить в глазах трудящихся свои компромиссы с партиями буржуазного центра (венстре, радикалы и пр.) по экономическим и финансовым вопросам, правительство Крага внесло в парламент проект реформы устаревшей налоговой системы.

В ноябре 1966 г., в разгар прений по вопросу о реформе, Краг назначил почти немедленные досрочные выборы. Социал-демократы рассчитывали на популярность своего налогового проекта. Расчет их оказался ошибочным: выборы принесли им самую крупную неудачу с 1945 г. (69 мандатов вместо 76 из 179). Народные социалисты (ларсеновцы) удвоили число мандатов — 20 вместо 10 — редчайший случай в новейшей истории Скандинавии. Все правые партии понесли потери.

Ноябрьские выборы 1966 г. впервые в истории Дании обеспечили рабочим партиям вместе с депутатами от Гренландии и Фарер абсолютное большинство. Впервые за всю свою историю СДПД предложила правительственную коалицию более левой партии. После долгих переговоров СНП обещала в марте 1967 г., не входя в правительство, поддерживать его внутреннюю политику (внешняя же «атлантическая» политика правительства была «обеспечена» благодаря поддержке буржуазных партий). Обе рабочие партии создали на паритетных началах контактный комитет.

При поддержке ларсеновцев Краг провел трехступенчатую налоговую реформу (1967). Приняты были налоговые льготы для беднейших доходополучателей. С 1 января 1968 г. отменялось реакционное (отмененное в других скандинавских странах) право вычета из облагаемого дохода суммы личных налогов, уже уплаченных в данном финансовом году (важная лазейка для богачей). С 1 января 1969 г. вводился новый порядок уплаты подоходных налогов — непосредственно при получении заработной платы или дохода («налог у источника», как и в других скандинавских странах), а не за фактически уже прошедший год, что затруднило сокрытие доходов.

Несмотря на некоторые другие прогрессивные меры (повышение пособия по безработице до 80% прежнего трудового дохода), итоги сотрудничества социал-демократов и ларсеновцев не удовлетворили массу избирателей. Новый косвенный налог — «момс» принес дальнейшее увеличение цен и квартплаты. В декабре 1967 г. народные социалисты вновь перешли в оппозицию. Девальвация датской кроны в конце 1967 г. поставила в порядок дня компенсацию трудящимся за предстоящий новый рост цен. Лидер СНП Ларсен поддержал и девальвацию, и решение правительства о частичном замораживании заработной платы, т. е. об отказе от полной компенсации за предстоящее повышение цен. Это вызвало протест левого меньшинства СНП и раскол парламентской фракции народных социалистов, провал правительственных предложений в фолькетинге (голосами буржуазной оппозиции и левого крыла СНП) и назначение новых внеочередных выборов. Драматическое отделение от СНП партии Левые социалисты (Э. Сигсгор, К. Мольтке) и солидарное выступление буржуазных партий решили исход январских выборов 1968 г., отличавшихся очень высокой активностью избирателей. Социал-демократы получили лишь 62 мандата, ларсеновцы — 11, левые социалисты — 4. Наибольший успех имела радикальная партия — отчасти благодаря своим пацифистским обещаниям провести референдум в 1969 г. о членстве в НАТО, сократить военные расходы. Ее лидер Х. Баунсгор и сформировал буржуазное коалиционное трехпартийное правительство большинства — первое за всю новейшую историю Дании.

Новое датское правительство пришло к власти с программой, отчасти сходной с программой кабинета Бортена в Норвегии. Оно стремилось сократить правительственные расходы, ограничить рост издержек производства (в первую очередь заморозить заработную плату), поощрять долгосрочные сбережения. Эту программу ограничения и сдерживания правительству Баунсгора удалось выполнить лишь отчасти. При этом радикалы явно шли на поводу у своих партнеров — партий крупной буржуазии венстре и консерваторов. Буржуазной коалиции пришлось столкнуться с крупными забастовками, демонстрациями протеста, студенческими волнениями. Датская социал-демократия, перейдя в оппозицию, как и НРП, несколько полевела. Съезд СДПД в Орхусе (1968) отчетливо отразил стремление руководства укрепить связи с левой молодежью. Резко осуждена была социально-экономическая «тормозная» политика правительства и выдвинуто популярное требование обеспечить полную занятость в стране. Социал-демократы рассчитывали вернуться к власти, но к сотрудничеству с народными социалистами теперь не стремились.

Наибольшей устойчивостью отличалось в 60-х годах шведское социал-демократическое правительство Эрландера, хотя оно и было (до 1968 г.) кабинетом меньшинства. Его внешняя политика — линия нейтралитета — пользовалась единодушной поддержкой населения. На протяжении 1962—1965 гг. оно провело несколько новых прогрессивных мероприятий в области социального обеспече-

ния и трудовых отношений. Единый закон о разных видах социального обеспечения 1962 г. поднял размеры пенсий и пособий. С 1963 г. удваивалось пособие на квартплату низкооплачиваемым семьям с детьми; с 1964 г. начало осуществляться постепенное уравнение оплаты мужчин и женщин (в течение 6 лет); с 1965 г. был введен четырехнедельный оплаченный отпуск для всех трудящихся; с 1968 г. началось сокращение рабочей недели с 45 до 42,5 часов. Одновременно с этими прогрессивными мерами, однако, все больше повышались косвенные налоги.

На очередных выборах во вторую палату риксдага в 1960 г. правящая партия приобрела 3 новых мандата. Большинство у рабочих партий теперь упрочилось, и они чаще прежнего голосовали одинаково. Успеху СДПШ помогли раскол среди буржуазной оппозиции по пенсионному вопросу, а также ослабление компартии на рубеже 50—60-х годов. В дальнейшем, однако, в буржуазном лагере усилилась тяга к сплочению. Это выразилось в избирательных блоках двух или трех буржуазных партий по отдельным округам на парламентских выборах 1964 г. и коммунальных 1966 г. Особенно тесно сблизились народная партия и партия центра, выступившие с общей программой в 1966 г. (борьба с инфляцией и снижение налогов без отказа от социальных реформ). Перед выборами в 1964 г. в Швеции впервые возникла и буржуазно-клерикальная партия — христианско-демократический союз. Вместе с тем в начале 1964 г. обновила свою рабочую программу, стиль работы и состав руководства компартия.

На парламентских выборах 1964 г. социал-демократы потеряли один мандат; компартия, напротив, получила 8 мандатов вместо 5. Коммунальные выборы 1966 г. показали переход большинства избирателей (51%) на сторону буржуазных партий.

Исход выборов 1964 и 1966 г. вновь вызвал некоторое полевение СДПШ. Чрезвычайный съезд СДПШ в 1967 г. принял предвыборную и рабочую программы, учитывавшие рост радикальных настроений и ставившие во главу угла увеличение государственных капиталовложений в экономику (решение о создании государственного инвестиционного банка; большее — с 40 до 51% — обложение прибылей корпораций и пр.) и активную политику в отношении использования рабочей силы (ее переквалификация и перебазирование за счет государства и пр.). Съезд осудил греческий военно-фашистский режим и американскую агрессию во Вьетнаме.

Еще в 1964—1965 гг. в конституцию Швеции были внесены частичные изменения: предусмотрена передача государственного суверенитета международным органам в целях мирного сотрудничества, снижен до 20 лет возраст избирателей и поднят возрастной ценз для... короля — до 25 лет.

Весной 1967 г. социал-демократы и буржуазная оппозиция пришли, наконец, к соглашению относительно реформы шведской конституции. Она предусматривала однопалатный риксдаг из 350 депутатов, избираемый на три года гражданами с 19 лет, прямые и строго пропорциональные выборы, минимум в 12% голосов в од-

ном округе или 4% по всей стране) как условие доступа партии в риксдаг, а также одновременное проведение парламентских и коммунальных выборов. Реформа, окончательно принятая в 1969 г., вступила в силу с 1970 г.

Расчет шведских буржуазных партий на победу в парламентских выборах 1968 г. не оправдался. Радикализация внутриполитической программы правящей партии в сочетании с ее последовательно нейтралистским внешнеполитическим курсом принесли СДПШ самую убедительную победу с 1940 г.: 125 мандатов из 233 при рекордной активности избирателей (89%).

В октябре 1969 г. XXIV съезд СДПШ единодушно осуществил смену председателя партии и, следовательно, также и главы правительства. Место ушедшего на пенсию Эрландера занял сравнительно молодой (род. 1927) Улоф Пальме. Рабочая программа партии, принятая в преддверии парламентских и коммунальных выборов 1970 г. (по новой системе), содержала уступки левому, т. е. молодежному крылу СДПШ. Было обещано осуществить в 70-х годах большее равенство доходов (посредством налоговой реформы) и демократию в управлении предприятиями. Сенсацию вызвало обещание крупной государственной помощи для ДРВ после окончания там войны.

«Новые левые» и коммунисты. На рубеже 50—60-х годов левые силы Скандинавии испытали серьезный подъем под влиянием разрядки международной напряженности, экономических и научных успехов социалистических стран, мирной инициативы СССР. Народные социалисты Дании и Норвегии на протяжении 60-х годов вновь и вновь выдвигали в парламентах своих стран прогрессивную внешнеполитическую программу — выход из НАТО, создание общеевропейской системы безопасности, признание ГДР и ДРВ. В конце 60-х годов усилилась борьба трудящихся за право участвовать в управлении предприятиями и учреждениями, участились «дикие» стачки (например, 4800 горняков шведского Заполярья зимой 1969/70 г.).

Вместе с тем слабостью левых сил оставалась их разобщенность, отчасти бывшая следствием самого роста этих сил. На протяжении 60-х годов и в Скандинавии возникли социалистические течения и целые партии, получившие расплывчатое общее наименование «новой левой». К «новой левой», или «новым левым», причисляли вначале партии народных социалистов Дании и Норвегии. Позже, со второй половины 60-х годов, общее наименование «новых левых» в Скандинавии, как и на всем капиталистическом Западе, закрепилось за мелкими партиями, группами и течениями ультралевого, левацкого толка, как отделившимися от уже существовавших, так и возникшими впервые. Настроения «нового радикализма» в немалой степени захватили и молодежные организации социал-демократических партий, особенно норвежской и шведской. На сотрудничество с коммунистами новые течения и группы, как правило, не шли.

Наиболее шумной движущей силой «новой левой» стала учащаяся молодежь, студенчество. В конечном счете студенческое дви-

жение 60-х годов было направлено против социальной структуры современного государственно-монополистического капитализма. Непосредственно же студенчество выступило против устаревшей системы управления в университетах, за их демократизацию, за улучшение своего материального положения и условий трудоустройства. Не менее энергично «новые левые» обрушились на пронатовскую милитаристскую политику правящих кругов, еще больше — на агрессивные действия американского империализма, его войну во Вьетнаме, на колониализм, расизм и фашизм.

Движение приняло форму демонстраций, митингов, обструкций, сидячих забастовок и захвата помещений (например, дома студенческих корпораций в Стокгольме, университетских аудиторий в Копенгагене весной 1968 г.). Слабостью «новой левой» были ее пестрота и незрелость как в политике, так и в идеологии. Отвергая опыт КПСС и международного коммунистического движения как якобы устаревшие и окостеневшие, «новые левые» оказались весьма податливы к псевдореволюционному анархизму и троцкизму. Они смогли лишь добиться некоторой радикализации политики социал-демократов, особенно после их парламентских неудач. Работа с радикальной молодежью стала важной задачей коммунистов.

Скандинавские компартии на протяжении 60-х годов продолжали бороться за восстановление своего влияния. Обновились программы и тактика, преодолевался груз догматизма, омолаживалось руководство [1]. Компартии в новых программных документах призвали к сплочению левых сил на борьбу против монополий и милитаристов НАТО, к проведению антимонополистической политики, подготовляющей мирный, при определенных условиях, переход к социализму. Компартии решительно подчеркнули свое уважение к парламентским и прочим демократическим институтам скандинавских стран, а также свою полную самостоятельность. К сожалению, в Норвегии и Дании за перестройку своей деятельности коммунисты взялись уже после того, как возможная массовая база компартий оказалась под влиянием народных социалистов. В Норвегии дополнительной помехой оказалась острая фракционная борьба в руководстве КПН. Все эти обстоятельства привели к серьезному ослаблению влияния коммунистов в Норвегии и Дании.

Раньше и энергичнее, чем у двух других партий, развернулся процесс самокритики в Шведской компартии (XX съезд — начало 1964 г.). КПШ (с 1967 г.— Левая партия — коммунисты (ЛПК) старалась стать центром притяжения всех левых группировок в стране, включая и левую оппозицию в СДПШ и особенно ее молодежную организацию. Шведские коммунисты сочетали откровенную критику собственных недостатков с разоблачением бесперспективного социал-демократического сотрудничества с крупным капита-

[1] Новые председатели партий: в Дании — К. Есперсен, в Норвегии — Р. Ларсен, в Швеции — К. Херманссон.

лом, с меткой критикой изъянов «общества благополучия». Однако завоеванный авторитет был временно подорван ввиду острых разногласий внутри ЛПК, ее неясной позиции в отношении возможного образования буржуазного правительства. На сентябрьских выборах 1968 г. ЛПК сохранила лишь 3 мандата из 8. Шведская и Норвежская компартии пытались укрепить свою популярность демонстративной критикой в адрес социалистических стран и крайне ограниченным участием в коллективных формах работы мирового коммунистического движения. Все три партии были представлены на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве (1969), однако основной документ Совещания подписали только датчане. Тем не менее после Совещания заметно было растущее сплочение компартий на марксистско-ленинской принципиальной основе.

Ясное представление о направлении деятельности скандинавских компартий давала рабочая программа на 1969—1972 гг., принятая XXII съездом шведских коммунистов (1969). Партия выражала солидарность с народами, борющимися против империализма; активно поддерживала профсоюзы в целях увеличения заработной платы за счет прибылей; добивалась демократической налоговой политики, гарантированного «социального минимума» для всех граждан; выступала против спекуляции квартирами и участками для застройки, против загрязнения природной среды; требовала дальнейшей демократизации школ и проведения культурной политики для народа; боролась против всяческих монополий и роста цен, поддерживала борьбу шведских женщин за их полное равенство с мужчинами. Важнейшие лозунги ЛПК — «Власть народу вместо власти капитала», «Признание революционного правительства Южного Вьетнама», «Власть служащим» (т. е. участие трудящихся в управлении предприятиями).

Наиболее актуальным вопросом деятельности коммунистов во второй половине 60-х годов стало обоснование и выдвижение единой политической платформы левого крыла рабочего движения в каждой из трех стран. XXIII съезд Датской компартии (1969), например, принял специальное заявление программного характера: «Путь левых сил к демократии и социализму».

Внешняя политика 60-х годов. Проблемы ядерного разоружения. Несмотря на возросшие нейтралистские и антиамериканские настроения, Норвегия в 1968 г. и Дания в 1969 г. подтвердили свое решение оставаться в НАТО и его военной организации. Напротив, шведское правительство твердо отстаивало неизменность своего внеблокового курса. Больше того, война во Вьетнаме и вызванный ею взрыв антиамериканизма способствовали ослаблению прозападной ориентации Швеции.

Строительство и модернизация вооруженных сил всех трех стран продолжались неослабными темпами. Армии их получили в частности, средства доставки тактического ядерного оружия. Только за 1963—1967 гг. абсолютные военные расходы в Норвегии и Дании превысили 2, а в Швеции даже 5 млрд. крон. По мере

сокращения материальной помощи США и других западных партнеров по НАТО время военных расходов теперь все больше падало на плечи самих датчан и норвежцев.

Многолетнее участие Дании и Норвегии в НАТО постепенно ослабляло их «базовую политику» — ранее сделанные оговорки об условиях своего членства. На территории, в морском и воздушном пространствах обеих стран все чаще появлялись силы других членов НАТО. В начале 1968 г. воздушный инцидент в Гренландии показал, что американская авиация с водородными бомбами на борту использует датское воздушное пространство. Новым последствием участия в НАТО стало в 60-х годах растущее военное сотрудничество Норвегии и в особенности Дании с Западной Германией. Наиболее крупным актом такого сотрудничества было создание объединенного, в основном датско-западногерманского, командования НАТО на Балтике (1961). Проводилась взаимная поставка различных видов вооружения и его унификация в Норвегии, Дании и ФРГ.

Несмотря на глубокие различия между «атлантическим» курсом датчан и норвежцев и нейтральным шведов и финнов, скандинавское сотрудничество в 60-х годах охватывало все новые стороны общественной жизни. Конвенция в Хельсинки 1962 г., подписанная пятью северными державами, подвела итоги и провозгласила общие цели сотрудничества — всемерное сближение в области социальной, правовой, культурной и экономической. Все три государства активно поддерживали мероприятия ООН и охотно предоставляли посредников, наблюдателей и воинские контингенты в распоряжение Генерального секретаря. В 1968 г. скандинавы и финны создали у себя постоянные вооруженные силы для операций по поддержанию мира в рамках ООН.

На протяжении 60-х годов руководители скандинавских государств, подчиняясь нажиму широкой национальной общественности, приложили некоторые усилия и выступили с рядом деклараций, направленных к ядерному разоружению и общей разрядке напряженности. Бесспорно ведущее место в этих положительных начинаниях принадлежало Швеции. В 1961 г. тогдашний шведский министр иностранных дел Унден предложил создать «клуб безъядерных держав», т. е. обязать подавляющее большинство государств не производить и не приобретать ядерное оружие. Во время женевских переговоров Комитета 18-ти о ядерном разоружении шведская делегация нередко выступала от имени других неприсоединившихся стран (например, по вопросу об инспекции подземных ядерных взрывов) в поисках взаимоприемлемых решений. Все три скандинавских правительства — норвежцы и датчане осторожнее шведов — не раз осуждали американскую войну во Вьетнаме и выступали за прекращение бомбардировок ДРВ. По размаху общественного движения в защиту вьетнамского народа Скандинавия и особенно Швеция заняли почетное место в капиталистическом мире. В Швеции нашли убежище множество американских военнослужащих, не пожелавших идти на грязную войну. Именно

скандинавские члены Европейского Совета, особенно Дания, в конце 1967 г. потребовали применения санкций к военно-фашистскому режиму в Греции, но добились лишь принятия резолюции с осуждением «режима полковников». Все скандинавские государства подписали договоры 1963 и 1968 гг. о прекращении ядерных испытаний в трех сферах и о нераспространении ядерного оружия, а в 1969 г. определенно поддержали инициативу Финляндии в деле практической подготовки международного Совещания по вопросам безопасности в Европе. Правительство Швеции в 1969 г. установило дипломатические отношения с правительством ДРВ.

В 60-х годах скандинавские государства, включая членов НАТО, продолжали развивать свои отношения с СССР и другими социалистическими странами, главным образом в области экономики и культуры. Особенно успешно развивались советско-шведские отношения.

С середины 50-х годов скандинавские государства начали оказывать разнообразную помощь развивающимся странам, главным образом через международные организации, а также на основе прямых соглашений с заинтересованными странами. Общие размеры государственной помощи, например, Швеции за 1960—1968 гг. выросли больше чем втрое.

Помощь оказывалась либо техническая, либо финансовая (дары, беспроцентные кредиты, займы, посылка экспертов); в вузах Скандинавии обучались студенты из развивающихся стран. Еще в 1962 г. шведский риксдаг постановил наращивать эту помощь до 1% шведского валового национального продукта (от которого в конце 60-х годов она составляла лишь 0,4%).

Культурная жизнь в середине XX в. Война с ее последствиями и крутой экономический подъем 50—60-х годов внесли перемены в материальную и духовную культуру скандинавских народов. Процесс урбанизации развернулся в полную силу. Из района преимущественной эмиграции военная и послевоенная Скандинавия стала излюбленным местом иммиграции. С войны здесь осели — особенно в Швеции — десятки тысяч иностранцев (главным образом уроженцев Финляндии и других северных стран), быстро натурализовавшихся. Кроме того, в последующие годы не прекращался приток иностранной рабочей силы (финнов, немцев, итальянцев, позже югославов и пр.) [1].

С успехами индустриализации и ростом уровня жизни блага современной бытовой культуры — холодильники, стиральные машины, электроплиты и пр.— проникли в сельские и редконаселенные районы, хотя те все же значительно отставали от городских. Наряду с наземными и морскими видами транспорта авиация стала теперь массовым средством сообщения: только за 1961—1965 гг. число воздушных пассажиров увеличилось в Дании и Швеции в

---

[1] Население Швеции в 1968 г. 7,9 млн. человек, Дании — 4,9 млн. Норвегии — 3,8 млн.

1,5 раза, а в Норвегии — почти вдвое и достигло в Дании, например, почти 3,5 млн. человек (при населении 4,7 млн.). Помимо радио основная масса населения уже имела телевизоры: ими были обеспечены в 1965 г. каждый четвертый швед, каждый пятый датчанин, седьмой норвежец. Быстро росло и потребление газет на душу населения. Наряду с общей осведомленностью и подвижностью скандинавов вырос и уровень их образования. Число лиц, получивших аттестат зрелости, например, увеличилось за 1961—1965 гг. во всех трех странах на 60—70%, т. е. намного больше, чем население в целом.

Значительно изменились и духовный климат, преобладающие умонастроения. Особый, важный по своим последствиям период представляла война, а для датчан и норвежцев — также чужеземное иго, оккупация. В то время неизмеримо усилились патриотические чувства, новую ценность обрели демократические порядки и идеалы, которые многим до войны казались устаревшими и которые теперь нужно было защищать с оружием в руках. На несколько лет, в том числе послевоенных, животрепещущей проблемой общественного сознания стал вопрос об ответственности за войну, оккупацию, предательство. Победа над фашизмом сопровождалась общим сдвигом общественного мнения влево. Сдвиг этот, однако, из-за «холодной войны» оказался непродолжительным. На рубеже 40—50-х годов идейно-политическое контрнаступление реакции принесло свои горькие плоды в виде антикоммунистической и антисоветской истерии, шпиономании и пр., сложилась атмосфера духовного застоя.

Вместе с тем обострилась проблема роста преступности, особенно юношеской, быстро росли алкоголизм, а с 60-х годов — и наркомания среди подростков. Свыше 20% 18-летних граждан Стокгольма в 1968 г. принимали наркотики, хотя бы эпизодически. К середине 60-х годов Дания и Швеция вышли на первые места в мире по относительному числу краж. Часть молодежи, в особенности учащейся, протестовала против мещанского однообразия и скуки, против устаревших общественных порядков, против годами висящей опасности мировой войны, но нередко делали это в уродливой форме нарушений общепринятых норм поведения и даже внешнего вида («раггары», «хиппи» и пр.).

Художественная литература отчетливо отражала борьбу и смену мировоззрений и взглядов. В годы войны литературное творчество скандинавских стран шло разными путями: фашистские порядки в оккупированной Норвегии загнали почти всю настоящую литературу в подполье либо в эмиграцию. Патриотический подъем военных лет стал источником прекрасной норвежской лирики (Н. Григ, А. Эверланн, И. Хагеруп), очаровавшей всю Скандинавию. В оккупированной Дании литературная жизнь примерно до 1943 г. была мало затронута оккупацией и близка к шведской; художественные произведения на «вечные» темы перемежались с более или менее отчетливой антинацистской тенденцией, особенно на сцене (К. Э. Со́я, П. Ля Кур, К. Мунк). Наиболее «опасные»

произведения, впрочем, немедленно запрещались и конфисковались датскими властями. В конце войны уже была налицо литература датского Сопротивления — нелегальная и эмигрантская, в частности стихи О. Гельстеда, Х. Хердаля, П. Сёренсена, Х. Расмуссена, Мортена Нильсена, проза М. А. Хансена, публицистика М. А. Нексе, Х. Шерфига, В. Ля Кура. За годы войны интерес широкой публики к литературе значительно усилился.

Освобождение и ближайшее послевоенное пятилетие принесли датской и норвежской литературе множество произведений всевозможных жанров об оккупации, Сопротивлении, героизме и предательстве. Таковы в Норвегии тюремные дневники О. Нансена, документальная повесть С. Эвенсму «Беглецы», романы С. Хеля (Хуля), Т. Недреос, Э. Болстада, А. Скоуэна; в Дании — тюремные дневники К. Мальте-Брююна, «Рапорт из Штутгофа» коммуниста Мартина Нильсена, романы У. Юля, В. Хейнесена, Х. Кирка, Х. Шерфига, пьесы К. Абеля. Своеобразное положение нейтральной Швеции нашло отражение в значительных произведениях шведских прозаиков, главным образом аллегорического и исторического характера: К. Бойе («Каллокайн»), Э. Юнсона (трилогия «Отель Крилон»), В. Муберга («Скачи этой ночью»), П. Лагерквиста («Карлик»). Шведская литература также в большой мере приобрела публицистический характер (Т. Нерман, Т. Сегерстедт, М. Мартинсон).

С точки зрения поэтики и стиля послевоенная скандинавская литература — в первую очередь поэзия, затем драматургия и в меньшей степени и позже проза — характеризовалась быстрым и почти повальным усвоением, а затем и творческим совершенствованием всевозможных разновидностей модернизма. Новые пути в послевоенной литературе были проложены писателями среднего и молодого поколений. В Швеции эта группа получила название «людей 40-х годов» («фюртиталистер») — поэты Г. Экелеф, К. Венберг, прозаики С. Арнёр, Л. Алин и особенно С. Дагерман (1923—1954; роман «Змея», драма «Остров обреченных»). Сходную роль сыграла датская модернистская группа «Херетика» (по названию журнала 1948—1953 гг., который редактировал М. А. Хансен) — поэты О. Вивель, О. Сарвиг, Т. Бьернвиг, Фр. Иегер.

По своему эмоциональному содержанию новые литературные течения 40-х годов отличались чувствами страха, неприкаянности, неустроенности, одиночества. Обыденная жизнь капиталистического общества воспринималась ими как кошмар. Воздействие Сартра, Камю, заново прочитанного Кьеркегора, т. е. философии экзистенциализма, очевидно. «Холодная война» и война в Корее, пришедшие вслед за первыми ядерными взрывами, лишь усилили эти мрачные настроения. Единый антифашистский «поток» послевоенной художественной литературы с его преобладающим радикальным течением теперь раздробился. Открыто проамериканскую, пронатовскую позицию заняли немногие литераторы (норвежец А. Эверланн, ум. 1968; швед Г. Тингстен), но точно так же немногие писатели продолжали активно выступать в рядах борцов за

мир (А. Лундквист в Швеции) вместе с коммунистами (Нексе, Шерфиг, Кирк в Дании). Типичными стали аполитичность, уход в личные переживания, поиски субъективного решения в сфере морали и религии, провозглашение поэзии и самого художественного творчества самоцелью.

Новый литературный подъем начался в 60-х годах. Военная и «сопротивленческая» темы отчасти сменились тематикой «третьего мира». Пафос антифашистской борьбы, погашенный, было, атомными страхами и антикоммунистической «переоценкой ценностей», теперь возродился в пафосе борьбы с расизмом, колониализмом, нищетой развивающихся народов (особенно шведы П. Вестберг, Э. Лундквист, С. Лидман). Телеинтервью, телевизионные кино и театр, серии дешевых карманных изданий сильно расширили аудиторию скандинавских писателей, поэтов, драматургов, сценаристов. Некоторые из них выросли в популярных общественных деятелей, например шведы С. Арнер, П. Фогельстрем, Б. Сванстрем, С. Лидман. «Новое левое» движение, подчас поддерживаемое новыми издательствами (норвежское издательство «Пакс»), вызвало к жизни блестящую «ангажированную», т. е. общественно-ответственную, поглощенную насущными вопросами жизни масс, литературу — публицистику, остро ставящую весь круг больных вопросов скандинавского «общества благополучия» (Ё. Пальм в Швеции, С. Эвенсму в Норвегии, К. Шарнберг в Дании и др.). Среди этих вопросов — автоматизация труда, молодежь и ее нравы (Э. Ёрлинг в Швеции), семейные проблемы, психология личности, в том числе преступной, тема одиночества и пр.

Характерной чертой литературы последнего десятилетия было также вторжение в нее науки, ее тематики, ее прогнозов, иначе говоря, расцвет научной фантастики (темы ядерной войны, космоса, искусственного мозга, роботов и пр.), например «Аниара» — поэма шведа Х. Мартинсона и либретто к одноименной известной опере. Исторический роман оставался излюбленным жанром скандинавских прозаиков, в том числе молодых. Драматурги дали целый ряд образцов не только сценических экспериментов (Бруун-Ольсен в Дании), но и социальной сатиры. Сатирики охотно использовали также жанр детектива (швед П. Валё — «Гибель 31-го отдела»). Мастера старшего и среднего поколения создали несколько значительных автобиографических и социально-критических романов (И. Лу-Юханссон, В. Муберг и Э. Асклунд в Швеции; Х. Вульф, М. Тэйн в Дании; А. Сандемусе, Т. Весос в Норвегии), равно как и романов нового, модернистского типа. Писатели-модернисты и стали гордостью послевоенной прозы — шведской (Э. Юнссон, род. 1900, с его историческими романами, например «Время его милости» из эпохи Карла Великого), датской (Х. К. Браннер, 1903—1966, роман «Никто не знает ночи», пьесы) и норвежской (Ю. Борген, 1902—1979, трилогия «Маленький лорд», «Темные источники», «Теперь ему не уйти»). Всемирное признание получили шведская литература и кинофильмы для детей, прежде всего благодаря Астрид Линдгрен. Бурные дискуссии вызвало творчество норвежца

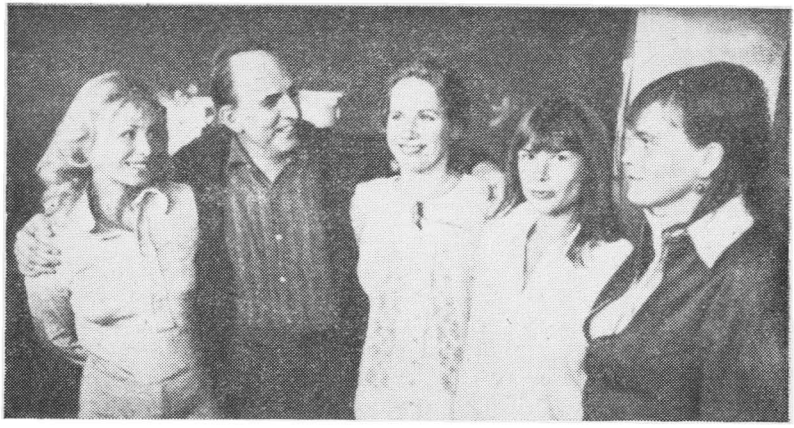

Скульптурный комплекс Карла Миллеса. Стокгольм.

Е. Бьёрнебу (1920—1976), автора романов на темы насилия и жестокости («Миг свободы», 1966 и др.).

Дальше всего от традиционных форм отошла скандинавская лирика, также испытавшая свой новый расцвет в 60-х годах (датские поэты К. Рифбьерг, И. Малиновский, шведский сборник «Дебют 66», крупный норвежский поэт С. Мерен). Она характеризуется непрерывным экспериментированием, крайним субъективизмом и причудливым сочетанием самых различных сюжетов, приемов и ассоциаций в одном произведении.

Скандинавские живопись и скульптура оказались крайне восприимчивы к сюрреализму и абстракционизму. Реалистические традиции успешно поддерживались в монументальной живописи (Норвегия), скульптуре, графике, пейзажной живописи (Дания). Новым, порой весьма малохудожественным направлением скандинавской живописи и скульптуры для масс стали поп-арт (из США) — бездушный натурализм с использованием предметов обыденной жизни как средства художественного выражения, экспериментальное искусство (в том числе коллаж) — кратковременное сооружение фантастических комплексов с использованием всевозможных предметов и материалов. Несколько скандинавских графиков (датчанин Х. Бидструп), скульпторов (швед К. Миллес), кинорежиссеров (швед И. Бергман) получили особенно широкое

Шведский кинорежиссер И. Бергман с киноактрисами

признание за пределами своих стран. Создан ряд новых крупных музеев (Луизиана в Копенгагене, 1958; Музей современного искусства в Стокгольме, 1958). Функциональная архитектура пережила, начиная с 50-х годов, эпоху небывалого подъема в связи с расширением масштабов общественного жилищного строительства.

Ускоренный рост национального дохода при одновременно растущей доле общественного потребления обеспечил недостижимую ранее финансовую базу и для развития науки в скандинавских странах. На лучшем мировом уровне оставались такие традиционные для Скандинавии дисциплины, как теоретическая физика, медицина и биохимия (особенно в Швеции и Дании), океанография, гидробиология и геология (особенно в Норвегии), различные виды технических наук, электроника, физическая химия (особенно в Швеции). В рамках буржуазной идеологии развивались общественные науки, включая и такую новую, как изучение проблем войны и мира (специальные институты во всех трех странах). Скандинавы оставались выдающимися путешественниками-этнографами (например, Т. Хейердал и Б. Даниельссон).

Глава XX

Политическая неустойчивость и экономический кризис 70-х годов

Развитие производства. В 70-х годах научно-техническая революция в Скандинавии охватывала все новые отрасли хозяйства, способствуя укрупнению, специализации и диверсификации производства. Три скандинавские страны вошли в пятерку ведущих государств Европы по размеру валового национального продукта на душу населения (Швеция заняла второе место после США по

производству промышленной продукции на душу населения). Удельный вес занятых в непроизводственной сфере (торговля, транспорт, администрация, свободные профессии) составлял во всех трех странах уже больше половины самодеятельного населения. Доля занятых в сельском и лесном хозяйстве резко упала, в Швеции, например, в 1979 г. она составляла примерно 5%.

Продолжался и процесс концентрации капитала. В 1971 г. слились воедино два крупнейших частных банка Швеции, приняв новое название «Скандинависка эншильда банкен», а в 1974 г. — два государственных банка (новое название — «Пост ок кредит-банкен»). 3 банка в Дании и Норвегии владели большей частью банковских активов своих стран. Ограниченные формы концентрации, такие, как картелирование, уступали место более высоким — концернам и трестам. Контроль финансового капитала за деловой жизнью осуществлялся и через вновь учреждаемые инвестиционные общества.

Усилилась регулирующая роль государства в экономике скандинавских стран (кредит, инвестиции, предпринимательская деятельность). В Швеции, например, в 1970 г. был создан государственный концерн «Статсфёретаг» из 28 промышленных и научно-исследовательских фирм, четвертый по величине в стране. Доля общественных государственных (без коммунальных) расходов в валовом национальном продукте достигла в 1972 г., по приблизительным данным, в Норвегии 34, в Дании 30, в Швеции 32% (соответственно в 1955 г. 16, 15, 21%). Существенно возросла доля государственного сектора в добывающей промышленности, в инфраструктуре — норвежские океанские разработки нефти и газа, черная металлургия в Норвегии и Швеции, атомная энергетика, пока развитая только в Швеции (12% энергоресурсов в 1977 г.). Прямое участие государства в материальном производстве росло значительно медленнее, чем, скажем, в капиталовложениях: число лиц, работающих в промышленности и занятых в государственном секторе, оставалось на уровне 10% в Швеции, 6% в Норвегии, а в Дании — еще меньше. Соответственно повышению руководящей роли государственных органов в национальном экономическом развитии росло практическое значение средне- и долгосрочных программ. Например, шведская программа регионального развития, представленная правительством в 1972 г., предусматривала задачу энергообеспечения и «подтягивания» отстающих районов. Аналогичная программа в Норвегии была направлена на ориентацию сбыта нефти и газа преимущественно на внешний рынок.

В 1974 г., после длительной подготовки, началась промышленная разработка нефти на дне норвежского континентального шельфа (прибрежная часть океанского дна). В следующем году Норвегия стала крупнейшим экспортером нефти в Северной Европе, а затем второй после Англии нефтедобывающей державой Западной Европы. Разработки велись преимущественно иностранными компаниями на началах концессий. Для контроля за концессионерами была учреждена в 1973 г. государственная компания «Статойл».

Уже в середине десятилетия поступления в бюджет государства от прибылей иностранных концессионеров составили больше половины его доходов. В центре шведской экономической и отчасти политической дискуссии оказался вопрос об использовании ядерного топлива для производства все более дефицитной электроэнергии. В 1976 г. атомные электростанции давали уже 9% производимой в стране электроэнергии, а от идущей на внутреннее потребление — даже 17%. В 1977 г. действовало 6 и строилось еще 13 реакторов.

В 1973 г. шведы и датчане договорились о совместном сооружении железнодорожной и автомобильной магистралей с мостом и туннелем через Эресунн. Тогда же датский парламент принял специальные законы о постройке крупнейшего аэропорта на острове Сальтхольм (в проливе Эресунн близ Копенгагена) и моста через пролив Большой Бельт. Выполнение этих проектов было задержано экономическим спадом.

В полной мере охватил Скандинавию и процесс интернационализации производства и капитала. Заграничные филиалы и дочерние фирмы шведских компаний росли быстрее, чем предприятия иностранных (главным образом американских) компаний в Швеции, а те, в свою очередь, обгоняли по темпам роста сами шведские предприятия. Вступление Дании в «Общий рынок» открыло свободу деятельности в стране различным западноевропейским компаниям. Усилилось и проникновение иностранного капитала в нефтедобывающую Норвегию.

Как это случалось и прежде, Скандинавия разделила со всем капиталистическим миром бремя экономического застоя 1970—1971 гг. С наибольшей силой кризис коснулся экспортных отраслей, а из трех стран — Швеции. В течение 1969—1971 гг. прирост промышленной продукции во всех трех странах падал из года в год. В 1972—1973 гг. положение несколько улучшилось, но энергетический кризис конца 1973 г., как известно, повлек за собой крупнейший после войны хозяйственный спад. Тяготы его Швеция и Дания разделили в полной мере: в середине десятилетия в обеих странах впервые за много лет (в Швеции с 1952 г.) уровень промышленного производства упал. В Норвегии промышленное производство было устойчивым до середины 70-х годов, положение стало ухудшаться лишь в 1977 г. (трудности поддержания занятости, внешняя задолженность). Замедление и застой видны из индексов обрабатывающей промышленности за 1973 и 1977 гг. (1970 г. — 100): у Дании — 115 и 117, у Швеции — 111 и 111, у Норвегии — 113 и 116. Уровень безработицы был всего выше, как и в 50-х годах, у датчан — 12% от числа застрахованных (по данным середины 70-х годов), ниже у шведов и много ниже у норвежцев (от 1,5 до 1%).

На протяжении 70-х годов резко увеличились темпы инфляции — этой хронической болезни всех скандинавских стран. Индекс потребительских цен в 1977 г. составил (1970 г.— 100) для Дании — 189, для Норвегии — 178, для Швеции — 181. В тщетных попытках справиться с инфляцией власти вводили полное или частичное замораживание цен, дополнительные налоги и сборы, осо-

бенно косвенные, те или иные кредитные ограничения. Немалый ущерб скандинавам наносило и падение курса доллара и британского фунта стерлингов (девальвация доллара в начале 1973 г.), повлекшее за собой и неоднократную модификацию курсов национальных валют. Дефицит платежного баланса особенно вырос в Дании. В конце 70-х годов Скандинавия находилась в фазе медленного хозяйственного подъема.

Экономическая неустойчивость как одно из проявлений общего кризиса капитализма создавала почву для дальнейшего обострения классовых конфликтов. В 1970 г. частым явлением были «дикие» стачки, демонстрации против дороговизны (с участием домохозяек и студентов), коллективный отказ от внесения квартплаты, самовольное занятие пустующих жилых домов и прочих помещений. В Норвегии в 1970 и в 1973 г. проводились кратковременные всеобщие забастовки протеста против роста цен и «момса» на продукты питания. Внепарламентские выступления, особенно учащейся молодежи, против пороков существующего строя, против мирового империализма происходили все чаще и становились ожесточеннее. В порядок дня вошли малосвойственные прежде Скандинавии отказы от военной службы, блокирование уличного движения, применение прямого насилия — занятие церквей и иностранных посольств, поджоги, стычки в ходе уличных демонстраций.

Из крупных трудовых конфликтов национального масштаба отметим самую долгую в истории Швеции 7-месячную кампанию по перезаключению коллективных договоров, начавшуюся зимой 1970/71 г. В ходе кампании резко проявилось столкновение интересов государства как работодателя с высокооплачиваемыми рабочими из профсоюза железнодорожников и «академиков», т. е. лиц с университетским образованием. Те и другие подверглись локауту, и в феврале 1971 г. были прерваны на две недели занятия в университетах и школах, остановились поезда. Риксдаг по предложению социал-демократического правительства и вразрез со шведской традицией временно запретил все локауты и стачки в стране.

В Дании весной 1973 г. разразился крупнейший с 1936 г. трудовой конфликт, усугубленный взлетом цен после вступления страны в «Общий рынок». В течение одной недели 260 тыс. трудящихся ключевых отраслей производства бастовали или были локаутированы. При этом оказалось потеряно больше человеко-дней, чем за весь период 1961—1971 гг. Конфликт закончился в основном успехом трудящихся.

Вопрос о вступлении в «Общий рынок» и обострение внутриполитической борьбы. Если в Швеции и Дании начала 70-х годов внутриполитическая борьба обострилась в связи с безработицей и ростом дороговизны, то в Норвегии на первый план был поставлен вопрос о вступлении в «Общий рынок». Этот вопрос волновал и датчан. Третий тур переговоров о вступлении обеих стран в ЕЭС, начавшийся в 1970 г., сплотил противников этого шага: начались массовые общественные движения. Наибольшей остротой борьба отличалась в Норвегии. Весной 1971 г. распалась правив-

шая с 1965 г. четырехпартийная коалиция, после того как премьер Бортен — противник вступления в ЕЭС — намеренно разгласил материалы брюссельских переговоров Норвегии. Сменившее его социал-демократическое правительство Т. Браттели подписало, было, соглашение о полном членстве Норвегии в ЕЭС, однако еще до одобрения соглашения стортингом большинство (53%) участников совещательного референдума по этому вопросу (сентябрь 1972 г.) высказались против участия в «Общем рынке». На смену Браттели в октябре 1972 г. пришел новый кабинет меньшинства, на этот раз трехпартийный: партия центра, партия венстре, христианско-народная партия,— во главе с лидером последней Ларсом Корваллом. То были буржуазные противники ЕЭС, аннулировавшие соглашение о полном членстве и вступившие в переговоры о частичном участии в сообществе.

В ходе подготовки к референдуму из НРП вышла группа противников «Общего рынка», а из партии венстре — группа его сторонников — новая народная партия. Сплочение левых прогрессивных сил в борьбе против участия в ЕЭС привело затем, в ходе парламентской избирательной кампании 1973 г., к объединению народных социалистов, коммунистов и покинувших НРП левых социал-демократов в социалистический избирательный союз; за такое сплочение левых сил давно выступали коммунисты. Рост стоимости жизни в сочетании с многолетним тяжким налоговым прессом вызвал общее разочарование норвежцев в «старых» партиях. На правом фланге норвежской политической жизни возникло несколько новых партий, из них самая крупная и шумная — партия Андерса Ланге, основанная фашиствующими реакционными элементами. Действуя по примеру датского правобуржуазного политика М. Глиструпа (см. с. 295), партия демагогически ратовала за свободу частной инициативы, выступала против засилья бюрократии и налогового гнета [1].

В итоге очередных осенних парламентских выборов 1973 г. стортинг (отныне с числом депутатов 155 вместо 150, но по-прежнему не подлежащий досрочному роспуску) пополнился представителями трех новых партийных группировок — новой народной партии, партии Андерса Ланге, социалистического избирательного союза. НРП — сторонник «Общего рынка» — потерпела крупнейшее за десятки лет поражение, сохранив лишь 62 из 74 мандатов. Однако благодаря замечательному успеху левых сил рабочего движения — социалистический избирательный союз получил 16 мандатов (из них коммунисты — 1 впервые за много лет) — буржуазное большинство в стортинге было утрачено. К власти вернулись правые социал-демократы во главе с Браттели [2]. Практика создания кабинетов меньшинства сохранилась, поскольку НРП, раздраженная

---

[1] Сам Ланге вскоре умер, а его сторонники в 1977 г. переименовали свою партию в «Партию прогресса».

[2] В конце 1975 г. ушел на пенсию, уступив пост премьера О. Нурдли, а пост председателя НРП — Р. Стейену.

поведением левых «раскольников», не обращалась к их поддержке. Положение в принципе не изменилось и после очередных выборов 1977 г. Раскол на левом фланге рабочего движения в сочетании с клеветнической кампанией против парламентариев-социалистов за якобы разглашение ими военной тайны привел к поражению левых рабочих партий. После поражения правой партии прогресса страна вернулась к привычной шестипартийной системе.

В Дании жесткая политика экономической стабилизации, проводившаяся коалиционным трехпартийным кабинетом радикала Баунсгора, подвергалась непрерывным нападкам оппозиции рабочих партий. Социал-демократы обещали успешнее бороться с инфляцией и предлагали свой вариант политики доходов как более приемлемый для профсоюзов. Досрочно назначенные правительством парламентские выборы (сентябрь 1971 г.) принесли рабочим партиям крупный успех. СДПД получила дополнительно 8, СНП — 6 новых мандатов, и с помощью двух мандатов от Фареров и двух от Гренландии рабочее большинство в фолькетинге восстановилось. К власти снова пришли правые социал-демократы во главе с Е. О. Крагом, в январе 1972 г. подписавшие соглашение о вступлении Дании в ЕЭС. В сентябре того же года оно было одобрено фолькетингом («за» — 141, «против» — 34), и последующий решающий референдум принес успех сторонникам «Общего рынка». За это решение проголосовали 63% участников референдума. В ходе кампании против вступления в «Общий рынок» впервые за десятки лет сложилась левая фракция в СДПД — «Социал-демократы против ЕЭС». Под угрозой раскола оказалась партия радикальных венстре (радикалы), где также нашлось немало противников ЕЭС.

Социал-демократический кабинет остался у власти; во главе кабинета, а затем и во главе СДПД встал Анкер Ёргенсен, бывший ранее председателем крупнейшего в стране профсоюза неквалифицированных рабочих и известный своими сравнительно левыми взглядами. Ёргенсен возобновил парламентское сотрудничество по внутриполитическим вопросам с народными социалистами (противниками ЕЭС и НАТО), а впоследствии демонстративно включил социал-демократов — противников ЕЭС — в состав правительства. В 1972 г. умер король Фредрик IX, царствовавший с 1947 г. Датский престол заняла Маргарита II, первая правящая королева в государстве с XIV в.

Движение против вступления Дании в ЕЭС не прекратилось и после референдума, поскольку эта акция ухудшила положение масс: уровень цен на импортное сырье, топливо, полуфабрикаты и в особенности на продовольствие отныне повышался до общего уровня цен в Сообществе. Правительственные планы увеличения налогов (в частности, с владельцев индивидуальных домов) толкнули избирателей из средних слоев вправо. Вслед за ранее возникшей умеренно-консервативной христианской народной партией родилась в 1973 г. и стремительно приобрела множество последователей правая партия прогресса адвоката и дельца М. Глиструпа.

Осенью 1973 г. из правящей СДПД вышли представители правого крыла во главе с бургомистром Э. Якобсеном, создавшим затем собственную партию — демократы центра. Утратив твердое большинство в фолькетинге, правительство назначило внеочередные выборы на 4 декабря. Датские декабрьские выборы 1973 г., подобно норвежским того же года, называли политическим землетрясением. Вместо пяти традиционных партий в фолькетинге оказалось 10 партий. Глиструп провел в парламент 28 своих сторонников, поставив рекорд в истории Дании для вновь основанной партии. С 6 мандатами вернулись в фолькетинг датские коммунисты. Сильнейшее поражение потерпели старейшие партии страны — венстре (аграрии), консерваторы и в особенности социал-демократы (число их мандатов упало с 70 до 46, т. е. до уровня 1920 г.). Треть своих мандатов утратили народные социалисты. Обманутые ожидания выгод от интеграции, обещанных социал-демократами, усугубились разочарованием в социально-экономической политике «рабочего большинства» (СДПД и СНП), вновь, как в 1966—1967 гг., не оправдавшего доверия своих пролетарских избирателей. Подавляющее буржуазное большинство фолькетинга оказалось, однако, далеко не единодушным, и крайне слабый сам по себе кабинет меньшинства сформировал лидер венстре.

Острота хозяйственных трудностей и шаткость парламентских позиций правительства побудили его провести досрочные выборы в январе 1975 г. После затяжных бесплодных споров вокруг возможной коалиции к власти вернулся А. Ёргенсен во главе социал-демократического кабинета меньшинства. Ёргенсен проводил внутриполитические мероприятия (например, соглашение о политике доходов летом 1977 г.) путем сговора с более слабыми из буржуазных партий — консервативной народной, радикалами, демократами центра. Обострение экономического кризиса вернуло социал-демократам былую популярность в глазах массы рабочих и служащих. Февральские выборы 1977 г. принесли правящей партии победу — 37% поданных голосов и 65 мандатов. Главный противник социал-демократов — венстре потеряли половину голосов и мандатов, а их лидер — Хартлинг сошел с политической арены. Третий кабинет Ёргенсена продолжал путь компромисса с умеренно-буржуазными силами, увенчавшийся в 1978 г. созданием правительственной коалиции социал-демократов и венстре (либералов). После успешных для СДПД парламентских выборов 1979 г. Ёргенсен возглавил социал-демократическое правительство меньшинства.

Правительство парламентского меньшинства управляло и в политически более стабильной Швеции: на первых выборах по новой избирательной системе осенью 1970 г. в отныне однопалатный риксдаг мелкобуржуазная партия центра подтвердила свое ведущее положение в лагере оппозиции. Кабинет У. Пальме зависел от парламентской поддержки 17 депутатов-коммунистов. Социал-демократы держались теперь более радикального курса и во внутренней, и во внешней политике. Это полевение, при всей его половинчатости, вело к частым конфликтам правительства с буржуазной

оппозицией, демагогически обвинявшей У. Пальме в утопическом стремлении к социальному равенству, в конфискации «плодов честного труда» и пр. Тяготы экономического спада начала 70-х годов вызывали недовольство в массах и позволяли оппозиции надеяться на свой скорый приход к власти. Лидеру партии центра Т. Фельдину уже пророчили место премьера. Престиж правительства был также подорван сенсационными разоблачениями неблаговидной деятельности шведской военной разведки.

Однако экономический подъем 1973 г. и своевременное выдвижение правительством для проведения в жизнь ряда популярных социальных и трудовых реформ, на этот раз без увеличения налоговых тягот, укрепили позицию СДПШ на очередных парламентских выборах (сентябрь 1973 г.). Правящая партия потеряла лишь 7 мандатов, что отчасти компенсировалось двумя дополнительными местами, полученными левой партией — коммунисты. Несмотря на большой успех партии центра (за счет тяжкого поражения народной партии, утратившей почти половину своих мандатов), в риксдаге сложилось лишь равновесие буржуазных и рабочих партий (175 : 175). Вопреки требованиям буржуазной оппозиции реорганизованный кабинет Пальме остался у власти.

В разгар избирательной кампании умер престарелый король Густав VI Адольф (1973). Ему наследовал его юный внук Карл XVI Густав, чьи прерогативы, однако, должны были крайне сузиться — до одного лишь церемониального представительства — после вступления с 1975 г. в силу новой шведской конституции. Эта конституция была одобрена двумя риксдагами разного созыва в 1973 и 1974 г. Она привела наконец основной закон в соответствие с буржуазно-демократической практикой шведского государственного устройства. Принципы народного суверенитета, представительной демократии и парламентаризма отныне и формально сменили дуализм 1809 г.— разделение власти между королем и риксдагом. В отличие от единых конституционных актов двух других скандинавских стран шведская конституция по-прежнему состояла из Закона о престолонаследии 1810 г., Закона о свободе печати 1949 г. Формы правления 1974 г. и Акта о риксдаге 1974 г.

Очередные парламентские выборы 1976 г. проходили в обстановке острейшей политической борьбы. Буржуазная оппозиция, выступая фактически единым фронтом, демагогически использовала против СДПШ проводимую ею энергетическую политику — строительство АЭС, а также подготавливаемый партией проект создания «фондов трудящихся» из отчислений от прибылей капиталистов (так называемые фонды Мейднера, по имени шведского экономиста). Все три буржуазные партии пугали обывателя социализмом и обещали создать децентрализованное общество. В итоге выборов, впервые с 1932 г. образовалось трехпартийное буржуазное правительство во главе с лидером центристов фермером Т. Фельдином; оно опиралось на внушительное большинство в риксдаге: 180 против 152 социал-демократов и 17 коммунистов. После короткого перерыва оно вновь пришло к власти в 1979 г. Парламентские выбо-

ры этого года дали буржуазным партиям 155 мандатов против 154 у рабочих партий.

Как и следовало ожидать, буржуазное правительство не прекратило жизненно необходимой работы ядерных электростанций, ограничившись принятием так называемого закона о кондициях, усилившего требования соблюдения безопасности к владельцу реактора и контроль за производством и его отходами. Разногласия по вопросам долгосрочной энергетической политики продолжали разделять шведскую общественность, в том числе и крупнейшую партию — социал-демократов.

Разногласия в левом крыле рабочего движения. Количество левых партий и групп Скандинавии в 70-х годах увеличилось, но они не стали сплоченнее. Правда, в ходе кампании против присоединения к «Общему рынку», в начале десятилетия, народные социалисты Дании и Норвегии сотрудничали с левой оппозицией внутри социал-демократических партий и с коммунистами. В Норвегии это сотрудничество породило в 1973 г. социалистический избирательный союз. В его недрах возник план объединения левых сил рабочего движения страны в единую партию. В 1975 г. действительно была создана социалистическая левая партия на базе СНП и отколовшейся от НРП социал-демократической оппозиции противников «Общего рынка». Председателем новой партии стал народный социалист Бёрге Фурре.

Народные социалисты Дании (председатель Ґерт Петерсен) на протяжении 70-х годов заметно ослабли, хотя и остались крупнейшей левой оппозицией СДПД. После вступления Дании в «Общий рынок» они менее охотно шли на сотрудничество с другими левыми силами. Все же в отдельных избирательных кампаниях, в отдельных округах, народные социалисты выступали совместно с коммунистами и партией левые социалисты. В целом датская СНП на исходе 70-х годов вновь полевела и окрепла.

Разношерстные студенческо-интеллигентские группировки скандинавских «новых левых» в 70-х годах еще больше тяготели к левому экстремизму, разделяя присущие ему противоречия. Обуреваемые искренней враждой к капиталистическому обществу, империализму и колониализму, они пытались привлечь внимание общественности к наболевшим вопросам самого разного свойства — начиная с условий учебы в университете, эмансипации женщин и загрязнения среды до рассмотрения таких, как угнетение колониальных народов и национальных меньшинств, запрещение испытаний ядерного оружия или участия в «Общем рынке». Однако «провоцирующая» тактика и асоциальные приемы борьбы ультралевых «инициативных групп» возмущали многих прогрессивных граждан, толкали обывателя вправо и тем причиняли ущерб социалистическому движению. В парламент левые экстремисты прошли только в Дании (партия левые социалисты), в коммунальных и профсоюзных органах по-прежнему их число было невелико. Однако благодаря своему революционному романтизму, звонкой фразе они пользовались влиянием среди учащейся молодежи и в начале 70-х

годов сохраняли позиции в руководстве таким массовым движением, как движение помощи Вьетнаму («Объединенные группы поддержки НФО» в Швеции), или организациями, как, например, «Всеобщий совет датских студентов».

Все более опасной для дела мира, социального прогресса и единства левых сил становилась оголтелая, провокационная антисоветская пропаганда, развернутая в широких масштабах скандинавскими маоистами всех оттенков [1]. В своих нападках на Страну Советов промаоистские группировки «превосходили» правобуржуазную пропаганду.

Исход выборов первой половины 70-х годов во всех трех странах показал — впервые за несколько лет — заметное усиление скандинавских компартий. Коммунисты в ходе крупных общественных кампаний по внешнеполитическим вопросам и в связи с трудовыми конфликтами расширили или впервые наладили сотрудничество с другими левыми группировками, привлекли к себе наиболее сознательные элементы бывших «новых левых», внутренне сплотились.

Принципиально новую программу приняла в 1972 г. на своем XXIII съезде крупнейшая из трех партий — ЛПК в Швеции (свыше 14 тыс. членов в 1972 г.). По сравнению с программой 1967 г. марксистско-ленинская идейная основа партии была выражена в новой программе значительно более четко. В тактике шведских коммунистов 70-х годов важное место по-прежнему занимал вопрос о сотрудничестве с более крупной и правящей партией — социал-демократами, об использовании глубоких внутренних противоречий, присущих СДПШ. ЛПК отстаивала свою самостоятельную альтернативную политику, противостоящую и социал-демократической линии, и тем более курсу буржуазных партий. Главной своей задачей ЛПК считала расширение влияния коммунистов в рабочем классе и держалась стратегии прямого революционного перехода к социализму.

В дальнейшем ЛПК (председатель Л. Вернер с 1975 г.) все же не смогла изжить внутренние разногласия, связанные с отношением к реальному социализму и с классовым характером партии. В начале 1977 г. небольшая часть коммунистов покинула ряды партии и образовала рабочую партию — коммунисты Швеции (председатель Р. Хагель, печатный орган — газета «Норшенсфламман»). Новая партия особо подчеркнула свою верность принципам пролетарского интернационализма и солидарности с КПСС. В риксдаге последнего созыва ЛПК имеет 20 мест, РПК — ни одного.

Наиболее зримые успехи имела до середины 70-х годов Датская компартия. На всех парламентских выборах 1966—1975 гг. она увеличивала число своих сторонников-избирателей абсолютно и относи-

[1] В Швеции — это так называемая Шведская коммунистическая партия; в Дании — «Коммунистическая рабочая партия»; в Норвегии — «Коммунистическая партия рабочих (марксисты-ленинцы)», возникшая на базе бывшего Социалистического союза молодежи.

тельно и в декабре 1973 г. преодолела избирательный барьер: КПД вернулась в фолькетинг с 6 мандатами. (Потеряны в 1979 г.).

Важной вехой в жизни Датской компартии стал ее XXIV съезд (январь 1973 г.). В своих решениях съезд выдвинул программу наступательной антимонополистической борьбы. Датские коммунисты проанализировали новое положение, вытекающее из вступления Дании в ЕЭС, и констатировали глубокий кризис всей капиталистической системы в стране. «Действия крупного капитала и ЕЭС создают новые предпосылки для образования вокруг рабочего класса широкого общего фронта борьбы против крупного капитала, за демократическое право участия в управлении и национальную самостоятельность»,— говорилось в одной из резолюций съезда. Следующий, XXV съезд КПД в 1976 г. принял новую программу, в которой значительное место отводится путям перехода Дании к социализму в условиях развитой буржуазной демократии. Датские коммунисты придают большое значение взаимосвязи классовой борьбы и борьбы за демократию. Тяжелым ударом для датских коммунистов явилась безвременная кончина руководителя партии, героя Сопротивления Кн. Ёсперсена (1926—1977), последовательного интернационалиста и патриота. Новым председателем КПД избран Йорген Енсен.

Новую принципиальную программу принял юбилейный XIV съезд Норвежской компартии в ноябре 1973 г. В программе подчеркнуты, в частности, верность КПН принципам пролетарского интернационализма, единство национальных интересов норвежского народа и целей международного рабочего движения, возглавляемого коммунистами. В течение 1974—1975 гг. норвежские коммунисты живо обсуждали вопрос о создании единой марксистской партии на базе социалистического избирательного союза. За такое слияние особенно ратовал тогдашний председатель КПН Р. Ларсен. Однако на пути к организационному слиянию стояли серьезные идейно-политические разногласия между участниками СИС. Поэтому ориентировка на самороспуск партий — членов СИС была неверной и вредной — она грозила растворить КПН в партии народных (впоследствии левых) социалистов, отвергающих ленинизм. После учреждения в марте 1975 г. социалистической левой партии КПН оставила за собой право самостоятельно решать вопрос о дальнейшем существовании своей партии. В ноябре того же года XV съезд КПН подавляющим большинством голосов высказался за сохранение партии и вместе с тем за сотрудничество с новообразованной СЛП. В политический курс КПН были внесены поправки в духе пролетарского интернационализма. Новым председателем был избран школьный учитель М. Г. Кнутсен. Группа праворевизионистского толка во главе с Р. Ларсеном вошла в СЛП, которая со своей стороны отклонила предвыборное сотрудничество с КПН. Исход парламентских выборов 1977 г. лишил компартию ее мест в стортинге (маоистский «Красный избирательный альянс» остался вне стортинга, но получил вдвое больше голосов, чем КПН); неудачу потерпела и СЛП.

Таким образом, некоторые успехи в объединении левых сил рабочего движения, достигнутые в начале 70-х годов, оказались впоследствии утраченными. В целом по Скандинавии 70-е годы принесли определенный сдвиг вправо — консерваторы («умеренные») повсеместно стали второй после социал-демократов политической силой (в Дании наравне с венстре).

Социальные реформы и проблемы. Меры по демократизации управления предприятиями. Несмотря на снижение занятости и падение реальных доходов трудящихся в отдельные периоды, 70-е годы ознаменовались новыми завоеваниями народных масс скандинавских стран в области социального обеспечения и условий труда. Определенные, пусть ограниченные успехи принесла многолетняя борьба за расширение прав трудящихся на капиталистических предприятиях, за демократический контроль над экономикой. В 1972 г. в Норвегии был принят закон об участии рабочих и служащих через их производственные советы и собрания в управлении частными предприятиями. В Дании социал-демократический законопроект 1972 г. предусматривал создание за счет предпринимателей особого центрального фонда инвестиций и прибылей, находящегося в собственности лиц наемного труда. Принятие соответствующего закона было, однако, отложено ввиду экономических трудностей. Конгресс шведских профсоюзов в 1971 г. впервые выдвинул развернутую программу экономической демократии, поддержанную затем очередным съездом СДПШ в 1972 г. Требования программы профсоюзов нашли частичное отражение в следующих законодательных актах: 1973 г. — о включении в состав наблюдательных советов акционерных компаний и предприятий с числом занятых более 100 (кроме банков и страховых обществ), по требованию соответствующих профсоюзов, двух представителей от рабочих; 1974 г.— о гарантиях занятости и ограничении права предпринимателя увольнять рабочих и служащих. Закон 1973 г., известный как закон о соучастии наемных работников в управлении предприятиями, окончательно вступил в силу с 1977 г. Он расценивается как крупнейшая реформа шведского трудового права. Особенность закона, характерная для подобного рода актов в Швеции, состоит в том, что он устанавливает лишь минимальные «рамочные» условия соучастия в управлении, на которые имеют право профсоюзы и которые по их требованию могут быть включены в коллективные договоры. Закон, при всех своих недостатках, все же кладет конец единоличному хозяйничанью предпринимателя.

Коммунисты справедливо критиковали эти законы и законопроекты за присущий им дух классового сотрудничества, за стремление скандинавских реформистов «интегрировать» трудящихся в системе государственно-монополистического капитализма. Компартии требовали предоставления трудящимся права вето по ряду вопросов деятельности предприятия, восстановления полной свободы стачечной борьбы, ныне в целом запрещенной на срок действия коллективных договоров и др.

В сфере социального обеспечения и условий труда отметим

лишь некоторые завоевания. 40-часовая неделя была введена в 1973—1974 гг. по всей Скандинавии. Пенсионный возраст был снижен в 1973 г. в Норвегии до 67 лет, в Швеции в 1975 г.— до 65 лет (в этой стране в 1976 г. предоставлено право на получение частичной пенсии при частичной занятости с 60 лет). В Дании пенсионный возраст остался прежним — 67 лет, но реформой 1978 г. существенно облегчено общее положением престарелых. Далее, в Дании с 1972 г. и в Швеции с 1974 г. перешли к почти полному возмещению потерь в зарплате при болезни, родах, производственной травме. В Дании новый закон по значению сравнивали с «реформами Стейнке» 30-х годов (см. с. 205). В более благополучной и менее затронутой кризисом Швеции с 1977 г. действует 100%-ное возмещение потери доходов при производственной травме. В Дании с 1976 г. (в Швеции значительно раньше) действует закон о помощи нуждающимся, попавшим в затруднительное положение безвинно.

При явственном росте жизненного уровня по сравнению с 40—60-ми годами жизненная атмосфера в Скандинавии 70-х годов, прежде всего крупных городских центров, сохранила лишь очень немного от былой патриархальной «благопристойности». Неравенство доходов и состояний не только не сглаживалось, но скорее углублялось. Даже у правящих социал-демократов стало обычным делом признавать и клеймить изъяны скандинавского «общества благополучия» — отсюда и лозунги равенства, упразднения классового общества, перераспределения власти, повторяющиеся в их программных и предвыборных документах 70-х годов, особенно шведских. Действительно, 10% датских налогоплательщиков, например, владели в начале 70-х годов 60% всех облагаемых состояний в стране, а 7% шведских акционеров — 65% всех акций. Несмотря на исчезновение массовой бедности, вырос удельный вес лиц и целых семей, систематически получающих «социальную помощь» в дополнение к явно недостаточной зарплате. Несмотря на уменьшение «ножниц» между доходами мужчин и женщин, на различного рода меры, направленные на достижение женского равноправия, все же зарплата датских и норвежских работниц, занятых например, в промышленности, составляла лишь $^3/_4$ зарплаты рабочих-мужчин (1974). Растет удельный вес женщин среди экономически активного населения (даже в наиболее отставшей в этом смысле Норвегии 25% женщин в возрасте 16—74 лет были заняты на производстве в 1973 г. полный рабочий день, а вместе с работающими не менее одного часа составили 41%), а также среди учащихся (все же среди окончивших университеты и колледжи в Норвегии 1973 г. женщин было только 15%). Шведские женщины работали преимущественно в низкооплачиваемых отраслях, они больше страдали от безработицы (1972 г.— 52% всех безработных) и небыли представлены в местном управлении и в профсоюзном руководстве.

Все более оскорбительный для достоинства женщины характер носили порнографические издания и зрелища. Значительно обгоняя

рост населения, росла преступность (сильнее всего среди молодежи), особенно тревожная в самой американизированной из трех стран — Швеции. Так, при росте населения Швеции (включая иностранных граждан) за 1950—1973 гг. с 7,0 до 8,1 млн. человек общее число известных полиции преступлений выросло в три с половиной раза. В 1971 г. в Швеции были учтены 12 тыс. активных, делающих инъекции, наркоманов, в Стокгольме около 40% 18-летних юношей в 1970—1975 гг. не менее одного раза употребляли наркотики, хотя принимались действенные меры по борьбе с наркоманией. В той же Швеции проблемой стали игорные автоматы — так называемые однорукие бандиты,— запрещенные законом с 1979 г., а также подпольные игорные дома, незаконное хранение оружия. Старшее поколение страдало от гнетущего одиночества. Наплыв иностранных рабочих, в частности из средиземноморских стран, вызвал к жизни в условиях растущей безработицы национальную рознь и даже расовые конфликты (в Мальмё летом 1977 г.). В наиболее доступной для иммиграции Швеции в 1973 г. уже 5% населения составляли иностранные граждане (по убывающей — финны, югославы, датчане, норвежцы, немцы и др.); в дальнейшем вследствие спада их стало несколько меньше. Не миновали Скандинавию и акты политического террора.

Продолжение западноевропейской и северной интеграции. Вопросы внешней политики 70-х годов. Крушение плана «Нордэк» — северного экономического союза, а также противоречивое отношение к «Общему рынку» осложнили сотрудничество стран Северной Европы, сделавшее столь зримые успехи в предшествующее десятилетие.

Вступление Дании в «Общий рынок» сулило существенные выгоды крупным и конкурентоспособным экспортерам промышленных и сельскохозяйственных товаров, для которых теперь в полной мере открылся громадный западноевропейский рынок сбыта, рабочей силы и капиталов. Мелким производителям, отраслям внутреннего рынка интеграция несла новые опасности. Самостоятельности страны наносился серьезный урон, учитывая явную тенденцию членов ЕЭС к более тесному внешнеполитическому сотрудничеству.

Весной 1971 г. правительство Швеции определеннее, чем раньше, и вопреки протестам монополистических кругов заявило о невозможности полного членства страны в «Общем рынке», о несовместимости пребывания в ЕЭС с традиционным шведским нейтралитетом. Важным препятствием на пути к установлению связей с ЕЭС явилось общественное движение протеста, возникшее на базе мощного движения солидарности с Вьетнамом. В июле 1972 г. после долгих и трудных переговоров было заключено широкое соглашение Швеции с ЕЭС по вопросу взаимной беспошлинной торговли промышленными товарами, с постепенной — в течение 5 лет — ликвидацией таможенных тарифов для 85% всех товаров. Соглашение, вошедшее в силу с нового 1973 года, содержало пункт о развитии, т. е. оставляло открытой возможность и более тесных

связей Швеции с «Общим рынком». В риксдаге против этого соглашения выступили только коммунисты.

Норвежское правительство в мае 1973 г. подписало в Брюсселе сходный документ, тогда же единодушно одобренный стортингом.

Несмотря на разное отношение северных стран к западноевропейской интеграции, сотрудничество между ними в рамках Северного совета продолжало успешно развиваться. В 1971 г. были созданы два новых органа — Совет министров северных стран для координации сотрудничества на правительственном уровне (с меняющимся составом, смотря по обсуждаемым вопросам, и с правом принимать решения в рамках заключенных соглашений) и постоянный секретариат Северного совета; ныне один, по общим вопросам, находится в Осло, а другой, по культурным вопросам,— в Копенгагене. На основе пересмотренной в том же году Хельсинкской конвенции были одна за другой заключены отраслевые соглашения: о сотрудничестве в области культуры (1971), в области транспорта и коммуникаций (1972), об охране окружающей среды (1974) и др. Далее были учреждены Северный фонд технологии и индустриального развития (1972), Нордтест — орган для испытания и контроля материалов (1974), Северный инвестиционный банк в Хельсинки (1976).

Северное сотрудничество неизменно охватывало и вопросы собственно внешнеполитические. Регулярно проводились консультации министров иностранных дел, согласовывались позиции в ООН и прочих международных организациях, организовывалась помощь развивающимся странам. Участники Северного совета совместно финансировали крупные проекты в Кении, Танзании, Мозамбике, предусматривавшие создание сельскохозяйственной кооперации, систем водоснабжения, строительство учебно-производственных комбинатов для подготовки молодых специалистов. Успехи разрядки позволили левым, прогрессивным парламентариям ставить на обсуждение на сессиях Северного совета внешнеполитические вопросы (например, о превращении Северной Европы в безатомную зону), которые ранее по «джентльменскому соглашению» Советом не обсуждались.

В новом десятилетии народные массы, демократические силы Скандинавии продолжали оказывать влияние на внешнюю политику своих правительств, на международные отношения. Датское «Народное движение против «Общего рынка» не прекратило своей пропагандистско-разъяснительной кампании, тем более что недовольство в стране последствиями вступления ее в ЕЭС в последние годы возросло под влиянием последствий мирового экономического кризиса и роста центробежных, националистических тенденций в самом «Общем рынке». Движение солидарности с Вьетнамом действовало в Скандинавии и после окончания войны и, в частности, в Швеции стало одним из важных факторов общественно-политической жизни. В 1971 г. Норвегия и Дания первыми среди членов НАТО полностью признали ДРВ. Бомбардировки Ханоя и

Хайфона американскими ВВС вызвали в Швеции массовый сбор подписей под воззванием протеста, причем по инициативе правительства Пальме и пяти главных партий Швеции — от коммунистов до консерваторов. Социал-демократические правительства Скандинавии в 70-х годах оказывали ДРВ (с 1976 г.— СРВ) помощь в восстановлении экономики.

Все скандинавские страны, начиная со Швеции, оказывали невоенную материальную помощь также и национально-освободительным движениям Черной Африки, молодой республике Бангладеш. Правительства Скандинавии решительно осудили военно-фашистский переворот 1973 г. в Чили, причем посольства Швеции и Норвегии в Сантьяго открыли свои двери для прогрессивных чилийцев. В 1977 г. шведский риксдаг, несмотря на свое буржуазное большинство, решил запретить экспорт шведского частного капитала в расистскую Южно-Африканскую Республику. Вместе с тем властно давали себя знать тесные связи хозяйства скандинавских стран со всем капиталистическим миром, в частности с США. Швеция и Дания вступили в организованное еще Киссинджером Международное энергетическое агентство (1974), Норвегия ограничилась ассоциацией с ним, а Швеция вступила в явно неоколониалистский Межамериканский банк развития (1977).

Правительства и общественность скандинавских стран приняли участие в многосторонних консультациях, а затем и в самом Совещании по вопросам безопасности и сотрудничества, на котором особенно конструктивную позицию заняла Швеция. Заключительный акт Совещания (1975), подписанный и тремя премьер-министрами Скандинавии, горячо приветствовался общественностью.

Северные страны неоднократно на протяжении 70-х годов подтверждали официально незыблемость своей «базовой политики», но не отказывались от приверженности участию в НАТО и союзу с США. Участие наземных войск ФРГ в маневрах НАТО в Норвегии вызвало протесты прогрессивных кругов. В 1975 г. малые члены НАТО — Бельгия, Нидерланды, Норвегия и Дания — приняли решение о закупке ими дорогостоящих американских истребителей F-16 (нейтральная Швеция с ее концепцией вооруженного нейтралитета осваивала соответствующие модели отечественного производства). Военные обязательства перед НАТО с его новыми программами гонки вооружений тяжело давили на бюджет Норвегии и особенно Дании как страны экономически более уязвимой. В декабре 1979 г. оба правительства, хотя и не без колебаний, одобрили решение совета НАТО о размещении американских ядерных ракет средней дальности в Европе.

В целом благоприятно складывались в 70-х годах взаимоотношения скандинавских государств — прежде всего Швеции — с социалистической частью Европы. Примечательным событием в этом смысле явились официальные советско-шведские переговоры на высшем уровне летом 1970 г. в Москве, выявившие близость взглядов при решении многих политических проблем, включая проблему европейской безопасности. Положительное значение имели обмены

визитами глав правительств СССР, Дании и Норвегии в конце 1971 г., осенью 1973 и весной 1974 г. и Швеции — в апреле 1973 г.

Государства Скандинавии заключили в 70-х годах ряд новых соглашений с СССР и другими социалистическими странами об экономическом, научно-техническом, культурном сотрудничестве, по вопросам защиты морской среды Балтики, рыболовства и т. п. Скандинавские правительства приветствовали нормализацию отношений ФРГ со странами Восточной Европы и на рубеже 1972—1973 гг. полностью признали своего балтийского соседа — ГДР. Важность экономического использования и экологической защиты Балтики и Арктики, в частности континентального шельфа, поставила в порядок дня урегулирование ряда взаимно интересующих вопросов, особенно между СССР и Норвегией.

На исходе 70-х годов Скандинавия и вся Северная Европа оставались наиболее спокойным и стабильным регионом европейского континента. Этому в значительной мере способствовало отсутствие здесь ядерного оружия. За сохранение и договорное закрепление безъядерного статуса Северной Европы и на рубеже 80-х годов продолжала выступать прогрессивная общественность Скандинавии, что встречало неизменное понимание и поддержку у Советского Союза.

Литература

Ко всему курсу

Энгельс Ф. Письмо к П. Эрнсту.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 37, с. 351—353.

Андерссон И. История Швеции. М., 1951.

Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства М., 1971.

Долуханов П. М. История Балтики. М., 1969.

Исторические связи Скандинавии с Россией IX—XX вв. Л., 1970.

История Швеции. М., 1974 г.

Мысливченко А. Г. Философская мысль в Швеции. М., 1972.

Народы зарубежной Европы. М., 1965, т. II.

О'Делл Э. Скандинавия. М., 1962.

Серебрянный Л. Р. Исландия. Страна—люди—хозяйство. М., 1969.

Скандинавский сборник. Таллин, 1956—1979 (продолж.) т. I—XXIV.

Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М., 1953.

К части I

Энгельс Ф. Армия. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14.

Энгельс Ф. Артиллерия.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14.

Энгельс Ф. Марка. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19.

Исландские саги. М., 1956.

Ландслаг короля Магнуса Эрикссона. — Средние века, вып. 26. М., 1964.

Старшая Эдда. М.—Л., 1963.

Младшая Эдда. Л., 1970.

Хрестоматия по истории средних веков. М., 1961—1963, т. I—II.

Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.

Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.

Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.

Гуревич А. Я. Эдда и Сага. М., 1979.

Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.

Сванидзе А. А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции. М., 1967.

Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979.

Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893—1894, т. I—II.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.

К части II

Маркс К. Бернадот. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14.

Маркс К. Письмо Л. Филипсу, 25 июня 1864 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30.

Энгельс Ф. Армии Европы. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 11.

Энгельс Ф. Перемирие с Данией.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5.
Энгельс Ф. Письмо к Марксу, декабрь 1846 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 27.
Энгельс Ф. Письма к Марксу, 24 ноября 1863 г., 3 декабря 1863 г.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30.
Энгельс Ф. Письмо Л. Пио, 7 марта 1872 г.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 33.
Энгельс Ф. Письмо Г. Триру, 18 декабря 1889 г. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч 2-е изд., т. 37.
Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса».— Полн. собр. соч., т. 5.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25.
Ленин В. И. О германском и негерманском шовинизме.— Полн. собр. соч., т. 27.
Ленин В. И. Целый десяток «социалистических» министров.— Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. Защита нейтралитета.— Полн. собр. соч., т. 30.
Ленин В. И. Речь на совещании со шведскими левыми социал-демократами.— Полн. собр. соч., т. 31.
Ленин В. И. Письмо К.-Я. Брантингу, 6(19) апреля 1901 г.— Полн. собр. соч., т. 46.
Ленин В. И. Письмо А. Г. Шляпникову, 14 (27) октября 1914 г.— Полн. собр. соч., т. 49.
Ленин В. И. Письмо А. М. Коллонтай, 20 февраля (5 марта) 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 49.
Признание Россией Норвежского независимого государства (сборник документов). М., 1958.
Хрестоматия по истории нового времени. М., 1963—1965, т. I—II.
Бекстрем К. История рабочего движения в Швеции. М., 1961.
Бекстрем К. История рабочего движения в Швеции (1902—1917). М., 1966.
Брауде Л. Ю. Сказочники Скандинавии. Л., 1974.
Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947.
Коган М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании. Реформы Струэнзе. Л., 1972 (лекция).
Консетт М. Триумф невооруженных сил (1914—1918 гг.). М.—Л., 1941.
Кяйвяряйнен И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965.
Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII в. Л., 1972.
Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964.
Политическая история скандинавских стран и Финляндии в XIX и XX веках. Указатель литературы на русском языке. Тампере, 1973.
Рогинский В. В. Швеция и Россия: союз 1812 г. М., 1978.
Роотс Л. К. Шлезвиг-голштинский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 годах. Таллин, 1957.
Сегалл Я. Рабочее движение в скандинавских странах. М., 1927.
Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.
Храповицкая Г. Н. Ибсен и западноевропейская драма его времени. М., 1979.

К части III

Ленин В. И. Интервью норвежскому архиварнусу Я. Фриису.— Ленинский сборник XXXVII. М., 1970.
Ленин В. И. Интервью норвежскому инженеру Х. Лангсету.—Ленинский сборник XXXVIII М., 1975.
Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.
За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин. 29—30 июня 1976 г. М., 1976.

Коммунистический Интернационал в документах 1919—1932 гг. М., 1933.
XVIII съезд Коммунистической партии Швеции. М., 1959.
XX съезд Коммунистической партии Дании. М., 1959.
XIX съезд Коммунистической партии Швеции. М., 1961.
XXV съезд Коммунистической партии Дании. М., 1978.
Конституции буржуазных государств Европы. М., 1957.
Норвежские были. Воспоминания о борьбе против фашизма. М., 1964.
Хрестоматия по новейшей истории. М., 1960 — 1961, т. I—III.
Ананиан Л. Л. Преступность несовершеннолетних в скандинавских странах. М., 1974.
Андреев Ю. В. Экономика Норвегии. М., 1977.
Воронков Л. С. Северная Европа: общественность и проблемы внешней политики. М., 1976.
Герчикова И. Н. Экономика Швеции. М., 1963.
Голошубов Ю. И. Скандинавия и проблемы послевоенной Европы. М., 1974.
Зурабян К. С. Рабочий класс и профсоюзы скандинавских стран в условиях научно-технической революции. М., 1979.
Кан А. С. Новейшая история Швеции. М., 1964; Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967.
Караев Ю. (М. Кобецкий). Дания. Социально-экономические очерки. М., 1933.
Котляр В. С. Северный совет. Структура, деятельность. М., 1973.
Кудрина Ю. В. Дания в годы второй мировой войны. М., 1975.
Лагутина Е., Николаева Н., Сергеев В. Скандинавские страны. Л., 1967.
Малые страны Западной Европы. М., 1972.
Мартынов В. Аграрные отношения и сельскохозяйственная кооперация в Швеции. М., 1967.
Могунова М. А. Скандинавские государства: центральные органы власти. М., 1975.
Носков А. М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне. М., 1977.
Пискулов Ю. В. Многоликая Скандинавия. Страны Северной Европы в системе современного мирового хозяйства. М., 1975.
Прокофьев В. Северная Европа и мир. М., 1966.
Самотейкин Е. М. Растоптанный нейтралитет. Как и почему Норвегия стала жертвой фашистской агрессии. М., 1971.
Тимашкова О. К. Скандинавская социал-демократия на современном этапе. М., 1978.
Чернышева О. В. Рабочее движение в Швеции накануне второй мировой войны (1929—1939 гг.). М., 1971.
Фугльсанг В. Коммунисты и датское общество. М., 1979.

Оглавление

Предисловие 3
Введение 4

Часть I

Древность и средневековье

Глава I. Первобытная и раннеклассовая Скандинавия (IX тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э.) 8
Глава II. Утверждение феодального строя (XI—XIII вв.) 24
Глава III. Эпоха феодальных уний (XIV—XV вв.) 41
Глава IV. Реформация, экономический подъем, борьба за господство на Балтике (XVI в.) 51

Часть II

Новое время

Глава V. Возвышение Швеции и ослабление Дании. Установление абсолютизма (XVII в.) 63
Глава VI. Крушение шведского великодержавия. Сословный парламентаризм в Швеции и самодержавно-крепостнический режим в Дании (первая половина XVIII в.) 77
Глава VII. Буржуазные реформы просвещенного абсолютизма (вторая половина XVIII в.) 90
Глава VIII. Наполеоновские войны и буржуазные революции в Швеции и Норвегии 103
Глава IX. Победа капитализма. Приход крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков к политической власти (ок. 1815—1865 гг.) . 113
Глава X. Индустриализация. Образование социал-демократических партий (последняя треть XIX в.) 132
Глава XI. Скандинавские страны в период империализма (до 1917 г.) . . 150

Часть III

Новейшее время

Глава XII. Годы революционного подъема и демократических реформ . . 167
Глава XIII. Капиталистическое «процветание» 20-х годов. Буржуазные правительства в борьбе с рабочим классом 187
Глава XIV. Мировой экономический кризис. Начало социал-демократической «эры» 196

Глава XV. Норвегия и Дания — участники второй мировой войны. Нейтральная Швеция 215
Глава XVI. Послевоенные демократические реформы (1945—1947 гг.) . . 236
Глава XVII. Скандинавские страны в разгар «холодной войны» (1948—1952 гг.) 247
Глава XVIII. Стабилизация экономики и возобновление социальных реформ (1953—1959 гг.) 256
Глава XIX. Начало экономической интеграции. Подъем демократического движения 269
Глава XX. Политическая неустойчивость и экономический кризис 70-х годов 290
Литература 307

Александр Сергеевич Кан

История скандинавских стран

Редактор Н. Н. Матвеева
Художник И. Сигачева
Художественный редактор Т. А. Коленкова
Технический редактор З. А. Муслимова
Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 2264

Изд. № ИСТ-222. Сдано в набор 14.11.79.
Подп. в печать 11.04.80. А-08663. Формат 60×90$^{1}/_{16}$
Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Объем 19,5 усл. печ. л.
21,91 уч.-изд. л. Тираж 18 000 экз.
Зак. № 2999. Цена 1 руб.

Издательство «Высшая школа»,
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7